

**РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЕВА
ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ**

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: СИМВОЛЫ, ОБРАЗЫ, СТЕРЕОТИПЫ

(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОКОНЧАНИЯ)

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Краснодар
2015

УДК 001.12+008+93

ББК 63+70+79.3

К 12

Редакционная коллегия:

Горлова И. И., доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Коваленко Т. В., кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (ответственный редактор);

Костина Н. А., кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева;

Крюков А. В., кандидат исторических наук, ученый секретарь Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

К 12

Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч. конф. / отв. ред. Т. В. Коваленко; редкол. И. И. Горлова, А. В. Крюков, Н. А. Костина. – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. – 328 с.

ISBN 978-5-94215-237-6

В сборник вошли материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции «Кавказская война: символы, образы, стереотипы», проведенной Южным филиалом Российского института культурологии в партнерстве с Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва 28 февраля – 2 марта 2014 года.

Авторы статей, вошедших в сборник, сосредоточили внимание на анализе концептуальных достижений последних лет, несущих позитивный заряд, который способен помочь в преодолении историографических тупиков. В этих концепциях Кавказская война рассматривается не в качестве поля классического вооружённого столкновения, а как пространство сложного и во многом плодотворного взаимодействия людей, представляющих разные культуры, идеи, традиции и навыки. Новый этап осмысления событий Кавказской войны связан с отходом представителей различных научных школ от ожесточенных интеллектуальных историографических дуэлей, и признанием необходимости понимания и взаимного уважения творческих поисков своих коллег.

Сборник опубликован при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

УДК 001.12+008+93
ББК 63+70+79.3

ISBN 978-5-94215-237-6

© Коллектив авторов, 2015.
© Южный филиал
Института Наследия, 2015.
© Экоинвест, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Горлова

Кавказская война и современное общество
(Вместо предисловия) 16

РАЗДЕЛ 1.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ, МНЕНИЯ, ДИСКУССИИ

О. В. Матвеев

От воюющих крайностей к концепциям
взаимопознания: некоторые итоги
и уроки изучения Кавказской войны 20

Б. В. Виноградов

«Кавказская война»: терминологические
и стадийные аспекты исследования 35

Ш. А. Гапуров

К дискуссии о Кавказской войне 45

Ш. А. Гапуров, С. С. Магамадов

Из истории российско-горских отношений
в дореволюционный период:
попытка нового прочтения 56

А. А. Журтова

Проблема вхождения Кабарды
и Балкарии в состав России
в дореволюционной отечественной историографии 68

Н. Н. Гарунова

«Не видно было никаких признаков
угрожающей опасности...»: еще раз к вопросу
о нападении Гази-Магомеда на Кизляр 75

РАЗДЕЛ 2.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: БАТАЛИИ, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ

А. Н. Рябиков

Боевые действия на Кавказе в ходе
русско-турецкой войны 1806–1809 гг. 82

С. О. Жупанин	
Русские укрепления на реке Афипс. Страницы истории	90
М.-З. Ю. Курбанов	
Один из эпизодов Кавказской войны: Чирагское сражение 1819 года (по историко-этнографическим материалам)	102
Р. Э. Герман	
Роль военнослужащих отдельного Кавказского корпуса в организации медицинской инфраструктуры на Ставрополье в первой половине XIX в.	106
М. В. Нечитайлов, А. А. Лялин	
Структура военного руководства войсками в имамате Шамиля	115
А. А. Остахов	
Роль природного ландшафта в Кавказской войне (1817–1864 гг.)	120
М. В. Нечитайлов	
Униформология – кавказский контекст: этапы эволюции и реформирования	127
Ю. Ю. Клычников	
Военно-политические усилия российской власти по ликвидации северо-восточного «очага» так называемой Кавказской войны	132
А. А. Кудрявцев, Е. А. Кудрявцев	
Альтернативные подходы российской элиты XIX в. к Кавказской войне и покорению Кавказа.....	143
Ю. У. Дадаев	
Из опыта этноконфессиональной и интернациональной политики государства Шамиля.....	155
С.-Х. Х. Мухаджиев	
Идеологические коллизии Кавказской войны	163

РАЗДЕЛ 3.

МИРНЫЕ КОНТАКТЫ РУССКИХ И НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА

А. Д. Панеш

Формы политического взаимодействия
северокавказских элит с Русским государством
в XVI–XVII вв. 169

П. А. Кузьминов

От войны к миру: реформы на Северном Кавказе
как альтернатива политического противостояния
центра и периферии 179

Н. В. Варивода

Этнокультурный диалог русского
и северокавказских народов
во второй половине XVIII–XIX вв. 190

РАЗДЕЛ 4.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Ш. А. Гапуров, В. Х. Магомаев

Малоизвестные страницы
кавказской эпопеи А. П. Ермолова 198

Ф. М. Хаджебиекова

Деятельность Мухаммед-Амина и Сефер-бей Зана
по консолидации горского сопротивления
на заключительном этапе Кавказской войны 206

М. В. Дышеков

Горская элита в Кавказской войне:
исторический портрет подполковника
Атажуко Абукова 223

А. В. Захаревич

Походный атаман донских казаков
на Кавказской линии в 1804–1809 гг.,
полковник Василий Андреевич Быхалов 1-й –
забытый герой Кавказа 232

Р. М. Бегеулов

Карачаевский пристав С. С. Атарщиков:
историко-психологический портрет на фоне эпохи 239

Д. М. Маламагомедов

Некоторые сведения о пребывании Шамиля
в Киеве в 1869 году 243

РАЗДЕЛ 5.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ОБРАЗЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Р. А. Ханаху, О. М. Цветков

Кавказская война: реконструкции и оценки
в этническом сознании 248

Р. И. Сефербеков

Табасаранские предания об имаме Шамиле 255

Л. Н. Хлудова

Черноморская береговая линия
в российско-горских взаимоотношениях
периода «Кавказской войны»:
изобразительные сюжеты 257

Ю. Н. Кононова

«Беспощадно врагов бить, своей жизни не щадить»:
концепт «враг» в исторических песнях
периода Кавказской войны..... 263

РАЗДЕЛ 6.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ НАРОДОВ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И. Ю. Васильев

Воздействие Кавказской войны
на формирование ценностных
установок казачества..... 276

С. Г. Кудяева

Кавказская война как фактор
трансформации адыгского общества 282

<i>Б. М.-Г. Харсиев</i>	
Кавказская война и этническая история Северного Кавказа	292
<i>В. А. Матвеев</i>	
Традиционализм в эпохальном контексте Кавказской войны и интеграционных преобразований после ее окончания: опыт российской рецепции.....	302
<i>Д. М. Тайсаев</i>	
Историография Кавказской войны. Ошибки интенциональности и перегибы конструктивизма	315
<i>С. В. Богатырева</i>	
Свобода творчества VS стереотипов	322

**RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE FOR CULTURAL AND NATURAL HERITAGE
SOUTHERN BRANCH**

**CAUCASIAN WAR:
SYMBOLS, IMAGES, STEREOTYPES**

(TO THE 150TH ANNIVERSARY OF THE END OF)

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

**Krasnodar
2015**

Editorial Board:

Irina Gorlova, Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honored Scientist of the Russian Federation;

Timofey Kovalenko, Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Deputy Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Editor-in-Chief);

Natalia Kostina, Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department of Scientific and Educational Projects and Programs of the Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Anatoly Kryukov, Cand. Sci. (National History), Academic Secretary, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

Kavkazskaya voyna: simvoly, obrazy, stereotipy: sbornik nauchnykh statey po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Caucasian War: Symbols, Images, Stereotypes: Proceedings of the National Scientific Conference) / Ed. T. V. Kovalenko; I. Gorlova et al. – Krasnodar: OOO “Ecoinvest”, 2015. – 328 p.

ISBN 978-5-94215-237-6

The book includes the materials of reports and communications of the National Scientific Conference “Caucasian War: Symbols, Images, Stereotypes”, held by the Southern Branch of the Russian Institute for Cultural Research in partnership with the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage on February 28 – Mart 2, 2014.

The authors of the articles included in the book focused their attention on the analysis of the conceptual achievements of recent years carrying a positive charge, which can help in overcoming of the historiographical deadlocks. In these concepts the Caucasian war is not seen as a field of classical fighting but as a space of complex and largely fruitful interaction between people who presented different cultures, ideas, traditions and skills. A new stage of understanding of the events of the Caucasian War is associated with the moving of the representatives of various schools away from the fierce intellectual historiographical duels to the recognition of the need to understand and respect the creative searches of their colleagues.

The book is published with the financial support of the Ministry of Culture of the Russian Federation.

ISBN 978-5-94215-237-6

UDC001.12+008+93

© By Composite Authors, 2015;
© Southern Branch of the Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage, 2015
© Ecoinvest, 2015

CONTENTS

Irina I. Gorlova

Caucasian War and Modern Society
(Instead Preamble).....16

SECTION I.

METHODOLOGICAL AND HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS
OF THE CAUCASIAN WAR: PROBLEMS, OPINIONS, DISCUSSIONS

Oleg V. Matveev

From Warring Extremes to the Concepts
of Knowledge of Each Other: Some Results
and Lessons of Studying the Caucasian War..... 20

Boris V. Vinogradov

«The Caucasian War»:
Terminological and Stadial Research Aspects 35

Shakhrudin A. Gapurov

To the Discussion of the Caucasian War 45

Gapurov Shakhrudin A. & Supyan S. Magamadov

From the History of Russian-Highland Relations
before the Revolution. New Attempts to Re-Read 56

Anzhela A. Zhurtova

The Problem of Occurrence Kabarda and Balkaria
into the Structure of Russian State
in the Pre-Revolutionary Historiography 68

Nina N. Garunova

«It does not Appear any Signs of Impending Danger...»:
Once Again on the Question of the Gazi-Magomed
Attack on Kizlyar75

SECTION II.

CAUCASIAN WAR: BATTLES, POLICY, IDEOLOGY

Alexander N. Riabicov

The Military Operations in Caucasus during
the Russo-Turkish War of 1806–1812 82

<i>Sviatoslav O. Zhupanin</i>	
Russian Fortresses on the Afips River. Chapters of History	90
<i>Magomed-Zagir Yu., Kurbanov</i>	
One of the Episodes of the Caucasian War: Battle of Chirag, 1819 (According to Historical and Ethnographic Materials)	102
<i>Roman E. German</i>	
Role of the Military of the Separate Caucasus Corps in the Organizing of the Medical Infrastructure in the Stavropol Region in the First Half of the 19-th Century	106
<i>Maxim V. Nechitaylov & Alexey A. Lialin</i>	
Military Command in the State of Imam Shamil	115
<i>Anzor A. Ostakhov</i>	
The Role of Natural Landscape in the Caucasian War (1817–1864)	120
<i>Maxim V. Nechitaylov</i>	
Russian Military Dress in the Caucasus, 1800–1864: Evolution and Reforms	127
<i>Yury Yu. Klychnikov</i>	
Military and Political Efforts of the Russian Authorities to Eliminate the Northeastern «Hearth» of So Called Caucasian War	132
<i>Alexander A. Kudryavcev & Evgeny A. Kudryavcev</i>	
Alternative Approaches of the Russian Elite of the 19-th Century to the Caucasian War and the Conquest of the Caucasus.....	143
<i>Yusup U. Dadaev</i>	
From the Experience of the Ethnoconfessional and Inter-Ethnic Policy of the State of Imam Shamil	155
<i>Said-Khasan Kh. Muskhadzhiiev</i>	
Ideological Clashes of the Caucasian War.....	163

SECTION III.

PEACEFUL CONTACTS OF THE RUSSIANS AND THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS: COOPERATION AND CONFLICT

Askerbiy D. Panesh

The Forms of Political Interaction
of North-Caucasian Elites with the Russian State
in the 16-th–17-th Centuries..... 169

Kuzminov Petr A.

From the War to a Peace: the Reforms in the North
Caucasus as an Alternative to the Political Confrontation
Between the Center and the Periphery..... 179

Natalia V. Varivoda

The Ethno-Cultural Dialogue of the Russians
and North Caucasian Peoples during
the Second Half of 18-th – 19-th Centuries 190

SECTION IV.

CAUCASIAN WAR: PEOPLE AND DESTINIES

Shakhrudin A. Gapurov & Vakha Kh. Magomaev

Little Known Pages of A. P. Yermolov
Caucasian Epic..... 198

Fatima M. Hadzhebiekova

The Activity of Mohammed Amin and Sefer-Bey Zan
on Mountaineer Resistance Consolidation
at the Final Stage of the Caucasian War 206

Murat V. Dyshekov

Mountaineer Elite in The Caucasian War:
a Historical Portrait
of Lieutenant Colonel Atazhuko Abukov 223

Alexey V. Zakharevich

The Campaign Ataman of Don's Cossacks
at Caucasian Line in 1804–1809,
Colonel VasiliyAndreyevich Bikhlov the 1st –
the Forgotten Hero of the Caucasus 232

<i>Roustam M. Begeulov</i>	
Karachay Bailiff S. S. Atarshchikov: Historical and Psychological Portrait on the Background of the Epoch	239

<i>Dzhamaludin M. Malamagomedov</i>	
Some of the Information about the Presence of Shamil in Kiev in 1869	243

SECTION V.

CAUCASIAN WAR: IMAGES AND INTERPRETATIONS IN THE SPACE OF CULTURAL HERITAGE

<i>Ruslan A. Khanahu & Oleg M. Tsvetkov</i>	
Caucasian War: Reconstruction and Evaluation of Ethnic Consciousness.....	248

<i>Ruslan I. Seferbekov</i>	
The Legends of Tabasarans about Imam Shamil	255

<i>Lyudmila N. Khludova</i>	
The Black Sea Coastline in the Russian-Mountaineers Relationship during the Period of the «Caucasian War»: Art Plots	257

<i>Julia N. Kononova</i>	
«Ruthless Enemy to Beat, the Life did not Spare»: the Concept of «Enemy» in the Historical Songs of the Kuban Cossacks in Period of the Caucasian War	263

SECTION VI.

CAUCASIAN WAR IN THE HISTORICAL DESTINY OF THE PEOPLES OF RUSSIA -HISTORY AND THE PRESENT

<i>Igor Yu. Vasilyev</i>	
The Influence of the Caucasian War on the Formation of Cossacks' Value System	276

<i>Svetlana G. Kudaeva</i>	
The Caucasian War as a Factor of the Transformation of the Adyghe Society.....	282

Boris M.-G. Kharsiev
 The Caucasian War and Ethnic History
 of Northern Caucasus..... 292

Vladimir A. Matveev
 Traditionalism in the Epoch-Making
 Context of Caucasian War and Proceeding
 Integration-Oriented Transformations:
 Russian Experience of Common Law Reception..... 302

Djabrail M., Taisae
 Historiography of the Caucasian War.
 Intentionality Errors and Constructivism Inflections..... 315

Svetlana V. Bogatyreva
 Freedom of Creativity VS Stereotypes 322

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

25 мая 2014 года исполнилось 150 лет со дня окончания Кавказской войны – самого продолжительного в истории России вооруженного конфликта.

Для всех нас, родившихся в этих краях, – Кавказ это родной дом, для всех остальных россиян – один из самых поэтических уголков Родины, край воспетый Пушкиным, Лермонтовым, Толстым, тысячью нитей связанный с судьбой Грибоедова, Ярошенко, Балакирева, Есенина ...

Кто из нас, вслед за Лермонтовым, не повторял его слова:

*Как сладкую песню отчизны моей
Люблю я Кавказ ...*

Какими только эпитетами не наградили Кавказ наши художники: величественный, седовласый, дикий, необузданный, вольнолюбивый, прекрасный и блистательный. Они были очарованы зубцами вознесенных до самого неба гор, стремительностью рек, величавым парением орла, и передали эту влюбленность нам.

Сложность и политическая многоаспектность противостояния на Кавказе в XIX в. предопределили неоднозначность освещения темы Кавказской войны в отечественной и зарубежной историографии. Множество статей и книг посвящены деятельности А. П. Ермолова и имама Шамиля, истории национально-освободительного движения горцев и детальной реконструкции ключевых сражений. Свидетели и участники событий на Кавказе в XIX веке оставили уникальные свидетельства, в которых содержится информация не только о военном, но и мирном взаимодействии русских и горцев.

При этом, необходимо признать, что в отечественной науке до недавнего времени тема Кавказской войны была едва ли не запретной, а зарубежные историки не могли создать полноцен-

* ГОРЛОВА Ирина Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: ii.gorlova@gmail.com.

ных работ из-за ограниченного доступа к источникам в российских архивах. Освобождение исторической науки от идеологических и цензурных оков, широкая доступность архивных материалов создали предпосылки для всестороннего исследования политики России на Кавказе.

Значительная по объему историография Кавказской войны – книги, монографии, десятки защищенных кандидатских и докторских диссертаций еще не позволяет утверждать, что данная проблема вполне изучена и многие ключевые оценки расставлены верно. Исторические сюжеты Кавказской войны в последние годы стали объектами столкновения так называемых «войн памяти» – идеологизированных концепций прошлого, которые вошли в очевидное противоречие друг с другом в новейшее время. Широта интерпретации событий полуторавековой давности породила массу ложных стереотипов и мифов, препятствующих усилиям государства и общества по профилактике конфликтов и установлению мира на Кавказе.

В этой связи изучение истории Кавказской войны приобретает особую актуальность на фоне событий происходящих на Северном Кавказе в конце XX – начале XXI вв. Некоторые ученые стремятся использовать историю войны в политической жизни современности: в разжигании вражды, ненависти, пропаганде методов и опыта Кавказской войны, в поиске параллелей между событиями сегодняшнего дня и двухсотлетней давности. В псевдонаучных публикациях националистического и шовинистического толка скрывается опасность тенденциозного возврата к историческому прошлому.

Так, столкновение «волн памяти», порожденных Кавказской войной оказывает существенное влияние на динамику политических и культурных процессов на Северном Кавказе сегодня. Последовательное углубление в историю Кавказской войны все более расширяет исследовательское пространство этого многофакторного явления и вносит принципиально значимые коррективы в сложившуюся историографическую ситуацию.

Важным практическим шагом в формировании внутринаучного диалога, связанного с проблемами Кавказской войны стало проведение 14–15 октября 2013 г. в г. Ростове-на-Дону форума историков-кавказоведов [1]. Его участники, обосновав свои подходы к истории Кавказа, высказали необходимость отказа от односторонних оценок событий прошлого, поиска новых концепции истории региона как органической части России. Ученые, принявшие участие в работе форума, подчеркнули си-

стемообразующую роль исторического знания и исторической памяти в формировании общероссийской гражданской идентичности. На форуме была принята Хартия историков-кавказедов, давшая научному сообществу новые интеграционные импульсы и механизмы консолидации.

* * *

Предлагаемый читателю сборник статей содержит материалы докладов участников Всероссийской научной конференции «Кавказская война: символы, образы, стереотипы», исправленные, дополненные и/или переработанные специально для настоящего издания.

Конференция была проведена 28 февраля – 2 марта 2014 г. Южным филиалом Российского института культурологии, правопреемником которого летом 2014 г. стал Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, при поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

Целью проведения конференции стало рассмотрение ключевых проблем истории XIX века, специфики российско-кавказских взаимодействий, Кавказской войны и ее последствий для региона в широком контексте взаимодействий культур народов Юга России. По итогам докладов и дискуссий участниками были сформулированы рекомендации, в основе которых лежит идея необходимости окончания «кавказской войны историографий», формирования этики общения в кавказоведческих дискуссиях, совершенствовании лексики диалога на основе взаимоуважения к традициям и историческому прошлому оппонентов.

Составившие сборник статьи обобщают концептуальные усилия ученых последних десятилетий XX в., несущих позитивный заряд, способный помочь в преодолении историографических тупиков. В этих концепциях Кавказская война рассматривается не как поле классического вооруженного столкновения, а как пространство сложного, и во многом плодотворного взаимодействия людей, представляющих разные культуры, идеи, традиции и навыки.

Уверена, что и проведение конференции, и издание сборника научных статей «Кавказская война: символы, образы, стереотипы» вносит существенный вклад в формирование общего, разделяемого всеми взгляда на такую сложную проблему как Кавказская война, а, следовательно, является еще одним прак-

тическим мероприятием, направленным на гармонизацию межнациональных и межкультурных взаимодействий в регионе.

Завершить это короткое предисловие мне бы хотелось мудрыми словами нашего крупнейшего кавказоведа В. В. Дегоева, обращенных к каждому из нас – субъектов уже не XIX, но XXI в.: «Сегодня и русским и кавказцам необходимо понимание того, что Северный Кавказ – наша общая забота и общая судьба, и все, что создается здесь, будет принадлежать нам и нашим потомкам» (цит. по: [2, с. 112]).

Использованная литература:

1. Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В. В. Черноус. Ростов н/Д.: МАРТ, 2013.

2. Хизриев М. Дискуссионные и спорные аспекты понятия «Кавказская война» в работах историков кавказоведческой школы Виноградова В. Б. // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа: материалы 18-й межрегион. науч.-практ. конф. Армавир: АФГБОУ ККИДППО, 2011. С. 108–112.

CAUCASIAN WAR AND MODERN SOCIETY (INSTEAD PREAMBLE)

GORLOVA Irina I., Dr. Sci. (Theory and History of Culture),
Prof., Director,
Southern Branch of the Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
E-mail: ii.gorlova@gmail.com

РАЗДЕЛ 1.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ, МНЕНИЯ, ДИСКУССИИ

О. В. Матвеев*

ОТ ВОЮЮЩИХ КРАЙНОСТЕЙ К КОНЦЕПЦИЯМ ВЗАИМОПОЗНАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И УРОКИ ИЗУЧЕНИЯ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена осмыслению историографического опыта Кавказской войны и внедрению в практику кавказоведения концепций «взаимопознания». По мысли автора, последние способствуют творческому поиску ответов на суровые вызовы времени, позволят избежать крайностей в непростой картине взаимоотношений наших народов.

***Ключевые слова:** Кавказская война, историография, антропологический подход, этнография войны, теория «контактных зон», теория «фронта», империология.*

Сегодня перед российским кавказоведением стоит задача не углубления междивизиационных разломов, а преодоления их. Необходимо наконец осознать старую как мир истину: достижение другого есть познание себя. Только стремление к познанию и уважению «Другого», по мысли выдающегося современного кавказоведа В. В. Дегоева, дает робкую надежду, что на Кавказе «войны национальных историй постепенно угаснут и уж, во всяком случае, не перерастут в войны национальных армий» [18, с. 34]. На форуме в Ростове-на-Дону 14 декабря 2013 г. президент Академии наук Чеченской республики, профессор Шахрудин Айдиевич Гапуров с болью в сердце говорил, что после Второй мировой войны «все европейские страны давно помирились и сообща строят общеевропейский дом. А мы, граждане одной страны, не можем до сегодняшнего дня закончить Кавказскую войну, которая началась и закончилась еще в XIX в. Она продолжается в наших умах и исследованиях. Настала пора заключить мирный договор» [9, с. 32].

* МАТВЕЕВ Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: vim12@rambler.ru.

Весьма поучительным в этом контексте предстает громадное наследие отечественных и зарубежных авторов, обращавшихся к изучению причин, сущности, движущих сил и последствий эпохи Кавказской войны.

В дореволюционной отечественной историографии утвердилась точка зрения, что высокие государственные соображения и сама историческая судьба обрекали Петербург на радикальное решение задачи приобретения Северо-Западного Кавказа. Россия несла с собой цивилизацию и прогресс, которые должны были вытеснить «хищническое» начало в психическом складе и социальном быте горских народов. Такой подход был присущ трудам генерал-майора Р. А. Фадеева, академика Н. Ф. Дубровина, начальников Военно-исторического отдела Штаба Кавказского военного округа В. А. Потто, С. С. Эсадзе и др. В свете такого толкования политика России принимала вид оборонительной системы, вынужденной реакции на неблагоприятные внутренние- и внешнеполитические обстоятельства [16, с. 257]. Силовое решение кавказского вопроса обуславливалось тем, что на иные варианты история уже не отпускала Российской империи времени. «Перевоспитать народ есть дело вековое, а в покорении Кавказа главным элементом было именно время, данное нам, может быть, в обрез, может быть, в последний раз для исполнения одной из жизненных задач русской истории», – отмечал Р. А. Фадеев [53, с. 152]. Задолго до Р. Челлена, К. Хаусхофера, Х. Маккиндера, З. Бжезинского он заложил основы геополитического анализа, обозначил применительно к Кавказу закономерности присоединения этого региона к России [42, с. 22–23].

Оставаясь в рамках имперско-цивилизаторской концепции, дореволюционные историки тщательно проследили событийный контекст Кавказской войны, нарисовали выразительные портреты ее главных действующих лиц, сделали целый ряд перспективных и глубоких наблюдений, ввели в научный оборот грандиозный фактический материал, который позволяет относиться к этой литературе зачастую как к самостоятельному историческому источнику [17, с. 56]. Независимо от личных оценок и пристрастий, люди в погонах быстро переросли военно-разведывательное изучение народов региона, поднялись на ступень серьезного этнографического, картографического, лингвистического изучения этой территории, заложив основы собственно научного, системного кавказоведения [52, с. 299]. 12 томов «Актов, собранных Кавказскою археографическою комиссиею», документы и материалы личного происхождения в многотомном

«Кавказском сборнике», издаваемом военно-историческим отделом Штаба Кавказского военного округа, многочисленные военно-статистические и этнографические описания явились общепризнанной классикой в изучение национальных окраин.

Дореволюционные военные историки первыми стали задумываться над основами идеологической, экономической, политической интеграции народов Дагестана, вайнахов, адыгов, осетин, карачаевцев в общероссийское пространство. Н. Ф. Дубровин неслучайно писал, что перед Россией «явилась необходимость сроднить войска с населением и сплотить их в одно целое» [20, с. 449]. К сожалению, наследие дореволюционной историографии у нас нередко оценивается лишь как стремление оправдать политику царской России на Северном Кавказе. Но вопрос об «оправдании» того, что считалось вполне закономерным и естественным, тогда не стоял [17, с. 55]. Несмотря на определенную идеологическую заданность, имперская историография охватывала и синтезировала самые разные подходы к явлению Кавказской войны, достаточно внимательнее обратиться к наследию А. П. Берже, Е. Д. Фелицына, М. И. Венюкова, Ф. А. Щербины, М. Я. Ольшевского, того же Н. Ф. Дубровина. Они хорошо показали, что, несмотря на превалирование военных действий, Кавказская война была временем взаимовыгодной торговли, сотрудничества, взаимоузнавания русских властей, казаков и горцев.

В то же время дореволюционные историки не смогли подняться до беспристрастного историко-этнографического анализа военного образа жизни северокавказского общества, делали акценты на «хищничестве», «злодействе», коварстве горцев, воспринимали события как борьбу цивилизации и дикости. Тогда мало кому приходило в голову назвать мир северокавказских народов уникальной средой и культурой, особенно тем, кто оказывался непосредственной жертвой набегов и противостояния в регионе [19, с. 12].

Советским историкам пришлось переосмысливать Кавказскую войну в рамках марксистской методологии. Присоединение Кавказа стали рассматривать как национально-освободительную борьбу против колониального гнета царизма, соединенную с антифеодальным протестом против местной знати, поддерживаемой русским правительством. Эта концепция работала при одном условии – наличии в горах феодализма, соответствующего классового расслоения и социального антагонизма. Поэтому исследователи стремились «поднять» уровень общественного

строю горцев, при котором социальное напряжение преобразовывалось бы в острое столкновение между классами. Мощное воздействие на исторические взгляды советских историков оказывала идеологическая конъюнктура. Если в 1920-е – начале 1930-х гг. она исходила из формулы «абсолютного зла» царской России для присоединенных к ней народов (М. Н. Покровский, Н. Лихницкий и др.), то в 1940-е – первую половину 1950-х гг. на повестку дня встал вопрос о реакционной сущности мюридизма, связанный с подрывной деятельностью английских и турецких колонизаторов на Кавказе (А. В. Фадеев, М. В. Покровский, В. Н. Черников и др.).

В то же время серьезным следует признать вклад советской историографии в изучение общественных отношений, сложившихся у горцев. Приоритет здесь принадлежит краснодарскому историку М. В. Покровскому, глубоко исследовавшему уровни развития адыгских социальных страт, дагестанскому исследователю В. Г. Гаджиеву. Только несколько лет назад, к 100-летию ученого, увидела свет монография ведущего советского кавказоведа, нашего земляка Л. И. Лаврова о трагической истории убыхов [27]. Незадолго до смерти, в ноябре 1980 г., когда в Ленинграде проходили очередные Среднеазиатско-Кавказские чтения, он выступил с новаторским докладом «Попытка образования государства на Северо-Западном Кавказе в 1860-е годы» [26]. Это выступление положило начало плодотворной дискуссии, которая продолжается до настоящего времени.

В 1960–1980-е гг. вопросы Кавказской войны разрабатывались нередко в рамках обоснования концепции добровольного характера и благотворных последствий присоединения народов Северного Кавказа к России, критики западной историографии и в контексте общих работ по истории Чечни и Дагестана, Адыгеи, Карачаево-Черкесии. Центр тяжести был перенесен на изучение объективно-прогрессивных последствий присоединения, исследование истории складывания союза трудящихся, социальное и национальное освобождение. Продолжалось изучение общественного строя горских народов, особенностей западнокавказского мюридизма. Переселение горцев в Турцию исследовалось в контексте сравнения бедственного положения махаджиров с судьбами оставшихся на родине адыгов, получивших, в конце концов, собственную национальную автономию. Эти и другие вопросы разрабатывались Б. М. Джимовым, Н. С. Киняпиной, А. Х. Касумовым, Г. А. Дзидзария, В. В. Дегоевым, М. М. Блиевым, А. Ю. Чиргом, А. Х. Бижевым и др.

В 1983 г. в статье, помещенной в ведущем историческом журнале, М. М. Блиев выдвинул идею о том, что Кавказская война представляет собой процесс перехода однотипных структур Северного Кавказа от патриархально-родовых отношений к раннефеодальным, классовым. Такое социальное состояние характеризовалось преобладанием особого способа жизнеобеспечения общества – набеговой системой, объектом которой были сначала горские, а затем и русские поселения. Так возникла Кавказская война, получившая обрамление в виде идеологии мюридизма. Тем самым снимался вопрос об «антиколониальной» направленности движения горцев. Но намерение М. М. Блиева вывести проблему Кавказской войны из сферы политико-идеологических спекуляций в пространство «чистой» науки обернулось обратным эффектом. Молодое, крайне раннее национальное самосознание северокавказской интеллигенции, для которого была безразлична научная сторона вопроса, восприняла статью как выставление горцев агрессорами, а Россию – обороняющейся стороной.

С развалом СССР история отношений между Москвой и Северным Кавказом приобретает особую значимость. Был спровоцирован новый виток в идеологизации Кавказской войны, началась «Кавказская война историографий» (термин Д. И. Олейникова). Особенно показательной в этом плане стала научная конференция, посвященная 130-летию окончания Кавказской войны, которая проходила весной 1994 г. в Кубанском государственном университете [21]. Фундаментальные работы по историографии, источниковедению, международному и внутриполитическому факторам, содержанию Кавказской войны опубликовали В. В. Дегоев и М. М. Блиев (см.: [4] [13] [14] [15]). Однако лишь в конце 1990-х – начале 2000-х гг. отрезвляющий «чеченский синдром» несколько умерил эмоциональный пыл и противостояние, предоставив место конкретным научным разработкам. Полемика продолжалась по проблемам возникновения государственности в годы Кавказской войны (см.: [33] [58]), по вопросам ее причин и последствий (см.: [1] [2] [11] [12] [23] [25] [31] [46] [47] [54]). Раскрывались сюжеты военной стороны вопроса (см.: [22] [28] [32]), выполнялись исследования по конкретным персоналиям (см.: [7] [34] [38] [41] [43] [44] [56]), по истории изучения проблемы (см.: [16] [24] [42] [39] [40]). Огромное значение имел выход в свет фундаментального исследования М. М. Блиева «Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации» (М., 2004). Историк пришел к выводу,

что в хаосе войны и социального взрыва племени и племенные союзы, устремленные к цивилизации, нередко теряют исторические ориентиры и подвергают себя опасности стать жертвой собственного революционного обновления.

Важным обстоятельством явилось обращение современных кавказоведов к публикации источников по Кавказской войне. Несомненными лидерами здесь выступают нальчикские историки, осуществившие публикации документов из российских и турецких архивов, деятельность издательского центра «Эль-Фа». Большое внимание этому придается и в Центре кавказских исследований МГИМО, осуществившему издание 2-х томов «Кавказский вектор российской политики» (составители В. М. Муханов и В. А. Волхонский) и возобновившему издание «Кавказских сборников». Нельзя не отметить и вклад петербургского издательства журнала «Звезда», сумевшего выпустить несколько антологий документов и материалов личного происхождения, вышедших из-под пера участников Кавказской войны.

Важным итогом и уроком противостояния версий о жесткой колониальной российской царской политике и о провоцирующей роли дикого разбойничьего мира горцев, от которого Россия вынуждена была обороняться, стало осознание того, что накопление стандартного набора аргументов не способствует продвижению вперед. Поэтому заслуживает внимания концептуальные усилия последних десятилетий, часто не заметные на фоне продолжающейся войны историографий, но несущие позитивный заряд, способный помочь в преодолении историографических тупиков. В этих концепциях Кавказская война рассматривается не как поле классического вооруженного столкновения, а как пространство сложного и во многом плодотворного взаимодействия людей, представляющих разные культуры, идеи, традиции и навыки [18, с. 20].

Один из выходов из историографического тупика видится нам в широком применении антропологических подходов к явлению Кавказской войны, демонстрируемых в последние десятилетия рядом исследователей, в том числе в развитии такого исследовательского направления, как этнография войны. Эта «многокомпонентная предметная область», отмечает Н. И. Бондарь, «включает в себя не только этнический состав воюющих сторон, но и все блоки и компоненты культуры, как традиционные, так и инновационные», демонстрирующие этнокультурное своеобразие. В области материальной культуры это направле-

ние может быть представлено изучением рода военных занятий, адаптации к военно-бытовой повседневности (жилище, одежда и вооружение, система питания и др.); в области соционормативной культуры – исследованием взаимодействий и противоречий между обычаями и «законами военного времени»; в духовной культуре – исследованиями лексики, фольклорных форм, мировоззренческих представлений о войне, формируемых как на основе традиционных пластов, так и инновационных текстов [5, с. 147–154]; [6, с. 179–182]. Несколько ранее В. А. Тишков попытался определить предметные области этнографии войны как «неповторимую по своему рецепту культуру выживания, которая вбирает в себя многие элементы экономики, психологии и политики, мобилизованные социально культурные институты и ежедневные новации», «одну из форм жизни в ее крайне противоречивых и драматичных проявлениях»: бой, плен, победы, песни, слухи и пр., «трудноуловимую, но реально существующую связь между миром жизни и миром смерти, когда феномен насилия, бесспорно, демонстрирует свою принадлежность к сфере жизненных проявлений», образы врага, религию на войне, этнографию заложничества и др. [51, с. 357–358].

Из современных исследований, приближающихся к данному направлению, остановимся на двух: монографии петербургского ученого Владимира Викентьевича Лапина о русской армии в Кавказской войне и книге одного из самых талантливых молодых ученых Кабардино-Балкарии Асланбека Марзея о военном быте черкесов в XVIII – первой половине XIX вв.

Лучше всего В. В. Лапину удалось как раз разделы, связанные с характеристикой историко-психологического типа солдат, офицеров и генералов Отдельного Кавказского корпуса, с формированием особой военной общности «кавказцев». По мнению автора, «постоянство» войны, необходимость адаптации к реалиям края способствовали превращению Отдельного Кавказского корпуса в некий субэтнос, заметно отличающийся и своим бытом, и ментальностью от остальной императорской армии. Русская армия на Кавказе оказалась вовлеченной в процесс формирования культуры фронта, элементы которой вступали в противоречие с уставными нормативными требованиями. Русская армия приспособлялась к местным условиям, считает В. В. Лапин, не считаясь с тем, что все адаптационные меры в области обмундирования, фортификации, тактических установок и т.д. либо не утверждались, либо закреплялись в нормативных актах со значительным опозданием. В то же время, считает ав-

тор, вооруженные силы России и военная организация горцев имели различные знаковые системы и не могли найти общего языка [28, с. 378–379]. К сожалению, история Отдельного Кавказского корпуса подается в книге лишь через призму военного противостояния с горцами. Вне исследовательского интереса В. В. Лапина оказалась созидательная деятельность кавказских войск в сфере хозяйственного освоения региона, его духовного развития, роль «кавказцев» в установлении взаимопонимания с местными народами. Результаты этой мирной миссии Отдельного Кавказского корпуса, как это прекрасно показал в своей кандидатской диссертации и монографии О. С. Пылков, были не менее внушительны, нежели лежащие на поверхности бои за Ахульго, Дарго, Гуниб или покорение Западного Кавказа [49]. Не менее внушительной выглядит роль Кавказской армии в создании собственно научного кавказоведения, в развитии в ее рамках интеграционных возможностей литературы, искусства музееведения и пр. (см.: [52, с. 229]).

Асланбек Марзей – яркая, талантливая и в то же время трагическая фигура в современной этнографии Кавказской войны. Изучая воинскую систему ценностей горцев, он совершенно обоснованно оперирует понятием «культура войны». Несколько идеализируя «рыцарский кодекс» черкесского общества, ученый не скрывал, что в ходе противостояния на Западном Кавказе партизанский характер ведения военных действий во многом сказался на трансформации этикета черкесского наездничества, заставил «употреблять в видах самосохранения и возмездия много таких уловок, которые не вытекали из духа народа» [29, с. 137]. Сколько у нас было сломано копий в отношении моральных оценок обычая, связанного с отрубанием голов у убитых противников в годы Кавказской войны. А. Марзей взвешенно, с глубокими историческими экскурсами вплоть до «Илиады» Гомера, показывает, что этот обычай бытовал у многих народов, на Кавказе имел ритуальный характер и был связан с представлениями о том, что душа убитого не сможет тогда мстить убийце [29, с. 147]. Объективный спокойный антропологический подход исследования помогает прояснить многие спорные моменты кавказского противостояния и уйти от крайностей.

Весьма перспективной представляется теория «контактных зон», активно разрабатываемая как на зарубежном, так и на отечественном историческом материалах. Востребованным в данном случае предстает и опыт военно-исторической антропологии США, связанный с изучением фронта американской

истории (Ф. Тернер, Е. Фернисс, Д. Херман, Д. Брукс и др.). Перемещение внимания от изучения противоборства переселенцев из Старого Света и индейских обществ в сторону социокультурных контактных зон позволило американским историкам и антропологам отслеживать культурное взаимовлияние коренных американцев и бывших европейцев. Исследования не просто истории военного расширения границ США, а людей (агентов), втянутых в эти конфликты (*agens of conflict*), помогли преодолеть взгляд на коренных американцев лишь как на людей, в лучшем случае, «благородных и обреченных» (*as noble and doomed*), выявить многослойные контактные зоны (*multi-layered contact zones*), сообщества, которые шли навстречу друг другу по пути «примирения и культурного переопределения» (*conciliation and cultural redefinition*) (см.: [50] [59] [60]).

В отечественной историографии концепция «контактных зон» активно разрабатывалась медиевистами (В. Д. Королук, Е. А. Мельникова), в современном историческом кавказоведении ее приверженцами являются Л. С. Гатагова [10], В. В. Черноус [57], Д. И. Олейников [54], призывают преодолеть ограниченность самостоятельного развития этой концепции и интегрировать ее подходы с концептом фронта окраин российского государства Т. П. Хлынина, Е. Ф. Кринко и А. Т. Урушадзе [55]. Представляется, что концепция «контактных зон» далеко не исчерпала своих возможностей в изучении антропологии и истории Кавказской войны. Преодолев лежащее на поверхности прямолинейное рассмотрение конфликта как вооруженного противостояния «всей» Российской империи со «всеми» горцами, это научное направление предпочитает говорить не о жестком барьере, разделяющем царскую Россию и кавказские народы в 1820–1860-е гг., а о встрече культур на фоне цивилизационного разлома [54, с. 230]. При таком подходе исследовательский акцент делается не на соперничество, а на взаимодействие в рамках «контактной зоны». В реалиях Кавказской войны подобные «контактные зоны» не только отражают трагическую двойственность мировосприятия людей, оказавшихся сразу в двух несхожих культурах, но и выступают связующим звеном в общении российского и кавказского миров, постепенно превращая разлом цивилизаций в срастающийся шов. Возьмем, например, такой институт Кавказской войны, как лазутчики. «Своим среди чужих, чужим среди своих» лазутчик был одновременно для обеих сторон, участвовавших в конфликте. Официальный язык Кавказской войны («продажный», «алчный»,

«коварный» и т. п. в глазах русских; «хлебающий свиной суп», «поганый», «гяурский всадник» и т. п. в глазах горцев) не всегда позволяет объективно оценить константы бытования института лазутчиков. Между тем пограничное положение последнего способствовало превращению «границы-фронта» войны в «границу-контактную зону» (фронтир). *Вместе с другими подобными контактными зонами этот институт работал, в конечном счете, на интеграцию, оформление единого российско-кавказского историко-культурного пространства. Лазутчики брали на себя большой нравственный груз, который самым драматическим образом сказывался на судьбах этих людей. Но при всей противоречивости мотивов тайных контактов в своем большинстве они способствовали пониманию и сближению позиций конфликтующих миров, формированию заинтересованности и взаимоуважения [37, с. 44–56].*

Выявление и анализ «контактных зон» показывает, что в истории Кавказской войны и ее трагических последствий имеются страницы, сближавшие наши народы, эпизоды сотрудничества, которые сложнее, богаче и многообразнее любых идеологических штампов. Правда, изучение этих событий требует не скороспелых пропагандистских сочинений, а кропотливой работы с источниками, без обвинений и покаяний. Во взаимоотношениях между людьми, представлявшими враждебные лагери в кавказском противостоянии, не раз действовали понятные для всех народов человеческие добродетели – человеколюбие, взаимоуважение, чувство благодарности. Отражая состояние и потребности души солдат Отдельного Кавказского корпуса, казаков и горцев, эти качества приобретали особый смысл на фоне неизменных спутников любой войны – грязи, жестокости и вероломства (см., например: [35]).

Концепция «контактных зон» во многом сближается с принимаемой и применяемой рядом современных кавказоведов теорией «фронттира». Правда, груз идеологического воздействия на историческое кавказоведение здесь продолжает сказываться настолько, что в некоторых случаях «фронтир» обещает перерасти в историографический «фронт», поскольку для одних «фронтир» предстает своеобразной лазейкой, призванной обосновать преимущественно конфронтационный характер формирования российского Северного Кавказа, другим позволяет осмыслить механизмы исторически обусловленной интеграции [48, с. 72]. Последняя позиция представлена в современном кавказоведении «школой В. Б. Виноградова», которая отстаивает

концепцию «российскости» как парадигму северокавказского историко-культурного единства в составе России. Концепция «российскости», по мысли ее авторов, предполагает осмысление механизма вхождения Кавказа в этнокультурное пространство России как глобальную predeterminedность, тесную сопричастность, «совместничество», как взаимное тяготение во всех сферах исторического бытия [7, с. 6].

Весьма перспективным, применительно к истории военного противостояния на Кавказе, выступает направление, получившее название империология. Такого рода исследования дают наглядные примеры интеграционного воздействия имперского ядра на национальную периферию. Изучение арсенала стратегических средств Российской империи по вовлечению в ее орбиту различных национальных и сословных элементов на конкретных фамильных и семейных хрониках позволяет лучше понять феноменологию российской и кавказской элиты, сложный мир идентичностей в пространстве Северного Кавказа (см.: [32] [34] [36]). В современной западной историографии влияние Российской империи также нередко оценивается как фактор мира, процветания и глобального обмена идеями; империям вообще оказывается свойственно чувство ответственности за проживающие на ее территории народы в гораздо большей степени, чем демократическим колониальным державам Европы (см.: [3] [17, с. 124]).

Осмысление и внедрение в практику кавказоведения современных научных направлений, которые условно можно обозначить как концепции «взаимопознания», будет способствовать творческому поиску ответов на суровые вызовы времени, позволит избежать крайностей в непростой картине взаимоотношений наших народов, поможет преодолеть эгоистические и конфронтационные подходы к историческому прошлому и духовному наследию многонационального Российского государства.

Использованная литература:

1. Авраменко А. М., Матвеев О. В. и др. История России и Кавказа в новейших исторических публикациях // Вопросы отечественной истории: сб. науч. ст. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1995. С. 5–18.

2. Авраменко А. М., Матвеев О. В. И. Я. Куценко «Правда и кривда». Нальчик, 2007. 150 с. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2007. № 3–4. С. 104–109.

3. Адиб Халид. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы послед-

них лет: антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Новое изд-во, 2005. С. 311–324.

4. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994.

5. Бондарь Н. И. «Недосмотренный сон, недожитая жизнь» (К этнографии войны) // Российское общество и войны XX века: материалы Всерос. науч.-практ. конфер., посвященной 100-летию начала Русско-японской и 90-летию Первой мировой войны. Краснодар: Знание, 2004. С. 147–154;

6. Бондарь Н. И. Сны войны (к этнографии Великой Отечественной войны 1943–1945 гг.) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы междунар. науч. конфер. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов-н/Д.: Изд-во Южного научного центра РАН, 2010. С. 179–182.

7. Виноградов В. Б. Генерал Г. Х. Засс: «Отступления со мною нет и не будет!». Армавир: Армавирский гос. педагогический ин-т, 2000.

8. Виноградов В. Б. Российский Северный Кавказ: факты. события, люди: книга регионоведческих статей, очерков и зарисовок. М.; Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2006.

9. Гапуров Ш. А. Дискуссионные вопросы кавказоведения (XIX век): поиски компромисса // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В. В. Черноус. Ростов н/Д.: МАРТ, 2013.

10. Гатагова Л. С. Контактные зоны в истории Восточной Европы. М.: Ин-т российской истории РАН, 1998.

11. Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Звезда, 2000.

12. Гордин Я. А. Зачем России нужен был Кавказ. Иллюзии и реальность. СПб.: Звезда, 2008.

13. Дегоев В. В. Кавказ в системе международных отношений 30–60-х гг. XIX в. (Историография проблемы). Орджоникидзе, 1988

14. Дегоев В. В. Обзор источников по проблеме «Кавказ в системе международных отношений 30–60 гг. XIX в.». Методические указания к спецкурсу. Владикавказ, 1990.

15. Дегоев В. В. Кавказ в системе международных отношений 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992.

16. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М.: Русская панорама, 2003.

17. Дегоев В. В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год): учебное пособие. М.: Навона, 2009.

18. Дегоев В. В. Социально-политические вызовы XXI в. и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в россий-

ской политике: история и современность: материалы междунар. науч. конфер. Москва, МГИМО (У) МИД России, 16–17 мая 2006 г. М.: Русская панорама, 2007. С. 17–34.

19. Дегоев В. В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М.: Модест Колеров, 2013.

20. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1888. Т. 6.

21. Кавказская война: уроки истории и современность: материалы науч. конфер. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. / отв. ред. В. Н. Ратушняк. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1995.

22. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. лингвистического ун-та, 2002.

23. Кудалева С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик: Эль-Фа, 2007.

24. Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград: Изд-во гос. ун-та, 1998.

25. Куценко И. Я. Правда и кривда. Анкара, 2009 (на турецком языке).

26. Лавров Л. И. Попытка образования государства на Северо-Западном Кавказе в 1860-е гг. // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Ноябрь 1980 г. / под ред. Л. И. Лаврова. Л.: Наука, 1980. С. 19–20.

27. Лавров Л. И. Убыхи: Историко-этнографическая монография. СПб.: Наука, 2009.

28. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008.

29. Марзей А. С. Черкесское наездничество – «ЗекІуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). М., 2000.

30. Матвеев В. А. Кривда вместо правды: отзыв на книгу И. Я. Куценко «Правда и кривда» (Нальчик, 2007). Ростов-н/Д., 2008.

31. Матвеев О. В. Кавказская война и ее последствия для адыгов // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 104–113.

32. Матвеев О. В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30-е–50-е гг. XIX века: история повседневности // Кубанский сборник. 2008: сб. науч. ст. и материалов по истории края / под ред. А. М. Авраменко и Г. В. Кокунько. Краснодар: Книга. Т. 3 (24). С. 37–62.

33. Матвеев О. В. Тезисы Л. И. Лаврова о попытке создания черкесского государства на завершающем этапе Кавказской войны в свете современных интерпретаций потестарной культуры адыгов // Традиционная культура народов Краснодарского края и Северно-

го Кавказа. К 100-летию Леонида Ивановича Лаврова / науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, О. В. Матвеев. Краснодар: Традиция, 2009. С. 93–112.

34. Матвеев О. В. Великий князь Михаил Николаевич на завершающем этапе Кавказской войны // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 3. С. 21–29.

35. Матвеев О. В. «Кзаки высказали замечательное добродушие и человеколюбие...»: к вопросу о последствиях Кавказской войны // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Ростов-н/Д.: Изд-во Южного научного центра РАН, 2010. Вып. 3. С. 64–79.

36. Матвеев О. В. Семейная история через призму империологии // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2011. Вып. V. С. 19–31.

37. Матвеев О. В. Институт лазутчиков в антропологии Кавказской войны // Антропология конфликта и мира в культуре народов Кавказа (юга России): материалы всерос. науч.-практ. конфер. / науч. ред., сост. Н. И. Бондарь. Краснодар: Традиция, 2012. С. 44–56.

38. Матвеев О. В. «Приму покорность только безусловную...»: Встреча императора Александра II с горцами 18 сентября 1861 г. в оценках современников и историков // «Царствуй на славу нам, на славу нам!» (к 400-летию вступления на Престол династии Романовых: материалы IX междунар. дворянских чтений / отв. ред. Е. М. Сухачева. Краснодар: Экоинвест, 2013.

39. Матвеев О. В., Скибицкая И. М. К историографии завершающего этапа Кавказской войны: Симон Спиридонович Эсадзе // Историческое регионоведение – вузу и школе: материалы 9-й всерос. науч.-практ. конфер. / под ред. В. Б. Виноградова. Армавир, 2005. Ч. 1. С. 60–63.

40. Матвеев О. В., Скибицкая И. М. «Становились везде твердою ногою...»: С. М. Духовский и его труд о финале Кавказской войны // Мечом и пером: вехи истории служилой элиты России / под ред. О. В. Матвеева, Е. М. Сухачевой. Краснодар, 2005. С. 118–125.

41. Матвеев О. В., Фролов Б. Е. «В вечное сохранение и напоминание славных имен...». Краснодар: Эдви, 2005.

42. Морозов Е. Ф., Сергеев С. М. Опоздавший Потемкин // Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. С. 5–32.

43. Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М.: Центрполиграф, 2007.

44. Муханов В. М. наброски к портрету генерала Н. И. Евдокимова // Кавказский сборник / под ред. В. В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2008. Т. 5(37). С. 138–159.

54. Олейников Д. И. Противоречия культурного билингвизма: особенности психологии русского офицера-горца в период Боль-

шой Кавказской войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития / отв. ред. Е. С. Сенявская. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. С. 229–236.

46. Панеш А. Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп: Адыгея, 2006.

47. Панеш А. Д. Западная Черкесия в системе взаимоотношений России с Турцией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп: Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований, 2007.

48. Приймак Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011.

49. Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир, 2011.

50. Тернер Ф. Д. Фронтир в американской истории / пер. с англ. Л. И. Петренко. М.: Весь мир, 2009.

51. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.

52. Ткаченко Д. С., Колосовская Т. А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...»: социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2011.

53. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо: Алгоритм, 2003.

54. Хафизова М. Г. Убыхи: ушедшие во имя свободы. Нальчик: Изд-во М. В. Котляровых, 2010.

55. Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф., Урушадзе А. Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д.: Изд-во Южного научного центра РАН, 2012.

56. Хотко С. Х. Александр II и Черкесия. К 150-летию встречи царя с лидерами черкесского меджлиса 18 сентября 1861 г. // Кавказский сборник / под ред. В. В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2011. Т. 7 (39).

57. Черноус В. В. Культурно-цивилизационное взаимодействие на Северном Кавказе: история и некоторые тенденции // История: научные поиски и проблемы. Ростов н/Д.: Изд-во Северо-Кавказского науч. центра высшей школы, 2000. С. 164–187.

58. Чирг А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп: Качество, 2002.

59. Brooks, J. F. Captives & Cousins: Slavery, Kinship, and Community in the Southwest Borderlands. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2002.

60. Herman D. J. Native American Representation // Bataille, Gretchen M. The Western Historical Quarterly. 2003. Vol. 34. No.1. Spring.

FROM WARRING EXTREMES TO THE CONCEPTS OF KNOWLEDGE OF EACH OTHER: SOME RESULTS AND LESSONS OF STUDYING THE CAUCASIAN WAR

MATVEEV Oleg V., Dr. Sci. (National History),
Prof., Department of Prerevolutionary National History,
Kuban State University, Krasnodar, Russia
E-mail: vim12@rambler.ru

Article is devoted to reflection on the experience of the Caucasian war and historiographic introduction into practice of scientific concepts of knowledge of each other. On the thoughts of the author, the latter facilitate the creative search for answers to the tough challenges of the time avoid extremes in a daunting picture of the relations between our peoples.

Keywords: *Caucasian War, historiography, anthropological approach, ethnography of the war, the theory of the "contact zones", the theory of the "frontier", imperialism.*

Б. В. Виноградов*

«КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА»: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И СТАДИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье анализируется происхождение термина «Кавказская война» и его смысловое наполнение в контексте развития отечественного кавказоведения. Ставятся проблемы влияния фактора стадийного уровня развития горских позднесредневековых сообществ на возможности и перспективы российско-горского взаимодействия.

Ключевые слова: *историографическая традиция, альтернативная история, хронологические рамки, стадийный уровень развития, набеговая традиция.*

На сегодняшний день оценка событий «Кавказской войны» является, пожалуй, ключевой и особенно острой проблематикой в исследовании российско-горского взаимодействия в широком

* ВИНОГРАДОВ Борис Витальевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и методики ее преподавания филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани», г. Славянск-на-Кубани, Россия. Электронная почта: vinogradov.b@mail.ru.

хронологическом диапазоне. Данная проблематика анализируется не только на собственно научном уровне, но и находится в плоскости массового общественного сознания, причем необходимо отметить, что как историографические трактовки формировали и продолжают формировать соответствующие стереотипы ее «массового восприятия», так и последнее на современном этапе во многом обуславливает возможности ее трактовок. Сложившаяся ситуация определяется, на наш взгляд, тем, что в постсоветское время для горских народов Северного Кавказа наличие однозначно героической, насыщенной незыблемой собственной правотой на все времена собственной истории явилось важнейшим условием положительной этнической самоидентификации и даже «этнической мобилизации». Все это имеет место в тех обстоятельствах, когда процесс развала СССР надолго обусловил острый кризис «общегосударственной идентификации» ряда народов нашей страны и возрождение потребности в той «архаике», которая практически по условию содержит немалые черты этноцентризма или даже клановой доминанты. В приведенном контексте кавказоведы северокавказских «национальных» субъектов РФ объективно оказались в сложном положении, когда возможное несоответствие их трактовок «Кавказской войны» уже сформированным этническим стереотипам вполне может повлечь за собой то общественное неприятие и осуждение, тяжесть которого в местной этнокультурной среде трудно переоценить, равно как и полностью понять представителям того же русского народа.

В конце 1980-х гг. наблюдалась попытка распространить доминанту «Кавказской войны» в соответствующей интерпретации на весь анализ российско-северокавказских взаимоотношений, чему есть более чем многочисленные историографические примеры. При этом наметилась тенденция фактического возврата к постулатам той концепции «абсолютного зла» в оценке присоединения к царской России нерусских народов, которая была характерна для советской исторической науки в 1920–1940-х гг. и обуславливалась довольно вульгарной идеологизированностью рассмотрения процесса складывания российского многонационального государства. В условиях того самого кризиса общегосударственной идентификации ряда народов нашей страны модернизация тезиса «Россия – тюрьма народов» (с присовокуплением в данный разряд и Советского Союза) оказалась, к сожалению, весьма востребованной*.

* Об основных тенденциях и противоречиях освещения в советской историографии российско-горского взаимодействия см.: [10, с. 70–109].

В настоящее время некоторые исследователи констатируют «кавказскую войну историографий». Заметим, что само наличие историографической дискуссии, тем более в условиях отсутствия магистральных установок со стороны «центральной» академической науки, не является драмой. Однако эту дискуссию необходимо анализировать и оценивать в неразрывном контексте весьма сложной этнополитической и конфессиональной ситуации в северокавказском регионе, признавая влияние первой на формирование и динамику последней. В данной связи, даже при наличии и сохранении среди кавказоведов значительных разночтений в оценке причин и характера «Кавказской войны» необходим спокойный и конструктивный диалог, в ходе которого происходил бы обмен аргументами, а не резким неприятием исследований друг друга. Хочется надеяться, что шагом в данном направлении стал представительный Международный Форум историков-кавказоведов, состоявшийся в Ростове-на-Дону 14–15 октября 2013 г.

Следует признать, что сам термин «Кавказская война» достаточно дискуссионен и даже несколько условен. Не секрет, что еще в российском дворянском кавказоведении он произошел от термина «Кавказские войны», который не сводил исследуемое явление только лишь к горско-российским противоречиям в тех хронологических рамках, которые рассматривались в той же советской историографии. Недаром первый том «Кавказской войны» В. А. Потто имел хронологические границы «от древнейших времен до Ермолова» и включал в себя внешнеполитические сюжеты противоборства за Кавказ России, Турции и Ирана [11]. Вообще следует признать, что нижняя хронологическая граница «Кавказской войны» являлась и является вариативной в отечественной историографии – дореволюционной, советской и постсоветской. И ни одна ее трактовка не выглядит оптимально и самодостаточно. Между тем фактическая «размытость» нижней границы явления совсем не способствует выявлению его причин и сущности. Так, считается, что понятие «Кавказская война» в качестве научного термина ввел Р. А. Фадеев, относя начало войны к 1801 г., ко времени присоединения Грузии к России [14]. В данном контексте можно согласиться с тем, что выход России на Южный Кавказ сделал для нее на ближайшую перспективу тыловыми северокавказские территории, населенные весьма беспокойными горскими «подданными». Эта ситуация в относительно скором времени обусловит практическую нецелесообразность и даже невозможность для рос-

сийских властей мириться с более чем своеобразным пониманием горцами своего российского подданства. Однако сам 1801 г. не давал примеров масштабной эскалации напряженности в российско-горских взаимоотношениях. Напротив, продолжалась та политика «ласканий горцев», эффективность которой оказывалась не бесспорной. В данном смысле можно сказать, что «хронологическая версия» Р. А. Фадеева дает 1801 г. в качестве более «геополитической предпосылки» «Кавказской войны», чем собственно времени ее начала.

В советской историографии, начиная с 1920-х гг., причины и сущность «Кавказской войны» подавались сквозь призму наличия колониальной политики «царской» России и национально-освободительного движения против нее горцев. При этом колониальный характер России на Кавказе не доказывался адекватными аргументами (которых, по нашему глубокому убеждению, не существует), ибо вполне «хватало» идеологически выдержанных и догматизированных постулатов из «Краткого курса истории ВКП(б)». То же и на предмет «национально-освободительного» (или «народно-освободительного») движения горцев. Кроме прочего, в условиях явного отсутствия соответствующих ступеней этнической организации в горских сообществах, эти терминологические определения во многом теряли смысл, не отражая местную этнокультурную «органику». В сущности, вся конструкция была механически заимствована из оценки опыта взаимодействия европейских стран-метрополий с их «заморскими» колониями и перенесена на российскую почву. Специфичность российского опыта создания и бытия «континентальной империи» в сравнении с колониальными империями стран Запада (см. подробно: [10, с. 193–250]), практически не рассматривалась, а случавшиеся «озарения» на сей счет тонули в доминирующей историографической традиции.

Имевшая место в советском кавказоведении динамика в оценивании российско-горского взаимодействия все же мало затронула существование таких неадекватных терминологических определений, как «колониальная политика России» и «национально- (народно-)освободительное движение горцев». Отчасти и поэтому они плавно переключались на постсоветское историографическое и публицистическое пространство. Так, например, в настоящее время во всех учебниках по истории Дагестана широко используется термин «народно-освободительная борьба горцев» с указанием, что движение шло не против России и русского народа, а против методов, при помощи кото-

рых царизм пытался здесь укрепиться [9, с. 18]. Заметим, что «констатация» борьбы горцев против «царизма», а не русского народа, была сделана еще на ранних этапах развития советского кавказоведения и вполне отражала тогдашние социально-классовые приоритеты в исторической науке. Между тем движения под религиозными лозунгами (в данном случае – «священная война» против «неверных») практически не могут иметь в качестве противника каких-то «социально-классовых адресатов» (см. подробнее: [7]). События «Кавказской войны» это более чем наглядно доказывают.

В последнее время достаточно условный и хронологически «размытый» термин «Кавказская война», привычный для большинства кавказоведов, дополнился и «конкретизировался» такими терминологическими изысками, как «Русско-Кавказская война», «Русско-Черкесская война» и т. п. Подобные акценты «субъектности» предельно затрудняют объективное исследование «Кавказской войны» как сложного исторического комплекса российско-горского «совместничества», со всеми его достижениями и противоречиями. Но весьма показательны то, что в последнее время для ряда историков и публицистов «центр тяжести» исторической неправоты России и, соответственно, «незыблемой правоты» горцев в событиях «Кавказской войны» сместился из социально-классовой плоскости в иную, условно назовем ее этнической. Теперь однозначно героическая и комплиментарная «своя» история рассматривается кем-то как некая этническая собственность, покушения на которую недопустимы. Между тем подобный расклад весьма напоминает постулаты так называемой «альтернативной истории» – печального феномена XX в., следуя которым «свой» народ по условию самый древний, самый развитый (если не в последнее время, то на уровне престижных предков) и, главное, самый правый в любых конфликтных ситуациях. Наметилась опасность «национального» характера историописания (см. подробнее: [4]). Оно объективно не нуждается в какой-то научной методологии, хотя внешне и может опираться на те или иные методологические конструкции. Без надобности ему и собственно научное аргументирование. В качестве одного из характерных «региональных примеров», апробируемых, заметим, с высоких научных трибун, можно выделить стремление рассматривать события и сущность «Кавказской войны» согласно критерию «народной памяти». Между тем историческая память любого народа бывает довольно субъективна, избирательна, если не сказать, вы-

борочна. Ее, кстати, можно и моделировать, к сожалению, на современном этапе. В совокупности с темпераментными призывами понять «наш народ» все это вызывает вопрос: а зачем тогда вообще историческая наука с ее современными принципами и методами, если во главу угла ставить подобные приоритеты? Показательно, что «национальное» историописание характерно как разновидность «альтернативной истории» не только для северокавказской, но и для русской этнической среды*. В рамках данной конструкции жонглирование терминами и понятиями при отсутствии их аргументирования становится нормой. Применительно к событиям «Кавказской войны» в данной связи вполне можно вспомнить постулат о «геноциде адыгов» в ее ходе, будоражащий общественное сознание уже не первое десятилетие и рассчитанный, кроме прочего, на вымогание у федерального центра возможных преференций и сатисфакций.

Довольно любопытно и безотраднo и то, что наиболее тенденциозные и этнически зацикленные опусы и формируемые общественные настроения редко встречают адекватную реакцию со стороны регионального научного сообщества. Может, действительно, столь велик риск подвергнуться этническому «остракизму»?

Проблематика оценки причин, характера и сущности «Кавказской войны» неизбежно выходит в плоскость объективного исследования «стадиальных реалий» горских позднесредневековых этносоциальных сообществ. Здесь сразу надо отметить, что российское «дворянское кавказоведение» изучало большей частью военно-политическую составляющую российско-горского взаимодействия, как правило, во внешнеполитическом контексте. Социально-экономическая проблематика развития горских сообществ была представлена в меньшей степени, что было объективно связано с общим уровнем тогдашнего развития отечественной исторической науки. Появившиеся же в трудах дворянских кавказоведов терминологические определения, такие как «горское дворянство», «горское крестьянство», не отражали местной социальной действительности. Вспомним здесь, что в XIX в. исследование западноевропейского и российского феодализма было в стадии разработки, оценивать же горские «стадиальные реалии» было более чем проблематично.

Советское кавказоведение, при наличии ряда дискуссионных нюансов, все же связывало социально-политическое бытие

* См.: [12]. Сюда же можно отнести паранаучные тексты Ю. Петухова и др.

средневековых горских сообществ с различными этапами развития феодальной формации, следуя здесь, естественно, соответствующей «формационной схеме» в периодизации всемирно-исторического процесса. В данной связи сомнительная констатация национально-освободительного характера борьбы горцев против «российской колониальной экспансии» дополнилась тезисом об антифеодальном характере этой борьбы.

Мы не претендуем ни в целом, ни тем более в рамках настоящей публикации на изречение каких-то непреложных истин на предмет исчерпывающей оценки динамики стадияльного состояния горских этносоциальных сообществ накануне и в период «Кавказской войны». Данная проблематика находится в зоне историографической дискуссии, довольно затяжной, а нередко, к сожалению, и конъюнктурной. Заметим, однако, что ряд советских по своему происхождению и современных оценок разнообразных аспектов стадияльного развития горских сообществ не подкреплён аргументами, страдает механическим перенесением европейско-российского опыта развития феодализма и соответствующего понятийно-терминологического аппарата на северокавказскую почву (см. подробнее: [1] [2] [3] [5]). Все это предельно затрудняет объективное исследование причин и событий «Кавказской войны» применительно как к Северо-Восточному, так и Северо-Западному Кавказу.

Между тем адекватная оценка стадияльных реалий горских позднесредневековых сообществ весьма способствует пониманию их долговременных противоречий с российскими властями. До- или, в лучшем случае, полугосударственный уровень развития горцев, наличие значительного сегмента патриархально-родового уклада обуславливали более чем ограниченную договороспособность горских сообществ в их взаимодействии с Россией. Систематическое нарушение «подданнических присяг» являлось для горцев почти повседневной нормой, равно как и чрезвычайно своеобразное их понимание, трудноприемлемое для российской стороны. Попытки России опереться на социальные элиты горских сообществ как на наиболее «договороспособный элемент» также давали довольно двойственные результаты (см. подробнее: [6]). Так, например, кабардинские князья, даже после признания в 1774 г. Кабарды в подданстве России, продолжали считать себя лишь ее союзниками (да и то – в весьма своеобразной интерпретации), а отсутствие для них с некоторых пор крымско-турецкой угрозы обусловило утрату мотивации к интеграции с Россией при наличии стремления к

собственному доминированию на Центральном Кавказе. Поддержка Россией раннефеодальных владетелей Дагестана привела, как известно, к антироссийским настроениям значительной массы местных общинников, что объективно способствовало вызреванию идеологии мюридизма. Вообще следует признать, что российская сторона в своем взаимодействии с горцами не имела «стадиально сопоставимых» субъектов, при этом, видимо, не всегда осознавая это. Так, известны попытки интегрировать в российское государственно-правовое пространство «горское дворянство» [13, л. 370–370 об]. Однако необходимо признать, что, несмотря на обширную историографическую традицию, дворянства как такового в горских сообществах не было. И мы здесь не имеем в виду ту же самую Чечню, где собственных «феодальных кадров» практически не было. Даже по региональным меркам максимально социально стратифицированное общество позднесредневековой Кабарды, на наш взгляд, не может рассматриваться сквозь призму наличия в нем дворянства в действительном смысле данного понятия. При признании асимметричности «горского феодализма» соответствующему европейскому опыту надо также признать, что дворянство как таковое появляется в период феодальной раздробленности, на фазе складывания предпосылок к образованию централизованного государства. Между тем констатации феодальной раздробленности в Кабарде или в Дагестане (не говоря уже о Чечне) не опираются на аргументы и не выдерживают никакой критики. Поставить же знак равенства между раннефеодальными владетелями и дворянством возможным не представляется.

Специфичность стадиального состояния горских позднесредневековых сообществ проступала и в наличии той набеговой традиции, вокруг оценки которой современными кавказоведами сломано столько копий. Как бы то ни было, данное явление не может вписываться в реалии сложившихся феодальных отношений. Зато оно стало долговременным конфликтным фактором в российско-горском взаимодействии. Отсутствие у горцев опыта и самого навыка «государственного подчинения» в совокупности с идеологической освещенностью набеговой практики обуславливали на протяжении длительного времени практическую невозможность разрешения данного горско-российского противоречия.

Следует признать, что российский «трансформационный проект» на Северном Кавказе неоднократно наталкивался на местные противоположные трансформационные импульсы.

Здесь можно вспомнить и движение под предводительством шейха Мансура, и шариатское движение в Кабарде, и, наконец, собственно идеологию и практику мюридизма. И во всех данных случаях фактор российского присутствия мешал воплощению моделей исламской трансформации. Вместе с тем это же российское присутствие в регионе во многом и предопределяло саму возможность вызревания соответствующих горских моделей трансформации. Как бы то ни было, вся эта местная «диалектика» совершенно не сводима к «национально-освободительной борьбе» против российской «колониальной экспансии».

Представляется, что при анализе причин и событий «Кавказской войны» необходимо отдавать отчет в том, что и горцы, и Россия были тогда такими, какими могли быть, в соответствии со своими стадияльными реалиями и идейными установками. И здесь есть своя «диалектика». Например, как от горцев совершенно «не исторично» было требовать прекращения набеговых предприятий, так и от российских властей не менее неадекватно было ожидать позитивного к ним отношения. Признание подобных обстоятельств должно предохранить современных исследователей от упрощенного поиска однозначно правых и не менее однозначно виноватых в складывании причин и в самих событиях «Кавказской войны». Это представляется важным и в контексте того, что «карта» «Кавказской войны» уже разыгрывалась довольно успешно в процессе развала СССР и структурирования этносепаратистских движений на Северном Кавказе. Сегодня «либеральный» Запад тоже готов использовать любые возможности и ресурсы для развала теперь уже Российской Федерации.

Все же думается, что по ряду характеристик сам термин «Кавказская война» является достаточно условным. Поэтому Кавказоведческой Школой В. Б. Виноградова апробируется терминологическое определение «Северокавказский кризис XIX века» [8].

Использованная литература:

1. Виноградов Б. В. К проблеме стадияльного уровня и наличия государства у позднесредневековых адыгов в современных исследованиях // Вестник Московского государственного открытого университета. 2012. № 3. С. 29–37.

2. Виноградов Б. В., Ключков О. Б. К проблеме историографических оценок стадияльного уровня развития горских сообществ XVI – середины XIX в. в контексте современных вызовов безопас-

ности российского Северного Кавказа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. №1. С. 26–30.

3. Виноградов Б. В., Клочков О. Б., Федорин В. Е. Основные тенденции и направления развития «национальной историографии» в контексте исследования проблем российско-горского взаимодействия и анализа современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2012. № 1. С. 73–79.

4. Виноградов Б. В., Виноградов В. Б., Клычников Ю. Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI в. Славянск-на-Кубани: филиал Кубанского гос. ун-та, 2012. С. 5–6.

5. Виноградов Б. В., Карпухин Н. Н. Характер и особенности российско-горского взаимодействия в контексте анализа социокультурных характеристик Северного Кавказа // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 4. С. 85–89.

6. Виноградов Б. В., Виноградова Н. А. К проблеме характеристики взаимодействия российских властей с социальными элитами горских позднесредневековых этносоциальных сообществ // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VI: материалы регион. науч.-практ. конфер. Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2014. С. 75–82.

7. Виноградов В. Б. К трактовке социально-политического содержания «религиозной оболочки» войн и народных движений на Северном Кавказе в эпоху средневековья (VIII–XVIII вв.) // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный: Чечено-Ингушский ин-т истории, социологии и филологии, 1978. Вып. 1. С. 137–145.

8. Виноградов В. Б. Северокавказский кризис XIX века (раздумья о генеральных перспективах познания и преодоления последствий) // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез): материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир: Щурыгин, 2007. С. 49–53.

9. Гарунова Н. Н. Термин «Кавказская война» в работах историков Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова: «острые акценты» // Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического и исторического выбора: материалы 18-го семинара Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова. Армавир, 2013. С. 18.

10. Матвеев В. А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д: Омега Паблицер, 2012.

11. Потто В. А. Кавказская война: В 5-ти т. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 1: С древнейших времен до Ермолова.

12. России Кавказский крест / авт.-сост. Ю. Ю. Ильяшенко-Магай. М., 2007. Т. 2: Две судьбы: Ермолов и Шамиль.

13. Российский государственный архив древних актов. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 9.

14. Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-походная тип. Главного Штаба, 1860.

«THE CAUCASIAN WAR»: TERMINOLOGICAL AND STADIAL RESEARCH ASPECTS

VINOGRADOV Boris V., Dr. Sci. (National History),
Prof., Department of History and History Teaching Methods,
Slavyansk-on-Kuban Branch, Kuban State University,
Slavyansk-on-Kuban, Russia
E-mail: vinogradov.b@mail.ru

The origin of the term «The Caucasian war» and its meaning in the context of the Russian Caucasian studies development are analyzed in the article. The article sets up the problems of the impact of the factor of the stadial level of development of late-medieval mountaineer-communities on the possibilities and prospects of Russian-Caucasian interaction.

Keywords: historiographical tradition, alternative history, chronological framework, stadial level of development, raid tradition.

Ш. А. Гапуров*

К ДИСКУССИИ О КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматриваются разные стороны дискуссии о содержании термина «Кавказская война» и дается вариант нового прочтения этого вопроса.

Ключевые слова: Кавказская война, Россия, горцы, восстание, движение.

14–15 октября 2013 г. в Ростове-на-Дону состоялся форум историков-кавказоведов, организованный во многом благодаря усилиям профессоров В. В. Черноуса и В. Ю. Сошественского. Главная мысль, которая звучала на форуме – ученым надо прекратить «войну историографий», ожесточенные споры о важнейших проблемах кавказоведения, взаимные нападки, иногда переходящие в навешивание ярлыков. Тем более что в сложных условиях Северного Кавказа некоторые, не до конца выверен-

* ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич, доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, Заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия. Электронная почта: gapurov2011@mail.ru.

ные или написанные сгоряча исторические выкладки используются деструктивными силами в политико-идеологических целях.

В русле рекомендаций ростовского форума историков-кавказоведов нам бы хотелось еще раз остановиться на одной из самых болезненных и остродискуссионных проблем кавказоведения – на Кавказской войне.

В 1994 г., в специальном выпуске журнала «Родина» (№ 3–4 за 1994 г.), посвященном истории Кавказа в XIX в., редколлегия отмечала: «Война на Кавказе настолько не изучена, что даже в любой энциклопедической статье, претендующей на строгую научность, можно чуть ли не после каждого слова поставить вопросительный знак. Начиная прямо с заголовка (Кавказская? война?) и дат ее начала (1817?) и тем более окончания (1864?). Единства мнений не существует до сих пор» [8, с. 17]. С тех пор прошло почти 20 лет, однако ситуация вокруг проблемы «Кавказская война» остается на том же уровне. Хотя за это время вышли десятки научных и околонучных статей и книг, в которых эта проблема обсуждалась. Она была предметом дискуссий на многих научных конференциях, которые за эти 20 лет прошли во множестве в северокавказском регионе.

Считается, что термин «Кавказская война» был впервые введен в научный оборот Р. А. Фадеевым в работе «Шестьдесят лет Кавказской войны», вышедшей в 1860 г. Однако расширенного обоснования и толкования ему исследователь не дал. Несмотря на это, с последней трети XIX в. данное понятие широко используется в кавказоведческой литературе.

С XIX в. и по сегодняшний день нет четкого, хотя бы принятого большинством кавказоведов ответа на главный вопрос: какое содержание вкладывается в понятие «Кавказская война», в чем его суть? Без ясного ответа на этот вопрос вряд ли можно говорить о причинах, характере и хронологии Кавказской войны. В одной из своих работ профессор В. Б. Виноградов отмечал, что термин «Кавказская война» «крайне спорный по смыслу, территории, хронологии, легко к тому же перетекающий, как мы убедились, в неисторические, политизированные и опасные матрицы типа русско-кавказской, русско-черкесской, русско-чеченской (едва ли не 400-летней) и т. п. войны со стандартным образом непримиримого врага, давно уже не соответствует уровню осознания происходивших в регионе событий» (цит. по: [6, с. 84]).

В вышеупомянутом нами спецвыпуске журнала «Родина» опубликованы материалы заочного «круглого стола», где редак-

ция поставила вопрос: «Насколько термин “Кавказская война” отражает сущность происходивших событий? Что это было: завоевание, колонизация, гражданская война?» [8, с. 18]. Нам представляется, что здесь неверна, некорректна сама постановка вопроса.

Во-первых, постановка вопроса в той форме, в какой она приведена выше, подразумевает характеристику действий только одной стороны – российской. Причем вызывает недоумение выбор предложенных характеристик действий российской стороны – «завоевание» или «колонизация». Оба определения носят негативный характер. Да, конечно, в действиях России на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв., безусловно, есть элементы и завоевания, и колонизации. Но, по-нашему мнению, только элементы. Основное содержание политики России в этом регионе в обозначенный период, содержание российско-горских отношений было значительно глубже, иным и далеко не ограничивалось определениями «завоевание» и «колонизация». Оно, на наш взгляд, применимо только к Черкесии, Западному Кавказу. Для Дагестана, Чечни и Кабарды такой однозначности мы не видим.

Во-вторых, изначально очень узко и неверно обозначены события со стороны северокавказских горцев. Предложена только одна трактовка их многолетних действий – «гражданская война». В первой половине XIX в. на Северном Кавказе элементы гражданской войны, внутреннего противостояния можно наблюдать только в Дагестане. В Чечне и в Кабарде в период Кавказской войны нет никакого внутреннего конфликта. Здесь действия горцев носят иной характер – это освободительная борьба. Но редакция журнала «Родина» даже не поставила вопрос о том, можно ли характеризовать действия горцев данных районов как народно-освободительную борьбу?

В-третьих, не обозначены позиции Турции и Ирана, которые в течение нескольких веков воевали с Россией и народами Северного Кавказа, стремясь захватить регион.

Теперь давайте посмотрим, как известные кавказоведы – профессора В. Г. Гаджиев, М. М. Блиев и А. Р. Джендубаев – ответили на поставленный редакцией вопрос. По мнению В. Г. Гаджиева, «Кавказская война» – это не «оценочный термин, а всего лишь географическое определение». «Это восстание... народное движение. ...Горцы восстали против своих правителей, а антиколониального движения не было». Исследователь приходит к выводу, что определению «Кавказская война» «больше

всего подходит оценочный термин: “народно-освободительное движение”» [8, с. 18].

М. М. Блиев также был согласен с тем, что термин «Кавказская война» «не совсем отражает историческую действительность». Но он против того, чтобы назвать эту войну «национально-освободительным движением», поскольку оно «требует иных структур». К сожалению, ученый не поясняет, что он подразумевает под «иными структурами». Он считает, что название «Кавказская война» «объединяет... разноплановые факты и процессы»: внутренние процессы в горском обществе, связанные с формированием феодальной собственности; «столкновение интересов России и горцев Большого Кавказа»; внешнеполитические интересы Англии, Турции и Персии [8, с. 18].

А. Р. Джендубаев, рассуждая о характере Кавказской войны, полагает, что «Россия вела колониальную войну, а горцы защищали свою культуру, свой образ жизни и, в конечном счете, свое право на жизнь» [8, с. 18–19].

Суммируя множество мнений о Кавказской войне, можно выделить две основные линии: Кавказская война – это: 1) военные действия России на Кавказе до середины XIX в. для установления здесь своего господства против горцев, Турции и Ирана и 2) военные действия между царской Россией и северокавказскими горцами в 1817–1864 гг.

Большая часть дореволюционных историков (В. А. Потто, Н. Ф. Дубровин, А. Л. Гизетти, Р. А. Фадеев, А. Л. Зиссерман и др.) в понятие «Кавказская война» включали борьбу России за утверждение своей власти на Кавказе с Турцией, Ираном и северокавказскими горцами. Значительная часть советских и современных российских авторов под этим термином понимают борьбу между царской Россией и горцами. Хотя, как мы видели выше (точка зрения М. М. Блиева), у дореволюционной версии Кавказской войны есть свои сторонники и в современном кавказоведении.

Если любознательный читатель задастся целью узнать о Кавказской войне по современным энциклопедиям, то он обнаружит весьма запутанную и безрадостную картину. «Энциклопедический словарь» сообщает, что Кавказская война (1817–1864 гг.) – это «война Российской империи с горскими народами Северного Кавказа. Борьба горцев мусульман с русскими (здесь и далее выделено нами. – Ш. Г.) проходила под флагом газавата. Закончилась присоединением Чечни, Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа к России» [5]. «Большой энциклопе-

дический словарь» (М., 2000): «Кавказская война (1817–1864 гг.). Война между Российской империей и народами Северного Кавказа. Вызвана колониальной политикой царизма» [3]. «Современная энциклопедия» (М., 2000): «Кавказская война (1817–1864 гг.) – принятое в литературе название военных действий между российскими войсками и горскими народами в ходе завоевания Россией Северного Кавказа» [4].

Итак, главные моменты в подобных энциклопедических определениях Кавказской войны – это «война горцев мусульман с русскими», война «колониальная», «завоевательная», в ходе которой и произошло присоединение народов Северного Кавказа к России. При подобной трактовке полностью отбрасываются десятки, а точнее, сотни научных публикаций кавказоведов, в которых доказывалось на протяжении многих лет, что присоединение народов Северного Кавказа к России – это результат взаимного стремления России и горцев к государственному единству (исключением, на наш взгляд, является Закубанье, территория западных адыгов).

За последние 10–15 лет почти во всех регионах Северного Кавказа прошли юбилеи их добровольного присоединения к России. В 2008 г. и в Чечне торжественно отметили 420 лет установления добрососедских отношений между чеченцами и Россией. В 2013 г. целая серия торжественных мероприятий прошла и в Дагестане по поводу 200-летия Гюлистанского мира, в результате которого был завершён многовековой процесс присоединения Дагестана к России.

С середины XVI в. делегации горских народов Северного Кавказа стали посещать российскую столицу и российские административные центры в регионе, ходатайствуя о принятии их в российское подданство, об установлении тесных экономических связей. Россия была заинтересована в распространении своей власти на Северном Кавказе в силу геополитических, стратегических государственных интересов растущей державы. Разумеется, в реальности российское правительство в своих действиях на Кавказе вовсе не руководствовалось соображениями «цивилизаторской миссии». Во все времена и все государства строят свою внешнюю политику, исходя из практических государственных интересов. Филантропии тут нет, да она и неуместна. Горцы, строя свои отношения с Россией, тоже исходили из своих практических интересов. За Кавказ шла борьба между Россией, Османской империей (ее сателлитом Крымским ханством) и Персией. И большинство горских феодалов и стар-

шин «вольных обществ» приходят к выводу, что в этой борьбе надо принять сторону России. Это, по многим факторам, даст горцам перспективу поступательного исторического развития. Нельзя думать, что горцы XVI–XIX вв. не разбирались в политике и дипломатии. В большинстве своем разбирались, иначе не выбрали бы российскую сторону. «...Горское общественное сознание не было совершенно индифферентно к “зарубежным” событиям, – пишет В. В. Дегоев. – Достаточно четко выраженный интерес к ним проявляла политическая элита, которая в силу своего статуса не могла оставаться безразличной к “внешнеполитическим” вопросам, потому что они во многом определяли степень прочности этого самого статуса. При всей своей малочисленности и корпоративной недоразвитости горские социальные верхи уже приобрели некоторые политические инстинкты и некие навыки политического “анализа” явлений общекавказского, международного характера на предмет их использования с максимальной выгодой. Немаловажно также иметь в виду весьма высокий потенциал влияния элиты на умонастроения низов. При непосредственном участии данного фактора формировалась внешнеполитическая ориентация (или ориентации) общества» [2, с. 94].

К концу XVIII – началу XIX вв. большая часть Северного Кавказа уже находилась в подданстве России. С конца XVIII в. начинается установление российской административной власти в Кабарде, Осетии, Ингушетии. С начала XIX в. – в Чечне и в Дагестане.

Конечно, процесс присоединения народов Северного Кавказа к России – явление сложное, многоплановое, далеко не прямолинейное. Тут были и вооруженные конфликты, и периоды взаимного недопонимания и разногласий. Но вплоть до назначения наместником Кавказа А. П. Ермолова в 1816 г. российско-северокавказские отношения в целом развивались по восходящей линии.

С XIX в. и по сегодняшний день у историков нет единства в вопросе хронологии Кавказской войны. В дореволюционной историографии Кавказской войной или «кавказскими войнами» «называли весь процесс присоединения к России территории от Кубани и Терека до нынешних турецких и иранских границ» [7, с. 7]. В советской и постсоветской историографии, как мы уже писали выше, Кавказской войной большинство авторов называют военные действия между царскими войсками и горцами Чечни, Дагестана и Северо-Западного Кавказа в 1817–1864 гг. При

этом совершенно непонятно, из каких соображений за начальную дату взят 1817 г. В том году в регионе нет сколько-нибудь заметных военных действий. Единственное такое событие – строительство на нижней Сунже укрепления Преградный Стан, не сыгравшего ровным счетом никакой роли в утверждении российской власти на Северном Кавказе. Мы полагаем, что начальной датой того явления, что мы пока называем Кавказской войной (в смысле более или менее регулярных военных действий между российскими войсками и восставшими горцами) может считаться 1818 г., когда с момента строительства крепости Грозной происходят восстания в Чечне. Затем – в Дагестане и Кабарде. Эти военные действия будут продолжаться с разной степенью интенсивности до 1859 г. на Северо-Восточном Кавказе, и до 1864 г. – на Северо-Западном Кавказе. В. Лапин в своей монографии «Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв.» задается вопросом, почему «...за начальную дату (Кавказской войны. – Ш. Г.) принято основание крепости Грозной, без малейшей попытки объяснить, почему таковой не может считаться дата основания Моздока, Владикавказа или еще какого-либо укрепления на исконно горских землях» [7, с. 10]. Попытаемся привести весомые аргументы по этому вопросу. Во-первых, ни строительство Моздока, ни Владикавказа не имело таких негативных последствий в рамках значительной части региона в российско-горских отношениях (хотя и привело к обострению российско-кабардинских), как строительство крепости Грозной. Во-вторых, это событие было началом новых, значительно более жестких мер России применительно к региону, когда полностью была отброшена «политика ласканий» в отношении горцев (которой Петербург придерживался в XVI–XVIII вв.) и А. П. Ермолов начал утверждать российскую власть силовыми, военными методами, в резкой форме вмешиваться в традиционную жизнь горцев, грубо нарушать веками сложившиеся общественные отношения в горском обществе. Строительство укреплений и крепостей России на Северном Кавказе до 1818 г. не сопровождалось сколько-нибудь серьезными изменениями в политике Петербурга в крае и потому не вызвало массового недовольства у горцев. М. М. Блиев отмечал: «После 1818 года Ермолов сделал попытку установления российской администрации в Дагестане, что вызвало военное противодействие» [8, с. 23]. Сказанное однозначно относится ко всему Северному Кавказу.

Однако, независимо от того, какой год считать начальной датой Кавказской войны – 1817-й или 1818-й, к этому време-

ни большая часть народов Северного Кавказа (за исключением адыгов Закубанья) считаются в российском подданстве. И военные события 20–50-х гг. XIX в. в Кабарде, Дагестане и Чечне происходят внутри (выделено нами. – Ш. Г.) российского государства. Мы полагаем, что действия России по отношению к горцам Чечни, Дагестана и Кабарды в 20–50-е гг. XIX в. могут быть охарактеризованы как подавление восстания подданных, подвластных.

А как же охарактеризовать действия горцев Чечни, Дагестана и Кабарды в 1818–1859 гг.? Мы полагаем, что в данном случае необходимо сохранить уже сложившееся название «народно-освободительная борьба горцев». В 1818 г. в Чечне происходит крестьянское восстание, возглавленное выходцами из крестьянской общины. В Дагестане в 1818–1823 гг. и в Кабарде в 1818–1825 гг. освободительное движение возглавляют феодалы, которые в результате установления российской административной власти стали терять свои феодальные привилегии. В этих двух регионах еще нет массового движения, основную часть восставших составляют уздени кабардинских князей и свободное население дагестанских ханств. По нашему мнению, в тот период, до конца 20-х гг. XIX в., ни в одном из этих регионов в движении нет антифеодальных мотивов. В Чечне их и не будет вплоть до окончания Кавказской войны, поскольку здесь нет установившихся феодальных отношений, они еще в стадии генезиса. В Дагестане же и в Кабарде движение возглавлено, как мы уже отмечали выше, феодалами. Главная его цель – восстановление былой самостоятельности и феодальных привилегий. Однако с конца 20-х гг. XIX в. под знаменем идеологии мюридизма в Дагестане происходит восстание свободных общинников, возглавленное выходцами из крестьянской среды. Здесь это восстание действительно носит характер антифеодального, освободительного движения. Наблюдается внутренний конфликт в дагестанском обществе и элементы гражданской войны. Мы уже выше приводили мнение В. Г. Гаджиева, который назвал эти события в Чечне и в Дагестане «восстанием», «народным движением».

Главная причина народно-освободительного движения на Северном Кавказе в 1818–1864 гг. – это попытки (начало им положил А. П. Ермолов) установить российскую власть в регионе военными, силовыми методами. Это вызвало восстание со стороны свободных крестьян-общинников и части феодалов против российской администрации.

Народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа в XIX в. не было направлено против их присоединения к России. Этот процесс (т. е. присоединение. – Ш. Г.) хронологически не совпадает с Кавказской войной. Процесс присоединения народов Северного Кавказа к России происходит в XVI–XVIII вв. Кавказская война начинается в 1818 (1817) г. в форме восстания свободных общинников и части феодалов против установления российской административной власти ускоренными темпами и военной силой, против грубой ломки традиционных отношений в горском обществе.

Подводя итоги, нам представляется необходимым подчеркнуть несколько принципиальных моментов:

1. С середины XVI в. Россия, исходя из стратегических, геополитических интересов, стремилась установить свое влияние на Кавказе (по образному выражению Р. А. Фадеева, Кавказ представлялся для России мостом между Европой и Востоком). При этом вплоть до начала XIX в. Россия использовала здесь преимущественно мирные (экономические и политические) средства. В результате, в начале XIX в. почти все народы региона считались уже в российском подданстве.

2. С 1818 г. кавказский наместник А. П. Ермолов начал утверждать российскую власть в регионе предельно жесткими силовыми методами. В ответ горцы Дагестана, Чечни и Кабарды подняли вооруженное восстание, которое длилось несколько десятилетий и по мере продолжения становилось все более радикальным. Оно носило характер народно-освободительной борьбы. Это подчеркивали уже в XIX в. многие авторы (Потто, Волконский, Ходнев и др.): «горцы боролись за свою свободу». Это положение имеет принципиальный характер, и, по нашему мнению, его надо строго придерживаться.

Спор о содержании и хронологии Кавказской войны идет уже больше века. И, видимо, будет идти бесконечно, если ученые-историки не договорятся между собой о единых критериях. Мы предлагаем обсудить некоторые моменты:

– «Развести» однозначно войны России с Турцией и Ираном в XVIII–XIX вв. и военные действия между российскими войсками и восставшими горцами в 1818(1817)–1864 гг. Это явления разного характера и, по нашему мнению, не могут быть включены в одно название – «Кавказская война».

Термин «война» в привычном понимании – это военные действия между разными государствами. Часто войны получали в историографии географические названия – «Крымская во-

йна», «Балканские войны» и т. д. В этом плане название «Кавказская война» целесообразно было бы сохранить за военными действиями между Россией, Турцией и Ираном в XVIII–XIX вв.

– Военные действия между российскими войсками и восставшими горцами в 1818–1864 гг. назвать «народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа в 1818–1864 гг.». Эти события происходили внутри Российского государства, и рассматривать их нужно как восстание горцев против установления российской власти в слишком жестких формах и силовыми методами. Со стороны правительства – это подавление крестьянского бунта, в некоторых случаях возглавляемого отдельными феодалами.

Совестью народа в Чеченской Республике называют Абузара Айдамирова, народного писателя, автора целого ряда исторических романов о Кавказской войне. В советское время его книги либо вообще не издавали, либо издавали с трудом. Его обвиняли в том, что он ворошит тяжелое прошлое. А. Айдамиров отвечал на это так: «...Я убежден в том, что нельзя все время ворошить кровавое, трагическое прошлое, беречь старые кровоточащие раны. Надо стремиться к тому, чтобы народы забыли старую вражду, войны, укрепить между ними дружбу и братство.

...Но именно клевета на чеченский народ, появившаяся в советской историографии в 50-х гг., обвинения чеченского народа во всех смертных грехах заставили меня написать мои исторические романы» [1, с. 7].

Волей судьбы и волей наших предков русским и кавказцам выпало счастье жить в одном государстве. Но жить надо достойно, не оскорбляя историческую память наших предков, равно уважая друг друга, помня о том, что в XVI–XVIII вв. в Москву и Петербург с ходатайствами о российском подданстве ездили не «туземцы», не «дикари и хищники», а достойные представители горских народов, имеющих свою древнюю культуру и славное историческое прошлое. И, конечно же, аксиомой должно стать положение о том, что Россия, преследуя на Кавказе, в первую очередь, свои государственные интересы, в то же время несла горцам перспективу поступательного исторического развития.

Нельзя идти вперед, все время оборачиваясь назад и выискивая в нашем общем историческом прошлом один лишь негатив и взаимные обиды. Мы должны укреплять наш общий дом, общую родину – Россию, и для этого в прошлом можно и нужно найти и массу позитивного: культурный диалог и взаимовли-

яние России и Кавказа, преобразовательная деятельность России в регионе со второй половины XIX в. и многое другое.

Использованная литература:

1. Айдамиров А. Дороги моей жизни // Вайнах. 2013. № 11. С. 2–15.
2. Дегоев В. В. Война и политика Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX в.) // Кавказский сборник. М.: Русская панорама, 2005. Т. 2 (34). С. 92–94.
3. Кавказская война. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Академик. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/143730> (дата обращения: 16.09.14).
4. Кавказская война. Современная энциклопедия [Электронный ресурс] // Академик. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/20726> (дата обращения: 16.09.14).
5. Кавказская война. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Академик. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/77603/КАВКАЗСКАЯ> (дата обращения: 16.09.14).
6. Клычников Ю. Ю. Перспектива новых трактовок традиционных конфликтных сюжетов в кавказоведении (на примере т. н. Кавказской войны) // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В. В. Черноус. Ростов н/Д.: МАРТ, 2013.
7. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне. XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008.
8. Перевернутый мир бесконечной войны. Материалы дискуссии за «круглым столом» // Родина. 1994. № 3–4. С. 18–23.

TO THE DISCUSSION OF THE CAUCASIAN WAR

GAPUROV Shakhrudin A., Dr. Sci. (National History), Prof.,
President, Academy of Science of the Chechen Republic,
Grozny, Russia
E-mail: gapurov2011@mail.ru

The different points of discussion about meaning of the term «The Caucasian war» are considered in the article. A new point of the problem is also suggested.

Keywords: Caucasian war, highlanders, revolt, movement.

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ГОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД: ПОПЫТКИ НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ

В статье анализируются вопросы российско-горских отношений в XVI–XIX вв., их основные этапы становления и развития. Затрагивается проблема присоединения народов Северного Кавказа к России. Дан анализ наиболее дискуссионных моментов этого многоаспектного процесса.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, российско-горские отношения, присоединение Кавказа к России, взаимная заинтересованность сторон.

Изучение процесса складывания российско-горских отношений в XVI–XIX вв. остается одним из важных направлений в российской историографии. Весьма спорным в кавказоведении остается вопрос о времени и методах присоединения народов Северного Кавказа к России [5].

Авторы фундаментального труда «История Дагестана» отмечают: «Существуют разные мнения о времени и характере присоединения Дагестана и Чечни к России. Речь идет не о простой и не совсем безобидной постановке вопроса, причем отнюдь не терминологического характера» [17, с. 468]. От ответа на вопрос о времени присоединения народов Северного Кавказа к России зависит и определение характера народных движений в регионе в первой половине XIX в.: возникли ли эти движения как реакция на установление (или попытки установления) российских колониальных порядков (т. е. уже внутри Российского государства) или же народы региона изначально были против присоединения к России.

Дискуссии о времени присоединения народов Северного Кавказа начинаются с попыток привязать этот процесс к конкретной дате: 1781 г. для чеченцев (концепция В. Б. Виноградова о «добровольном вхождении Чечни в состав России»); 1770 г. для ингушей; 1557 г. для кабардинцев и т. д. Но при этом у других авторов возникают контраргументы: что считать «присоединением»? Сам акт о принятии под покровительство России

* ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич, доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, Заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия. Электронная почта: gapurov2011@mail.ru.

** МАГАМАДОВ Супьян Султанович – кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия. E-mail: directigi@yandex.ru.

того или иного народа? Может быть, ученым-гуманитариям, отбросив в сторону политико-экономические соображения (на празднования юбилеев присоединения федеральным центром выделялись немалые финансовые средства), прийти к какому-то консенсусу относительно самого понятия «присоединение» того или иного народа к России?

Российско-горские отношения, российско-горский союз в XVI–XIX вв. были результатом взаимного притяжения, взаимной заинтересованности. Россия в силу геополитических интересов, на пути превращения в великую державу, была крайне заинтересована в утверждении своего влияния на Северном Кавказе. В условиях острой борьбы с Турцией и Ираном за регион Россия нуждалась в союзе с горцами. Последние сами были заинтересованы в торгово-экономических отношениях с Россией и нуждались в ее помощи для отражения постоянных нападений крымских татар, Османской империи и Ирана. В результате этой взаимной заинтересованности в военно-союзнических отношениях горские делегации в XVI–XVIII вв. постоянно посещали Москву, российские административные центры на Северном Кавказе. Точно так же официальные российские представители были частыми гостями у горских владельцев и обществ. В результате и заключались различные соглашения о подданстве и покровительстве России над горскими народами, приносились соответствующие присяги «верности» со стороны горцев.

В кавказоведческой литературе нет единства взглядов на этапы российско-горских взаимоотношений до XX в. По нашему мнению, политика России на Северном Кавказе хронологически может быть разделена на четыре этапа:

1. Вторая половина XVI – конец XVII вв.: закладываются основы взаимоотношений, намечаются стратегические цели, путем «проб и ошибок» идет поиск оптимальных форм и методов установления российского влияния, форм взаимоотношений с местными народами, Россия закрепляется на дальних кавказских рубежах.

2. XVIII в.: переходный период в кавказской политике России, когда она начинает одерживать верх в борьбе с Турцией и Ираном за Северный Кавказ, а в отношениях с горцами происходит постепенный переход от «политики ласканий» к политике силового давления.

3. Первая четверть XIX в.: российское правительство начинает устанавливать свое реальное господство на Северном Кав-

казе предельно жесткими, военно-силовыми методами, что явилось основной причиной Кавказской войны 20–50-х гг. XIX в.

4. Конец 1820-х гг. – 1864 г.: время российско-горской (Кавказской) войны, завершившееся окончательным присоединением Северного Кавказа к России, полным установлением здесь российского господства [4, с. 146].

XVI – середина XIX в. – это время сложных, далеко не прямолинейных взаимоотношений между Россией и горскими народами, когда «помимо войн, грабительских набегов, оборонительно-наступательных союзов и контрсоюзов существовали отлаженные торговые, политико-дипломатические, культурные связи на всех уровнях, династические браки, личная дружба и симпатии между правителями и пр. ...Граница между Российским государством и местными раннеполитическими образованиями находилась в подвижном состоянии, представляла собой не только линию вооруженного соприкосновения (даже в период Кавказской войны), но и своего рода контактно-цивилизационную зону, где развивались интенсивные хозяйственные, политические, личные (куначеские) связи. Шел процесс взаимопознания и взаимовлияния народов, ослаблявший вражду и недоверие...» [10, с. 129].

В становлении и развитии политических отношений между Россией и горскими владельцами (или обществами) своеобразными вехами становилось подписание соглашений о верности и подданстве горцев России, в которых оговаривались, как правило, права и обязанности сторон. Как известно, первыми акт о вступлении в российское подданство подписали кабардинские феодалы. В 1558 г., в условиях резко возросшей турецкой угрозы Кабарде, они заключили с Москвой соглашение, ставшее «образцом для последующих договорных грамот, заключаемых Москвой с северокавказскими феодалами» [1, с. 44].

В 1588 г. в Москве побывало и вайнахское посольство во главе с Батаем, которое просило о подданстве и покровительстве. Ходатайство было удовлетворено, и «под власть Московского государства отошла очень важная в плане дальнейшего продвижения на Северный Кавказ и в Закавказье территория окоцкой (т. е. чеченской. – Авт.) земли» [16, с. 15]. К концу XVI в. под покровительством России признавалась территория равнинной и юго-восточной Чечни, а также имевший важное торгово-экономическое и военно-стратегическое значение район Ингушетии – Дарьял и Ларсов кабак [16, с. 17].

В отличие от других горских народов Северного Кавказа для чеченцев в XVI–XVIII вв. не было внешней угрозы. Ни Ос-

манская империя, ни Крымское ханство, ни Иран никогда не пытались захватить Чечню. Это объяснялось ее географическим положением в середине северокавказского региона. Чтобы дойти до Чечни, Турции и Крымскому ханству надо было сначала захватить Кабарду. Как показала история, этого сделать они были не в состоянии. Наступательный, захватнический порыв иранцев разбивался героическим сопротивлением дагестанцев. Так что чеченцы стремились к союзу с Россией не из-за внешней угрозы, а из-за экономических, добрососедских соображений.

Договор 1781 г. о принятии равнинными чеченцами российского подданства можно было бы рассматривать как присоединение Чечни к России. Но, по нашему мнению, это был всего лишь этап, правда, весьма важный, в этом длительном процессе. Тем более что в 1807 г. эти же чеченские общества еще раз подпишут новый документ о принятии российского подданства. Причем чеченская делегация на этот раз будет принята в Тифлисе тогдашним наместником Кавказа графом Гудовичем, а сам документ будет отослан в Петербург, в министерство иностранных дел, для утверждения и «вечного хранения». Некоторые историки считают, что именно в 1807 г., с подписанием этого документа, Чечня была присоединена к России (см.: [14]).

Таким образом, есть несколько дат – 1588, 1781 и 1807 гг., каждая из которых может быть взята за точку отсчета со времени присоединения Чечни к России. Но есть и немало авторов, которые доказывали, что эта территория окончательно была присоединена к России лишь в 1859 г., с окончанием Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе (см.: например, [15, с. 67–104]). Видимо, поэтому правильнее будет говорить о том, что процесс присоединения Чечни к России начался в конце XVIII в. и завершился в 1859 г.

Вопрос о времени присоединения того или иного северокавказского народа к России иногда приобретает не только научный, но и околонучный характер. Некоторые авторы всеми правдами и неправдами пытаются «удревнить» историю взаимоотношений своего народа с Россией, как можно дальше отодвинуть вглубь истории дату его присоединения. Так, в 2011 г. Республика Ингушетия торжественно отметила 240-летие присоединения к России. Была издана красочная книга «Россия–Ингушетия: 240 лет вместе». Соответствующая глава («Шли в подданство не из принуждения. О процессе единения Ингушетии с Россией») написана профессором И. А. Дахкильговым. Основанием послужило принятие ингушскими старшинами 4–6 марта 1770 г. присяги на

верность России, которую с российской стороны принимал капитан Денисов. Однако ингушские ученые считают, что это событие было лишь формальным завершением исторического процесса, который начался в конце XVI в. По мнению И. А. Дахкильгова, в 1587 г. окоцкий владетель Ших-мурза направил прошение русскому царю Федору Ивановичу с ходатайством о принятии его в российское подданство, на что царь дал соответствующую грамоту. Из этого исследователь делает вывод: «Следуя ученым некоторых других народов, и мы могли бы признать исходной датой 1587 как год единения наших предков с Россией» [8, с. 8–9]. Однако дело в том, что в заявленном году никаких посольств и прошений вайнахи в Москву не посылали. То самое прошение, о котором пишет И. А. Дахкильгов, было послано в Москву окоцким (аккинским) владельцем Ших-мурзой в 1588 г., и передал его племянник Ших-мурзы Батай. А ответная грамота царя Федора Ивановича ококам была послана в 1589 г. Но главное даже не в этом. Главное в том, что ококи-аккинцы – это чеченцы, чеченское общество. По мнению известного кавказоведа-ученого Н. П. Гриценко, название «окуки», «окочане», «ококи» произошло от названия чеченского селения на равнине Оку-Юрт, основанного в XVI в. выходцами из чеченского тейпа центорой [6, с. 24]. Исследователь Т. С. Магомадова также отмечает: «Терские окочане являлись представителями первой миграционной волны чеченцев в пределы важного российского центра на северном Кавказе – Терского города» [20, с. 162]. Так что посольство ококов-чеченцев в Москву в 1588 г. никак не может служить началом российско-ингушских отношений.

Российско-ингушское соглашение 1770 г. – первый двусторонний официальный документ, в котором отражено начало присоединения Ингушетии к России. В реальных же российско-ингушских отношениях ничего не изменилось. В Ингушетии не было официальных российских представителей, ни одного российского административного органа. Ингушей продолжали притеснять по-прежнему кабардинские и кумыкские феодалы, требовавшие с них дани. Какой-либо реальной помощи и защиты ингуши в данном вопросе от российских властей не получали. Более того, царское правительство предписало генералу Медему «не отклонять ингушей от кабардинцев, дабы не раздражать их более, так как ингуши сами сознались, что были их данниками» [2, с. 303].

В отличие от ингушских авторов, мы полагаем, что российско-ингушское соглашение 1770 г. явилось лишь началом

процесса реального присоединения Ингушетии к России. Завершился же этот процесс в 1810 г., когда был подписан новый договор о принятии ингушей в российское подданство.

Пожалуй, единственный случай, когда дата присоединения к России не вызывает споров – это присоединение Северной Осетии. В 1774 г. между российской и осетинской сторонами был подписан договор об установлении российского подданства над осетинами. Уже к концу XVIII в. началось создание российской административной власти в Северной Осетии, и в последующие периоды каких-либо серьезных осложнений в российско-осетинских отношениях не происходило (если не считать восстания в Осетии в 1804 г.). Соответственно, не возникало необходимости в подписании новых документов о российско-осетинских отношениях.

Вызывает дискуссии время присоединения Кабарды к России. Как уже отмечалось, в 2007 г. в Кабардино-Балкарии был отмечен 450-летний юбилей «союза и единения с Россией» [19, с. 5], т. е. за дату присоединения Кабарды к России был принят 1557 г. В том году в Москву, ко двору Ивана IV прибыло кабардинское посольство во главе с князем Канклычем Кануковым. «Итогом русско-черкесских переговоров явился военно-политический союз» между Россией и Кабардой [19, с. 57]. Однако крупнейший кабардинский историк Г. А. Кокиев приходит к выводу, что именно «1588 г. является знаменательной датой для истории Кабарды: кабардинская земля с этого времени стала считаться вотчиной Московского государства, а царь Федор Иванович стал титуловаться «государем земли Иверской грузинских царей и Кабардинской земли черкасских и горских князей» [18, с. 375]. Но это была довольно странная «вотчина»: в Кабарде нет никаких признаков российской власти. Кабарда по-прежнему остается самостоятельной. «В XVI веке, как и в последующие столетия (вплоть до завоевания в ходе Кавказской войны), на адыгов не распространялось российское законодательство...» [19, с. 66]. Но военно-политическое сотрудничество действительно было. Так, может быть, правильнее будет говорить о том, что с 1557–1558 гг. начался исторически длительный процесс присоединения Кабарды к России? А фактически в середине XVIII в. между ними сложился военно-политический союз. Наиболее серьезный удар по этому союзу был нанесен в 1763 г., когда на кабардинской земле была построена российская крепость Моздок. Россия впервые, после событий середины XVI в., показала, что она действительно считает Ка-

барду «своей» территорией. Но это было лишь в начале второй половины XVIII в. Реакция кабардинских князей на строительство крепости Моздок также показала, что все соглашения с Россией они воспринимали только как военно-политический союз при полном сохранении своей внутренней самостоятельности. «Постройку Моздока в Кабарде однозначно расценили как недружественный акт и аннексию кабардинской территории» [19, с. 145]. С 1765 г. отряды кабардинцев стали совершать нападения на укрепления. Для урегулирования возникших проблем в 1771 г. российское правительство дало кабардинским князьям новую грамоту, которая «фактически явилась договором, оформленным в духе дипломатической практики XVIII века, в котором оговаривались условия вступления Кабарды под покровительство Российской империи» [19, с. 147].

Но есть и другая «серьезная» дата в российско-кабардинских отношениях – 1774 год, подписание русско-турецкого Кючук-Кайнарджийского мирного договора, согласно которому урегулирование вопроса о Кабарде передавалось на усмотрение Крымского хана. Но тот, в соответствии с российско-крымским договором 1772 г., признавал Большую и Малую Кабарду в подданстве России. Поэтому Г. А. Кокиев не без основания писал, что «официальной датой окончательного разрешения кабардинского вопроса в русско-турецких отношениях и политического присоединения Кабарды к России следует считать 1774 г., когда Россия получила свободу действий на Северном Кавказе» [18, с. 386].

Многие кабардинские историки считают, что в середине XVI в. между Кабардой и Россией был заключен военно-политический союз. То есть кабардинцы с этого времени и вплоть до последней трети XVIII в. – союзники России. Одновременно, с одобрения и с подачи тех же авторов, в 2007 г. в Кабардино-Балкарии отметили 450-летие присоединения Кабарды к России. По этой версии, кабардинцы с XVI в. – подданные России. Но «союзники» и «подданные» – это разные явления. Союзники не могут быть подданными, подданные не могут быть союзниками. Правда, ведущие кабардинские историки в своих работах, вышедших на рубеже XX–XXI вв., пришли к выводу, что в реальной практике, на основе договора 1557 г., между Кабардой и Россией сложились отношения военно-политического союза (см.: [7] [13]). Так, К. Ф. Дзамихов отмечал, что российско-кабардинский договор 1557 г. вряд ли обоснованно можно трактовать как присоединение Кабарды к России. Он пишет: «Такая

интерпретация является, на наш взгляд, односторонней и не отражает сути имевшихся в середине XVI в. событий. Здесь как раз мы имеем тот случай, когда авторы, раскрывавшие таким образом проблему, шли от термина к явлению, а не наоборот. Это привело к подмене понятия “покровительство со стороны России” совершенно другими – “присоединение или вхождение в состав этого государства”» [12, с. 58]. Нам представляется, что вопрос о времени присоединения Кабарды к России далеко еще не решен, и историки, прежде всего сами кабардинцы, еще не раз вернуться к его обсуждению.

Итак, в российско-кабардинских отношениях XVI–XVIII вв. есть целый ряд дат, которые так или иначе можно считать за время присоединения Кабарды к России – 1557, 1558, 1588, 1771, 1774 гг. Но реальное установление российской власти в Кабарде началось с 1793 г. и завершилось административными преобразованиями А. П. Ермолова в 1822 г. Вывод и тут видится простой: присоединение Кабарды к России началось в середине XVI в., с 1557 г., и завершилось в первой трети XIX в. Это был длительный исторический процесс, когда обе стороны – российская и кабардинская – были заинтересованы сначала в военно-политическом союзе, а затем – и в сосуществовании в едином государстве.

Русско-дагестанские связи также имеют многовековую историю, истоки которой восходят к временам Древней Руси. Более прозрачными эти отношения стали во второй половине XVI в. Документально присоединение Дагестана к России вновь было оформлено в 1722 г., во время Каспийского похода Петра I. Дагестан был признан российской территорией и по международным договорам того периода: по русско-иранскому (Петербургскому) договору 1723 г. и русско-турецкому (Стамбульскому) договору 1724 г. К концу XVIII – началу XIX вв. на верность России присягнула большая часть владельцев Дагестана. В том числе документально оформили свое подданство России в 1786 г. шамхал Тарковский, в 1803 г. – Аварский хан и т. д. [17, с. 468–469]. В 1806 г., когда в Дагестан вступило российское войско, почти все дагестанские владельцы признали себя российскими подданными. И, наконец, русско-иранский Гюлистанский договор 1813 г., с точки зрения международного права, окончательно закрепил присоединение Дагестана к России. Р. И. Магомедов подчеркивает: «Более верно считать Гюлистанский договор логическим завершением объективных процессов XVI–XVIII вв.» [17, с. 468–469]. «После войны России с Турци-

ей и Персией Дагестан в 1813 г. был присоединен к России, – отмечал Г. А. Даниялов. – С этих пор царское правительство твердо стало на точку зрения включения Дагестана в состав Российской империи и начало устанавливать свои порядки, не считаясь с обычаями местных жителей. После присоединения Дагестана дальнейшую борьбу с горцами царское правительство рассматривало не как внешнюю войну с независимой страной, а как усмирение своих восставших подданных» [8, с. 27].

Как видим, и в российско-дагестанских отношениях есть целый ряд важных дат, каждая из которых, при желании, с определенными оговорками может быть принята за время присоединения Дагестана к России: 1557, 1602, 1614, 1722, 1723, 1724, 1786, 1806, 1813 гг.

В Дагестане существовала и существует сегодня самая сильная в России школа кавказоведения. И большая часть дагестанских кавказоведов твердо стоят на той позиции, что будет неправильно брать какой-либо один конкретный год или событие как дату присоединения Дагестана к России. Эту позицию четко высказал Р. И. Магомедов. По его мнению, вхождение большинства (если не всех) кавказских народов в состав России следует рассматривать не как единовременный акт или серию актов, а как процесс, причем довольно длительный (не менее двух с половиной веков).

Во второй половине XVI–XVII вв. идет поиск и испытание путей, форм и методов политики России на Кавказе. Наиболее успешными и преобладающими в этот период оказались мирные политико-экономические методы. Переход же к преимущественно военным, силовым методам в начале XIX в., с началом правления на Кавказе генерала А. П. Ермолова, привел к возникновению Большой Кавказской войны 20–50-х гг. XIX в. [3, с. 150–153].

Из общего ряда российско-северокавказских взаимоотношений (российско-кабардинских, российско-чеченских, российско-дагестанских, российско-осетинских, российско-ингушских), когда обе стороны взаимно стремились с XVI в. к военно-политическому союзу, к тесным экономическим и культурным отношениям, выпадают отношения России с закубанскими адыгами (черкесами).

Закубанские адыги, проживавшие на черноморском побережье, имели давние торгово-экономические и политические отношения с Турцией и, видимо, особо не нуждались в подобных отношениях с Россией. К тому же Закубанье до 1829 г. (до Адриа-

нопольского мира) официально считалось турецкой сферой влияния. А с конца XVIII в. начались постоянные взаимные набеги адыгов и кубанских казаков друг на друга. И в результате по обе стороны Кубани сложилась весьма напряженная обстановка. По Адрианопольскому мирному договору Турция признала Закубанье «в вечном владении Российской империи». Петербург разработал «особые меры» по приведению в покорность горцев, в числе которых признавалось необходимым «заселять земли горцев казаками», что предполагало очищение «северо-западных гор, предгорий и лесных тущоб от местного населения» (см.: [11]). При этом среди прочих вызывает удивление одно обстоятельство: на рубеже 20–30-х гг. XIX в. в Дагестане идет быстрое распространение мюридизма и начинается массовое освободительное движение горцев под руководством имама Гази-Мухаммеда, снова начинается волноваться Чечня. И в этих условиях российские власти на Северо-Западном Кавказе своими действиями создают новый очаг вооруженного сопротивления горцев: ведь совершенно очевидно, что попытки выселения адыгов и заселения их земель русскими переселенцами и казаками вызовет, однозначно, противодействие с горской стороны. Но, видимо, стремление занять черноморское побережье русским населением и вытеснить отсюда адыгов было для Петербурга сильнее любых других соображений, даже включая возможную войну с целым народом.

Естественно, что на подобную политику российских властей западные адыги ответили вооруженным сопротивлением, которое продолжалось вплоть до 1864 г.

Присоединение Северного Кавказа к России было длительным и сложным историческим процессом, результатом взаимного притяжения России и горских народов.

И подписание первого российско-горского документа об установлении российского подданства над тем или иным народом — это лишь первый шаг, начало долгого пути присоединения этого народа к Российскому государству. Тогда вырисовывается следующая картина: присоединение Кабарды к России началось с середины XVI в., с 1557 г., и завершилось приблизительно в начале 20-х гг. XIX в.; Чечня: 1588–1859 гг.; Дагестан: конец XVI в. — 1813 г.; Адыгея: 1829–1864 гг.; Ингушетия: 1770 г. — начало XIX в.

В процессе становления и развития российско-горских отношений были и политико-экономическое сближение, и установление и развитие культурных связей, и распространение российской административной власти на той или иной территории, и недочеты и ошибки с обеих сторон, которые нередко при-

водили к вооруженным столкновениям. Взаимное сближение, экономические и культурные связи стали основой включения народов Северного Кавказа в состав Российского государства.

Использованная литература:

1. Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1988.

2. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1869. Т. 1.

3. Гапуров Ш. А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX в. (1801–1815 гг.). Нальчик: Эль-Фа, 2003.

4. Гапуров Ш. А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

5. Гапуров Ш. А., Саралиева Л. Ш. Присоединение народов Северного Кавказа к России: некоторые аспекты // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. № 1. С. 118–128.

6. Гриценко Н. П. Истоки дружбы. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1975.

7. Гугов Р. Х. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. Нальчик: Эль-Фа, 1999.

8. Даниялов Г. А. К вопросу о социальной базе и характере движения горцев под руководством Шамиля // О движении горцев под руководством Шамиля: материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР, 4–7 октября 1956 г. Махачкала. 1957.

9. Дахкильгов И. А. Шли в подданство не из принуждения. О процессе единения Ингушетии с Россией // Россия–Ингушетия: 240 лет вместе: сб. ст. / отв. ред. З. М.-Т. Дзахарова. Ростов н/Д: Южный изд. дом, 2010. С. 8–9.

10. Дегоев В. В. Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности // Вестник Института цивилизации. Владикавказ, 1999. Вып. 2. С. 128–161.

11. Денисова Н. Н., Хлынина Т. П. Адыги Кубанской области под контролем колониальной административно-политической системы // История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 2009. С. 251–294.

12. Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 1994.

13. Дзамихов К. Ф. Адыги и Россия. Формы исторического взаимодействия. М.: Поматур, 2000.

14. Документальная история образования многонационального государства Российского: в 4-х кн. / ред. Г. Л. Бондаревский, Г. Н. Колбая. М.: Норма. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв.

15. Исаев С. А. Присоединение Чечни к России. Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX веке. Грозный: Грозненский рабочий, 2012.

16. Исаева Т. А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVIII – начале XX вв. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1981. С. 9–23.

17. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. / А. И. Османов и др. М.: Наука, 2005. Т. 1: История Дагестана с древнейших времен до XX в.

18. История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева: сб. ст. и документов / сост. Г. Х. Мамбетов. Нальчик: Эль-Фа, 2007.

19. История многовекового содружества / отв. ред. Б. Х. Бгажников. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007.

20. Магомадова Т. С. Четыре челобитные Московскому царю служилых окочан Терского города // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2012. № 2 (17). С. 163–173.

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN-HIGHLAND RELATIONS BEFORE THE REVOLUTION. NEW ATTEMPTS TO RE-READ

GAPUROV Shakhrudin A., Dr. Sci. (National History), Prof.,
President, Academy of Sciences of the Chechen Republic,
Grozny, Russia

E-mail: gapurov2011@mail.ru

MAGAMADOV Supyan S., Cand. Sci. (National History), Prof.,
Director, Institute for Human Studies,
Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia

E-mail: directigi@yandex.ru

The paper analyzes the issues of Russian-highland relations in the 16-th – 19-th centuries and main stages of their formation and development. The issue of joining the peoples of the North Caucasus to Russia is highlighted. The analysis of the most controversial moments of the multidimensional process is given.

Keywords: Russia, North Caucasus, Russian-mountain relationship, joining, mutual interest of the parties.

ПРОБЛЕМА ВХОЖДЕНИЯ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В СОСТАВ РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена анализу проблемы вхождения Кабарды и Балкарии в состав России в освещении представителей дореволюционной отечественной историографии. В ней исследуются концепции о «подданстве», «присоединении» и др.

Ключевые слова: историография, подданство, присоединение, Кабарда, Балкария, Россия.

Проблеме формирования Российского многонационального государства в отечественной исторической науке отведено значительное место. В ходе ее изучения исследователи дают различные оценки процессу включения народов Северного Кавказа в состав России. Идейные различия «завязаны» вокруг таких понятий, как «добровольное присоединение», «завоевание», «военно-политический союз», «вхождение», «подданство», «российскость» и др., при этом у разных авторов одна и та же категория наполнена различным фактологическим содержанием. Все это создает сложную палитру мнений и оценок, которые идеологически конфликтуют и создают дискурсивное поле, требующее глубокого научного анализа.

Исследуемая проблематика затрагивалась еще в XVIII в. в работе А. И. Манкиева [12]. Это одно из первых исследований, в котором имеются материалы, характеризующие русско-кабардинские отношения в XVI в. В частности, здесь упоминается об адыгских посольствах в Москву в середине XVI в.

В труде М. М. Щербатова [17] особое внимание уделено предпосылкам сближения кабардинцев, части западных адыгов с Россией в XVI в. Автор полагает, что основная причина установления тесных взаимоотношений с Российским государством заключалась в стремлении Кабарды добиться у него защиты от «внешних врагов», т. е. от Турции и Крыма. По мнению М. М. Щербатова, с 1552 г., когда в Москву прибыло посольство от «народов Черкесских и Кабардинских» с просьбой принять их в подданство,

* ЖУРТОВА Анжелика Ариковна, аспирант кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик, Россия. Электронная почта: anzhelka28@mail.ru.

Россия стремилась установить свою власть над всеми горскими черкесскими народами. В работе он неоднократно подчеркивает важность установления взаимоотношений с Московским государством для Кабарды, поскольку ее народ благодаря этому взаимодействию приучается к «порядочной жизни» [2].

Во многом аналогичные взгляды выражены в работе Н. М. Карамзина [10]. Он рассказывает об исторических связях Кабарды и России, начиная с «касожского» периода вплоть до XVIII в. А более тесное взаимодействие наблюдается, по мнению автора, с 1557 г., когда «князья Черкесские, присягнув Государю в верности, требовали, чтобы он помог им воевать Султанские владения и Тавриду» [3]. Главная ценность работ Н. М. Карамзина и М. М. Щербатова заключается в том, что благодаря им формировалось концептуальное видение характера первых контактов адыгских посольств с Россией.

Кавказская война вызвала резкий поворот в подходах к региону. Главной стала проблема завоевания народов Кавказа и включения его территории в состав Российской империи. Помочь в решении этой задачи могла историческая наука, концентрирующая свои усилия на сборе и анализе материалов, посвященных горским народам. Помимо сбора эмпирического материала о политических, экономических, социальных отношениях у автохтонных народов, появляются работы, в которых авторы стремятся проанализировать происходящие в их жизни события, изучить их природу, т. е. то, что в современной историографии выступает как сложная методологическая задача «открытия Другого». Данная установка, по мнению А. Х. Борова, «выглядела как элемент военного планирования, нацеленного на определение сильных и слабых мест противника» [5, с. 24].

К наиболее важным трудам начала XIX в. по истории Кавказа относятся работы С. М. Броневского [6]. Начало тесного сближения Кабарды и России он, также как и М. М. Щербатов, относит к 1552 г., когда «Терские, Пятигорские и другие Черкасы прислали послов к царю Ивану Васильевичу, подвергая себя и землю свою под власть Российскую, лишь бы дана была им защита от Крымских татар» [6]. В период Смуты, по словам автора, связи с Российским государством прерываются и возобновляются только в XVIII в. А в 1774 г. благодаря Кючук-Кайнарджийскому договору «кабардинцы возвратились под российское подданство» [6]. В работе С. М. Броневского приводятся многочисленные документы официального характера, относящиеся к русско-кабардинским отношениям середины XVI – начала XVIII в.

В работе П. Г. Буткова [7] мы находим небольшой материал по истории русско-балкарских взаимоотношений в XVIII в. По его словам, балкарцы «от зависимости кабардинцев еще в марте 1787 г. отреклись и просили принять их в подданство с тем, чтобы дано им было защищение от нападений кабардинцев» [7]. Но о самом акте присоединения Балкарии автор не пишет.

Ценнейшими трудами, не потерявшими своего научного значения и для современного кавказоведения, являются работы Р. А. Фадеева [15]. Одну из них он посвятил Кавказской войне, начало которой автор связывает с 1801 г., когда к России была присоединена Грузия. «Это событие, – пишет исследователь, – определило новое отношение государства к полудиким племенам Кавказа» [15]. По мнению автора, завладение территорией Кавказа стало с этого времени «первой государственной необходимостью», поскольку «для России Кавказский перешеек – вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское» [15]. Но покорить регион можно было, как утверждает Р. А. Фадеев, только силою оружия. По его мнению, здесь нужна «методическая война», предполагающая, что завоевание должно происходить «клочок по клочку, прочно утверждаясь в занятой местности» [15]. В работах Р. А. Фадеева содержится богатый материал о наиболее значимых событиях периода Кавказской войны.

Во второй половине XIX в., после окончания Кавказской войны, произошла окончательная интеграция кавказских народов в состав Российской империи, которая стремилась упрочить здесь свои позиции. В пореформенный период обогатилась документальная база российского кавказоведения, связанного, в первую очередь, с деятельностью созданной в 1864 г. Кавказской археографической комиссии [2].

С. А. Белокуров опубликовал большое количество документов Посольского приказа, опираясь на которые написал исторический очерк по истории русско-кавказских связей со времен Святослава до начала XVII в. [4]. Автор рассказывает о посольствах 1552 и 1557 гг., о совместных военных действиях Кабарды и России. С. А. Белокуров пишет, что в середине XVI века Московское государство «приобрело себе новых подданных, союзников, от которых в нужное время оно могло получить помощь против Крыма» [4]. Таким образом, Кабарда с этого времени оказывается включенной в сферу влияния Российского государства.

Обширные сведения по проблеме присоединения Кавказа к России, этнографическим и культурным особенностям региона приводятся в многотомной работе Н. Ф. Дубровина [9]. По мнению автора, «войскам необходимо знать, храбр ли его противник или трус, а администрации – каковы его силы и в чем заключается источник могущества неприятеля. Ей необходимо знать характер и быт того народа, с которым она приходит в столкновение и среди которого проявляется ее власть и значение» [9]. Н. Ф. Дубровин считает, что «все существование черкеса сложилось так, что без хищничества не было для него жизни, не было удовольствий в настоящем, не было блаженства и в будущем мире» [9]. Это «хищничество», по мнению автора, заставило главнокомандующего на Кавказе князя П. Д. Цицианова принять меры по искоренению этого обычая среди кабардинцев, которые в начале XIX в. находились «в зависимости России» [9]. В данной работе содержатся небольшие очерки по истории и этнографии каждого народа Северного Кавказа, что придает ей особую ценность как историческому и историографическому источнику.

Важнейшим трудом дореволюционной историографии по проблеме присоединения Кабарды к России является исследование Н. Ф. Грабовского [8]. Как и предыдущие авторы, главной предпосылкой сближения Кабарды и России в середине XVI в. он видит потребность адыгов в военной защите. В последующем они выступали в качестве союзников в войнах с Крымом. А при царе Федоре Ивановиче «к титулу русских государей был присоединен титул «Государя земли Кабардинской» [8, с. 143]. Но несмотря на это, автор пишет, что «отношения были чисто фиктивного свойства... Нередко мнимые приятели наши кабардинцы и вредили нам, вторгаясь в наши провинции для грабежей и разбоев» [8, с. 154]. Российская империя нуждалась в полном подчинении Кабарды и, говоря о событиях XVIII в., Н. Ф. Грабовский подчеркивает: «Россия, задавшись раз целью прочно утвердить свое господство на Кавказе, не могла действовать иначе... и потому существование Кабарды как независимой страны в нашем соседстве, имевшей влияние на подвластных ей ближайших народов... считавшихся в то же время и подданными России, – немыслимо было» [8, с. 179]. Но если кабардинцы, по мнению автора, начнут бороться за свою независимость, то их необходимо будет завоевывать, поскольку «хищническая натура кабардинцев... не признавала деликатных способов обращения» [8, с. 204]. В итоге, согласно Н. Ф. Грабовскому, 7 июня 1772 г. «в силу заключенного в Карасу трактата с крымцами, кабардинцы были признаны подданными Российского государства» [8, с. 223].

Стратегически важное значение Кавказа для России осветил В. А. Потто [14]. В своей работе, посвященной Кавказской войне, он замечает, что «покорение воинственного и природой защищенного края – покорение исторически необходимое, вынужденное настоятельными государственными потребностями России» [14]. Но завоевание региона затянулось на десятилетия. Говоря о сопротивлении Кабарды, В. А. Потто пишет: «Русское казачество, приведенное историческим предопределением на берега Кубани, встретило здесь в черкесах необыкновенных противников, и границы двух земель скоро стали ареной, которая вся от края до края залилась кровью, усеялась костями... Черкес весь был поэтическое создание войны и вместе с тем творец ее» [14]. И победу над этим сильным и дерзким врагом, по мнению автора, было дано одержать только «непоколебимому русскому духу». Таким образом, присоединение Кабарды стало одной из первостепенных задач Российской внешней политики еще со времен Петра I, и поэтому судьба ее, согласно Н. Ф. Потто, была уже предопределена.

Особого внимания заслуживают труды адыгских и балкарских просветителей. Проблема присоединения Кабарды к России так или иначе затрагивалась в работах И. Атажукина [3], Ш. Ногмова [13], Хан-Гирея [16] и В. Кудашева [11]. Их исторические взгляды сформировались под воздействием русской науки и культуры. Авторы отмечают важность политической ориентации адыгов на Москву в середине XVI в., являвшейся следствием военной опасности со стороны турок и крымских татар, и видят возможность дальнейшего развития своего народа в дружбе и сотрудничестве с Российским государством. В XIX в., в период полного утверждения России, как в Кабарде, так и на всем Северном Кавказе, и окончательного внедрения ее административно-политической системы в регионе, И. Атажукин, Хан-Гирей и В. Кудашев в своих работах обосновывали предпочтительность сотрудничества завоевательной политике российских властей.

История Балкарии изучена в труде М. К. Абаева [1]. Говоря о предпосылках сближения балкарцев с Россией, завершившихся последующим их соединением, он пишет: «Принимая в соображение, что Грузинское царство присоединяется к России, как только дошел слух до гор о прибытии русских войск к границам Северного Кавказа, так сейчас же таубии выбрали по одному представителю от каждой таубиевской фамилии и командировали их к главнокомандующему русской армией» [1]. Прибывшие заявили, что таубии желают присягнуть русскому «белому царю» и привести свои народы к присяге с тем, чтобы «за тауби-

ями были сохранены их права по отношению к подвластному им населению и право их на земли и чтобы религия и обычаи народа не были тронуты» [1]. Главнокомандующий русской армией принял предложение представителей горских племен «и донес на высочайшее имя, что «старшины» народов Малкар (Балкар), Безенги, Хулам, Чегем и Баксан (Урусбий) присягнули на верноподданничество и привели к присяге свои народы... Государь повелел принять это подданство и считать присоединенными к России эти народы» [1]. Исследование М. К. Абаева представляет собой первую попытку освещения истории балкарского народа в отечественной историографии. В нем наиболее полно освещена проблема вхождения Балкарии в состав России.

Таким образом, дореволюционные авторы признавали, что методы российской политики в регионе менялись в зависимости от ее политических интересов, историю взаимоотношений Кабарды с Московским государством они характеризовали как сочетание добровольного «подданства» на начальном этапе и принудительной «колонизации» со второй половины XVIII в. Русско-балкарские взаимоотношения в XVIII в. дореволюционные исследователи определяют как мирные и процесс ее присоединения, т. е. «добровольного подданства», считают завершенным в 1827 г. Понятие «подданство», на наш взгляд, содержит в себе, во-первых, обязанность подданного выполнять государственные повинности, преимущественно воинскую, во-вторых, право быть им защищенным в случае агрессии со стороны других государств или каких-то природных катаклизмов.

Использованная литература:

1. Абаев М. К. Балкария: Исторический очерк. Нальчик: Эльбрус, 1992.
2. Археографические комиссии [Электронный ресурс] // Все слова. URL: http://www.vseslova.com/brokgauz_efron4/page/arheograficheskie_komissii.9251/ (дата обращения: 20.01.2014).
3. Атажукин И. Краткое описание жителей горских Черкес; Записка о жителях Кавказа Большой и Малой Кабарды // Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 72–102.
4. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М.: Университетская тип., 1889. Вып. 1: 1578–1613.
5. Боров А. Х. Осмысление культурно-исторической специфики Северного Кавказа в отечественном кавказоведении: научная традиция и современные поиски // Исторический вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2012. Вып. 10. С. 3–38.

6. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. 2.
7. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1869. Т. 2.
8. Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1876. Вып. 9. С. 132–231.
9. Дубровин Н. Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. Департамента уделов, 187–1888. Т. 1–4.
10. Карамзин Н. М. История государства Российского. Калуга: Золотая аллея, 1993. Т. 8.
11. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991.
12. Манкиев А. И. Ядро Российской истории. М.: Университетская тип., 1799.
13. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1861.
14. Потто В. А. Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887–1889. Т. 1–5.
15. Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-Походная тип. Главного Штаба Кавказской Армии, 1860.
16. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978.
17. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1770–1791. Т. 5.

THE PROBLEM OF OCCURRENCE KABARDA AND BALKARIA INTO THE STRUCTURE OF RUSSIAN STATE IN THE PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY

ZHURTOVA Anzhela A., Post-Graduate student,
Department of the History of Russia,
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
E-mail: anzhelka28@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the issue of the occurrence of Kabarda and Balkaria into the structure of Russian state in the light of the views of the representatives of the pre-revolutionary historiography. The concepts about «citizenship», «accession», etc. are examined.

Keywords: *historiography, citizenship, accession, Kabarda, Balkaria, Russia*

«НЕ ВИДНО БЫЛО НИКАКИХ ПРИЗНАКОВ УГРОЖАЮЩЕЙ ОПАСНОСТИ...»: ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О НАПАДЕНИИ ГАЗИ-МАГОМЕДА НА КИЗЛЯР**

Рассмотрены вопросы, касающиеся нападения на город первого имама Дагестана с приведением различных взглядов и мнений. Анализ последствий и потерь населения подтвержден официальными архивными источниками.

Ключевые слова: имам, нападение, Кизляр, потери, город, крепость, ущерб, Сенат, горцы, Кавказская война.

В связи с активным обсуждением в последнее время темы Кавказской войны, мы посчитали необходимым еще раз вернуться к событиям 1831 г., когда случилось нападение первого имама на Кизляр.

К началу XIX века этот город играет важную роль на юге России, являясь, по сути, политическим и экономическим центром Северного Кавказа. Кизляр был в то время форпостом российской государственности и играл объединяющую роль, помогая враждующим народам преодолевать ненависть и неприязнь, религиозные и прочие противоречия и понимать, что миру и взаимовыгодному сотрудничеству альтернативы нет. Это тем более замечательно и делает честь кизлярцам того времени, если учесть, что город десятки раз подвергался нападениям и набегам «немирных горцев» и последствия Кавказской войны также не обошли их стороной [3, с. 57].

Но к тридцатым годам XIX в. роль административных центров крупного масштаба перешла к городам, занимающим более выгодное положение на Кавказе, что послужило причиной постепенного упадка Кизлярской крепости [2, с. 116]. Красноречивое свидетельство этому содержится в единственном официальном архивном документе-сообщении «Господину следователю Подполковнику Ковалеву и Коллежскому Ассессору Сапожникову избранных из среды Кизлярского Благородного Дворянства Депутатов» о нападении на город в 1 ноября (у некоторых авторов встречается число 13 ноября) 1831 г. конного отряда горцев первого имама Дагестана Гази-Магомеда: «...Не только из нас

* ГАРУНОВА Нина Нурмагомедовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XX–XXI веков Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Россия. Электронная почта: garunovanina@mail.ru.

** Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания № 2014/33 Министерства образования и науки России в сфере научной деятельности.

никто не имел никаких предварительных слухов, но даже не видно было никаких признаков угрожающей опасности... между тем как в одной части города беспечно покоились, обедали или занимались хозяйством, в другой носились ужасы грабежей и убийств... Хотя же при обратной переправе их через реку сделаны несколько выстрелов пушечных из крепости, которая до того была в совершенном бездействии, но и они были направлены не искусною рукою артиллериста, а некоторым армянином, ныне покойным Калустом Годерзиевым... Одним словом, злодеи скрылись спокойно, обремененные богатою добычей и энными, и никакие меры не были предпринимаемы к преследованию их...» [7, л. 10–13]. Трудно поверить, что в этом документе речь идет о некогда грозной и неприступной крепости Кизляр! Немаловажную роль сыграла и беспечность военного командования.

Нападение было внезапным, хотя об успехах Гази-Магомеда военным было известно. Например, в «Рапорте командующего на Кавказской линии генерала Эмануэля генерал-фельдмаршалу Паскевичу о восстании горцев Северо-Западного Кавказа и успехах Газимагомеда в Дагестане и Чечне», от 6 июня 1831 г., есть упоминание: «За рекой Терекком возмутитель Кази-Мулла с большим успехом восстанавливает народ. Он созывает всех /в шарриате/, то есть в сообщении единодушного действия против русских...» [15, л. 115–122]. Задолго до этого, Гази-Магомед посылает воззвание и горцам Дагестана, в которых пишет: «Захватывайте имущество примиренствующих с кяфирами, плените их. Вступайте на борьбу, потому что борьба нам обязательна» [9, с. 88–92].

В начале ноября Панкратьев и сменивший Эмануэля Вельяминов пытались зажать в тиски, засевшего в Салатау Гази-Магомеда. Заняв аул Ачехи своими значительными силами и как будто готовясь к отражению штурма, Гази-Магомед затевал большую игру. То и дело пропадая из видимости русского командования, имам выматывал войска, пользуясь непогодой и резкими переходами с места на место, и ему удалось вырваться из окружения и провести опустошительный набег на оставшийся без прикрытия Кизляр. Даже русским командованием признавалось впоследствии, что «умный имам замаскировал настоящий свой план и обманул даже такого опытного и предусмотрительного генерала, обладавшего бесспорно большими военными талантами, каким был генерал-лейтенант Вельяминов». Пока «опытный и предусмотрительный» генерал разворачивался под Ачехи, имам Гази-Магомед с тысячной конницей мюридов совершил молниеносный набег на город Кизляр.

Исследователь Доного Хаджи Мурад весьма эмоционален в описании событий нападения: «Этот интересный уголок, примкнувший к Тереку и лежащий на одном уровне, окруженный массой своих виноградных садов, совершенно открытый и почти беззащитный по довольству и богатству своих жителей, преимущественно армян, представлялся самым удобным пунктом для нападения, грабежа и всякой поживы; патриархальный быт населения, широкое хлебосольство и почти ежедневное ликование интеллигентного люда то в одном, то в другом пункте города были лучшим вспоможением для поддержания той беспечности, которою они отличались всегда. Вот и 1 ноября один из зажиточных горожан справлял свои именины и собрал у себя дома массу людей. К полудню, когда “подходило время для расправы с вкусными пирогами из самой лучшей красной рыбы, которою без конца обилует благословенный дарами природы Кизляр”, коменданту города подполковнику Широкову доложили о поджоге Лащуринского форпоста. Это было началом “страшной катастрофы”. Переправившись в трех местах через Терек, конница имама Гази-Мухаммада ворвалась в город» [10, с. 168].

«Самое пылкое воображение не могло бы себе представить той картины, которая произошла в злополучном Кизляре. Оторопелое население, потеряв всякое сознание, вместо того, чтобы скрываться в затаенных местах, выбегало из своих жилищ, металось туда и сюда и разносило всюду раздирающие душу вопли; раздавшийся на колокольнях трезвон, изображавший собою набат, вовсе излишний в эти минуты, еще более усиливал переполох и суматоху». В крепости, расположенной на окраине города, возле русской слободки, захваченные врасплох рядовые линейного № 8 батальона и инвалидной команды бегали в разные стороны, тщетно ожидая прибытия офицеров, ушедших гулять на именины. На улицах раздавалась беспорядочная ружейная пальба, горцы врывались в храмы, магазины, лавки, которых в Кизляре было множество, опустошали их и с навьюченными лошадьми и с захваченными пленными возвращались к реке, чтобы переправиться обратно на противоположный берег. Раздавшиеся вдруг из крепости орудийные выстрелы не смогли причинить наступавшим вред, ввиду прикрытия их городскими постройками. Вся эта ужасающая картина, продолжавшаяся около трех часов, закончилась катастрофой, о которой жители без содрогания не могли вспоминать даже тридцать лет спустя» [10, с. 168].

В официальных документах события представлены следующим образом. «В ноябре 1831 года Гази-Магомед совершил стреми-

тельный переход через горы, прорвал Кавказскую пограничную линию и подошел к Кизляру. В городе возникла паника. Используя все это, Гази-Мухаммад ворвался в город, но взять крепость не удалось. Среди прочих трофеев горцы увезли в горы много железа, которого им так не хватало для изготовления оружия» [2, с. 42].

Из официального рапорта генерал-лейтенанта А. Вельяминова от 5 ноября 1831 г.: «В городе сделалась тревога, и открыт был из орудий огонь, коим неприятель принужден был скрыться за домами. В одно время с сею партией другая толпа мятежников переправлялась в город в Топольской роще, около часовни святого Георгия, а третья – против части города, называемой Окочинскою. По совершении переправы одна толпа бросилась на слободку, грабя дома и забирая пленных, а другие две партии произвели то же в городе в частях Армянской и Татарской по правую сторону Тополки, но по приближении к Тезицкой хищники встречены были ружейным огнем жителями оной... Наконец, в 3-м часу все неприятельские толпы с добычей и пленными переправились обратно за Терек...» [6].

Кроме того, что Панкратьев и Вельяминов пропустили рывок имама, была совершена оплошность и Донским казачьим № 11 Басова полком, возвращавшимся из Дагестана на Дон. В Кизляр полк должен был прибыть как раз в полдень 1 ноября, но ввиду размытых дорог и усталости опоздал на несколько часов.

Гази-Магомед с добычей вернулся в свою резиденцию Чумискент, где заложил сильное укрепление.

По потерям и размерам похищенного тоже есть расхождение в сохранившихся документах той эпохи.

Одни считают, что в результате набега 134 человека (в основном гражданские лица) было убито и 45 ранено. Горцы сожгли тридцать домов и 3 церкви и увели с собой в качестве трофеев 168 человек (в основном женщин) [12]. Другие пишут о том, что в результате набега из городского населения было убито 126 человек, ранено 38, взятых в плен – 168 [14]. Среди военных убитыми оказалось 3 офицера, 3 рядовых и 5 казаков.

По официальным отчетам во время набега было убито свыше 200 человек, среди них много мирного населения, много женщин взято в рабство, были разграблены церкви, дома жителей [1].

Жертв было бы намного больше, не успей жители, понесшие до 200 тыс. руб. убытков, скрыться в крепости. Паника, произведенная нападением на город, была так велика, что в дальнейшем часть жителей, переселившаяся в крепость, разместились в казенных зданиях, соборной церкви, палатках и провела так всю

зиму. Впоследствии выкуп пленных дал Кази-Мулле и его сторонникам, участникам похода, большую сумму денег серебром.

Для иллюстрации факта нападения следует привести следующие документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Республики Дагестан:

– «Опись награбленных вещей, разрушенных строений во время нападения горцев на Кизляр. Ведомости убитых, раненых, увезенных в плен жителей во время нападения горцев» [6, л. 2–3]. Пострадавшие Кизлярско-Терского войска (казаки): убитых 12, ранено 6, увезенных в плен 18 мужчин и 7 женщин, все с указанием фамилий.

– «Ведомость об убитых, раненных, увезенных в плен... на какую сумму и сколько ограблено горскими женщинами при внезапном нападении в город Кизляр 1-го ноября 1831 года (жителей города): Убито – 5 женщин, 4 мужчин, ранено – 8 женщин, увезено в плен – 5 женщин, 5 мужчин; число ограбленных домов – 131, на сумму 209,818 рублей» [6 л. 4–13].

– «Список убитых, раненых и увезенных в плен разных чинов военного ведомства при нападении на Кизляр 1 ноября 1831 года»: убито мужчин 112, женщин 14; ранено мужчин 27, женщин 11; увезено в плен мужчин 62, женщин 106 [6, л. 14–15]. Всего было разграблено три церкви [7, л. 16], а имуществу Троицкой церкви Кизляра, разоренной горцами 1 ноября 1831, нанесен ущерб на 41,484 руб. 50 коп. [6, л. 46].

О последствиях этого нападения люди помнили и 20 лет спустя, а правительствующий Сенат издал указ от 28/9-1832 г. об облегчении жизни жителей города Кизляр, потерпевших убытки от набегов горцев [5, л. 122].

Кровопролитная, истощавшая силы государства и народов, Кавказская война разрушала связи, разъединяла народы, делая их врагами. «Весь край под ружьем, без оружия никто не пускается в путь, по полям рыщут шайки людей», – такие факты приводит в своей книге Г. А. Ткачев [13, с. 26].

Для горцев Дагестана эта война принесла страшные страдания и потери, но в то же время и всенародную славу и восхищение всего мира. Сороковые годы XIX в. были самым напряженными в Кавказской войне. Казалось бы, после 10-летней этой войны дагестанцы и русские должны были ненавидеть друг друга. Но именно в этот самый ожесточенный момент противостояния русские и представители всех кавказских народов продолжают сосуществовать и взаимодействовать в Кизляре. Как указывается в Кавказском календаре за 1853 г. [11], с 1848 по 1852 гг. Кизляр посетило 74122 гор-

ца, которыми было вывезено товаров на 489022 р. Рядом с войной, как показывает история этого города, возможно было взаимовыгодное сосуществование и была ключом мирная торговая жизнь.

Использованная литература:

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1881. Т. 8.

2. Гаджиев В. Г., Шигабуудинов М. Ш. История Дагестана: учеб. пособ. Махачкала: Дагучпедгиз, 1993.

3. Гарунова Н. Н. Кизляр в XVIII – первой половине XIX вв.: проблемы политического, экономического и культурного развития. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2000.

4. Гарунова Н. Н. Российские города-крепости в политике России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX вв.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007.

5. Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 372. Оп. 1. Д. 627.

6. Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 4. Д. 370.

7. Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 4. Д. 372.

8. Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 4. Д. 486.

9. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в.: сб. документов / сост. В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1959.

10. Доного Хаджи Мурад. Сверкающий газават. Имам Гази-Мухаммад. Махачкала, 2007.

11. Кавказский календарь на 1853. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Кавказского, 1852.

12. Локаев Т. Гази Магомед 1829–1832 [Электронный ресурс] // Потрал профессионального образования Чеченской Республики. URL: <http://proffi95.ru/blogs/moi-mir/gazi-magomed-1829-1832.html> (дата обращения: 17.02.14).

13. Ткачев Г. А Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ: Электротпечатня тип. Терского Областного Правления, 1911. Вып. 2.

14. Хроника Мухамеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / предисл. И. Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

15. Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА Д. 6259.

**«IT DOES NOT APPEAR ANY SIGNS OF IMPENDING DANGER...»:
ONCE AGAIN ON THE QUESTION OF THE GAZI-MAGOMED
ATTACK ON KIZLYAR**

GARUNOVA Nina N., Dr. Sci. (National History),
Prof., Department of the History of Russia of the 19-th – 21-st centuries,
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
E-mail: garunovanina@mail.ru

We considered the first attack on the town of Imam of Dagestan to bringing different views and opinions. With the use of official archival sources are analyzed the consequences and the population loss.

Keywords: *imam attack, Kizlyar, loss, city, fortress, the damage, the Senate, the Highlanders, the Caucasian war.*

РАЗДЕЛ 2.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: БАТАЛИИ, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ

А. Н. Рябиков*

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА КАВКАЗЕ В ХОДЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1806–1809 ГГ.

Рассмотрены боевые действия России против Турции в ходе войны 1806–1812 гг. Показана роль в ней кавказских народов, а также неудачные попытки европейской дипломатии в создании антироссийского союза Османской империи и Персии.

Ключевые слова: внешняя политика, Российская империя, Османская империя, Персия, русско-турецкая война 1806–1812 гг., кавказские народы, военные действия.

Исследование боевых действий на Кавказе в 1806–1812 гг. позволяет нам глубже раскрыть специфику российского присутствия в регионе.

Необходимо сразу отметить, что в то время завладение Кавказом не рассматривалось в качестве генеральной задачи ни Турцией, ни Россией. Для России основным направлением было западное – участие в антинаполеоновской коалиции, а для Турции – европейское, балканское, в том числе и касающееся осmano-российской войны 1806–1812 гг. Именно в Европе противодействие русским войскам носило более организованный массовый характер. Это накладывало отпечаток на своеобразие боевых действий на Кавказе, а именно: локальный характер ввиду отсутствия единой линии фронта, растянутость коммуникаций, отсутствие значительных воинских контингентов с обеих сторон. Свообразие вносил также географический фактор Кавказа: сложный рельеф местности, большие перепады высот, отсутствие дорог, по которым могут перемещаться значительные массы артиллерии и обозов.

* РЯБИКОВ Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, г.Славянск-на-Кубани, Россия. Электронная почта: rybicov@mail.ru.

В узких горных проходах было легко остановить военные колонны даже действиями легковооруженных отрядов, последнее обусловило широкое преимущество разъездов для безопасности маршевых продвижений. Необходимо также отметить широкое применение иррегулярных войск, как Россией, так и Турцией. Военные коммуникации этих стран находились постоянно в опасности, которую создавали вооруженные формирования коренного населения, часто воспринимавшего в качестве врагов как ту, так и другую сторону. Значительное препятствие для российских войск представляли «лезгинские шайки», кабардинские, отчасти чеченские «хищники». Для турецких войск большой проблемой были курдские вооруженные отряды, лояльность которых Стамбулу часто определялась объемом материального поощрения.

30 декабря 1806 г. Турция объявила России войну. Расстановка сил была следующей. Российские войска имели в качестве оперативной базы Тифлис, а турки в качестве опорного пункта Эрзерум. По сути, эти города станут целями для ударов противников. В соответствии с данной диспозицией основными направлениями действий русских войск было карское и ахалцихское.

Первые сведения о приготовлении турок на границе были получены в июне 1806 г. По слухам в пограничных пашалыках власти объявили сбор ополчений [1, с. 917]. Заготовка продовольствия и фуража осуществлялась за счет неограниченного грабежа местного населения, что делало невозможным проведение незаметной подготовки к вторжению. Основные претензии Турции заключались в «российском» статусе Грузии, а также вхождение в ее подданство Имеретии в 1804 г., Мингрелии в 1803 г. и Гурии в 1804 г. Султанские фирманы посылались в Закубанье, Кабарду и весь Северный Кавказ с призывами изгонять русских. Порта выдвигала идею полного изгнания России за Кавказскую линию и далее. Российское правительство со своей стороны разработало проекты распространения своего влияния в Закавказье и ставило задачу соединить под своей властью все грузинские и армянские земли.

Говоря о преимуществах положения сторон на кавказском театре боевых действий, надо отметить, что Турция была в более выгодном положении за счет того, что ее войска имели более короткую коммуникацию и более широкую операционную базу. В то же время российская армия имела растянутые коммуникации и ограниченную базу в Закавказье, что приводило к необхо-

димости действовать в разных направлениях, а это в условиях горной местности неумолимо приводило к дроблению войск.

Защита и укрепление своих границ в Европе заставляло российское командование отозвать из Грузии значительную часть своих сил. По данным А. В. Фадеева, российский контингент к началу боевых действий против Турции в 1806 г. достигал численности 20 тысяч человек [11, с. 33]. С учетом того, что Россия уже два года воевала с Ираном и часть своих войск вынуждена была держать на этом направлении, российская группировка, действовавшая против Турции, была еще меньше.

В начале 1807 г. активных боевых действий не предпринималось. Но 20 февраля 1807 г. турки неожиданно для российских войск предприняли внезапное нападение на Редут-Кале. Данная операция проводилась с целью захвата единственного опорного пункта, связывавшего российское командование с Закавказьем, с Восточно-Черноморским побережьем, по которому проходило сообщение Грузии с Крымом.

Развитие событий в Закавказье не принесло российскому командованию в первой половине 1807 г. существенных успехов, напротив, было несколько неудачных операций в районах Поти и Ахалкалаки. Штурм вышеобозначенных укреплений был плохо подготовлен и принес большие потери для российских войск. Яркая победа, одержанная российскими войсками в сражении на реке Арапчай 30 июня 1807 г., когда шеститысячный русский отряд разгромил двадцатипятитысячную турецкую армию, предотвратила вторжение османских войск в Грузию и выбила стратегическую инициативу из рук Турции.

Российское командование не только не использовало данную победу в попытке развить контрнаступление на карском направлении, но и произвело отход к Гюмри. Сложившаяся ситуация привела вскоре к заключению Слободзийского перемирия 24 августа 1807 г. В этот период каждая из сторон на Кавказе решала свои тактические задачи. Для России было важным обезопасить свой левый фланг (иранское направление), а Турция, в свою очередь, пыталась создать плацдарм в Абхазии для вторжения в Западную Грузию с севера. С этой целью весной 1808 г. турецкие агенты организовали убийство лояльно настроенного к русским владельца Абхазии Келеш-бека-Шерванидзе. На абхазский престол восходит его старший сын Аслан-бей, обратившийся за помощью к султану. Таким образом, османская империя приобретает важный опорный пункт на побережье Кавказа — Сухумскую крепость.

Побережье Абхазии и Западной Грузии было весьма уязвимо для действий турецких военных. В то же время Черноморское побережье Черкесии из-за своей удаленности также не могло полностью обеспечиваться из-за рейдерских действий российского флота. Обстановка усугублялась тем, что Франция в 1810–1811 гг. при помощи своих кораблей постоянно доставляла военные грузы на контролируемые Портой участки Черноморского побережья [6, с. 53-4].

Типичным примером того, что в войне были активно задействованы горцы Западного Кавказа, служит кажущаяся столь непоследовательной позиция русского командования в отношении Анапы. В апреле 1807 г. крепость была взята русскими войсками, разрушена и оставлена, что позволило туркам в том же году восстановить Анапу, сделав своеобразным координирующим центром антироссийских сил на Западном Кавказе. Забегая вперед, скажем, что в 1809 г. русские снова вынуждены были взять Анапу, а по мирному договору 1812 г. обязались вернуть ее туркам. Подобное стало возможным благодаря тому, что российские военные не могли в должной мере обеспечить пути сообщения через враждебно настроенную Черкесию.

Вторжение российских войск воспринималось верхушкой черкесского горского населения как посягательство на свои торговые интересы, состоящие в основном в беспрепятственной работоторговле. Такого рода деятельность не прекращалась даже с захватом Анапы русскими войсками, и в 1810 г. продолжают фиксироваться случаи перехвата российскими кораблями турецких судов с абазинскими и русскими пленными, отправляемыми в Турцию [12, с. 174–175].

Османское правительство на Кавказе еще до начала войны пыталось агитационно-дипломатическими средствами поднять против Российской империи кабардинцев и другие народы Северного Кавказа. Для реализации этой цели весной 1804 г. от анапского правителя были направлены эмиссары османов с призывом подняться против России [10, л. 9–10]. Успешные плоды турецкой агитации на Северном Кавказе подтверждают те факты, что, во-первых, кабардинские, чеченские и балкарские старшины в 1809 г. приняли турецких агентов с фирманами от царевича Александра и ахалцихского Селим-паши; во-вторых, кабардинские князья пригласили на свое собрание представителя командующего османскими войсками за Кубанью [5, с. 116].

В 1809 г. Порта при поддержке Великобритании возобновила боевые действия против России, но надежды кабардинской соци-

альной верхушки на военную помощь Турции не сбылись. Кабардинская знать не находила поддержки среди собственного народа в вопросе противодействия российскому присутствию. К русскому командованию постоянно присылались представители незнатных кабардинцев с предупреждением о готовящемся восстании, с просьбами переселиться за Кавказскую Линию [4, с. 226–227].

В 1809–1811 гг. Российская империя успешно вела войну с Турцией. На кавказском театре военных действий русские взяли крепости Поти и Сухум-Кале. С марта 1809 г. по июль 1810 г. турки потеряли все опорные пункты на Кавказском побережье Черного моря – от устья реки Кубани до устья реки Поти. Это серьезным образом усилило правый фланг российских войск в Закавказье и обусловило переход Гурии и Абхазии под протекторат России.

В исторической науке, как и в представлении российского командования, не было деления на иранское и турецкое направления. Будущая российская граница представлялась единой линией от Баку до Трапезунда, причем борьба Турции с Ираном воспринималась как единая акция утверждения России на Кавказе. Война с Ираном приобретала длительный характер, который можно объяснить помимо малочисленности русских войск на этом направлении еще и, возможно, тем, что затягивание войны было частью российского стратегического плана, согласно которому чем дольше длилась война, тем более значительные территориальные приобретения можно было получить в качестве компенсации. Это подтверждают слова командующего А. П. Тормасова, сказанные позже, в мае 1809 г. Новые войны с Турцией и Ираном, по его словам, давали возможность «присоединить навсегда к Грузии под державу государя императора Имеретию, Мингрелию, Авазгию (Абхазию), Гурию со всеми к ним прикосновенными княжескими уделами, в горах и на плоскости находящимся: присоединенные к российской державе оружием или трактатами от турецкой державы пашалыхства Ахалцихское и Карсинское и от Персидской державы владение Ереванское по реке Аракс и сею рекою через Арзрум к берегу Черного моря до Требизонда учредить российскую границу» [9, л. 9–12]. Иран не смирился с потерей закавказских ханств. Одним из направлений его деятельности, как и в случае с Турцией, была посылка эмиссаров к кавказским народам.

После занятия в 1806 г. Дербента, Баку, а также других городов и районов Закавказья шахское правительство Персии принимает предложение Франции и заключает 4 мая 1807 г. Финкенштейнский договор оборонно-наступательного харак-

тера. Обещание возвратить Ирану Грузию, а также оказать всемерную материальную помощь и обеспечить военными инструкторами, приводит к усилению французского влияния в Иране, а в последующем ирано-французском договоре, подписанном в 1808 г., капитуляционные права Первой империи были доведены до абсолюта, так как за иностранцами было закреплено право их экстерриториальности.

Тильзитский мир круто изменил международную ситуацию не только в Европе, но и на Среднем Востоке. Наполеон I превратился в союзника России, более того, Франция обязалась выступить посредником в деле урегулирования ирано-российской войны [8, л. 9]. Отсутствие материальной поддержки со стороны французов приводит к переориентировке султана и шаха на поддержку Англии.

С 1808 г. обстановка в Закавказье складывалась для России как нельзя более благоприятно. Иран не мог ничего противопоставить в военном отношении, кроме как побуждений к набегам в Грузию (лезгинцев, осетинцев) [7, л. 17]. Усилия французов и российских дипломатов в вопросах урегулирования османороссийского конфликта 1806–1812 гг. способствовали затягиванию решения вопроса об окончательном соглашении. В итоге Франция, невольно содействовавшая продолжению войны (в своих целях: участия России в будущей войне на два фронта), объективно играла на руку русским, поскольку продолжение войны способствовало дальнейшим территориальным приращениям Российской империи.

Русские военные в кампании 1809 г. планируют вести боевые действия, направленные на захват закавказских территорий Османской империи [8, л. 12 об]. Позиции России в этом и последующем году усиливаются в связи с приведением к присяге Имеретии и удалением ее царя Соломона от управления.

Как уже отмечалось ранее, в 1807 г. Персия и Порты сближаются, это выражается в создании военного союза под эгидой Франции. Первым проявлением этого союза стали не конкретные военные действия, а совместные воззвания к народам Дагестана с «приглашением к возмущению и единодушному с ними действию» [1, с. 533] против российских войск, появившиеся весной 1807 г.

Успехи российских войск на Балканах и на кавказском фронте вынудили турок заключить перемирие с Российской империей в октябре 1807 г. Этот факт разрушил начавшую складываться ирано-турецкую коалицию. Турки пытались вовлечь в османороссийский конфликт дагестанские народы,

поощряя их налеты на грузинские земли. Помимо этого, распространялась дезинформация о передаче Порте Крыма, Грузии и Имеретии. Ахалцыхский пашалык стал своего рода базой для антироссийски настроенных сил. Даже персы пытались использовать Ахалцыхского пашу, предложив ему деньги для найма «лезгинского войска» [2, с. 786–787].

Несмотря на старания ирано-турецких агентов, в 1810 г. им не удалось спровоцировать крупные антироссийские выступления в Дагестане. Степень взаимодействия Турции и Ирана было достаточно низкой, недостаточной для достижения единства военных действий против России. Внутренние ирано-турецкие противоречия оказались сильнее. Попытка совместно действовать против российских войск в Грузии в мае 1811 г. была неудачной, и, как отмечалось выше, турецкая армия была разбита на глазах ничего не предпринимавшей для помощи османам иранской армии. Это еще раз показало непрочность ирано-турецких отношений, несмотря на все дипломатические усилия. Военные столкновения с турецкими и персидскими отрядами осложнялись тем, что российским войскам приходилось преодолевать противодействия не только беков, недовольных ущемлением своих прав и привилегий, но и крестьян, как, например, в сражении у местечка Зиахур 6 ноября 1811 г., когда русский отряд был вынужден отступить [3, с. 426–427].

О том, что Турция и Иран не отказались от своих планов вернуть Кавказ, говорит тот факт, что уже в 1813 г. их агенты снова появились среди кавказских народов, настраивая последних против России. Своеобразной вехой, завершившей этот этап, можно считать 1815 год, когда Россия получила признание своих территориальных присоединений решением Венского конгресса. Отсутствие на конгрессе Турции, капитуляция и значительное ослабление Франции (основного подстрекателя и поставщика военных специалистов для Турции) предопределили более благоприятную обстановку для России.

По Бухарестскому миру Россия приобрела прибрежную полосу от устья реки Бзыби до устья реки Риони, протяженностью порядка 200 километров, тем самым русское присутствие на восточном берегу Черного моря было прочно закреплено.

Использованная литература:

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А. Д. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1896. Т. 3.

2. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А. Д. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. Т. 4.

3. Дубровин Н. Ф. История войн и владычества русских на Кавказе: в 6-ти т. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1887. Т. 5.

4. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. М.: Наука, 1967. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.

5. Киняпина Н. С. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX вв.) М.: Из-во МГУ, 1984.

6. Приймак Ю. В. К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV – первая треть XIX в.). Армавир: Армавирский гос. педагогический ин-т, 1997.

7. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 470. Д. 39.

8. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 482. Оп. 1. Д. 17.

9. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Д. 332.

10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Д. 6164. Ч. 59.

11. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Алгоритм, 2003.

12. Щербина Ф. А. История кубанского казачьего войска. Краснодар: Советская Кубань, 1992. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горцами.

THE MILITARY OPERATIONS IN CAUCASUS DURING THE RUSSO-TURKISH WAR OF 1806–1812

RIABICOV Alexander N., Cand. Sci. (National History), Assoc.
Prof., Head, Department of History and History Teaching Methods,
Slavyansk-on-Kuban Branch, Kuban State University,
Slavyansk-on-Kuban, Russia
E-mail: riybicov@mail.ru

In this article the military operations between Russia and Turkey in the war of 1806-1812 are considered. The role of Caucasian peoples in this war and unsuccessful enterprises of Europeans diplomacy in create anti-Russian union of Ottoman Empire and Persia are shown.

Keywords: Foreign policy, Russian Empire, Ottoman Empire, Persia, Russian-Turkey war 1806–1812, Caucasian peoples, military operations.

РУССКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ НА РЕКЕ АФИПС. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В статье даны сведения о возведении закубанских укреплений на реке Афипс в 1830 и 1810 гг.

Ключевые слова: закубанские укрепления, Кавказская война.

В 1830 г., по условиям Адрианопольского мира с Турцией, после присоединения Закубанья и восточного побережья Черного моря к Российской империи, была предпринята первая масштабная попытка покорения черкесских народов, известная как экспедиция И. Ф. Паскевича. Эта операция проводилась в несколько этапов, и действия велись одновременно как с Кубанской, так и с Черноморской кордонных линий. Одним из результатов экспедиции стало создание отрядом войск, действовавших со стороны Екатеринодара, нескольких закубанских укреплений – Мостового-Алексеевского, Георгие-Афипского и Ивано-Шебского. В данной статье мы ставим своей целью рассмотреть с позиций исторической географии некоторые спорные аспекты истории укрепления, основанного на реке Афипс в ходе летней экспедиции 1830 г., а также так называемой Федоровской батареи, устроенной в Закубанье по приказу атамана Ф. Я. Бурсака в 1810 г.

План масштабной экспедиции против горцев был представлен командующим войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани генералом Г. А. Емануэлем еще 26 декабря 1829 г. Согласно данному плану, в 1830 г. предполагалось устроить два укрепления: одно – на реке Белой, при урочище Длинный лес, с целью покорения абадзехов, а другое – у впадения реки Шебш в Афипс для действия против шапсугов и натухайцев. При этом первым этапом предусматривалась закладка летом самих укреплений, а движения отрядов вглубь горских земель предполагалось осуществить уже осенью того же года. С этой целью силы, предназначенные для действий за Кубанью, были разделены на два отряда: один действовал со стороны Усть-Лабинской крепости, другой – от Екатеринодара [25, с. 197]. Отряд, предназначенный для действий на реках Шебш

* ЖУПАНИН Святослав Олегович, научный сотрудник Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: solhist@inbox.ru.

и Афипис, сосредотачивался в Екатеринодаре и состоял под начальством генерал-майора А. Д. Безкровного. В его состав входили: бригада 14-й пехотной дивизии, три черноморских полка – всего 2520 егерей и 1500 казаков, а также 12 орудий [25, с. 200]. Действия военных отрядов за Кубанью, а тем более создание долговременных укреплений, требовали наличия достаточно надежных коммуникаций с кордонной линией и прикрытия переправы через Кубань. Не стала исключением и экспедиция 1830 г. – с 29 июня отряд Безкровного приступил к постройке Алексеевского мостового укрепления [25, с. 201]. Располагалось оно в 15 верстах от Екатеринодара. Это расстояние верно, если отсчитывать путь по военной дороге, шедшей вдоль реки Кубань (отметим, что в XIX в. в России применялась так называемая «путевая» верста, равная 1,06 км [19, с. 240]). Располагался тет-де-пон в урочище Хомуты (первоначальное название «Александровский кут») – низменной пойме Кубани длиной около 5 км, юго-восточнее нынешней станицы Елизаветинской [29, с. 506]. Небольшие укрепления прикрывали оба берега реки, связь между ними поддерживалась четырьмя паромами. Тет-де-пон на левом берегу представлял собой квадрат с двумя угловыми бастионами и гарнизоном из 200 человек [29, с. 18] [25, с. 201]. В настоящее время – это окраина хутора Хомуты. На месте же правобережного тет-де-пона сейчас располагается дачный массив (4 км юго-восточнее станицы Елизаветинской).

При этом необходимо отметить, что переправа в урочище Хомуты использовалась русскими войсками задолго до рассматриваемых событий. Тет-де-пон на этом месте впервые был заложен еще в 1810 г. по приказу войскового атамана Черноморского казачьего войска генерал-майора Ф. Я. Бурсака, но по мирному трактату между Россией и Турцией в 1812 г. был оставлен, а через 18 лет укрепление вновь восстановил отряд А. Д. Безкровного [29, с. 18]. Здесь, по нашему мнению, особо стоит обратить внимание на тот факт, что столь удаленное место для переправы через Кубань было выбрано не случайно. Действительно, на первый взгляд гораздо логичнее было бы устроить тет-де-пон против самой Екатеринодарской крепости, при этом избежав значительного крюка в 15 верст до урочища Хомуты. Однако картографический материал позволил дать однозначный ответ на этот вопрос. На ряде карт периода Кавказской войны (к примеру, «Карта Закубанского края», 5 верст в дюйме, начало 1860-х гг. [20]) на левом берегу Кубани, против Екатеринодара, отмечен обширный лиман, примыкавший к восточной границе уро-

чища Хомуты, а у западной оконечности последнего, на левом берегу, также начиналась низменная болотистая местность, доходившая до самого впадения Афипса в Кубань (рис. 1). Кроме того, южная часть Карасунского кута на правом берегу Кубани также была занята болотистой пойменной террасой [2, с. 36]. Таким образом, переправа у Екатеринодарской крепости была крайне затруднена, а в определенное время года, по всей видимости, вообще невозможна.

Рис. 1. Фрагмент пояснительной карточки военных действий в земле шапсугов в 1860 году [23, л. 1].

Интересно, что на начальном этапе своего существования закубанские укрепления в документах могли именоваться по-разному. Например, в рапорте на имя А. Д. Безкровного от 25 сентября 1830 г. мостовое укрепление на Кубани именуется Тимошевским укреплением [5, л. 5]. Это название, судя по всему, происходит от Тимашевского кута — урочища, расположенного вдоль Кубани южнее станции Елизаветинской, на востоке граничащего с Хомутовым кутом [29, с. 466].

5 июля, после устройства тет-де-пона, генерал Безкровный переправился

через Кубань и перешел на реку Афипс, оставив на переправе небольшой гарнизон в 76 егерей, 220 казаков при одном орудии. А уже 6-го числа отряд приступил к возведению Георгие-Афипского укрепления [25, с. 201].

Основные работы на Афипсе были завершены к 20 июля, и, оставив там в гарнизоне 2 роты егерей, 3 сотни черноморцев и 6 орудий, Безкровный с отрядом двинулся вверх по реке Шебшу, где 24 числа заложил Ивано-Шебское укрепление [25, с. 204].

«Диспозиция для отрядов, имеющих быть расположенными за р. Кубанью», составленная Г. Емануэлем на летнюю экспедицию 1830 г., предписывает отряду Безкровного (4021 человек и 12 артиллерийских орудий) расположиться «при устье р.

Пшебжь на р. Афипсе под начальством командующего 3-й бригадой 14-й пехотной дивизии полковника Аристова и под главным управлением Бескровного» [7, л. 5]. В рапорте от 12 июня 1830 г. Емануэль писал Паскевичу: «...Укрепленный лагерь на Шебше устроить преимущественно при самом впадении Шебша в р. Афипс, т. е. между сими реками при самом соединении оных, если тому местоположение возвышенностию своею будет соответствовать, ибо устройством такового укрепления можно иметь на обеих сих реках мост для действия войск в Шебское или Афипское ущелье» [7, л. 3 об]. Таким образом, по первоначальному плану летней экспедиции 1830 г. отряду, действовавшему со стороны Екатеринодара, предполагалось заложить за Кубанью только одно укрепление в стратегически важном месте, контролирующем как плодородные равнины урочища Сатрук на правом берегу Шебша, так и междуречье Афипса и Шебша, что вполне соответствует упомянутому уже плану Емануэля 1829 г. Вполне очевидно, что фактические действия отряда Бескровного пошли по иному сценарию – были созданы два укрепления, причем не в том месте, где предполагал Емануэль.

Обратимся вновь к «Диспозиции...»: «Главным начальникам... вменяется в обязанность лично отправиться с отрядами за Кубань и выбрать выгоднейшие позиции к занятию и устройению укрепленных лагерей на 300 чел. пехоты и столько же кавалерии с 4 орудиями...» [7, л. 5 об]. Из этого следует, что непосредственный обзор местности и выбор места для укреплений производился уже в ходе самой экспедиции, смотря по обстановке. Сведений же о причинах изменения первоначальной диспозиции в архивных документах нам не удалось обнаружить.

Принято считать, что место, где находилось Георгие-Афипское укрепление, известно достаточно точно благодаря сохранившемуся в Государственном архиве Краснодарского края плану местности 1865 г. [9, л. 12], начерченному хорунжим Ставцевым. На нем представлены окрестности станицы Афипской и остатки оборонительных сооружений бывшего укрепления, которое находилось немного севернее современного железнодорожного моста через реку Афипс (рис. 2). Точность чертежа не подвергается никакому сомнению, т. к. он выполнен при помощи топографической съемки.

Однако в Государственном архиве Краснодарского края нами были обнаружены два неопубликованных плана, на которых обозначены укрепления на Афипсе и Шебше. Первый из них датирован 1830 г. [6, л. 160 об–161]. Второй план создан в

Рис. 2. Спутниковый снимок местности в районе устья реки Шебш и станицы Георгие-Афипской. № 1 – место расположения укрепления на Афипсе на плане 1865 г., № 2 – место расположения укрепления на Афипсе на плане 1836–1838 гг.

укрепления, указан тет-де-пон – мостовое укрепление. Однако план 1830 г. дает нам лишь крайне приблизительное представление о расположении укрепления на Афипсе, т. к. изобразил русло реки весьма условно, без прорисовки деталей.

Автор же плана 1836–1838 гг., несмотря на значительную схематичность изображения русла Афипса и его притока Шебша, четко вывел контуры только одной излучины реки, где в образуемом ею куте он и обозначил Афипское укрепление (рис. 3). Отметим, что указанная излучина, бесспорно, читается и на современных картах и спутниковых снимках, но расположена на километр выше по течению от крепости на чертеже Ставцева 1865 г. (рис. 3, 2). Нами был произведен осмотр местности в районе предполагаемого местоположения укрепления. Небольшой кут, образованный излучиной, сильно зарос пойменной растительностью, никаких следов земляных крепостных сооружений выявлено не было. Попробуем выяснить, могло ли вообще расположиться укрепление в рассматриваемом нами месте, т. к. кут, образованный излучиной Афипса, имеет достаточно небольшую площадь. И, прежде всего, необходимо определить приблизительные размеры крепостных сооружений.

период 1836–1838 гг. и показывает направления движения отрядов из Афипского укрепления к черкесским кошам [12, л. 146]. Оба плана выполнены крайне схематично, без масштаба и учета реальных особенностей местности, а их авторы, судя по всему, нанесли только те географические объекты и элементы ландшафта, которые их непосредственно интересовали. Отметим, что на обоих чертежах на левом берегу Афипса, против основного

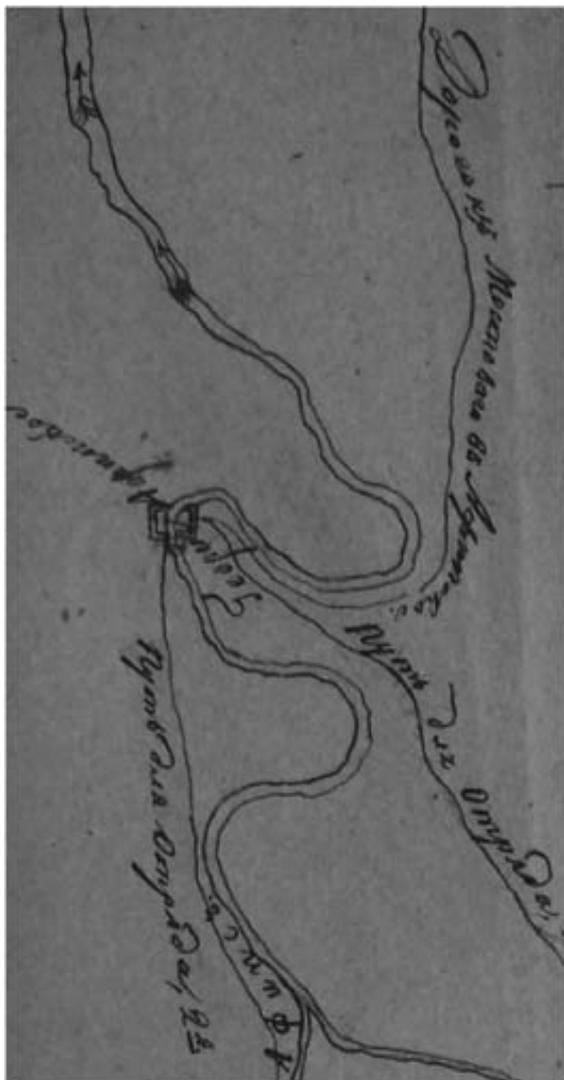

Рис. 3. Фрагмент плана 1836–1838 гг. с показанием месторасположения укрепления на Афи́псе [12, л. 146]

ститься у основания рассматриваемой нами излучины Афи́пса. Выбор данного места можно объяснить и с точки зрения удобства обороны – с трех сторон укрепление было бы защищено водной преградой.

Отметим, что количество гарнизона в крепостях напрямую зависело от длины оборонительных линий. В том же Афи́пском укреплении последние, по приблизительным подсчетам, составляли около 1 000 сажень (около 2 км). Все закубанские укрепления периода Кавказской войны относились к классу временных полевых укреплений [24, с. 5]. Для временных укреплений на 1 сажень оборонительной линии полагалось по 2 человека,

Согласно строевым рапортам, по штату в 1844 г. гарнизон Георгие-Афи́пского укрепления включал: 2 штаб-офицера, 14 обер-офицеров, 82 урядника, 920 казаков и 18 музыкантов [17, л. 19 об–20]. Небезынтересно провести здесь сравнение с другой крепостью, сооруженной на территории Закубанья, – Абинской. В ней, по штатному расписанию в том же 1844 г. полагалось: 2 штаб-офицера, 14 обер-офицеров, 82 унтер-офицеров, 18 музыкантов, 920 рядовых, 46 нестроевых [16, л. 101 об–102]. Таким образом, количество гарнизона в укреплениях было практически одинаковым, следовательно, сходной была и длина оборонительных линий, размеры укреплений. Известно, что Абинское имело форму неправильного многоугольника с шириной 235 м, а длиной 350 м [1, с. 159], что коррелирует с размерами Афи́пского укрепления на плане Ставцева. Подобное сооружение, на наш взгляд, вполне могло разме-

кроме того – еще 2 человека во вторую шеренгу и 2 – в резерве [10, л. 105]. Исходя из этого, только для одного укрепления на Афиписе требовался гарнизон почти в 6 тыс. человек! Нехватка гарнизона в крепостях была проблемой повсеместной. Так, в обзоре Черноморской береговой линии, составленном корпусным командиром в 1840 г., указывалось, что для защиты полевых укреплений, если исходить из общей длины оборонительных сооружений, потребно такое количество войск, которое невозможно даже разместить на территории, ими обороняемой [10, л. 108 об].

Немаловажным фактором при выборе места закладки укрепления являлась высота берега реки, безопасность местности с точки зрения риска подтопления. В рассматриваемом нами возможном месторасположении Георгие-Афипиского укрепления высота берега незначительна, в то время как ниже по течению реки, в районе современного железнодорожного моста, правый берег имеет достаточно высокий склон. Однако отметим, что в архивных документах имеются сведения о планировавшемся в первой половине 40-х гг. XIX в. переносе Афипиского укрепления из-за постоянного подтопления [14, л. 2 об, 9]. Так, описание одного из подобных наводнений приводит Ф. А. Щербина: «Вода держалась на два фута выше контр-эскарпов в продолжение двух суток. Гарнизон, отрезанный с крепостью от суши, не имел возможности известить о своем критическом положении

Рис. 4. Фрагмент карты Закубанских горских народов, 20 верст в дюйме, 1857, г. Тифлис.

ни Екатеринодар, ни ближайшие посты и пикеты» [28, с. 452].

На наш взгляд, возможность того, что укрепление на Афиписе в 1830 г. было заложено выше по течению реки, в месте, указанном на чертеже 1836–1838 гг., вполне вероятно. Случаи переноса фортификационных сооружений случались, причины же могли быть разнообразными – неудоб-

ное месторасположение укрепления, утрата значения в связи с изменениями в военно-политической обстановке и проч. Причем подобные случаи остаются, как правило, малоизученными, «темными» страницами в истории укрепленных пунктов, т. к. документы зачастую не содержат сведений не только о причинах переноса, но даже и о самом факте этого. Примером может служить Ивано-Шебское укрепление, также основанное отрядом А. Д. Безкровного в 1830 г., а спустя около полугода разрушенное и восстановленное на новом месте [18, с. 44–50].

Георгие-Афипское укрепление привязывалось к важнейшей коммуникации в Закубанье – Анапской дороге, которая неоднократно упоминается в документах и литературе, а также схематически показана на многих картах Закубанья периода Кавказской войны (рис. 4). Она пересекала Афипс рядом с укреплением, и в 1830 г. предпринимались попытки использовать ее для связи отрядов Безкровного и полковника Флиге у Длинного леса [22, с. 4]. Неслучайно в этом же месте, у пересечения Анапской дорогой Афипса, в 1810 г. отрядом графа Рошешуара был устроен редут, известный как Федоровский, названный так в честь наказного атамана Федора Яковлевича Бурсака. Этот редут, просуществовавший до 1812 г., по некоторым данным находился в 10 верстах от Кубани [26, с. 87], а Георгие-Афипское укрепление – в 12 [13, л. 40], однако столь небольшой погрешностью можно пренебречь, учитывая небольшую точность расстояний, приводимых в дореволюционных источниках. Согласно статье краеведа В. Соловьева в «Энциклопедическом словаре по истории Кубани», Федоровская батарея располагалась на левом берегу Афипса и была восстановлена русскими войсками в 1830 г., одновременно со строительством Георгие-Афипского укрепления, в качестве тет-де-пона. В. Соловьев при этом ссылается на план инженер-майора Бюрно, в котором батарея выглядела «...немного вытянутым прямоугольником с изломом западного фаса» [29, с. 491]. Источником для написания статьи послужили архивные материалы [9]. Однако в указанном В. Соловьевым архивном деле никаких сведений, а тем более плана батареи на Афипсе, нет. В нем хранится уже упомянутая карта 1865 г. хорунжего Ставцева. Именно на ней, против Георгие-Афипского укрепления, на левом берегу обозначен небольшой тет-де-пон с изломом западного фаса [9, л. 12]. О том, что В. Соловьев использовал именно карту Ставцева, свидетельствует и упоминание им в «Энциклопедическом словаре...» о древнем укреплении на правом берегу Афипса, которое обозначено на

плане 1865 г. [29, с. 491]. В архивных документах 1810 г., хранящихся в Государственном архиве Краснодарского края, точных сведений о местоположении устроенного на Афиписе редута не обнаружено (см.: [3] [4, т. I, т. II]). Зато указана цель его постройки: «...Чтоб непримиримые сапсуги были всегда войсками нашими [тревожимы], лишились бы лучшей своей земли, нужной им для хлебопашества и скотоводства» [4, л. 39 об], что схоже с задачами укреплений на Афиписе и Шебше 1830 г.

Рис. 5. Фрагмент военно-исторической карты Северо-Западного Кавказа 1774–1864 гг., 20 верст в дюйме, сост. Е. Д. Фелицын

Сведения о том, что Федоровский редут находился на левом берегу Афиписа, есть и у В. Томкеева [25, с. 201]. Однако в упомянутой уже «Диспозиции...» 1830 г., помимо основания укрепления при устье Шебша, предлагалось «...для коммуникации восстановить старое укрепление Федоровское на правом берегу реки Афиписа, в коем иметь 200 человек пехоты, 200 человек конницы и 2 орудия», а на левом берегу,

для переправы, по усмотрению главного начальника, основать тет-де-пона (см.: [6, л. 90 об] [7, л. 4]). В краеведческих очерках по истории Северского района приводится цитата из донесения атамана Безкровного об основании на правом берегу на месте старого Федоровского укрепления нового – Георгие-Афипиского, а против него, на левом берегу – другого, «в меньшем виде» [27, с. 16]. Однако авторы, к сожалению, не указали источник цитаты.

Подтверждение того, что редут располагался именно на правом берегу, мы находим и в картографических источниках: «Карте Российских владений Кавказом», составленной Корпуса топографов поручиком Колоколовым в 1836 г. в масштабе 40 верст в дюйме [21], а также военно-исторической карте Е. Д. Фелицына (рис. 5).

Укрепление, устроенное «в меньшем виде» – тет-де-пон, вероятно, занималось войсками лишь в случае необходимости.

Так, например, в рапорте инженер-полковника Кокарева от 1 июня 1844 г. говорится, что на левом берегу Афиписа вовсе не существует никакого укрепления [14, л. 11]. Да и сообщение его с Георгие-Афипским укреплением на правом берегу во время половодья, когда деревянный мост через реку сносило, было сильно затруднено и производилось при помощи двух каюков, специально для этого завезенных [8, л. 28, 31].

Выше уже отмечалось, что действия отряда Безкровного летом 1830 г. пошли по иному сценарию, чем предполагалось в «Диспозиции...» Емануэля. Согласно последней, было бы логично, основав укрепление у устья Шебша, занять на коммуникации с Мостовым-Алексеевским укреплением старый редут на правом берегу Афиписа. Подобным же образом действовал в 1830 г. отряд со стороны Усть-Лабинской крепости – на сообщении с лагерем при Длинном лесе, на реке Псинафо, был занят небольшой редут, именуемый в документах «Псинафским укреплением» [11, л. 39 об]. Однако в связи с изменением первоначального плана Георгие-Афипское укрепление было заложено ниже по течению реки, на месте Федоровского редута. Отметим также, что в одном из военных рапортов, датированном сентябрем 1830 г., укрепление на Афиписе названо Старо-Федоровским [7, л. 132].

В пользу нахождения редута на правом берегу Афиписа свидетельствует тот факт, что основной целью войск, в нем расположенных, были набеги на сельскохозяйственные угодья и аулы горцев, основная масса которых сосредотачивалась в урочище Сатрук, на правом берегу Шебша. Напомним, что с этой же целью закладывал укрепления и отряд Безкровного в 1830 г. Кроме того, и переправа через Кубань в урочище Хомуты, и военная дорога располагались на правобережных равнинах Афиписа, поэтому переход отряда Рошешуара в 1810 г. через Афипис и устройство на его левом берегу редута были бы лишены всякой логики. Но расположение самого редута на правом берегу Афиписа вовсе не исключает, по нашему мнению, того, что против него в 1810 г. мог быть основан и небольшой тет-де-пон.

Таким образом, значение историко-географических аспектов для достоверного воссоздания событий Кавказской войны велико. Пренебрежение картографическим материалом, особенно важным при изучении военных событий, может привести к неправильным географическим представлениям и выводам в трудах исследователей.

При этом отметим, что карты времен Кавказской войны, выполненные при помощи топографической съемки, немногочисленны.

численны, особенно это относится к точным планам и чертежам определенных участков местности или объектов (карт окрестностей Георгие-Афипского и Мостового-Алексеевского укреплений не нашлось в архиве Управления Начальника Инженеров в Тифлисе еще и в 1850 г. [15, л. 1 об]). Планы же, подобные рассмотренным нами в данной статье, выполнены на скорую руку людьми, зачастую далекими от картографии. Но, несмотря на то, что данные чертежи ввиду своей крайней схематичности, могут легко ввести исследователя в заблуждение, они содержат детали, которые бывает трудно обнаружить в письменных документах. Поэтому использование исследователями материалов такого рода требует критического подхода и заставляет тщательно сопоставлять и анализировать сведения из разных источников – архивных документов, литературы и современных карт.

Использованная литература:

1. Акимченков Г. Ф. Геленджикская кордонная линия: к истории Абинского укрепления // Историко-археологический альманах. М.; Армавир, 2002. Вып. 8. С. 158–163.

2. Бондарь В. В. Войсковой город Екатеринодар 1793–1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Краснодар: Советская Кубань, 2000.

3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 603.

4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 630.

5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1089.

6. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1095.

7. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1129.

8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1148.

9. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1827

10. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 260. Оп. 1. Д. 116.

11. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 286.

12. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 419.

13. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 595.
14. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 625.
15. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1097.
16. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 263. Оп. 1. Д. 43.
17. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 264. Оп. 1. Д. 47.
18. Жупанин С. О. Ивано-Шебское укрепление (1830–1832 гг.). К вопросу о географической локализации // Научное наследие Ф. А. Щербины и современность: сб. материалов XIII науч.-практ. конфер. Краснодар: Ин-т маркетинга и социально-информационных технологий, 2013. С. 44–50.
19. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М.: Высшая школа, 1975.
20. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына. КМ-5142/18.
21. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына. КМ-5425.
22. Письмо егерского офицера из-за Кубани, писаное в ноябре месяце 1830 года // Северная пчела. 1831. № 27. С. 4.
23. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6779.
24. Сорокин А. Ф. Руководство к расположению и построению временных укреплений на Кавказе. СПб.: Тип. Карла Крайа, 1844.
25. Томкеев В. Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1898. Т. XIX. С. 120–220.
26. Туренко А. М. Исторические записки о Войске Черноморском. Киев: Тип. А. Давиденко, 1887.
27. Харченко В., Харченко А., Кистерев А. Между Илем и Шебшем. Очерки по истории Северского района Краснодарского края. Краснодар: Издательско-полиграфическое производственное предприятие, 1993.
28. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар: Печатник, 1913. Т. II: История войны казаков с кубанскими горцами.
29. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. / сост., науч. ред. и рук. авт. коллектива Б. А. Трехбратов. Краснодар: Эдви, 1997.

RUSSIAN FORTRESSES ON THE AFIPS RIVER. CHAPTERS OF HISTORY

ZHUPANIN Sviatoslav O., Research Associate,
Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve,
Krasnodar, Russia
E-mail: solhist@inbox.ru

The article gives the information about the erection of the Transkuban fortifications on the river Afips in 1830 and 1810.

Keywords: transkuban fortifications, Caucasian war.

М.-З. Ю. Курбанов*

ОДИН ИЗ ЭПИЗОДОВ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: ЧИРАГСКОЕ СРАЖЕНИЕ 1819 Г.

(ПО ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

В статье освещается геополитическая ситуация, сложившаяся в Гуцул-Дарго в начале XIX в. в связи с колониальной политикой России в Дагестане.

Ключевые слова: Чираг, колониальная политика, крепость, русские, Сурхай-хан, А. П. Ермолов.

По мнению исследователя Р. М. Магомедова, село Чираг считается обособленной частью даргинской этнотерритории, обществом Гуцул-Дарго (Гуцул – объединенный центр Чираг) [5, с. 403]. К этому же обществу относит этот населенный пункт и С. Ш. Гаджиева, которая выделяет его в одиннадцатый по счету этнографический район Даргинии [3, с. 251]. Гуцул-даргинцы не только не участвовали в едином процессе этнического развития, но и подверглись влиянию иноэтнической среды (лакцев, агульцев, рутульцев, лезгин и азербайджанцев).

В конце XVIII – первой четверти XIX вв. Казикумухское шамхальство вместе с Гуцул-Дарго, которое с начала XIV в. находилось под его влиянием, проявили особую активность в жизни Дагестана в связи активизацией России в кавказском регионе и усилением колониальной политики в Дагестане, связанным с назначением главнокомандующим на Кавказе генера-

* КУРБАНОВ Магомед-Загир Юсупович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала, Россия. Электронная почта: ruslan.seferbekov@yandex.ru.

ла А. П. Ермолова (1816–1827). Впоследствии А. С. Пушкин в поэме «Кавказский пленник» напишет: «Смирись Кавказ: идет Ермолов!» В отличие от своих предшественников, он перешел к планомерной атаке вглубь Дагестана, при нем началось строительство крепостей, опорных пунктов, дорог и создание системы военно-административного управления, что вызвало недовольство среди местного населения.

Село Чираг считалось важным стратегическим пунктом, из которого можно было контролировать положение дел по всему Дагестану. Поэтому здесь были построены две крепости. Первая – непосредственно перед селением, на правом берегу реки Чираг-чая и притока Кума-арка, над утесом. Другая крепость – на месте развалин средневекового городища Ричахье, на возвышенности, на правом берегу притока Цуб-арк, где он впадал в Чираг-чай. В обоих русских укреплениях постоянно содержались две роты Апшеронского полка [1, т. 2, с. 252].

Пока русские во главе с князем В. Г. Мадатовым покоряли уцмия кайтагского Адиль-хана, А. П. Ермолов совершал поход в Акуша-Дарго с целью наказания свободолюбивого и дерзкого народа за его антироссийскую политику, Сурхай-хан попытался провести широкий отвлекающий маневр. Собрав значительный отряд (по русским данным, 5–6 тыс.), он двинулся на юг для спасения своих земель. Этот поход позволил бы ему, по меньшей мере, захватить владение своего племянника и, одновременно, заклятого врага – Арслан-хана Куринского, а в случае успеха он прорвался бы к Кубе на соединение со сторонниками Шейх-Али-хана. Но поход окончился неудачей.

Узнав о том, что Чирагскую крепость обороняет малочисленный состав солдат, Сурхай-хан Казикумухский с отрядом горцев напал на крепость, пытаясь захватить ее и уничтожить гарнизон. Командовал казикумухцами внук Сурхай-хана, Магомед-Хан-Бек. В состав его отряда входили в основном карбулинцы, жившие по соседству в смежных землях. В своем рассказе «Подвиг Овечкина и Щербины за Кавказом» А. Бестужев-Марлинский пишет: «...крепость – передовое укрепление, наступившее пятой на громады Кавказа от востока. Овечкин видел мятежное волнение в самом селении, сведал о восстании окрестных и собрал роту свою в крепостцу, грозящую с утеса Чираху» [1, т. 1, с. 604]. По рассказам информаторов и исследованиям Ш. Ш. Мусаева, М. Г. Магомедова, сражение между русскими – защитниками Чирагской крепости (двумя ротами Апшеронского полка) и многочисленными отрядами Сурхай-

хана произошло на рассвете 18 октября [6, с. 65]. Нам представляется наиболее верной точка зрения Р. М. Магомедова и А. Г. Булатовой о том, что Чирагское сражение началось 19 декабря [5, с. 330] [2, с. 82].

А. Бестужев-Марлинский пишет, что «Сурхай-хан скликал к себе всех и с десятитысячным полчищем хлынул к крепости Чирагской, не сомневаясь, что он возьмет ее, уничтожит другие и очистит от русских ханства Кюринское и Казикумухское» [1, т. 1, с. 95]. Горцы с яростью устремились на штурм укрепления но, получив в ответ залп из ружей и орудий, были с уроном отбиты; «попытки на штурм повторились несколько раз и всегда безуспешно», – писал Л. Богуславский, штабс-капитан 81-го пехотного Апшеронского полка [4, с. 356]. Тогда Сурхай-хан решил захватить мечеть и оттуда с помощью лестниц перебраться в укрепление. Мечеть находился в руках русских и защищал ее от горцев прапорщик Щербина с сорока солдатами обеих рот гарнизона. Двое суток оборонялась мечеть, но, увидев, что дальнейшая защита ни к чему не приведет, солдаты ушли в крепость. А сам Щербина с четырьмя стрелками засел на минарете, не допуская приближения горцев к крепости. Когда все попытки взятия мечети не увенчались успехом, Сурхай-хан приказал подкопать основание минарета, после чего он рухнул на землю, но защитники остались живы и не сдались в плен [6, с. 66]. При осаде и взятии мечети горцы потеряли убитыми 50 человек. С тех пор мечеть после восстановления осталась без минарета, которого не построили до настоящего времени.

Осада Чирагской крепости продолжалась три дня. Израсходованы были все запасы воды. Ночью солдаты спускались к реке за водой, но большая часть из них поплатилась за это жизнью. Русские потеряли в этом сражении трех офицеров и 61 солдата убитыми. Но удержать Чирагский пост им удалось благодаря тому, что не было согласованности Сурхай-хана с акушинцами. На четвертый день осады (21 декабря) Сурхай-хан вынужден был отступить в Кумух. Поводом для этого послужило сообщение о приближении отряда, спешившего на помощь русским, и о разгроме А. Ермоловым Акуши.

По сведениям информаторов и из содержания рассказа А. Бестужева-Марлинского, чирагцы принимали участие на стороне тех и других. Больше всего жителей села волновало то, что в результате продолжительной осады была сожжена мечеть и разрушен минарет. Некоторые из них в результате боев пострадали, многие остались без крова. После окончания это-

го сражения чирагцы не пускали к воде солдат. Тогда русские вынуждены были построить лестницу по отвесной скале до реки. Таким сложным способом доставляли впоследствии воду в укрепление. Часть ступенек от этой лестницы сохранилась вплоть до середины XX в.

В следующем, 1820 г., русская крепость в Чираге послужила опорой для нападения на Казикумух и Сурхай-хана с целью захвата и лишения его ханства.

10 июня 1820 г. князь генерал-лейтенант В. Г. Мадатов с войсками прибыл в Чираг, который служил базой экспедиции в Кази-Кумух. Сурхай-хан встретил русские войска у Хосреха, где произошло крупное сражение. После него Сурхай-хан вообще покинул ханство. Правителем казикумухцев был назначен лояльный к России Арслан-хан Кюринский.

Русские постоянно держали милицейский пост (Чирагский пост) от Апшеронского полка. Солдаты жили в укреплениях крепости, окруженной крепкими стенами, где постоянно зажигали огни. До сих пор сохранились название мест, связанные с пребыванием русских солдат в Чираге. Луг, где заготавливали сено для лошадей на зиму, назывался «Орус хъанна», конюшня – «Орус дурхъ», место, где собирались на потехи и муштру, – «Оруса бехI» и др. Русская крепость («кьялгIя») в настоящее время разрушена, камень был использован для строительства домов, которые возведены на месте бывшего укрепления русской армии.

История Гуцул-Дарго в рассматриваемый период, как и история Дагестана, была, в основном, связана с национально-освободительной борьбой горцев 20–50-х гг. XIX в. Многие гуцул-даргинцы из-за сильного гнета казикумухских ханов ушли из селений и сражались с царскими войсками, несмотря на то, что в их селениях были российские военные укрепления, крепости.

Использованная литература:

1. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: в 20-х т. М.: Художественная литература, 1981.

2. Булатова А. Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 2000.

3. Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала: Тип. Дагестанского филиала АН СССР, 1967.

4. История Апшеронского полка 1700–1892. / сост. Л. Богуславский. СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения, 1892. Т. 1

5. Магомедов Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе: в 2-х т. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1999. Т. 1.

6. Мусаев Ш. Ш., Магомедов М. Г. Чираг: История, культура и быт села. Махачкала: Юпитер, 2002.

**ONE OF THE EPISODES OF THE CAUCASIAN WAR:
BATTLE OF CHIRAG, 1819
(ACCORDING TO HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC MATERIALS)**

KURBANOV Magomed-Zagir Yu., Cand. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology), Senior Researcher, Department of Ethnography, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia.
E-mail: ruslan.seferbekov@yandex.ru

The geopolitical situation which has developed in Gutsul-Dargo at the beginning of 19-th century due to the colonial policy of Russia in Dagestan is covered.

Keywords: Chirag, colonial policy, fortress, Russians, Surkhay-han, A.P. Yermolov.

Р. Э. Герман*

**РОЛЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ОТДЕЛЬНОГО
КАВКАЗСКОГО КОРПУСА В ОРГАНИЗАЦИИ
МЕДИЦИНСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА
СТАВРОПОЛЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

В статье рассматривается история создания на Ставрополье системы медицинского обслуживания военнослужащих и гражданского населения в период Кавказской войны.

Ключевые слова: Отдельный Кавказский корпус, Кавказская война, медицина, эпидемии, госпитали.

Одно из направлений освоения любой вновь присоединенной территории – это организация медицинского обслуживания населения, борьба с болезнями, в особенности – эпидемическими. Присоединив Кавказ и «замирив» его, России приходи-

* ГЕРМАН Роман Эдуардович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и административного права филиала Российского государственного социального университета в г. Ставрополе, г. Ставрополь, Россия. Электронная почта: romger@mail.ru.

лось решать вопрос организации медицинских учреждений. Не следует забывать о том, что, по словам выдающегося русского хирурга Н. И. Пирогова, война – это еще и «травматическая эпидемия».

Кроме событий военного и политического характера, обстановка на Кавказе осложнялась частыми эпидемиями. Освоение Кавказа было трудной для России задачей во многих отношениях. «Эта местность медленно и тяжело покорялась и плугу, и иммунной системе русских». Смертность была огромной, большое число переселенцев и солдат умирало от чумы, малярии, тифа, цинги и холеры [2, с. 169–170]. Военные силы России, дислоцировавшиеся в кавказском регионе, использовались правительством как преграда на пути болезней, проникавших в Кавказскую губернию. Хотя зачастую именно полки, возвращавшиеся с азиатского театра военных действий, становились переносчиками эпидемических заболеваний. Одной из мер борьбы с ними в начале XIX в. были карантинные застава. На карантинных заставах проезжающие должны были провести определенное количество времени, чтобы стало ясно: больны они или нет. Там же проводилось «карантинное очищение» с помощью окуривания и опрыскивания уксусом одежды, вещей, товаров. Для «обеспечения от прилипчивой болезни [холеры] как расположенных в губернии войск, так и разного звания людей, врачебной управе предписать, чтобы она... карантинным лекарям накрепко от себя подтвердила, чтобы они всех выезжающих отсюда... выдерживали в карантинах до 6 дней, делали притом платью и прочему, находящемуся при них, экипажу, надлежащие очищение по предписанному в карантинном уставе правилу» [14, л. 15].

Воинские подразделения, отправлявшиеся в район боевых действий, подвергались особенно тщательной проверке на наличие зараженных эпидемическими болезнями. Эта процедура возлагалась на медицинских чиновников Кавказской губернии совместно с военными медиками. Особенно массовые заболевания населения были в 1807, 1812–1816, 1831–1834, 1847–1848 гг.

На военных на Кавказе в рассматриваемый период возлагались обязанность борьбы с эпидемиями. Борьба эта велась медико-полицейскими мерами. В задачу армейских подразделений входила кордонная служба с целью не допустить проникновение больных на территорию Кавказской губернии.

В июне 1806 г. в Кабарде была зафиксирована вспышка эпидемической болезни. Для предотвращения проникновения ее

на территорию Кавказской губернии выдача билетов, дающих право на передвижение, была приостановлена. По границам Кавказской губернии были усилены карантинные кордоны — «обоюдные караулы, дабы зараженные с благополучными отнюдь не могли иметь никакого сообщения». Военачальникам в местностях, уже зараженных болезнью, предоставлялось действовать на собственное усмотрение [14, л. 30–30 об].

Командующим войсками Кавказской линии генералом И. В. Гудовичем при помощи медиков были составлены правила для борьбы с эпидемиями. Согласно этим правилам, эвакуацию из мест заражения предписывалось проводить «при жарких сухих днях», когда вероятность распространения болезни была меньше. Имущество зараженных сжигалось.

На новом месте «зараженных» и «тех, кто были в прямом сообщении», помещали отдельно, «для выдерживания карантину». Возле помещения, где находились больные, выставлялся караул также для предотвращения распространения эпидемии. Бумаги, отправляемые из мест, где находились больные, обмывали уксусом и окуривали порохом для дезинфекции.

Риск заболевания населения эпидемическими болезнями увеличивался от того, что по территории губернии очень часто, практически постоянно проходили войска, двигавшиеся на театр военных действий. На ночлег они останавливались в поселениях, размещаясь в домах обывателей. В такой ситуации легко могли заразиться эпидемическими болезнями и в свою очередь занести в селение болезни, полученные в других местах. Эпидемическая обстановка и в армии, и среди гражданского населения на Кавказе в начале XIX в. была весьма тяжелой. Усугублялось положение тем, что медицинское обслуживание гражданского населения тогда еще практически полностью отсутствовало.

Исходя из сложившейся ситуации, министр внутренних дел 13 ноября 1808 г. дал предписание местному гражданскому губернатору строить в поселениях больничные избы для проходящих войск. Было рекомендовано на окраине каждого селения, расположенного по дорогам между уездными городами на расстоянии 20–25 верст, построить особые избы-лазареты, рассчитанные на 6–12 человек.

Губернское правление, рассмотрев предложение министра внутренних дел, 27 ноября 1809 г. с согласия главноуправляющего генерала А. П. Тормасова приказало утвердить проект строительства сельских больничных изб в тех местах, где не было военных госпиталей. Больничные избы были построены

в таких селениях Ставропольского уезда, как Расшеватское, Новотроицкое, Рождественское, Бешпагир, а также в селениях Александровского, Георгиевского, Моздокского и Кизлярского уездов. На протяжении многих десятилетий в лазареты поступали и больные из числа гражданского населения [17, л. 90].

В 1816 г. было отмечено «открытие заразы» в Кавказской губернии. В связи с этим командиру 19-й пехотной дивизии генерал-майору И. П. Дельпоццо было предписано из Главного Штаба «усилить военную цепь на границе». Делалось это с целью «недопущения горским народам прорваться в губернию помимо кордонов и карантинных, а вместе и заносить гибельнейшее зло, какова есть зараза». Кроме усиления кордонно-карантинной службы, военному командованию поручалось «возможное попечение о прекращении заразы и в том всякое пособие Гражданскому начальству». Полкам, возвращавшимся из Грузии, предписывалось проходить «очищение» в Средне-Егорлыцком карантине [17, л. 92–93].

Проникновение эпидемических заболеваний на Кавказ из Азии, в частности, из Ирана, отмечалось и в последующие годы. В 1823 г. вспышки холеры были отмечены именно на этом маршруте, сначала в Закавказье, затем в Астраханской губернии и Кавказской области. В 1829–1830 гг. холеру вновь занесли через русско-иранскую границу в те же районы [3, с. 107–109]. Сказывалось географическое положение этой территории.

С таким трудом заселяя Кавказ славянским населением, правительство было заинтересовано в сохранении его численности. Поэтому оно всячески стремилось снизить риск заболевания эпидемическими болезнями. Для этого привлекались в первую очередь подразделения Кавказского корпуса.

Во время эпидемий, которые случались на Кавказе довольно часто, от областного начальника зависели жизни и здоровье всех жителей области. Новая вспышка холеры была отмечена в Кавказской области в 1830–1831 гг. Первые заболевшие появились в Лащуринском карантине, и командующий войсками на Кавказской линии, начальник Кавказской области генерал-лейтенант Г. А. Емануэль сразу направился туда. Посетив населенные пункты области, где начиналась эпидемия, Емануэль распорядился о создании аптек, госпиталей, привлечении медицинских кадров для помощи больным [3, с. 112].

Итак, одним из факторов, осложняющих освоение территории Северного Кавказа, были вспышки эпидемических заболеваний. Российские войска на Кавказе принимали самое непосредственное участие в борьбе с эпидемиями: несли карантин-

ную службу, организовывали эвакуацию населения из зараженных местностей, оказывали медицинскую помощь заболевшим.

Функционирование системы лечебных учреждений Кавказской губернии в первую очередь было ориентировано на удовлетворение потребностей военных. Это было обусловлено сложной военно-политической ситуацией на Кавказе. Все больные из проходящих воинских команд «для содержания и пользования» оставались в больницах приказов общественного призрения или в городских лазаретах. В Кизляре и Моздоке – двух городах, находившихся в непосредственной близости от театра военных действий с горцами – в 1814 г. лазареты были переполнены. Эта проблема требовала вмешательства гражданского губернатора. Часть больных военного ведомства из переполненных гарнизонных лазаретов Кизляра и Моздока была поручена заботе гражданских властей губернии [13, л. 9, 12–12 об].

После штурма аулов Старый и Новый Гоцатль в 1834 г. русское командование на протяжении более чем двух лет ограничивалось отдельными экспедициями против «непокорных» аулов. Такого рода экспедиции в стратегическом плане особого значения не имели, а вот потери в российских войсках – убитыми, ранеными и заболевшими – были весьма высоки. Данная ситуация и заставила администрацию области в 1836 г. основать еще один госпиталь в Ставрополе [18, с. 485]. Хотя он и находится сравнительно далеко от места боевых действий, но через этот город проходили воинские формирования, пополнявшие Кавказский Корпус.

Сначала Ставропольский госпиталь не имел своего здания и располагался в домах, нанимаемых у частных лиц. Такие здания должны были находиться в «ближайшем расстоянии к Главному Госпитальному Корпусу в надлежащем устройстве с необходимыми при них другими строениями, как то: банями, кухнями, и сараями» [12, л. 2].

В течение всего хода Кавказской войны движение войск по территории Кавказской области было достаточно интенсивным. Войска направлялись из разных частей империи, многие военнослужащие, в особенности новобранцы, были непривычны к жаркому кавказскому климату. «Для улучшения средств к подаaniu заболевшим рекрутам медицинского пособия» было решено «сообразно прошлогодичным примерам» учредить временные госпитальные отделения в селе Песчанокопском на 100 и в заштатном городе Александрове на 75 человек [8, л. 1–1 об]. Инициатива учреждения временных госпитальных отделений исходила от во-

енного командования. Подобным же образом такие медицинские учреждения учреждались в течение ряда лет [15, л. 1–1 об]. В 1836–1839 гг. «военно-временный» госпиталь функционировал в селе Песчанокском по полгода и более, под него занималось от 40 до 50 обывательских домов [15, л. 17]. Таким образом, села казенных крестьян, расположенные возле дорог, играли существенную роль в медицинском обслуживании проходящих войск.

Особое внимание госпиталям уделялось в периоды наиболее ожесточенных схваток с горцами. С началом военных действий против горцев на Лабе в 1840 г. ставропольскому военному госпиталю потребовалось бы нанимать «частные» дома, а это было связано с известными издержками. Поэтому для размещения больных и раненых предполагалось использовать две новые казармы линейных батальонов, так как батальоны отправлялись в экспедицию [10, л. 1].

Медицинская помощь гражданскому населению в случае сколько-нибудь серьезных заболеваний оказывалась в военных госпиталях: «заболевших трудными болезнями казенных крестьян» было решено отправлять в ближайшие военные госпитали [4, л. 20–21]. Инфраструктура губернии, создававшаяся в первую очередь для удовлетворения потребностей военных, использовалась и гражданским населением.

К 1842 г. в Кавказской области было 5 постоянных и 3 временных госпиталя. Временные госпитали учреждались, как правило, во время эпидемий и при поступлении большого количества раненых и больных солдат, а также в летнее время – период интенсивного движения воинских команд.

К 1843 г. Шамилем были одержаны несколько крупных побед, он занял Аварию, ряд других районов Дагестана. Территория имамата расширилась более чем вдвое. Численность его главных сил достигла к этому времени 20 тысяч человек. На Кавказ были переброшены еще две пехотные дивизии, однако успехов российский войскам это не принесло. В этой весьма тяжелой для армии ситуации требовалось как можно скорее закончить ремонт здания Моздокского госпиталя, расположенного сравнительно близко к театру военных действий [11, л. 1–1 об].

В зависимости от места расположения госпитали получали как бы определенную специализацию. В Ставрополе находился один из самых больших военных госпиталей Кавказа, но в него поступало «...гораздо менее хирургических оперативных случаев, нежели в другие небольшие госпиталя, лежащие ближе к месту военных действий» [16, с. 59].

В летние месяцы число больных в Ставропольском госпитале уменьшалось, поскольку часть больных отправлялось «на воды», в Пятигорск [9, л. 3–3 об]. Из всех населенных пунктов Ставропольской губернии именно там было сосредоточено наибольшее число врачей. Старший доктор войск Кавказской линии писал: «Ни в одном месте Кавказской линии нет столько медицинских чинов, сколько в городе Пятигорске и вообще при минеральных водах» [7, л. 2]. Летом в Пятигорске «...собиралось обыкновенно значительное количество раненых и других больных, присылаемых сюда из разных частей Кавказа для лечения водами» [7, л. 6–9, 13–16].

Но в пространстве всей губернии резко замечалась нехватка медицинских кадров, и не только врачей, но и среднего медицинского персонала – фельдшеров. Данная ситуация отрицательно отражалась на здоровье и численности не только военных, но и государственных крестьян, вверенных попечению гражданской администрации губернии.

Для решения данной проблемы гражданский губернатор Волоцкий в 1849 г. предложил готовить фельдшеров из грамотных сыновей казенных поселян, обучение должно было проходить при военных госпиталях [5, л. 1–1 об]. Командующий войсками на Кавказской линии утвердил предложение Волоцкого. Грамотных крестьянских мальчиков 10–12 лет стали направлять на обучение фельдшерской специальности в Ставропольский, Пятигорский и Георгиевский военные госпитали, распределяя затем по уездам губернии [6, л. 64]. С помощью этой меры удалось частично снять остроту такой проблемы, как обеспеченность поселений медицинскими кадрами.

Военно-медицинские учреждения, врачебные учреждения гражданского ведомства и воинские части, расквартированные на территории Ставропольской губернии, были тесно взаимосвязаны. Военные госпитали лечили гражданское население и в них обучались медицинским навыкам будущие фельдшеры. Медицина гражданского ведомства во многом была ориентирована, как отмечалось выше, на удовлетворение потребностей военных.

Кавказская война продолжалась. Движение войск по территории Ставропольской губернии в рассматриваемый период было весьма интенсивным. Маршевые батальоны останавливались в окрестностях Ставрополя на 6-дневный отдых, туда же направлялись медикаменты. Обычно по пути следования воинских партий в наиболее крупных селах учреждались «военно-временные госпитали». Но по мере строительства новых дорог маршруты пе-

редислокации армейских подразделений изменялись, а значит, вновь возникала проблема медицинского обслуживания заболевших военнослужащих. Так, в 1852 г. была «окончательно открыта новая военная дорога от Среднего Егорлыка до Екатеринограда». Для «обеспечения заболевших из проходящих команд чинов» устраивались «госпитальные отделения» «в пунктах новой дороги, ближайшим к имеющимся на старой дороге госпиталям» [7, л. 39–40]. Там оставляли заболевших в дороге «воинских чинов», а оттуда на обывательских подводах отправляли в ближайший госпиталь [7, л. 49]. К середине XIX в. в Ставропольской губернии и на Кавказской линии было расположено 17 госпиталей и лазаретов на 4555 мест [1, с. 930–932].

Рассмотрев формирование медицинской инфраструктуры Ставропольской губернии, можно заключить, что процесс ее формирования был неразрывно связан с удовлетворением потребностей российского военного контингента, находившегося на Кавказе.

В обстоятельствах, когда борьба с эпидемиями сосредоточивалась в основном на мероприятиях, направленных на нераспространение инфекции, военные играли главенствующую роль. Им приходилось нести карантинную службу, эвакуировать больных, препятствуя таким образом расширению эпидемических очагов.

Анализируя развитие системы военных госпиталей Ставрополя, можно утверждать, что в первую очередь они служили для лечения раненых военнослужащих. При этом в условиях нехватки медицинских кадров и лечебных учреждений гражданское население также получало медицинскую помощь именно в военных госпиталях.

Медицина, как и многое другое, созданное российским войсками в ходе Кавказской войны, была, с одной стороны, инструментом установления российской власти над кавказским регионом, с другой – свидетельством повышения уровня цивилизационного развития региона как следствия присоединения его к России.

Использованная литература:

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1881. Т. 2.
2. Баррет Т. М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2000. С. 169–170.

3. Голицын П. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. СПб.: Тип. Н. Греча, 1851.

4. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 65. Оп. 1. Д. 48.

5. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 65. Оп. 1. Д. 306.

6. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 66. Оп. 1. Д. 103.

7. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 927.

8. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 71. Оп. 1. Д. 580.

9. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 71. Оп. 1. Д. 646.

10. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 71. Оп. 1. Д. 811.

11. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1057.

12. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1808.

13. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 87. Оп. 1. Д. 408.

14. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 128. Оп. 1. Д. 2006.

15. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1175.

16. Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу. М.: Гос. изд-во медицинской литературы, 1952.

17. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 77.

18. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Кавказский календарь на 1855 г. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Кавказского, 1854.

ROLE OF THE MILITARY OF THE SEPARATE CAUCASUS CORPS IN THE ORGANIZING OF THE MEDICAL INFRASTRUCTURE IN THE STAVROPOL REGION IN THE FIRST HALF OF THE 19-TH CENTURY

GERMAN Roman E., Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Head, Department of Management and Administrative Law,
Stavropol Branch, Russian State Social University, Stavropol, Russia
E-mail: romger@mail.ru

The article discusses the history of creation of the health care system for the military and civilian population in the Stavropol region during the Caucasian War.

Keywords: Separate Caucasian Corps, the Caucasian war, medicine, epidemic, hospitals.

М. В. Нечитайлов*, А. А. Лялин**

СТРУКТУРА ВОЕННОГО РУКОВОДСТВА ВОЙСКАМИ В ИМАМАТЕ ШАМИЛЯ

В статье предпринята попытка изучить структуру руководства вооруженными силами государства кавказских горцев – имамата Шамиля, ее достоинства и недостатки.

Ключевые слова: имамат Шамиля, Кавказская война, вооруженные силы горцев Дагестана и Чечни, наибы, Хаджи-Мурат.

В период Кавказской войны на территории Дагестана и Чечни складывается своеобразное военно-теократическое государство (прото-государство) кавказских горцев – имамат. Предметом особых забот и внимания верховного правителя всегда являлось военное устройство его державы. Главой войска считался имам. «*Всякое его приказание... исполняется свято, беспрекословно как при самих действиях, так в лагерях*». «*Для наряда войск на службу, снабжения их артиллерией, снарядами*» назначался особый чиновник – казначей (назир). Армия «*должна быть готова по первому требованию*», она «*тогда только удовлетворяет своему назначению, когда управление ею основано на стройном порядке и повиновении властям*» [17, с. 211–212].

«*Шамиль... не отличался особыми военными способностями; он был, бесспорно, хороший организатор и администратор – в духе кавказских горцев. Все же когда-либо удававшиеся ему военные действия были результатом лучших его наибов: Ахверды-Магомы, Шуаиб-Муллы, Гаджи-Мурата и некоторых других...*» [13, с. 197]. Суфийский институт халифов превратился в службу наибов (они появились еще при Гази-Мухаммаде), вы-

* НЕЧИТАЙЛОВ Максим Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Управления организации научных исследований Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия. Электронная почта: maxnechitaylov@gmail.com.

** ЛЯЛИН Алексей Алексеевич, аспирант кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, помощник атамана Средне-Кубанского отдела Ставропольского казачьего войска «Союза казаков России», г. Ставрополь, Россия. Электронная почта: maxnechitaylov@gmail.com.

полнявших обязанности духовных эмиссаров имама, администраторов и военных командиров. Наибы управляли областями. В 1843–1844 гг. образованы округа (во главе с мудирами), в состав которых вошли вилайаты (с наибами); но к концу десятилетия звания мудиров были отменены.

Пост наиба могли «занимать только люди истинно храбрые и мужественные». Но в реальности было среди них немало и ученых, и тех, кто «не являлся воином», трусоватых людей [3, с. 54, 62, 64, 175–176].

Почти все наибы первой формации (в первую очередь чеченские) выросли из героев малой войны, как, например, Шуаиб – «отличный рубака» и «отчаянный наездник, не уступавший в отваге и решимости Хаджи-Мурату». Они были людьми смелыми до безрассудства (о наибе Улубии: «назначением своим в наибы он обязан одной своей храбрости»; о наибе Эски: «человек недалекого ума, но храбрый и отважный, а потому бывший в большой милости у Шамиля»), хитрыми, пользующимися авторитетом у своего народа и противника. Например, Саадулла «лично прославился многими удачными воровствами, хищническими набегами и храбростью, был честолюбив, но не алчен, народ его любил». «Население Кехи [Гехи] очень любило наиба Ахбердильмухаммеда за справедливость и смелость. Они так были преданы ему, что когда собирались к бою, все стекались к нему, как пчелы на мед. На кехинской поляне есть дерево, на которое он поднимался, когда вся конница Кехи собиралась, и держал речь перед схваткой с врагом» [3, с. 54, 75–76] [7, прил., с. 31] [16, с. 164] [22, с. 402–403] [24, с. 76].

Но никто из наибов не был готов к предстоящей большой и долгой войне. Классический пример – Хаджи-Мурат, этот лихой и «необыкновенный вождь кавалерии». «Его настоящим призванием были набеги», «в них никто не превосходил его отвагой, сметливостью и предприимчивостью». «Для него ничего не значило с 400, 500 конных появиться в тылу войск, далеко в глубине занятого нами края; перейти сегодня 70, завтра 100 верст, отвлечь фальшивой тревогой войска совершенно в другую сторону и, пользуясь всеобщей суматохой, ускользнуть безнаказанно, – эти партизанские качества доставили впоследствии Хаджи-Мурату громкую известность в горах...». Однако «способностью руководить предприятиями, имеющими важную военную цель», наиб Шамиля, «подобно многим горским вождям», не был наделен. По словам М. Гралевского, этот наиб был даже не способен командовать пешим отрядом (см.: [2, с.

342] [5, с.49–50] [8, с. 231] [18, с. 16] [21, с. 167] [25, с. 182–184] [27, с. 60]).

Главнейшей обязанностью наиба были дела военные. Наибы должны были наблюдать каждый за границами своего участка, оберегать его от неприятельского вторжения и при нападении «подавать друг другу помощь». В пределах своей области наиб организовывал и контролировал постройку укреплений, защиту границ (постоянные пикеты и караулы). «Не должны быть беспечными относительно охранения страны своей и границ днем и ночью, – предписывал наибам Шамиль, – невзирая на то, находятся ли границы в безопасности или в опасности от вторжения неприятеля». В каждом наибстве вблизи мест, где могли пройти русские войска, учреждались постоянные посты – «врата» (гапа), наблюдавшие за границей, собиравшие сведения о противнике и пытавшиеся пресечь сношения подданных Шамиля с мирными горцами и русскими властями. Наибы почти постоянно находились при своих «воротах» (см.: [12, с. 472, 474–475] [15, с. 8] [26, с. 142] [28, с. 128]).

Наибу было предоставлено начальство над всеми войсками, «расположенными в стране, вверенной его управлению», и все военное управление, за исключением крупных операций, контроль над которыми был сосредоточен в руках имама. Наиб давал разрешение подчиненным ему начальникам делать набег на вражескую территорию и распоряжался «самовластно» при вторжении противника в его провинцию. Наибы «в случае надобности, делают сборы войск и предводительствуют ими, согласно воле и планам Шамиля». Наибам «разрешалось без представления имаму назначать пятисотенников над своими ополченцами и смещать их, когда они захотят» (см.: [1, р. 595] [3, с. 52] [10, с. 200] [18, с. 400] [19, с. 70] [20, с. 424] [23, с. 360] [26, с. 141]).

«Где бы ни произошла тревога от вторжения русских, все наибы должны поспешать туда с своими подвластными на помощь», «без замедления, и оказать должную помощь, забыв все враждебные отношения друг к другу. Не исполнивший сего наиб низводится на должность начальника сотни» (см.: [9, с. 494] [15, с. 8]). Сохранилось несколько образцов посланий с просьбой о военной поддержке, адресованных одним наибом (или мудиром) другому (см.: [4, с. 1035–1038] [6, с. 29, 54–55]).

«Если в его Наибство являлся другой Наиб со своими войсками для совокупных оборонительных или наступательных действий, то этот последний подчинялся первому» [11, с. 1443]. Одна-

ко, хотя «строго запрещаются интриги и ссоры между наибями» [17, с. 121], единства мнений всегда не хватало. «Нельзя сказать, чтобы у горцев не было дисциплины; она была и довольно строгая, но только не на всех ступенях военной иерархии, – признавал ветеран Кавказской войны. – Жители, например, выходившие в поле, повиновались сотенным начальникам, признававшим в свою очередь власть наибов; но наибы неохотно подчинялись друг другу. Иногда в самый решающий момент боя между ними выходили несогласия, давшие в результате или полное поражение, или урон равносильный поражению» [14, с. 459]. То есть, в отсутствие Шамиля, согласие между военачальниками исчезало. Особенно часто подобное случалось в Чечне, когда сталкивались интересы местных наибов и командиров дагестанских отрядов.

Использованная литература:

1. Bodenstedt F. Les Peuples de Caucase et leur guerre d'indépendance contre la Russie. Paris, 1859.
2. Gralewski M. Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli. Lwów, 1877.
3. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997.
4. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. Д. А. Кобякова. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. Т. 12.
5. Алиханов М. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев. Махачкала: Эпоха, 2005.
6. Арабоязычные документы эпохи Шамиля. М.: Восточная литература, 2001
7. Вердеревский Е. А. Плен у Шамиля. СПб: Тип. Королева и комп., 1856
8. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М.: Тип. И. И. Родзевича, 1885. Ч. II.
9. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века: сб. док. / сост. В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959
10. Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001.
11. Дневник полковника Руновского // Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. Т. 12. С. 1395–1526.
12. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6-ти т. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. Т. 1: Очерк Кавказа и народов его населяющих, Кн. 1: Кавказ.

13. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1879. Ч. 2: 1851–1856.
14. К. Зимняя экспедиция 1852 г. в Чечне. (Воспоминания очевидца) // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1889. Т. 13. С. 425 – 616.
15. Низам Шамиля. (Материал для истории Дагестана) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Кавказского горского управления, 1870. Вып. 3. С. 1–18 (2-я. паг.).
16. Николаи Л. П. Эпизод из Кавказской войны // Военный сборник. 1865. Т. 66. № 7.
17. О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля // Военный сборник. 1900. № 3.
18. Окольников Н. Перечень последних военных событий в Дагестане. (1843 год) // Военный сборник. 1859. № 3.
19. Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб. Звезда, 2003.
20. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОСПЕН, 2009.
21. Потто В. А. Гаджи-Мурат (Биографический очерк) // Военный сборник. 1870. № 11.
22. Ржевуский А. 1845-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1882. Т. 4.
23. Руновский А. Кодекс Шамиля // Военный сборник. 1862. Т. 23. № 2.
24. Стецов В. В. «Солдаты» гор. Войско горцев времен имама Шамиля в 1830–1860 гг. // Воин. 2003. № 13.
25. Чипашвили С. О. Политические лидеры в контексте социокультурных реалий Дагестана первой половины XIX в. (Этнопсихологический аспект): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. СПб., 2006.
26. Шамиль и Чечня // Военный сборник. 1859. № 9.
27. Шульгин С. Н. Предание о шамилевском наибе Хаджи-Мурате // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1909. Вып. 40.
28. Эсадзе С. С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. 1859 – 1909 25/VIII. Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1909.

MILITARY COMMAND IN THE STATE OF IMAM SHAMIL

NECHITAYLOV Maxim V., Cand. Sci. (National History),
Senior Researcher, Office for the Organization of Scientific Research,
North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russia

E-mail: maxnechitaylov@gmail.com

LIALIN Alexey A., Post-Graduate,
Department of the History of Russia,
Humanitarian Institute, North-Caucasian Federal University;

Assistant to the Ataman,
the Middle-Kuban Department, Stavropol Cossack Host,
Union of the Cossacks of Russia, Stavropol, Russia.

E-mail: maxnechitaylov@gmail.com

In article is made an attempt to study the structure of the command of armed forces of the state of the Caucasian mountaineers (Shamil's Imamate), its merits and faults.

Keywords: *Shamil's Imamate, Caucasian War, military forces of mountaineers of Daghestan and Chechnia, na'ibs, Hajimurad.*

A. A. Остахов**

РОЛЬ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ (1817–1864 ГГ.)

Статья рассматривает вопрос о роли природного ландшафта в Кавказской войне (1817–1864 гг.). На основе анализа множества фактов по данному вопросу доказывается некорректность устоявшегося мнения о высокой роли ландшафта во время данного конфликта.

Ключевые слова: *природный ландшафт, сомкнутый строй, штыковой бой, артиллерийский огонь.*

До сих пор слабо разработанным остается вопрос о причинах затяжного характера Кавказской войны (1817–1864) и поражения горцев в противостоянии с русской армией. С данной проблематикой тесно связан вопрос о роли природного ландшафта в этом противоборстве.

На протяжении столетий главным противником горцев были восточные воители, основной силой которых была конни-

* ОСТАХОВ Анзор Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии филиала Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, г. Пятигорск, Россия. Электронная почта: zoroastra_anzor@rambler.ru.

ца, привыкшая действовать в степных просторах родной Азии. Природный ландшафт Северного Кавказа, изобиловавший лесными массивами и горными ущельями, лишал конницу ее тактической силы, тем самым давая горцам значительные преимущества в бою. Но с началом Кавказской войны горцы столкнулись с российской армией, являвшейся носителем совершенно другой – европейской военной системы, для которой природный ландшафт не был серьезной проблемой. В этом столкновении большинство военных достижений горцев, несмотря на проявленные ими героизм и отвагу, утратили свою былую мощь. Многие элементы их военной системы, бывшие некогда оплотом непокоримости и неприступности Северного Кавказа, перестали таковыми быть, в том числе и природный ландшафт.

Однако Кавказская война, несмотря на кризис военной системы горцев, затянулась на долгие годы. Поиски причин этого явления мотивировали некоторых историков к выведению концепции кризиса европейской военной системы в условиях Кавказа как одной из главных причин затягивания войны. Одним из ее сторонников является известный и авторитетный петербургский исследователь Владимир Викентьевич Лапин. Согласно его взглядам, европейская военная система, формировавшаяся в равнинных условиях, «предполагала для своей эффективной деятельности наличие открытых пространств» [8, с. 145]. На Кавказе был совершенно другой ландшафт, не дававший русской армии возможностей для реализации ее основных преимуществ: сомкнутого строя, штыкового боя и артиллерийского огня. Поэтому российское командование в целях приспособления местного театра военных действий к возможностям своих войск приступило к трансформации кавказского пейзажа с помощью крупномасштабной рубки лесных просек, позволивших русской армии полноценно реализовать свои тактические преимущества против горцев [8, с. 146–148]. На базе всего этого В. В. Лапин пришел к выводу, что «местные природные условия явились одной из главных причин затягивания конфликта» [8, с. 142].

На наш взгляд, данная концепция является некорректной. Для начала обратимся к взглядам классических военных теоретиков. Карл фон Клаузевиц отмечал, что ведение решительного сражения в горах лишает обороняющегося многих преимуществ: он теряет подвижность, его фронт становится сильно растянутым, сопротивление становится пассивным, а контрудары ослабевают. Тогда как наступающий, наоборот, получает все

преимущества и спокойно прорывает оборону либо с помощью обходного маневра, либо путем сосредоточенного удара по какому-либо локальному участку фронта, что приводит к отрезанию всех путей отступления и полному окружению обороняющейся армии [7, с. 354, 356, 359]. Затрагивая лесной бой, К. Клаузевиц утверждал, что лес лишает обороняющегося кругозора, а самое главное – он не является непроходимым, что чревато гибельными последствиями [7, с. 391].

Не менее интересны взгляды другого авторитетного военного теоретика Фридриха Энгельса, который считал, что после Великой французской революции, европейская военная система обрела высокую мобильность и горы перестали быть для нее препятствием [14, с. 115]. В качестве доказательства автор приводит Альпийские походы Наполеона Бонапарта (1796) и А. В. Суворова (1799), когда многочисленные армии изрешетили своими маршами практически все горные хребты и ущелья Швейцарии. Новым принципом горной войны стала известная фраза Наполеона: «Где может пройти козел, там может пройти человек; где пройдет человек, там пройдет и батальон, а где батальон, там армия» [14, с. 116].

Опыт российской армии в Кавказской войне подтверждает положения К. Клаузевица и Ф. Энгельса. Во-первых, одним из признаков непроходимости ландшафта являются большие людские потери армии в ходе его преодоления. Ярким примером может служить знаменитый переход Ганнибала через Альпы в Италию (218 г. до н.э.), когда карфагенская армия, насчитывавшая 90 000 человек, потеряла 64 000 своих солдат (3/4 всего состава) и почти всех боевых слонов [1, с. 54–56]. В анналах Кавказской войны таких случаев не было. С самого начала конфликта русская армия проникала во все уголки Кавказа и преодолевала любые неровности ландшафта, какими бы неприступными они не были, практически без потерь. Доказательством тому служит множество примеров.

Экспедиция генерала В. С. Гулякова в Джаро-Белоканы (1803), когда русские войска проникли в одну из самых высокогорных и доселе неприступных областей Дагестана, штурмом взяв все оборонительные позиции лезгин и разрушив их главные аулы [10, с. 262–267]. Стоит отметить, что это были те самые Джаро-Белоканы, которые не смогла захватить армия Надир-шаха.

Не менее показательна экспедиция генерала Ф. Ф. Симановича в Хевсурию (1813). Последняя считалась одним из самых опасных и недостижимых мест на Кавказе: «В Грузии существо-

вало даже убеждение, что послать в Хевсурию войско – значит то же, что похоронить его заживо среди хевсурских скал, стремнин и бездонных пропастей» [10, с. 385]. Несмотря на это убеждение, солдаты Ф. Ф. Симановича в нескольких боях разгромили хевсуров, взяв их укрепленные позиции и разрушив все аулы. Не останавливаясь на этом, русские воины продолжили поход и вышли в кистинские земли, на территорию высокогорной Чечни. Кистины оказали сопротивление, но так же, как и хевсуры, были повержены [10, с. 386–388].

Особо стоит отметить генерала Г. Х. Засса, набеги которого доставали аулы убыхов, абазин и абхазов, т. е. народов проживавших в самых высокогорных районах Северо-Западного Кавказа [3, с. 736–769].

Во-вторых, согласно Ф. Энгельсу, природный ландшафт можно считать серьезным противником, если он лишает армию возможности реализации своего тактического козыря. Именно такая ситуация была у австрийских и бургундских рыцарей в Швейцарии (XIV–XV вв.), когда их латная кавалерия не смогла осуществить свой козырной таранный удар в горных ущельях и оказалась беспомощной против швейцарских ополченцев [14, с. 111–112].

Российская армия такой проблемы не испытывала: она не лишалась своих тактических козырей в условиях кавказского ландшафта, успешно применяя сомкнутый строй, штыковой бой и артиллерию как в горной, так и в лесной местности, несмотря на крайне неудобные и напряженные боевые условия. Мнение о том, что русские бойцы не могли реализовать вышеперечисленные элементы в условиях пересеченного ландшафта Кавказа, является, на наш взгляд, сильным преувеличением. В качестве доказательств нашей точки зрения приведем несколько фактов.

Полковник Н. Ю. Пьери до трагической Алдинской экспедиции (1785), ставшей неким символом неприспособленности русской армии к лесным боям, принимал участие в экспедиции П. С. Потемкина в Чечню (1783). Здесь он командовал штурмом лесистого Ханкальского ущелья и с поставленной задачей справился отлично, разгромив чеченское войско [10, с. 98–99, 101]. При этом данная экспедиция осуществлялась без прокладки просек, что свидетельствует о приспособленности тактического арсенала русской армии к лесным боям.

Интересные сведения содержатся в отчетных документах генерала А. В. Галафеева о двух экспедициях в Чечню в 1840 г.,

в ходе которых произошло знаменитое Валерикское сражение, прославленное М. Ю. Лермонтовым. Генерал особо отмечал факт успешного применения русскими солдатами сомкнутого строя, штыковых ударов и пушечного огня в Гехинских лесах: «...помогая друг другу, они (егеря. – А. О.) перебрались через овраг по обрывам, по грудь в воде, и вскочили в лес в одно время с обеих сторон дороги. В лесу они сошлись с чеченцами лицом к лицу; огонь умолк на время; губительное холодное оружие заступило его. Бой продолжался недолго. Кинжал и шашка уступили штыку! Фанатическое исступление отчаянных мюридов не устояло против хладнокровной храбрости русского солдата! Числительная сила разбросанной толпы должна была уступать нравственной силе стройных войск, и чеченцы выбежали на поляну на левом берегу реки Валарика, откуда картечь из двух конных орудий, под командою гвардейской конной артиллерии поручика Евреинова, снова вогнала их в лес. <...> Начальник артиллерии отряда, состоящий по конной артиллерии, подполковник Штемпель под сильнейшим огнем неприятеля выбирал места для батарей, которые меткими выстрелами своими много способствовали к поражению оногo» [9].

Не менее интересные сведения имеются в мемуарах барона Ф. Ф. Торнау, подробно описавшего жаркие бои Р. К. Фрейтага с чеченцами в Гехинском лесу во время экспедиции 1844 г. Согласно его наблюдениям, генерал в лесном бою искусно рокировал свои отряды и виртуозно использовал пушечный огонь, быстро перенаправляя его в наиболее опасные участки. При этом лесной ландшафт не был для него серьезной помехой [12]. Кстати, из всех кавказских генералов Р. К. Фрейтаг считался непревзойденным мастером лесного боя.

В-третьих, показателем сильного влияния природного ландшафта на действия вторгшихся армий являются сражения, заканчивавшиеся их полным истреблением. Анналы мировой истории содержат немало таких примеров. Тевтобургское сражение (9 г.), когда германцы во главе с Арминием, истребили три римских легиона (18 000 солдат) Квинтилия Вара, предварительно заманив их в густой лес, где римляне, увязая в грязи под проливным дождем, не могли держать сомкнутый строй. Битва в Тапском ущелье в Трансильванских горах (87 г.), когда даки во главе с Децебалом полностью уничтожили 5-й легион Корнелия Фуска, при этом сам легат был убит, а все римские знамена и военные машины достались дакам в качестве трофеев. Ронсевальское сражение в Пиренеях (778 г.), когда баски

уничтожили французский арьергард во главе с Роландом, прикрывавший отступление армии Карла Великого из Испании. Истребление афганцами-гильзаями английского корпуса генерала Эльфинстона в Хурд-Кабульском ущелье (1842 г.), когда из 16 000 человек в живых остался всего лишь один человек [2, с. 25] [11, с. 46, 214] [6, с. 139–145, 168] [13, с. 82–84].

Российская армия во время Кавказской войны не испытывала подобных катастроф даже в самых неблагоприятных боевых ситуациях. Хотя случаи отдельных серьезных неудач были: Алдинская экспедиция Н. Ю. Пьери (1785), Ичкеринская экспедиция П. Х. Граббе (1843), Сухарная экспедиция М. С. Воронцова (1845), – но, в отличие от вышеприведенных примеров, они не заканчивались полным истреблением российских войск, хотя ситуации были критическими. При более пристальном рассмотрении данных событий выясняется, что главной причиной поражения русских был не природный ландшафт, а факторы иного порядка.

Во время Алдинской экспедиции Н. Ю. Пьери (1785 г.) этим фактором стало сильное психологическое давление чеченцев, вызвавшее среди русских новобранцев панику и дезорганизацию, которые обеспечили успех внезапной атаки чеченцев; при этом из 2 000 русских бойцов погибло 600, т. е. около 1/3, но не весь боевой состав. В ходе Ичкеринской экспедиции П. Х. Граббе (1843) причинами поражения русского воинства были следующие факторы: во-первых, потеря эффекта внезапности из-за затягивания процесса подготовки войска к походу, что позволило Шамилю заблаговременно выстроить оборону; во-вторых, постановка чрезмерно обширной цели экспедиции, потребовавшей слишком большой обоз; в-третьих, неожиданный проливной дождь, испортивший дорогу и сильно замедливший движение русских колонн. При этом из 10 000 бойцов П. Х. Граббе потерял около 2 000, т. е. 1/5 часть всего войска. Во время Сухарной экспедиции М. С. Воронцова (1845) главным фактором поражения стала неопытность командира, который был совсем недавно назначен на Кавказ и не успел ознакомиться со специфическими реалиями местной войны; при этом, из 10 000 человек было потеряно около 3 700, т. е. 1/3 часть всего войска [4, с. 258–260, 293] [5, с. 202, 205–206]. Все это служит очередным доказательством того факта, что природа Кавказа не лишала российскую армию ее главных тактических преимуществ над горцами.

В заключение стоит отметить, лесные и горные массивы Кавказа, безусловно, создавали помехи и трудности для рос-

сийской армии, но они были вполне преодолимым препятствием для нее и не требовали существенных корректив ее тактической системы. Кавказский ландшафт уже не давал горцам серьезных преимуществ над русскими воинами в бою, так как не мог нейтрализовать базовые элементы их тактической силы (сомкнутый строй, штыковой бой, артиллерийский огонь). Против них горцам нечего было противопоставить, что привело к кризису их военной системы, хотя некоторые ее материальные элементы были уникальными в своем роде и впоследствии были позаимствованы русским воинством. Аналогичным образом европейская военная система обесценила кавказский природный ландшафт, утративший роль надежного гаранта непокоримости народов Северного Кавказа.

Использованная литература:

1. 100 великих битв / под ред. А. Н. Мячина. М.: «Вече», 1998.
2. Агибалова Е. В., Донской Г. М. История средних веков: учеб. для 7 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 1994.
3. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1881. Т. 8.
4. Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: Центрполиграф, 2007.
5. Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001.
6. Джонс Т., Эрейра А. Варвары. М.: Столица-Принт, 2007.
7. Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934.
8. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008.
9. Михаил Юрьевич Лермонтов в битвах с черкесами в 1840 году [Электронный ресурс] // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Lermontov_M_Ju/text1.htm (дата обращения 25.02.14).
10. Потто В. А. Кавказская война: в 5-ти т. М.: Центрполиграф, 2006. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова.
11. Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Художественная литература, 1990.
12. Торнау Ф. Ф. Из воспоминаний бывшего кавказца [Электронный ресурс] // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Tornau_2/text3.htm (дата обращения 25.02.14).

13. Энгельс Ф. Афганистан // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 14. С. 82–84.

14. Энгельс Ф. Горная война прежде и теперь // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 12. С. 115–116.

THE ROLE OF NATURAL LANDSCAPE IN THE CAUCASIAN WAR (1817–1864)

OSTAKHOV Anzor A., Cand. Sci. (National History),
Assoc. Prof., Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Pyatigorsk Branch, North-Caucasian Federal University,
Pyatigorsk, Russia
E-mail: zoroastra_anzor@rambler.ru

This article considers the question of the role of natural landscape in Caucasian war (1817–1864). The analysis of the facts shows that opinion on the high role of landscape during this conflict is incorrect.

Keywords: *natural landscape, battle-array, bayonet fight, artillery fire.*

М. В. Нечитайлов*

УНИФОРМОЛОГИЯ – КАВКАЗСКИЙ КОНТЕКСТ: ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ И РЕФОРМИРОВАНИЯ

В статье прослеживается эволюция внешнего вида русской армии в Кавказской войне: воздействие боевых условий на обмундирование, снаряжение и вооружение, попытки военного руководства преобразовать их и приспособить к реальной походной жизни.

Ключевые слова: *Кавказский корпус, русский военный костюм, проекты Ермолова, влияние горцев и условий Кавказского театра военных действий на внешний вид русских войск.*

Российскую военную униформу первой половины XIX в. вряд ли можно было назвать удобной и приспособленной для походной жизни. Ее создателей больше волновали парадный аспект внешнего облика солдата и твердое следование уставу при любых обстоятельствах. Но то, что реальный походный облик кавказских солдат отличался от парадного, не вызывает сомнений [14]. Пона-

* НЕЧИТАЙЛОВ Максим Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Управления организации научных исследований Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия. Электронная почта: maxnechitaylov@gmail.com.

добилось почти полвека на то, чтобы высшее военное руководство смирилось с мыслью, что обмундирование и снаряжение кавказских войск надо изменить в соответствии с местными условиями. Ранее же изменения в одежде и экипировке проводились «снизу», благодаря усилиям ряда военачальников на местах [16, с. 140].

Период I (1800–1817 гг.) [10]. Проведя первые бои в мундирах, в дальнейшем кавказские войска переходят на походное облачение русского солдата *par excellence* – шинель. Другая характерная черта – недостатки системы снабжения: вещи поступают с многолетним опозданием [7, с. 369–371]. Проблемы с обувью дошли до того, что новая выдавалась в качестве награды. Необходимость чем-то заменять износившееся обмундирование ведет в регулярных войсках к заимствованию у горцев и казачества одежды и оружия [9]. Наиболее дальновидные командиры пытались освободить войска от напрасных тягот: отмена пудрения головы, введение полушубков П. Д. Цициановым; приказ Ф. О. Паулуччи о ношении в походах фуражек вместо киверов и касок (1810 г.). Самой заметной частной инициативой стал эксперимент генерал-майора П. Г. Лихачева (шеф 16-го егерского полка в 1799–1808 гг.). Он первым «решился отступить от форменной одежды, допустив в ней такие изменения, которые наиболее соответствовали условиям кавказского походного быта», введя «шапки светло-зеленого сукна, как черкесские, куртки и шаровары того же цвета, легкий ранец, через одно плечо... патронташ кругом всей талии, ружье и более ничего» [15, с. 10–11].

Период II (1817–1826 гг.): А. П. Ермолов, искренне заботясь о солдате, не только функционально улучшал его внешний вид, но и, к сожалению, тщетно старался довести свои мысли и предложения по разработке практичной и удобной униформы до столицы [11]. Войска одевались так, как считали для себя удобным: горские шапки, бешметы, куртки «разного покроя» и разноцветные шаровары, полушубки, лапти и опорки, сосуды из тыквы вместо фляг, у офицеров повсеместно сюртуки без эполет и бурки. Ранцы в походе сменились холщовыми мешками. Фуражки приобрели статус строевого головного убора. Мода на предметы горского оружия и костюма получает широкое распространение среди офицеров и нижних чинов.

Период III (1826–1842 гг.) [12]: Персидская и Турецкая кампании стали как бы разделительной чертой между эпохой Ермолова и 1830–1840-ми гг., когда реформаторская деятельность военачальников была сведена к необходимому минимуму. Даже формалист И. Ф. Паскевич был вынужден смотреть сквозь паль-

цы на многочисленные отклонения от регламента и подписать приказ о ношении фуражек с козырьками (до того только офицерская привилегия) и в белых чехлах летом [1, с. 27].

Затем развитие походного обмундирования и снаряжения поставлено на самотек. Солдат должен был самостоятельно приспособливаться к окружающей его обстановке. «Вообще тогда на Кавказе мало знали военную форму и нисколько ею не стеснялись, от младшего до старшего» [3, с. 129]. Солдаты и офицеры заимствовали у горцев ряд элементов одежды, вооружения, вплоть до пришивания газырей на шинели [19, с. 6]. У офицеров мода на горский костюм порой доходила до полного преобразования в «черкеса». В походе фуражка вместо кивера или овчинной шапки (введена в 1829 г.), холщевый мешок вместо ранца [8, с. 591–592], шинель или рубашка (китель у драгун), зимой полушубок, неуставные брюки, у офицеров сюртук без эполет. В 1841 г. командование корпуса подтвердило ношение фуражек с козырьком (белые чехлы следовало снимать), но вновь предписало (повторив в 1844 г.) носить ранцы, хотя мало кто следовал этому предписанию [18, с. 356] [21, с. 196]. Случалось и так, что неуставное обмундирование, усилиями частных начальников, приобретало единообразие (например, кабардинские батальоны под Гергебилем, 1848 г. [5, с. 18]).

Петербург на тяготы службы почти не реагировал. Исключения — изменения в сроках ношения мундиров и шинелей, увеличение числа сапог до трех пар, признание использования овчинных полушубков / фуфаек. Но эти изменения лишь узаконивали существующую практику.

Предпринимались некоторые частные попытки изменить внешний вид войск. В первую очередь, отметим проект И. Ф. Дибича (1827 г.). В нем предполагалось отменить кивера, заменить фуражки шапкой, ввести башлыки, летом вместо мундиров белые камзолы [20, приложения, с. 173, 192–193]. Первой попыткой разработки специальной формы можно назвать проект создания легкой пехоты на Кавказе (генерал-майор Молоствов, 1838 г.), предлагавший обмундирование «приспособить» для передвижения по пересеченной местности и придать ему защитную окраску [6, с. 227–228]. Но уже в 1842 г. начальникам отдельных частей было предписано изложить свои мнения о том, какая форма одежды и какие снаряжение и вооружение наиболее удобны для кавказских солдат. В 1844 г. им же было предложено представить в корпусной штаб образцы ранца или мешка для солдата [18, с. 303–305, 338].

Период IV (1842–1864 гг.): законодательно признается сам факт влияния войны на военный мундир и предпринимаются

попытки изменить последний. Овчинные шапки отменены, и приказано впредь носить именно фуражки (1842 г.). В 1846 г. император вводится новое обмундирование в двух полках (Эриванский карабинерный и егерский кн. Воронцова) [4, с. 12]. Два года спустя распространили эту форму на прочие войска Кавказского корпуса. Влияние казаков / горцев [22, р. 36] наглядно демонстрировала папаха. Мундир с полами (полукафтан), шаровары и длинные сапоги вскоре были переняты всей русской армией.

Но ряд вопросов, заранее не продуманных создателями новой униформы (неудобство шапок, сапог, патронташей, «саперных ножей»), пришлось решать уже на месте, под огнем неприятеля. До преобразований князя Барятинского слабо улучшалась и ситуация со снабжением. По выражению одного из участников войны, «кавказский солдат... мало нуждался в хорошо сшитом мундире или полукафтани (потому что весьма редко, да и не для чего было надевать их)» [2, с. 269–270]. Прежнее отношение к отклонениям от нормы (фуражки и неуставные папахи, рубахи и белые кителя летом, шинели и полущубки в холода, неуставные шаровары, холщевые мешки, поршни и постолы) сохранялось. Даже такой мелочный педант, как Н. Н. Муравьев, «уважил старинный обычай носить одежду, введенную временем и опытом в полках кавказского корпуса» [17, с. 21–22].

Как и в более раннее время, наблюдаем примеры частной инициативы. Например, головной убор Московского и Бутырского полков (17-я дивизия), стоявших на Кубани и Черноморском побережье в 1854 г., – подобие высокого кепи с козырьком [13, с. 59].

Использованная литература:

1. Бобровский П. О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642–1892. СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1895. Ч. 4.

2. Волконский Н. А. Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1877. Т. II.

3. Воспоминания Г. И. Филипсона. М.: Университетская тип., 1885.

4. Игнатович Д. Ю. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского Его Императорского Величества Великого князя Николая Михайловича полка во время Кавказской войны (1845–1861 гг.). Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1897.

5. Из записок Н.В. Исакова // Русская старина. 1917. Т. 171. № 7–9.

6. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008.

7. Леонов О. Г., Попов С. А., Кибовский А. В. Армия Александра I. Пехота, артиллерия, инженеры. М.: Русские витязи, 2013.

8. Ливенцов М. Воспоминания о службе на Кавказе в начале сороковых годов. (Извлечения из дневника) // Русское обозрение. 1894. № 6. С. 591–592.

9. Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Униформология и оружиеведение в кавказском контексте: Отдельный Кавказский корпус (1801–1857) // Историческое регионоведение – вузу и школе. Славянск-на-Кубани, 1997. С. 54–55.

10. Нечитайлов М. В. К вопросу о походной униформе русских войск на Кавказе в 1800–1826 гг. // Вопросы отечественной и всеобщей истории глазами начинающих исследователей. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2002. С. 42–48.

11. Нечитайлов М. В. Попытки реформирования кавказского военного мундира в первой половине XIX в. // Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения: материалы междунар. науч. конфер. Армавир: Изд. центр Армавирского гос. педагогического ин-та, 2002. С. 138–140.

12. Нечитайлов М. В. Кавказский мундир М.Ю. Лермонтова // Ставропольский хронограф на 2006 г.: краеведческий сб. Ставрополь, 2006. С. 359–395.

13. Нечитайлов М. В. Русское «кепи» на Кавказе и в Крыму // Military Крым: военно-исторический журнал. 2011. № 20. С. 59.

14. Нечитайлов М. В., Стецов В. В. От идеи к реальности. (К вопросу об эволюции русского мундира в Кавказской войне) // Воин. Военно-исторический журнал. 2003. № 11. С. 79–84; 2003. № 12. С. 93–95.

15. Новоселов С. Генерал-лейтенант Григорий Иванович Глазенап // Кавказцы. СПб., 1857. Вып. 7–8. С. 10–11.

16. Петров А. К. История 83-го пехотного Самурского Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Александровича полка. Петровск: Тип. А. М. Михайлова, 1892.

17. Потто В. А. Воспоминания о Закавказском походе 1855 г. // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1906. Т. 25.

18. Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Тифлис: Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900.

19. Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г. // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1879. Т. 3. С. 1–250.

20. Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб.: Тип. Р. Голике, 1890. Т. 2.

21. Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1887. Т. 11.

22. Mollo B., Mollo J. Uniforms of the Imperial Russian Army. Poole: Blandford Press, 1979.

RUSSIAN MILITARY UNIFORM IN THE CAUCASUS, 1800–1864: EVOLUTION AND REFORMS

NECHITAYLOV Maxim V., Cand. Sci. (National History),
Senior Researcher, Department of the Organization of Scientific Research,
North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russia
E-mail: maxnechitaylov@gmail.com

In article is made an attempt to study evolution of appearance of the Russian army in the Caucasian war – impact of fighting conditions on dress, equipment and weapons, and also attempts of the military command to transform the last with the purpose to adapt for a real camp life.

Keywords: *The Caucasus Corps, Russian military uniforms, Ermolov's projects, influence of native peoples and regional conditions on appearance of Russian troops.*

Ю. Ю. Клычников*

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСИЛИЯ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ ПО ЛИКВИДАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО «ОЧАГА» ТАК НАЗЫВАЕМОЙ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются усилия российских властей по умиротворению Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Показаны успехи и неудачи в борьбе против государственного образования – имамата, созданного горцами Дагестана и Чечни и ставшего источником дестабилизации в регионе. Демонстрируется, как в ходе кампании менялась тактика российской армии и происходила трансформация политических шагов имперской администрации, выстраивавшей диалог с горскими народами.

Ключевые слова: *Российская администрация, имамат, война, армия, политика, экспедиции, добыча, набеги, кризис, переселение, тактика.*

Северо-Восточный Кавказ являлся самым заметным «очагом» так называемой Кавказской войны. Именно здесь пустило

* КЛЫЧНИКОВ Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Пятигорск, Россия. Электронная почта: klichnikov@mail.ru.

корни воинственное идеологическое течение ислама – мюридизм, которое вывело набеговую систему горцев на качественно новый уровень. Здесь происходили наиболее кровавые сражения между царскими войсками и «немирными» племенами.

Во время войны с Персией 1826–1828 гг. российскому командованию удалось сохранить относительное спокойствие в крае. Главнокомандующий И. Ф. Паскевич настаивал на мирном разрешении возникающих конфликтов, закрывая глаза на отдельные случаи «хищничества». Но наступившее затишье было обманчивым, так как в горах все шире разворачивал свою пропаганду Кази-Мулла. Взрыв произошел в 1830 г. и охватил горные районы Дагестана и Чечни. В Кази-Мулле российская власть увидела опасного соперника, претендовавшего на влияние в регионе, и попыталась устранить его с помощью армии. Показательно, что действенных шагов в сторону попытки договориться с ним не предпринималось.

Для Кази-Муллы и его сторонников Аварское ханство имело огромное значение. Здесь располагалось большинство «вольных обществ», являвшихся социальной базой нового движения, здесь они могли черпать военные силы для осуществления своих амбициозных замыслов. Фактическое управление ханством находилось в руках Паху-Бике, игравшей роль регента при юном сыне, что при господстве маскулинных ценностей не могло не привести к падению авторитета правящей династии и обуславливало ее военно-политическую слабость [2, с. 260]. Осознав опасность, грозящую ее владениям, ханша обратилась к российской администрации с просьбой о подданстве и 1829 г. присягнула на верность России. Одновременно зондировалась возможность заручиться покровительством со стороны Персии и Порты, но последние после поражения в войне с северным соседом не имели возможности влиять на происходившие на Кавказе события. Между тем ситуация все больше накалялась. Кази-Мулла усилил агитацию, призывая приверженцев к газавату, причем в образе зла выступала не столько российская власть, сколько местная знать, в которой неистовый проповедник видел своего главного конкурента. Во главе восьмитысячного ополчения он зимой 1830 г. выступил к столице ханства – Хунзаху. Противопоставить неприятелю хунзахцы могли лишь около двух тысяч воинов. Попытка Паху-Бике договориться с предводителем мюридов (обещание признать шариат и выдать одного из сыновей в качестве заложника) успехом не увенчалась. Уверовав в свои силы, Кази-Мулла жаждал боя и

рассчитывал на неминуемый успех. Но, как оказалось, простого численного превосходства для победы в такой борьбе мало. Ополченцам имама не хватало «внутреннего стержня», идеологической мотивации для борьбы с противником, загнанным в угол. В трудную минуту Паху-Бике сумела найти нужные слова для того, чтобы вселить мужество в свое колебавшееся войско. Сравнив робких с женщинами, не достойными носить оружие, она преломила ход сражения в свою пользу. Возглавляемые молодым Нуцал-ханом воины ринулись в контратаку и опрокинули мюридов, многие из которых стали переходить на сторону хунзахцев. Отряд Кази-Муллы рассыпался, а его правая рука – Шамиль – чуть было не расстался с жизнью от рук собственных приближенных, и только заступничество дервиша Нур-Мухаммеда спасло будущего имама от смерти. Идеи, проповедуемые Кази-Муллой, еще не овладели умами настолько, чтобы заставить беспрекословно выполнять любой приказ проповедника. Да и образ врага выглядел несколько размыто и неоднозначно. Куда более зримым и понятным для горского менталитета врагом могли стать дальние, а не ближние соседи [10, с. 249–440]. И здесь значение российского фактора сложно переоценить. Именно Россия была наиболее «удобным» врагом, в противостоянии с которым можно было сплотить местные племена. Но борьба с ней оказалась куда более опасной и тяжелой, о чем на собственном опыте убедился первый имам. Загнанный в свое родное селение, он погиб, так и не успев осуществить своих амбициозных замыслов.

Но своему преемнику Гамзат-беку он оставил неплохое наследство в виде пустившей глубокие корни идеи о дороге в рай «под сенью сабель». Когда тот летом 1834 г. вторгся на территорию Аварского ханства и осадил его столицу, дни некогда грозной феодальной фамилии были сочтены. Несмотря на близость к правящей династии, в доме которой он жил, когда лишился своих родителей, Гамзат-бек безжалостно расправился с сыновьями Паху-Бике, которых сумел заманить для переговоров в свой лагерь. Недолго пережила своих детей и сама ханша. По свидетельству Гаджи-Али, «гимринец Салихилау ворвался во двор ханши, которая в то время читала Коран, и, схватив ее за руку, ввел в конюшню, где и отрубил ей голову шашкой» [5]. Оставшегося в живых малолетнего Булач-хана отвезли к родственникам Гамзат-бека, но и этого мальчика в дальнейшем казнят по приказу Шамиля. Таким образом, верхушка «старой знати» Аварии была уничтожена. В результате столь кровавой

«ротации кадров» были созданы условия, обеспечивающие приход во власть незаурядных, ярких лидеров, которые благодаря своим качествам могли поучаствовать в деле формирования новой элиты горского общества. Это была скользкая и трудная дорога. На ней приходилось опасаться как соратников-соперников, так и представителей горских фамилий, которые уже закрепили свой привилегированный статус и без боя не желали сдавать позиции. Показательно, что свою смерть в сентябре 1834 г. второй имам нашел не от рук русских, от столкновений с которыми Гамзат-бек воздерживался, а от кровников, отомстивших ему за истребление аварского ханского дома.

Ситуация вокруг Гамзат-бека в контексте российской политики любопытна тем, что на этот раз власть не спешила расправиться со своим новым противником, а заняла выжидательную позицию. Да и сам новоявленный имам не торопился идти на обострение, помня печальную участь своего предшественника.

Подобная практика некоторое время сохранялась и тогда, когда на смену Гамзат-беку пришел Шамиль [7]. Но, очень скоро убедившись, что этот горский предводитель по личным качествам существенно превосходит своих предшественников, российская администрация делает очередную корректировку в своей политике. От стороннего наблюдения она начинает искать возможность договориться с имамом, привлечь его на свою сторону. В период 1835–1836 гг. активных военных столкновений на Северо-Восточном Кавказе не происходило, а российская власть вела переписку с Шамилем как с авторитетным, но все же, по мнению российских генералов, неравным партнером. Однако растущие амбиции имама, его активность и неуступчивость стали причиной новой попытки с помощью военной силы устранить эту неудобную фигуру. Поход генерал-майора Фезе 1837 г., предпринятый с этой целью, оказался неудачен. Шамиль сохранил свою власть, хотя и выдал аманатов. Примечательно, что «в следующие три года Шамиль делал беспрестанные, не успешные набеги на окрестные села Койсубу: Игали, Харачи, Харадирих, Мушули; в Гумбет и Андию. Но аварцы под начальством хунзахского Хаджи-Мурата, Кара-Киши, Химмад-бека, Шах-Шабек Дженгутаевского и других везде препятствовали его успехам. Все эти схватки были между одними мусульманами, без участия русских» [5]. Он подтвердил свою дееспособность как влиятельный владыка, умеющий объединять вокруг себя часть горских народов, а потому с ним в очередной раз попытались договориться. Успехом эти усилия

не завершились. Надежда на встречу Шамиля с Николаем I не оправдалась, так как имам не принял этого предложения. И вновь, как это было прежде, решили закончить противоборство одним ударом. Резиденция Шамиля в ауле Ахульго в 1839 г. была окружена и взята после долгой осады. Но сам имам сумел ускользнуть. Расчеты на то, что его авторитет подорван этим поражением, не оправдались. Непродуманные шаги, направленные на административное обустройство Чечни, привели к восстанию местных жителей, и они вновь призвали Шамиля возглавить их борьбу.

Таким образом, на протяжении конца 20-х и в 30-е гг. XIX в. мы видим существенную трансформацию в российской политике на Северо-Восточном Кавказе. От попытки исключительно силового решения проблемы (устранение Кази-Муллы) произошел переход к выжидательной позиции (по отношению к Гамзат-беку), а затем появляется стремление договориться с горским лидером в лице Шамиля, и лишь после осознания невозможности сделать это, было принято решение убрать его силами армии [12, с. 362–428].

Вновь активизировавшийся Шамиль на этот раз сделал своей резиденцией ичкерийское селение Дарго, откуда начал проводить организованные набеги на равнины. Избегая открытых столкновений с российскими войсками, он преуспел в своей тактике изматывания неприятеля непрерывными нападениями. К имаму вслед за чеченцами вновь потянулись и дагестанцы. Новых союзников горский предводитель вербовал угрозами, угрозами или насилием. Шамиль постепенно создавал эффективное теократическое образование, с помощью которого можно было решать амбициозные военно-политические задачи [2, с. 383–428; 15, с. 335–400; 3, с. 441–513].

Между тем российское командование по-прежнему находилось под впечатлением громкой победы под Ахульго. На первый взгляд, ничего существенного не произошло. Формально посланный «умиротворять» Чечню генерал А. В. Галафеев нанес непокорным чеченцам поражение, в очередной раз заставив их бросать свои аулы и искать спасения в лесах. Вторжение самого Шамиля в шамхальство Тарковское было отражено. Но могущество имама эти тактические неудачи поколебать уже не могли. Скомпрометировавшая себя в глазах немалой части горского населения российская администрация выглядела чуждой и враждебной, а потому Шамиль, выступавший в качестве привлекательной альтернативы, мог рассчитывать на рекрутирова-

ние все новых сторонников. Рано или поздно это должно было привести к принципиальному изменению ситуации в пользу последователей мюридизма.

Весной 1842 г. разгорается упорная борьба за Казикумухское ханство. И хотя его удалось отстоять, но два неудачных похода, затеянных П. Х. Граббе в мае-июле, фактически означали, что Шамиль сумел найти уязвимое место в тактике своих соперников, и отныне прежние методы борьбы с горцами обречены на неудачу.

От обороны мюриды переходят к систематическому и планомерному наступлению. Это были уже не прежние набеги за добычей, а акции, имеющие далеко идущие политические цели. Под ударами превосходящих сил неприятеля в 1843 г. пало Унцукульское укрепление, остаток гарнизона которого сложил оружие. В неравной схватке погибли защитники Гергебиля. Русские войска лишились всех небольших крепостей в Аварии. К концу года под контролем царской армии оставался только Хунзах, но и его пришлось оставить и с боем прорываться к Темир-Хан-Шуре. Таким образом, российская администрация сохранила за собой лишь часть равнинной Чечни, Приморский Дагестан и небольшие укрепления по рекам Сулак и Казикумухское Койсу [2, с. 371–382].

Еще не осознавая всей драматичности ситуации, сложившейся в регионе, Николай I вместо усиления Кавказского корпуса решил в очередной раз произвести кадровую перестановку и назначил его командиром А. И. Нейдгарта, посчитав, не без оснований, что разногласия между Е. А. Головиным и П. Х. Граббе явились причиной последних неудач. Впрочем, вскоре император дает распоряжение прислать в Дагестан дополнительные силы в надежде, что удастся решительным ударом не только вернуть потерянные территории, но и сокрушить власть Шамиля. Осторожный А. И. Нейдгардт, помня уроки, полученные П. Х. Граббе от горцев, разделил свои силы на пять отрядов и попытался вытеснить Шамиля из Аварии. Но тот, искусно маневрируя, сумел избежать невыгодного для себя «генерального» сражения, и российские войска ни с чем вернулись на свои базы [1, с. 272–276]. Из Петербурга провал кампании 1844 г. казался следствием чрезмерной осторожности А. И. Нейдгарта, а потому ему на смену был прислан М. С. Воронцов, способный администратор и достаточно опытный военный. Пользуясь доверием императора, он должен был стать тем «кризис-менеджером», который не только выполнял директивы из центра, но и

самостоятельно формировал политику России на ее северокавказской окраине [18, с. 234], [13; с. 8–12]. Осознание важности последнего пришло к Николаю I не сразу, и дебют графа на Кавказе оказался неудачным. Кровавая драма провальной даргинской экспедиции окончательно заставила отказаться от порочной практики эпизодических репрессалий [6] [12, с. 184–191]. Ей на смену пришла опробованная А. П. Ермоловым тактика постепенного стеснения неприятеля крепостями, связанными надежными коммуникациями, и широкое внедрение горского способа ведения войны в виде стремительных набегов силами мобильных отрядов. Признанными мастерами последних стали генерал Н. П. Слепцов [4], Я. П. Бакланов [16] и др.

Борьба за захват инициативы носила затяжной, изнурительный характер. Достигший пика своего могущества Шамиль весной 1846 г. осуществил вторжение в Осетию и Кабарду. Под угрозой оказалась имеющая стратегическое значение Военно-Грузинская дорога. В случае успеха имама он мог соединиться с благожелательно настроенными к нему племенами Закубанья. Благодаря энергичным действиям российского командования этот план был сорван, и Шамиль, ограничившись захватом богатой добычи, отступил. Удалось предотвратить и захват Шамилем округа Акуша-Дарго и не позволить ему отрезать друг от друга русские войска в Северном и Южном Дагестане. В то же время неудачей закончилась осада селения Гергебиль, предпринятая М. С. Воронцовым летом 1847 г. Горцы в очередной раз показали, что за последнее время многому научились, и взятие их аулов требует самой серьезной подготовки. Поэтому при захвате селения Салты русский наместник уже не пренебрегал всеми правилами военно-инженерной науки и после осады, длившейся с конца июля по середину сентября, и последовавшего в финале кровопролитного штурма взял этот оплот мюридов. Летом следующего года удалось занять и Гергебиль. В свою очередь Шамиль попытался захватить российское укрепление у селения Ахты, но был отброшен, и вернулся в свою столицу Дарго-Ведено.

С весны 1849 г. противники непрестанно атаковали друг друга, одерживая победы и терпя неудачи. Российским войскам под командованием генерала М. З. Аргутинского-Долгорукова так и не удалось занять аул Чох, обороной которого руководил сам Шамиль, а наибы имама не сумели преуспеть в своих набегих на Закавказье. Казалось, что ситуация остается неизменной. Но вместе с тем очевидным видится тот факт, что большинство задуманных мюридами крупных походов заканчивались

провалом, а в целом, эффективная оборона рубежей имамата стоила горцам немалых жертв, но при этом не приносила экономической выгоды.

Верно определив уязвимое место своего противника, М. С. Воронцов продолжал настойчиво расшатывать фундамент могущества Шамиля. Зимой 1849–1850 гг. русские войска прорубили просеку в Шалинскую долину, считавшуюся житницей Большой Чечни. До этого под топором солдат легли деревья Гойтинского и Гехинского лесов. Внешне не столь эффектные, как борьба за укрепленные аулы, эти действия, с точки зрения военно-политической целесообразности, были куда более полезны. Местное население, переселявшееся под контроль российских крепостей, получало от русской администрации продовольствие и деньги на обустройство, и это нередко действовало на его умы гораздо эффективнее, чем пушки и штыки. И хотя каждый раз российские войска не обходились без потерь, становилось все очевиднее, что горцы выдыхаются от этой тактики гораздо быстрее «кяфиров». Примечательным событием стал визит в Чечню в 1850 г. наследника престола цесаревича Александра Николаевича, который мог лично ознакомиться с ключевым для всей кампании краем.

Постепенно кризисные явления все явственнее проступали во всех сферах жизни имамата. Большинство горцев устало от войны, и даже среди мюридской элиты находились те, кто не желал больше служить своему свирепому владыке [19, с. 62]. На сторону русских переходили такие знаковые фигуры из окружения Шамиля, как легендарный Хаджи-Мурат, Бота Хамурзов и др. Последний стал верным советником и консультантом нового главнокомандующего – А. И. Барятинского [14], оказывая ему неоценимую помощь при планировании и проведении боевых походов в Чечне. Сам А. И. Барятинский, будучи начальником Левого фланга Кавказской линии, придерживался тактики непрерывных наступательных действий без сезонных перерывов. Его энергичные действия против чеченцев не ограничивались только репрессалиями и переселениями. По его инициативе началось их административное обустройство, в 1852 г. учрежден «народный суд» – мехкеме, который являлся удачным симбиозом российской судебной практики и горских обычаев [3, с. 525–571].

Все явственнее приближающийся крах имамата несколько отсрочила начавшаяся Крымская война. Российский император дальновидно не поддавался на уговоры покинуть столь

тяжело доставшиеся его армии позиции в Дагестане [9, с. 439; 15, с. 458–459]. И хотя царское командование вынуждено было свернуть свою активность на Линии, а Шамилю удалось совершить удачное вторжение в Кахетию в 1854 г., общей ситуации это изменить не могло. Напавшие на Грузию горцы ограничились лишь захватом добычи, и их нападение не имело ни военно-стратегических, ни политических последствий. Со смертью Николая I общая линия российской власти на Кавказе не претерпела существенных изменений, и окончательное падение владычества Шамиля оставалось делом ближайших лет.

Когда после завершения Крымской войны у Александра II появилась возможность сосредоточить на Кавказе внушительную армию, вооруженную современным нарезным оружием, дни имамата были сочтены. Под ударами российских войск, испытывая все возрастающий внутренний кризис, он разваливался буквально на глазах. Решительные действия генерал-лейтенанта Н. И. Евдокимова привели к тому, что в течение 1858 – начала 1859 гг. от территории Шамиля откалывается Чечня. Назначенный в июле 1856 г. командующим Отдельным Кавказским корпусом и наместником на Кавказе А. И. Барятинский начинает воплощать в жизнь свой замысел по покорению края и уже скоро добивается серьезных успехов [14, с. 51–112]. О том, насколько изменилась ситуация, свидетельствует его рапорт генерал-адъютанту Сухозанету от 17 июня 1859 г., в котором он рассказал, что «по возвращению из Петербурга во вверенный мне край, прибыл 4 числа в Грозную, я отправился предварительно для обзора вновь покоренных и занятых нашими войсками частей Левого крыла, именно Аргунской линии, Большой Чечни и Ичкерии. Проезжая везде с одним только почетным конвоем и большей частью в экипаже, по разработанным новым дорогам, я мог собственными глазами убедиться в огромных успехах, сделанных в последние месяцы в этом крае... везде, где я проезжал на протяжении от Грозной, через Шали, Таузин, Ведено, Эресной в Дарго, жители, столь недавно еще считавшиеся нашими непримиримыми врагами, выбегали ко мне навстречу. Женщины и дети приветствовали криками радости, заставлявшими на эту минуту забывать крайнюю нищету, в которую это население повергнуто продолжительным над ним владычеством Шамиля» [8, с. 609–610].

Затравленный Шамиль уходит все дальше в горы, вынужденный опасаться уже не столько русских, сколько еще вчера покорных ему горцев [17, с. 53, 58, 63–64]. Надежду на спасе-

ние он связывал с доселе неприступным Гунибом: «Жилища в неподвижных горах и области на вершинах холмов / И те неприступные и незащищенные селения, / которые возвышаются между гор, поднимающихся к небу. / Они были хорошими обителями для героев и братьев по долгу. / Да, особенно гора Гуниб не нуждается в защитных укреплениях. / Она сотворена [так, что] укреплены границы / и преграждены пути на вершину ее. / Окружили ее ограды утесов со всех сторон, подобно чалме. / На ней нашли защиту имам и люди веры, / когда убедились они в слабости поддержки. / Но не избавил Гуниб их от бедствий судьбы. / Разве можно избавиться от неизбежности рока» [17, с. 62]. В итоге имама окружают и 25 августа 1859 г. заставляют капитулировать в ауле Гуниб. Вместе с ним исчезло и его детище – имамат. Северо-восточный очаг «Кавказской войны» был ликвидирован.

Использованная литература:

1. Баддели Дж. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: Центрполиграф, 2007.
2. Блиев М. М. Кавказская война. М.: Росет, 1994.
3. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004.
4. Виноградов В. Б. Н. П. Слепцов – «храбрый и умный генерал». Армавир: Армавирский гос. педагогический ин-т, 2000.
5. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле [Электронный ресурс] // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/Arabojaz_ist/Gadzi-Ali/text2.htm (дата обращения 12.03.14).
6. Даргинская трагедия 1845 год. Сер.: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / сост. Г. Г. Лисицына. Коммент., указ. Б. П. Миловидова. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001.
7. Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001.
8. Документальная история образования многонационального государства Российского: в 4-х кн. / под ред. Г. Л. Бондаревского и Г. Н. Колбая. М.: НОРМА, 1998. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв.
9. Зайончковский А. М. Восточная война, 1853–1856: в 2-х т. СПб.: Полигон, 2002. Т. II. Ч. 2.
10. Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.

11. Клычников Ю. Ю. Даргинская экспедиция 1845 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир: Армавирский гос. педагогический ин-т, 2003. Вып. 2. С. 184–191.
12. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. лингвистического ун-та, 2002.
13. Лазарян С. С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. лингвистического ун-та, 2009.
14. Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М.: Центрполиграф, 2007.
15. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000.
16. Потто В. А. Яков Петрович Бакланов: биографический очерк. СПб.: Тип. В. Березовского, 1885.
17. Саййд Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад-Дагестани. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля / пер. с араб., введ., коммент., указ. Н. А. Тагировой. М.: Восточная литература, 2002.
18. Удовик В. А. Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004.
19. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003.

MILITARY AND POLITICAL EFFORTS OF THE RUSSIAN AUTHORITIES TO ELIMINATE THE NORTHEASTERN «HEARTH» OF SO CALLED CAUCASIAN WAR

KLYCHNIKOV Yury Yu., Dr. Sci. (National History),
Prof., Department of the History
and the Law of Russia and Foreign Countries,
Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia
E-mail: klichnikov@mail.ru

The article discusses the efforts of the Russian authorities to appease the Northeast Caucasus in the 20-50-s of the 19-th century. It also shows the successes and failures in the fight against public formation – Imamate, created by mountaineers of Dagestan and Chechnya and became a source of destabilization in the region. The article demonstrates how tactics of the Russian army changed during the campaign and how developed the transformation of the political action of the imperial administration which built a dialogue with the mountain peoples.

Keywords: *The Russian administration, the Imamate, war, army, politics, expeditions, mining, raids, crisis, relocation, tactics.*

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ XIX В. К КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ И ПОКОРЕНИЮ КАВКАЗА

В статье рассматривается отношение высших чинов российской администрации к Кавказской войне и существовавшие в российском обществе альтернативные варианты покорения Кавказа. Приводятся две основные точки зрения военной и политической элиты Российской империи на присоединение Кавказа: экономическая и военная. Дается характеристика стратегии и тактики военных действий на Северном Кавказе различных представителей русского командования в регионе. Приводятся точки зрения на Кавказскую войну творческой интеллигенции и широкой российской общественности этого периода.

Ключевые слова: Северный Кавказ, горцы, стратегия, тактика, война, экономические пути, военная элита, российское общество.

Кавказская война, присоединение Кавказа и длительная борьба горцев за независимость, вызвавшая неоднозначное восприятие в просвещённом российском обществе, способствовали возникновению альтернативных взглядов на покорение Кавказа и включение его в состав России, у различных представителей военной и политической элиты империи.

Кавказу в истории России принадлежит особое место. На протяжении многих веков он был тесно связан с территориями Древнерусского и Российского государств и служил своеобразным мостом между южно-русскими степями, Ближним Востоком и Средиземноморьем.

Особую роль Кавказ стал играть в общественно-политической, экономической и культурной жизни России и российского общества с XIX в., особенно после начала Кавказской войны, когда он стал выступать важным стратегическим форпостом России в борьбе с Турцией и Персией. Кавказ представлял не только значимый геополитический регион, но и прекрасный военно-стратегический плацдарм как для наступления на богатые южные территории Российской империи, так и на наиболее развитые об-

* КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории, директор Научно-образовательного центра «Культурное и природное наследие Северного Кавказа» Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия. Электронная почта: kaa0210@yandex.ru.

** КУДРЯВЦЕВ Евгений Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории, заведующий археологической лабораторией Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия. Электронная почта: tatarlab@rambler.ru.

ласти Турции и Ирана, здесь пролегали известные международные торговые коммуникации, имелись богатые залежи полезных ископаемых и плодородные сельскохозяйственные земли.

Особенно пристальное внимание Кавказ стал привлекать в период, когда войну горцев за независимость возглавил Шамиль, и она приняла наиболее ожесточённый характер, находя широкий отклик в самых различных слоях просвещённого российского общества и его военно-политической элиты.

Отношение российского общества к Кавказской войне и личности имама Шамиля менялось на протяжении длительного периода военных действий и после их завершения.

Первоначально, ещё до начала военных действий на Кавказе, в российском обществе и в высших эшелонах власти существовали две различные точки зрения на проблему отношений с горцами и включения этих территорий в состав России.

Одним из наиболее ярких выразителей первого направления был известный государственный деятель Н. С. Мордвинов (1754–1845), занимавший самые высокие посты в администрациях трёх выдающихся российских императоров: Екатерины II, Александра I, Николая I.

Н. С. Мордвинов слыл человеком независимым, вольнодумным и непокладистым, но его огромная популярность, ум и опыт заставили российских правителей прислушиваться к его советам и назначать на самые высокие и ответственные должности в государственном аппарате. Достаточно сказать, что он был ближайшим сподвижником всемогущего Потёмкина, первым русским морским министром при Александре I, членом Верховного уголовного суда при Николае I, где проявил удивительное гражданское мужество и единственный из всего состава суда не подписал смертного приговора декабристам.

Н. С. Мордвинов ратовал за мирные отношения с горцами Кавказа и призывал развивать и укреплять торговые связи с ними, вовлекая Кавказ в орбиту хозяйственной жизни России, проводя широкое экономическое освоение его. Этот альтернативный подход адмирала к покорению Кавказа не был забыт даже в период победного завершения Кавказской войны и находил отклик и понимание в российском обществе. В записке, о способах покорения Кавказа, написанной им в 1816 г., адмирал Мордвинов старается доказать вред употребления оружия и высказывает убеждения, что «главным средством для покорения горцев должны служить отношения мирные и торговые» [9, с. 354].

Понимая более низкий уровень политического и экономического развития горцев, Н. С. Мордвинов считал, что многочисленные местные проблемы нельзя решать «ядрами и штыками, коими только вечную вражду питать возможно» [1, с. 150].

Позднее, в 1860 г. известный историк XIX в. Д. И. Романовский, в определённой мере оценивая итоги Кавказской войны, писал ссылаясь на идеи Н. С. Мордвинова, что в своё время предлагались различные версии покорения Кавказа: «Некоторые из таких систем предлагались людьми, достойно занимавшими высшие места в нашей правительственной иерархии, и которые пользовались общим уважением» [9, с. 355].

Смелые и весьма гуманные реформаторские предложения Н. С. Мордвинов об отношении к Кавказской войне и взаимоотношениях с горцами, отражавшие передовые идеи первой половины XIX в., находили широкое одобрение у прогрессивной части российского общества. Служебные записки Н. С. Мордвинова, в которых он излагал свои взгляды и реформаторские идеи, активно читались передовыми людьми России в рукописных копиях, наряду с вольнодумными стихами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. Ф. Рылеева, А. С. Грибоедова.

Наиболее ярким выразителем другой точки зрения, существовавшей в российском обществе по кавказской проблеме, являлся генерал А. П. Ермолов, настаивавший на жёстких и решительных мерах путём энергичных военных акций.

Проект Н. С. Мордвинова, рассчитанный на более медленное, но надёжное и действенное сближение Кавказа с Россией, рассматривался этой частью общества едва ли не вызовом генералу Ермолову и считался малоэффективным, туманным и слишком медленным. Подобная точка зрения, сформулированная ермоловским тезисом «должно повелевать властью, а не просьбами» [10, с. 218], возобладала, несмотря на то, что проект Н. С. Мордвинова был заслушан на заседании Комитета Министров, который одобрил его и постановил: «Поднести журнал сей и мнение адмирала Мордвинова на высочайшее разрешение, дабы сообразно этому приступить можно было комитету к составлению инструкции г.-л. Ермолову» [1, с. 148–149].

2 июля 1816 г. последовал высочайший указ Комитету Министров, где сообщалось, что «находя полезным правила и мнения, поданном в Комитет адмиралом Мордвиновым, предписываю оное сообщить г.-л. Ермолову для рассмотрения и сообщения на месте» [1, с. 149]. Однако генерал Ермолов в своих действиях на Кавказе руководствовался другими стратегиче-

скими подходами, принципами и ориентирами, опираясь, видимо, и на другие, указания императора.

Подавление восстания декабристов и усиление внутренней реакции в России, не могли не сказаться на российском обществе и его отношении к Кавказской войне. Многие из сочувствующих или участвовавших в восстании были сосланы на Кавказ, под пули горцев. Наивно думать, что те, кто мечтал о свободе и искренне ненавидел тиранию, начали здесь брататься с людьми, отстаивающими свою независимость и свободу. Слишком глубокая была пропасть между кавказским горцем и российским дворянином, хотя и разжалованным, хотя и репрессированным. Сословные и национальные традиции, понятие о дворянской чести, присяге, долге служения Отечеству не позволили вчерашним борцам за свободу, презирающим и ненавидящим своего тирана, поддержать отстаивающих свободу.

Сами декабристы, выступавшие как передовой отряд русской прогрессивной общественности, являли собой сложный феномен русской истории, сыгравшей важную роль общественно-политической, культурной, просветительской, научной жизни страны. Их интерес к Кавказу был весьма многогранен и опирался на принципы свободы и равенства, всесторонне осмыслённые с позиций дворянской революционности и подчинённые глубокой преданности России.

Декабристы, многие из которых служили на Кавказе и были знакомы с краем задолго до восстания, не одобряли ни методов, ни политики, проводящейся здесь. Один из них, ещё в 1820 г. так отзывался о действиях А. П. Ермолова: «Так же трудно поработить чеченцев и другие народы этого края, как сгладить Кавказ. Это дело исполняется не штыками, а временем и просвещением» (см.: [4, с. 187]).

Передовая часть русского общества, как и большинство членов тайных обществ, признавали за горцами Кавказа, как и за всеми другими народами России, право на свободу, и новая Россия, согласно «Русской Правде», должна была объединить все её народы на основе равноправия. И хотя руководители тайных обществ недооценивали роль национальной самобытности народов, их религиозных убеждений, стремлений к самоопределению, приверженности к традиционной культуре и местным обычаям, П. И. Пестель считал, что в обновлённом российском государстве «силы маленьких народов, его окружающих, умножили бы силы собственные его» [2, с. 125].

Однако, известный советский историк М. В. Нечкина, в связи с декларируемыми декабристами в «Русской Правде» «правом на-

родности» и «правом благоустройства», считала, что «Пестель не понимал значения национального развития угнетённых народов и не сумел найти путей к разрешению национального вопроса» (цит. по: [2, с. 70]). Но вся последующая история России показала, что найти подобные пути решения вопроса оказалось весьма сложным и трудноразрешимым делом как в прошлом, так и в настоящем.

Одним из ярких представителей передовой части российской элиты, имевшим альтернативную точку зрения на покорение Кавказа был Александр Сергеевич Грибоедов, судьба и личная жизнь которого тесно переплелись с Кавказом и наглядно отражали всю сложную палитру отношений общества к Кавказской войне.

Первое знакомство А. С. Грибоедова с Кавказом произошло в 1818-1819 гг. Автор известных «Путевых заметок» не скрывает своего восхищения А. П. Ермоловым, его личными качествами, умом и неординарностью этой известной личности, а его кавказскую политику воспринимает как вынужденную и неизбежную. Но служба при А. П. Ермолове, более глубокое восприятие людей и событий на Кавказе, способствуют разочарованию А. С. Грибоедова в Кавказской войне.

Раздумье и переосмысление А. С. Грибоедовым политики России на Кавказе вылились в его «Проект Российской Закавказской компании», который 7 сентября 1828 г. был представлен на рассмотрение главнокомандующего на Кавказе И. Ф. Паскевича. Этот проект характеризовал не только понимание экономических задач, стоящих перед регионом, но и отражал общественно-политические и просветительские взгляды автора.

Трезво оценивая обстановку на Кавказе, А. С. Грибоедов, писал, что «мятежи происходят от введения иного порядка, небывалых прежде соотношений» [3, с. 479] и власти больше всего «поглощены укрощением горцев и других народов, тогда как для просвещения сделано мало» [3, с. 480].

Основной целью проекта А. С. Грибоедов считал тесный союз России с Кавказом, который «обоюдность выгод сольёт их с собой в один состав прочный и неразрывный» [3, с. 490], и главным здесь должно было стать экономическое процветание всего населения края: «Никогда войско, временно укрощающее неприятеля, или готовое только истребить его, не может так прочно обуздать и усмирить вражду, как народонаселение образованное и богатое» [3, с. 490].

Именно в единой экономической политике, в поисках общих экономических интересов видит А. С. Грибоедов общественно-политическое и социальное благополучие и спокойствие Кавка-

за: «Ничто не крепит так твёрдо и неразрывно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами по сю сторону Кавказа, как преследование взаимных и общих выгод» [3, с. 493]. Этот идеал А. С. Грибоедова, определённый им, как «совместное хозяйственное и культурное движение народов России и Кавказа» (см.: [5, с. 42]), и сегодня не утратил своей социально-экономической значимости и актуальности.

Активное участие в формировании в российском обществе альтернативных представлений о Кавказской войне принимала и творческая элита, где особое место занимает великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. Благодаря его творчеству величественная и суровая природа Кавказа, его снежные вершины и живописные ущелья, дух свободы и самоотверженности прочно вошли в российскую литературу и оказали огромное воздействие на общественно-политическую и культурную жизнь России.

А. С. Пушкин дважды побывал на Кавказе и эти поездки стали важными вехами его творчества и его восприятия Кавказской войны, эволюция которого хорошо прослеживается в «Кавказском пленнике» и «Путешествии в Арзрум».

Под впечатлением первой поездки, относившейся в 1820 г., родилась поэма «Кавказский пленник», благодаря которой в русское общество впервые ворвалась романтика кавказских гор, поразившая молодого поэта суровыми скалами и белоснежными вершинами, бездонными ущельями и воинственным свободолюбивым духом их обитателей.

Но в самой поэме, в характере её героев много противоречий, присущих самому А. С. Пушкину и его отношению в Кавказской войне.

Как и значительная часть российского общества в этот период, поэт воспринимал события на Кавказе двояко. Он восхищался гордостью и свободолюбием черкесов, но в то же время именовал их «злодеями», «коварными хищниками», «разбойниками», хотя понимал, что «они таковы, как окружающая их страшная и щедрая природа» [6, с. 112].

С «Кавказского пленника» в русской литературе начинается новый этап, связанный с познанием и восприятием иной национальной культуры «молодого народа, полуварварского, застигнутого, но не укрощённого ни византийской, ни западной культурой, всё ещё близкого к своей природе» [6, с. 111].

Особую роль в поэтизации Кавказа и Кавказской войны, в осмыслении её в российском обществе сыграл Михаил Юрьевич Лермонтов.

Пожалуй, ни для кого из русских литераторов Кавказ не значил так много и не сыграл такой роли, в том числе и роковой, как в жизни М. Ю. Лермонтова. Однако для него, как и для многих других передовых людей России, Кавказ – «Жилище вольности простой» – стал не только местом вдохновения и источником творчества, но и скалистой тюрьмой.

Во время первой ссылки, последовавшей за стихотворением «Смерть поэта» в 1837 г., М. Ю. Лермонтов не принимал непосредственного участия в военных действиях, но по долгу службы объездил почти весь Кавказ и эти впечатления нашли отражение в его прекрасных поэмах, стихах, прозе («Мцыри», «Демон», «Герой нашего времени» и др.).

Позднее, сосланный вторично на Кавказе в 1840 г. в Тенгинский полк, поэт увидел этот прекрасный край и саму войну с другой стороны. Он участвовал в сражении на реке Валерик, где погиб его товарищ декабрист Лихарёв. Он видел кровь, страдания, смерть, бессмысленную гибель многих людей, которые потрясли его, и с огромной поэтической силой зазвучали в стихах его философско-гуманистические размышления: «Я думал: жалкий человек. // Чего он хочет?! Небо ясно, // Под небом места хватит всем». И хотя М. Ю. Лермонтов воевал на Кавказе с поразительной отвагой и отменным мужеством, а о его красной рубахе среди горцев ходили легенды и по воспоминаниям сослуживца был он «отчаянно храбр, удивлял своей удалью даже старых кавказских джигитов, но это не было его призванием...».

В произведениях этого времени, отражавших другую эпоху, другой этап Кавказской войны, нет и намёка на романтическую юношескую восторженность, на поэтическое воспевание бесшабашной удали боевых схваток, на почитание «славы купленной кровью». Наиболее громким и ведущим мотивом произведений поэта остаётся призыв к свободе и воспевание этой свободы, а ещё признание в любви к России, в умении любить: «Её полей холодное молчанье, её лесов безбрежных колыханье, разливы рек её, подобные морям».

В 30-е – 40-е гг. на Кавказе значительно увеличивается число декабристов, переведённых сюда из Сибири. Так, в 1829 г. в Кавказском корпусе служило 65 офицеров – декабристов и около 3 тысяч солдат, участников декабристского восстания. В большинстве случаев декабристы встречали здесь доброжелательный приём со стороны высших офицеров, нередко бывших сослуживцев, и сочувствие гражданского населения, значительная часть которого не видела в их действиях преступления или разделяла их взгляды.

Другом и покровителем декабристов был доктор И. В. Майер, дом которого в Ставрополе и Пятигорске стал своеобразным центром передовой мысли Кавказской области, где общались офицеры Кавказского корпуса, политические и общественные деятели, литераторы, художники, поэты.

В кругу военных и оппозиционно настроенной столичной молодёжи, встречавшихся на Кавказе, нередко возникали острые беседы, осуждающие политику правительства, Кавказскую войну и самого императора.

«Тёплая Сибирь», куда царь ссылал под пули горцев наиболее прогрессивную часть российского общества, вопреки стараниям правительства, превратилась в своеобразный остров вольнодумия и свободы обитатели которого, в своём не восприятии реакционных перемен в России опирались на пример кавказских горцев, на их идеалы свободы, борьбы и независимости.

Российское общество второй четверти XIX в. в своём отношении к Кавказской войне резко отличалось от периода её начала, когда война велась в одном контексте с внешнеполитической борьбой России с Турцией и Персией и поддерживалась практически всеми слоями населения.

Документы свидетельствуют, что российское общество живо интересовалось покорением Северного Кавказа и предлагало самые различные способы решения проблемы. Известный историк XIX в. В. А. Потто весьма скептически оценивал разнообразные проекты, существовавшие в российском обществе в отношении Кавказа.

«Нужно сказать, что это было время всевозможных проектов. Военное министерство было засыпано трактатами, в которых было много любопытных, а ещё более странных идей, показывающих только усердие, но никак не знакомство с Кавказом всех этих составителей планов» [7, с. 5].

Любопытно отметить, что как перед началом Кавказской войны, так и уже в ходе её, в обществе, наряду с военным решением вопроса (постройка в стратегически важных местах и на вершинах горных хребтов крепостей, устройство на неприступных вершинах наблюдательных постов, попытки взорвать сами горы с помощью пороха и т.д.), дискутировалось множество мирных проектов. «Советовали покорять горцев не оружием, а культурой во всём её широком объёме, то есть просвещением, торговлей, водворением среди народа роскоши и даже пьянства. Были предложения учредить в Анапе лицей или кадетский корпус, в котором воспитывались бы черкесские юноши

с детьми черноморских казаков, полагая, что общность воспитания родит дружеские связи, которые не замедлят отразиться в будущем и на дружеском согласии обоих народов» [7, с. 6]. Среди подобных проектов были и уповавшие только на силу искусства. «Некоторые шли ещё дальше и предполагали прежде всего озаботиться смягчением нравов, посредством заведения у горцев музыкальных школ» [7, с. 6].

В противоположность этим, порой весьма утопическим, но мирным планам, фельдмаршал Паскевич, сменивший генерала Ермолова, уповал на военную силу. В отличие от Ермолова, Паскевич плохо знал Северный Кавказ, его обитателей и военную ситуацию здесь, что привело его к ошибочному мнению о возможности «быстро и без труда завладеть всеми важнейшими пунктами в горах, прочно утвердиться в предгорьях и, таким образом, отняв у неприятеля все средства получать пропитание с равнин и плоскостей, вынудить его к покорности» [7, с. 6]. По сути дела план Паскевича мало, чем отличался от ермоловского. «Но то, чего достигал Ермолов упорным трудом, продвигаясь лишь шаг за шагом, Паскевичу казалось легко осуществить одним стремительным натиском» [7, с. 6].

В. А. Потто отмечал, что существовал и другой военный проект, который довольно широко обсуждался в обществе и был, вероятно, известен Паскевичу.

«Надо заметить, что в это самое время ходила по рукам мемория генерала Вельяминова, которая, конечно не могла быть неизвестной Паскевичу. Вельяминов, друг и сподвижник Ермолова, также изыскивал средства ускорить окончание тяжёлой Кавказской войны, но средства, предлагаемые им, значительно рознились от мыслей Паскевича» [7, с. 6].

По мнению Вельяминова, необходимо было перенести оборонительные линии за Кубань и Сунжу, постепенно вытесняя горцев с плоскостей, занять казачьими станицами все места, изобилующие пастбищами и посевами, увеличить число кавказских линейных казаков, что имело бы значение и для будущих европейских воин. Однако император посчитал, что предполагаемый для этого проекта шестилетний срок очень велик, а требуемые для него средства чрезмерно обременят казну, тогда как Паскевич обещал немедленный решительный результат.

Дальнейшая многолетняя бесплодная борьба с горцами заставила царское правительство вернуться к проекту Вельяминова, выделив для этого куда более значительные средства, чем предполагалось первоначально.

Одной из крупнейших ошибок Паскевича на Северном Кавказе было его полное непонимание роли Дагестана в Кавказской войне. «Дагестан не особенно занимал главнокомандующего. Паскевич более, нежели следует, полагался на преданность к нам шамхала тарковского, акушинского кадия и ханов Мехтулы и Казикумыка, которые, по его мнению, достаточно обеспечивали спокойствие приморского края и плоскости, а что касается Нагорного Дагестана, где главенство принадлежало сильной Аварии, то ханы её только что добровольно присягнули тогда на подданство России и своим примером, казалось, не могли не повлиять на соседние с ними вольные общества» [7, с. 6].

Таким образом, Дагестан был фактически исключён из общих военных планов главнокомандующего, тогда как дальнейшие события показали, что именно Дагестан, которому Паскевич не счёл нужным уделять внимание, оказался самой горячей точкой Кавказа, полностью опрокинувшей все планы фельдмаршала. Здесь, в аварском селении Гимры, созрели новые силы и появились новые лидеры, которые подняли борьбу горцев на новый уровень и оказали решающее влияние на ход Кавказской войны.

Многолетняя борьба за независимость получила мощную идеологическую основу в лице нового религиозного учения мюридизма, главным лозунгом которого стал Газават – священная война с неверными.

«Наружное спокойствие Дагестана обмануло Паскевича, в гуле победных громов он не слышал, как шумела река, разливавшаяся кипучим потоком, и как затопляла она всё» [7, с. 6].

Одним из наиболее способных политических деятелей и талантливых полководцев, возглавивших это движение и направивших бурный поток мюридизма в новое русло, был третий имам Дагестана и Чечни Шамиль (1797–1871). «Грозный имам, владыка горцев» [8, с. 3] – он вызывал самые противоречивые чувства в российском обществе: страх и ненависть, уважение и восхищение, сочувствие и непонимание. Это имя на многие годы приковало к себе внимание в России и далеко за её пределами. Сколь велика была известность Шамиля и России уместнее всего судить не по победным, торжественным реляциям генералов и даже не по восторженным отзывам М. Н. Чичаговой, под надзором мужа которой он проживал в Калуге и которая считала Шамиля «замечательнейшим из героев мусульманского мира» [11, с. 11], но скорее по воспоминаниям известного краеведа, историка, журналиста XIX–XX вв. Г. Н. Прозрителева, который в детстве увидел пленного Шамиля в Ставрополе и на всю

жизнь сохранил самые яркие впечатления о нём. «На утро мы, детвора, бросились к «Бабиной Роще». Я подбежал в то время, когда Шамиль выходил из ворот на улицу. Волоса стали дыбом и ноги подкосились, когда чуть не в упор налетели мы на грозного пленника, перед именем которого привыкли трепетать.

На всю жизнь запечатлелась и гордая осанка пленника, белая черкеска, папаха с чалмой и большая рыжая борода. Впечатление этой неожиданной встречи было так сильно, что оно вытеснило всё остальное» [8, с. 3].

О настроениях, которые тогда существовали в ставропольском обществе по поводу пленения Шамиля и Кавказской войны, Г. Н. Прозрителев писал так: «Трудно теперь понять ту великую радость, какую испытали современники, когда стало известно – невероятное событие, что Шамиль в плену. Надо было пережить то время Кавказской войны, полной неожиданностей и всевозможных злоключений, чтоб, действительно, встретить ликованием падение этого неукротимого борца и вдохновителя горских племён на тяжёлую героическую борьбу.

Война кончилась.., но если бы она и не кончилась, то без Шамиля это уже не война» [8, с. 3].

Использованная литература:

1. Архив графов Мордвиновых / предисл. и примеч. В. А. Бильбасова. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. Т. 5.
2. Восстание декабристов. Документы / ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1958. Т. 7.
3. Грибоедов А. С. Сочинения. М.; Л.: Гослитиздат, 1959.
4. Дзамихов К. Ф. Первенцы свободы: Декабристы и кавказская действительность в первой половине XIX в. // Эльбрус. 1990. № 1. С. 124–128.
5. Жданов Ю. А. Кавказ и передовая русская культура // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982.
6. Мережковский Д. С. Пушкин. Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX вв. М.: Книга, 1990.
7. Потто В. А. Кавказская война: в 5-ти т. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 5: Время Паскевича, или бунт Чечни.
8. Прозрителев Г. Н. Шамиль в г. Ставрополе // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь: тип. Губернского правления, 1914. Т. 9. С. 1–10.
9. Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860.
10. Сборник Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1880.

11. Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. СПб.: тип. и лит. С. Муллер и И. Богельман, 1889.

**ALTERNATIVE APPROACHES OF THE RUSSIAN ELITE
OF THE 19-TH CENTURY TO THE CAUCASIAN WAR
AND THE CONQUEST OF THE CAUCASUS**

KUDRYAVCEV Alexander A., Dr. Sci. (National History),
Head, Research and Education Center
“Cultural and natural heritage of the North Caucasus”,
Prof., Department of Archaeology and Universal History,
North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.
E-mail: kaa0210@yandex.ru

KUDRYAVCEV Evgeny A., Cand. Sci. (National History),
Ass. Prof., Department of Archaeology and Universal History,
Head, Archaeological Laboratory,
North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.
E-mail: tatarlab@rambler.ru.

The article examines the relation of the higher officials of the Russian administration to the Caucasian War and the alternatives to the conquest of the Caucasus existed in the Russian society. There were two main points of view of military and political elite of the Russian empire in the Caucasus accession: economic and military. The characteristic of the strategy and tactics of military operations in the North Caucasus by various representatives of the Russian command in the region is given. The article provides different points of view by the creative intellectuals and the general Russian public on the Caucasian War in that period.

Keywords: North Caucasus mountaineers, strategy, tactics, war, economic way, the military elite of Russian society.

ИЗ ОПЫТА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ШАМИЛЯ

Статья посвящена политике государства Шамиля в отношении представителей разных национальностей, вероисповедания и написана на основе архивных документов, опубликованных источников и полевых материалов, собранных автором за последние 30 лет.

Ключевые слова: Дагестан, имамам Шамиля, этноконфессиональная политика, реформы.

В первой половине XIX в. имаму Шамилю и его сподвижникам удалось создать на территории Дагестана и Чечни уникальное многонациональное, поликонфессиональное государство. Особенность этого государства заключалась в том, что, ведя в течение 25 лет героическую вооруженную борьбу за свободу и независимость против Российской империи, здесь были проведены впервые на Кавказе и в мире успешные социально-экономические и правовые реформы, направленные на обеспечение равноправия всех граждан разных национальностей, этнических групп и конфессиональной принадлежности. Характеризуя государство Шамиля, Х. М. Ибрагимбейли пишет: «Феноменальное государство, созданное Шамилем, поистине превратилось в неприступную крепость, которой регулярная царская армия не могла овладеть в течение четверти века, хотя в два года сокрушила могущественную наполеоновскую с ее “великой империей”. Создание этого государства дает основание считать Шамиля умелым организатором, умным политиком и крупным руководителем народных масс, а создание 60-тысячной регулярной армии и неоднократные победы над сильнейшей царской армией характеризуют его как талантливое полководца, крупного знатока горной войны» [5, с. 42].

Проведенные в этом государстве социально-экономические, правовые и военно-административные реформы 1834–1859 гг. стали уникальным вкладом в мировую практику государственного строительства.

В государстве Шамиля, в котором проживали представители более 70 равноправных национальностей, исповедующих

* ДАДАЕВ Юсуп Усманович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала, Россия. Электронная почта: dadaevyusup@mail.ru.

ислам, православие, иудаизм и другие религии, были созданы относительно равные социально-экономические и правовые условия для всех граждан. В этом государстве, основанном на соблюдении и охране прав каждого человека, независимо от этнической и религиозной принадлежности, с самого начала его существования, не возникал национальный вопрос, не было межнациональных проблем. Здесь, как в одной семье, на равных правах проживали представители всех народов Дагестана, Чечни, Кавказа, других регионов Российской империи, стран Западной Европы, Азии и Ближнего Востока.

По характеру и содержанию проведенных в этом государстве экономических, политико-правовых, социальных и военно-административных реформ в течение 25 лет в мировой практике государственного строительства не было аналогов. В этом государстве Шамилем и его сподвижниками была фактически продумана и осуществлена социальная и правовая революция:

1) «по решению государства сверху были отменены рабство и феодальная зависимость крестьян; ликвидированы на 25 лет социальные сословия ханов, беков и феодалов и обеспечено относительное равенство между всеми гражданами государства;

2) разработана и осуществлена правовая реформа на основе шариата и светских законов, создана новая единая правовая система вместо противоречивого, основанного на местных традициях и обычаях адатного права. При этом Шамиль добился сочетания правовых основ шариата, светских норм жизни с учетом традиций и обычаев разных народов и обществ, входивших в имамат;

3) вместо ликвидированной феодальной, ханской, бекской собственности создана государственная общенародная собственность – байтулмал, которая использовалась для обеспечения равных экономических возможностей всех граждан, независимо от национальной и конфессиональной принадлежности, этому же способствовали экономические реформы, проведенные Шамилем в области земельных отношений, налоговой и кредитно-финансовой политики;

4) впервые была разработана и проводилась четкая социальная политика по защите интересов всех граждан, независимо от национальной, конфессиональной и половозрастной принадлежности, позволившая «слить воедино идею исламской веры с идеей родины, стремление к улучшению материального и политико-правового положения всех граждан с идеей национальной независимости и свободы» [6, с. 22].

Особый интерес ученых в нашей стране и за рубежом и сегодня вызывает опыт организации в государстве Шамиля всеобщего начального образования детей, социальной заботы о малоимущих, стариках, женщинах, детях, инвалидах, ученых, мухаджирах, перебежчиках, гражданах иной веры, а также опыт проведения интернациональной и этноконфессиональной политики. Многие аспекты этой политики могут быть и сегодня широко использованы в деле интернационального воспитания граждан, обеспечения многоконфессионального единства и согласия как на Северном Кавказе, в Российском государстве, так и в мировом масштабе, особенно с учетом происходящих в современном мире глобальных миграционных процессов.

В ходе освободительной борьбы в Дагестане и Чечне «Шамиль слил людей в один народ, в одно племя. Как искусный коваль сваривает между собой куски железа в один толстый брус, так и Шамиль сковывает в один могучий народ разрозненные племена... Вражда уступает место дружбе, неприязнь – доверию, зато тем сильнее растет ненависть к одному общему врагу... с которым у Шамиля нет никаких сделок», – писал Г.-А. Д. Даниялов [3, с. 85].

За 25 лет «Шамиль добился больших успехов в таком весьма важном вопросе, как межнациональные отношения. Былая вражда, рознь между различными народностями, племенами были в значительной степени ликвидированы. Были сделаны крупные шаги на пути достижения объединения их в одно целое» [7, с. 154].

С началом нового этапа борьбы горцев за свою свободу, с конца 1840 г., растет число перебежчиков из царских крепостей и укреплений на сторону свободолюбивых народов Дагестана и Чечни. Это серьезно обеспокоило царское командование. Об этом свидетельствуют многочисленные документы.

В рапорте начальника левого фланга Кавказской линии генерал-майора Ольшевского генералу-лейтенанту Граббе о мерах предотвращения дезертирства нижних чинов от 9 января 1842 г. под грифом «Весьма секретно» отмечается: «Вашему превосходительству (в тексте «В.пр.» – Ю. Д.) известно, что до сих пор наши военные дезертиры считались у чеченцев ясырами и принуждены были исполнять самые трудные работы. Каждый военный дезертир составлял собственность того чеченца, которым был пойман.

Ныне Шамиль изменил этот народный обычай и постановил давать свободу всем военным дезертирам. Он собрал уже до

800 человек беглецов, из коих некоторых, если они находились у сильных людей, купил, а остальных насильно отобрал. Шамиль составил при себе из этих людей стражу, дал им оружие и отвел им землю в Даргах для поселения, но пока они выстроят себе дома, Шамиль позволил им жить у кунаков.

Дурное обращение чеченцев с нашими военными дезертирами удерживало многих неблагонадежных солдат, в особенности, поляков, от побегов; но если теперь они узнают, что Шамиль дает свободу дезертирам, то я боюсь, что побегι увеличатся. Я помню, что в экспедиции за Кубанью в 1834 г. чрезвычайно много бежало поляков, но побегι уменьшились, когда поляки узнали, что шапсуги дурно с ними обращаются и изнуряют тяжелыми работами.

Если мои опасения окажутся справедливыми, то я полагал бы для удержания солдат от побегов первых пойманных дезертиров расстрелять. О чем имею честь представить на благоразумие в пр. доношу, что я с сим вместе предписал всем частным начальникам усугубить надзор за ненадежными солдатами и доложить мне тотчас о тех, кои учинят побег» [4, с. 329–330].

Царское командование принимало самые жестокие меры к солдатам и офицерам, переходившим добровольно на сторону Шамиля. После 1840 г. к Шамилю бежали не только русские и поляки, венгры, финны, но и многие дагестанцы, служившие у феодальных владетелей, ханов и беков, в том числе и сами состоятельные владетели и беки. К русским, полякам и другим перебежчикам из царских крепостей Шамиль относился тепло, доверял во всем, помогал им всеми способами обустроить свою жизнь в столице Дарго и других населенных пунктах Дагестана и Чечни. Они, в свою очередь, отвечали ему верной службой, и, как показала жизнь, среди них редко бывали предатели.

Командование царскими войсками на Кавказе по указанию императора Николая I шло на любые методы с целью приостановить массовый переход своих солдат и офицеров на сторону горцев. Дело дошло до того, что в августе 1842 г. Николай I издал специальный указ за № 847, в котором он «повелевать соизволил: дабы местное начальство требовало возвращения воинских чинов, скрывающихся у горцев, изъявивших нам покорность, но отнюдь не выкупая их, старалось соглашать непокорных к выдаче дезертиров за соль» [4, с. 356–357].

Когда Шамилю поступили такие предложения, он сказал примерно следующее: «Мы сильно нуждаемся в соли, терпим многие неудобства из-за того, что в горах мало соли, вынуждены через цар-

ские крепости на равнине доставать ее за огромные деньги. Но мы обойдемся без соли и можем даже умереть от голода, чем предавать наших русских, перешедших добровольно к нам на помощь»*.

После этого поток русских перебежчиков к Шамилю еще больше усилился. К концу 1845 г. в столице Дарго и других местах у него было уже около 2000 беглых солдат и офицеров.

Об отношении к перебежчикам своим наибам Шамиль писал: «Знайте, что те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам, и вы тоже поверьте им. Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями. Явившись к правоверным, они стали также чистыми людьми. Создайте им все условия и возможности к жизни» [4, с. 291–292]. На территории имамата появляются новые поселения, в которых веротерпимость, межнациональные браки между представителями разных религий, правовое равенство становились реальностью, более того, охранялись законом.

Очевидец событий, зять имама Шамиля Абдурахман Газикумухский писал: «У нас было много солдат, разбросанных во всех селениях, из них кое-кто принял ислам, стал хорошим мусульманином и женился на мусульманке. Были и такие, которые остались в своей вере.

Кто принял ислам, тому для пропитания отпускали ту долю продовольствия, которая была предназначена им Всевышним Аллахом в Коране, не включая его личный заработок. Кто остался в своей вере, тот служил у кого-либо из пожелавших этого жителей селения, и жил, и одевался он на свой заработок» [1, с. 100].

В своем дневнике А. Руновский отмечал: «Видя, что некоторые горянки изъявили желание выйти замуж за солдат», Шамиль внес даже «дополнение к основным правилам шариата» и разрешил «девушкам... выходить замуж за солдат» [2, с. 1398].

Как подчеркивал Шамиль в своих разъяснениях А. Руновскому, «беглые русские солдаты, принявшие ислам и сделавшиеся семейными, вели свой домашний быт по русским обычаям, предоставляя женам свободу и окружая их ласками и попечениями, которых не знали горские женщины... Этот русский обычай очень нравился горским девушкам, и чтобы воспользоваться удобствами его, многие из них убежали из родительских домов и являлись к имаму с изъявлением желания выйти замуж за солдата» [2, с. 1398].

* Полевой материал автора. Информатор Карагишиев Дарбим Магомед Хаджи (1925 г. р.).

Шамиль помогал всем строить дома, создавать свой быт, выделял землю, деньги на приобретение необходимого инвентаря и скота. Каждый житель государства, независимо от национальности и вероисповедания, чувствовал на себе заботу Шамиля и его сподвижников.

По его указанию в Ведено, рядом с древним курганом, была построена «Русская слобода», в центре которой были возведены церковь со школой для русских детей бывших безграмотных крепостных солдат. В школе за счет казны бывшие царские офицеры обучали грамоте своих соплеменников.

Недалеко был польский квартал из нескольких домов с аккуратным деревянным костелом для поляков-католиков, чуть ниже, примыкая к лесу, располагался квартал гребенских и других старообрядцев, перешедших на сторону Шамиля, в количестве 30 семей. За счет казны Шамиль помог им построить добротный скит.

Отмечая величайшую веротерпимость имама Шамиля, М. Н. Чичагова писала: «Он дозволял нашим раскольникам, бежавшим в горы, строить новые часовни, поддерживать разбросанные древние храмы, свободно отправлять в них богослужение, не требуя за эти права ни податей, ни повинностей. В окрестностях Ведено существовало несколько раскольничьих скитов» [9, с. 49].

На левой стороне от столичного базара, где размещались торговые лавки восьми еврейских семей, имевших специальные грамоты – разрешение Шамиля на свободное ведение торговли на территории государства, была построена синагога. Особую заботу о евреях проявлял не только Шамиль, но и его самый близкий друг Юнус из Чиркея, жена которого Зайнаб была этой национальности. Здесь же жили семьи русских, украинцев, поляков, венгров, финнов, перешедших к Шамилю. Они чинили орудия, подковывали коней, исполняли разные другие работы, получая жалованье из казны государства. Всем перебежчикам к Шамилю давали свободу и право гражданина государства. «Из бывших русских солдат были сформированы артиллерийские команды и отдельный шамилевский батальон. Казаки же вместе с чеченцами служили в кавалерии» [8, с. 150].

Абдурахман из Газикумуха, описывая положение пленных или перебежавших к Шамилю солдат и офицеров, отмечал: «Солдаты обосновались там и жили мирно, довольные велением Аллаха и Шамиля. Они обрели покой, жили без притеснения. В комнатах были иконы, которым они поклонялись во время мо-

литв, имели спиртные напитки, изготовленные из винограда, и самогон из проса и других злаков.

Они ели, пили, развлекались, особенно по большим праздникам. Из нас никто не препятствовал им в этом, так как Шамиль велел Али-Маммаду не давать никому из мюридов обидеть их ни словом, ни действием. Солдаты имели и музыкальные инструменты – гитары (танбур-лютня?), армейские кларнеты (мазамар, ед. мизмар – свирель, дудка, кларнет, рожок), привезенные из России. (Были) и пленные, и перебежавшие женщины» [1, с. 102].

Перебежчики относились к имаму Шамилю с огромным уважением и любовью за его доброе, отеческое отношение к ним. Абдурахман писал: «Солдаты, видя милосердие Шамиля к ним, служили ему чистосердечно. Они шли с ним в бой вместе с пушками, чинили их, если ломались, ухаживали за лошадьми, тянувшими пушки, подковывали их, шорничали, готовили на зиму корм...

Среди солдат были и пушкари...

Из этих солдат один принял ислам и звался Хасаном. Когда у русских появилась ракета, Хасан тут же изготовил и для Шамиля ее и бросал ее в сторону русских. Но это было потом оставлено.

Если солдат проявлял отвагу, имам награждал его серебряной медалью “За отвагу”, как и мусульман, и вешал ее на его плечо. Если бы с нашими пушками не было солдат, несомненно, порядок наших войск не был совершенен, как и наши сражения. И мюридам была польза от этих солдат. Например, когда нужно было изготовить для удила части или масленку или построить дома, они обращались к их коменданту с просьбой выделить за плату плотников. Плата оставалась у солдат» [1, с. 102]. Далее Абдурахман отмечал: «Дома Шамиля и его детей были построены (солдатами) бесплатно, так как он их господин и кормилец. Если зимой выпадал снег на крыши его домов, то они сгребали снег лопатами и сбрасывали с крыши. Пищей для них являлась пшеница и кукуруза, привозимые из Чечни за деньги имама. Одежда на год отпускалась им из казны имама казначеем (хазин) Хаджиявом или мануфактурой, или деньгами, чтобы они купили, чего пожелают. Вот почему солдаты в разговоре называли его (Шамиля) “наш царь Шамиль”. Они сильно любили его. Их такое положение – (следствие) совершенного обхождения со стороны Шамиля.

Если б Шамиль притеснял их и заставлял бы их соблюдать мусульманские обычаи, они убежали бы от него. Кроме вреда, ничего не получилось бы» [1, с. 102].

Таким образом, исторический опыт этноконфессиональной и интернациональной политики и создания социально-экономических условий для обеспечения на практике равноправия всех граждан в государстве Шамиля может и должен быть широко и повсеместно использован в практической работе государственных органов и общественных организаций республик, краев, областей и органов местного самоуправления и не только на Северном Кавказе, но и также на территории всей многонациональной России, и в других странах.

Использованная литература:

1. Абдурахман из Казикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997.
2. Дневник полковника Руновского // Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. Т. 12. С. 1395–1526.
3. Даниялов Г.-А.Д. Имам Шамиль. Махачкала: Юпитер, 1996.
4. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в.: сб. документов / сост. В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1959.
5. Ибрагимбейли Х. М. О правде истории и научной достоверности // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50 годах XIX в.: материалы Всесоюзной научной конференции 20–22 июня 1989 г. Махачкала, 1994.
6. Омаров О. Национальная политика государства имама Шамиля // Ахульго. 1996. № 2. С. 22.
7. Халилов А. М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991.
8. Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный: Седа, 1998.
9. Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России: биографический очерк. СПб.: Тип. и лит. С. Муллер и И. Богельман, 1889.

FROM THE EXPERIENCE OF ETHNIC AND RELIGIOUS AND INTERNATIONAL POLICIES OF THE STATE IMAM SHAMIL

DADAEV Yusup U., Dr. Sci. (National History),
Prof., Leading Researcher, Department of the Ancient and Medieval
History of Dagestan, Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
E-mail: dadaevyusup@mail.ru

The article is devoted to the policy of the state of Shamil in regard to representatives of different nations and confessions. The article is written on the basis of archival documents, published sources and materials, gathered by author for the last 30 years.

Keywords: *Dagestan, Shamil's Imamatus, ethnic and religious policies, reforms.*

С.-Х. Х. Мусхаджиев*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В работе освещены роль и место религиозного фактора в Кавказской войне. В идеологических проектах представителей военной и гражданской администрации Российской империи на Северном Кавказе нередко присутствовали идеи «христианского миссионерства и нравственного освоения» Северного Кавказа. В свою очередь исламская идеология тоже играла существенную роль в освободительном движении горских народов.

Ключевые слова: *Кавказская война, ислам, религиозный мессианизм, А. И. Барятинский, А. Бегичев.*

Кавказская война представляет собой сложный процесс столкновения военно-колониационной экспансии Российской империи, с одной стороны, и освободительного движения горцев Северного Кавказа, с другой; процесс, в основе которого лежали разные идеологические концепции: «христианского мессианизма» и «исламского сопротивления».

Религиозный фактор в русско-кавказских взаимоотношениях исторически играл важную роль. Это было связано и со спецификой кавказского поликультурного мира, и с идеями «религиозного мессианизма», которые Российская империя активно использовала в период присоединения Кавказа к России в XVIII–XIX вв. [5] [8] [9, с. 1–24].

Утверждение ислама на Северном Кавказе – это процесс, растянутый во времени и многовекторный в пространственном измерении. Исламизация в регионе имела свои взлеты и падения, ее интенсивность зависела и от этнического ареала, и от внешних факторов, и от внутрирегиональных контактов.

Ислам на Северном Кавказе исторически приобрел неоднородный характер, освоение новой религии имело свои особенности и на региональном, и на этническом уровне. Объясняет-

* МУСХАДЖИЕВ Саид-Хасан Хамзатович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Майкопского государственного технологического университета, г. Майкоп, Россия. Электронная почта: mussaid72@gmail.com.

ся это несколькими причинами. Первая связана с наличием множества внешних факторов исламизации региона (арабский, золотоордынский, тюркский и др.). Вторая причина заключается в распространении ислама вглубь и вширь этнокультурного пространства: на Северо-Восточном Кавказе ислам глубже укоренился в сознании людей, в их социокультурной системе.

Наконец, третья причина состоит в том, что в регионе, особенно в восточной части, утверждение ислама шло в форме суфийских братств (сначала Накшбандия, затем Кадирия), которые прочно укоренились в народной жизни, начиная от поведенческих норм и заканчивая этносоциальными организациями. В западной части Северного Кавказа «суфизму не удалось закрепиться, чем многие специалисты объясняют общую относительную слабость ислама в этом регионе» [7, с. 22].

Новую волну исламизации Северного Кавказа связывают с началом широкомасштабной экспансии Российской империи. Ислам начинает оказывать сильнейшее воздействие как на внутреннее положение в северокавказском регионе, так и на противостояние могущественной христианской державе.

Значительные успехи ислама начались лишь в конце XVIII–XIX в. и были вызваны не вмешательством мусульманских государств, а, главным образом (как это ни покажется странным), с завоевательной политикой российского самодержавия. Царские власти не скрывали своих стремлений «восстановить на Кавказе христианскую веру» [6, с. 12].

Все это вызвало обратную реакцию со стороны горцев. Позиции мусульманской религии не удалось подорвать, наоборот, она стала идейной составляющей освободительного движения. «Вся энергия старинного мусульманства, – отмечал русский историк Р. Фадеев, – давно покинувшая расслабленный азиатский мир, сосредоточилась на его пределе в Кавказских горах» [11, с. 15].

Новое широкомасштабное наступление Российской империи в регионе особенно активизировалось в начале XIX в., приоритетными стали военно-политические меры, которые облекались в адекватные идеологические схемы. Согласно официальной точки зрения, утверждалось, что естественные державные соображения и историческая судьба великой державы делают необходимым скорейшее завершение покорения Северного Кавказа.

Российская официальная доктрина выдвигала идею о «цивилизаторской миссии». Самодержавие было преисполнено решимостью выполнить христианский долг перед Закавказьем.

«Грузинские царства, – отмечает один из первых русских культурологов Н. Я. Данилевский, – донельзя истощенные борьбой с турками, персиянами и кавказскими горцами, не могли вести далее самостоятельного существования и должны были или погибнуть, или присоединиться к единой России. Делая этот шаг, Россия знала, что принимает на себя тяжелую обузу, хотя, может быть, не предугадывала, что она будет так тяжела, что она будет стоить ей непрерывной шестидесятилетней борьбы» [3, с. 36].

Религиозный мессианизм содержится и в работах А. С. Пушкина, который выступает с идеей распространения среди горцев «более сильного, более нравственного, более сообразного с просвещением нашего века: проповедования Евангелия... Кавказ ожидает христианских миссионеров» [10, с. 439].

В 1830 г. особый комитет, созданный для обсуждения Кавказских дел, опираясь на идеи генерала И. Ф. Паскевича, составил проект действий, в котором, с одной стороны, предполагалось выказывать уважение мусульманскому духовенству, стараясь заручиться его поддержкой, а с другой – «для смягчения нравов горцев и распространения между ними просвещения заводить, где только можно, училища. Большим для сего подспорьем могут также служить миссионеры» (цит. по: [2, с. 187]).

Тезис «о нравственном освоении» Кавказа в противовес собственно военному и в сочетании с экономическим, часто возникает в проектах российских официальных лиц. Это направление, как правило, не получало практической реализации, постоянно противостояло силовому варианту, принимая различные формы. Одной из составляющих этого комплекса идей была идея христианизации Кавказа, включения горцев в общерусское религиозно-нравственное пространство.

Осенью 1846 г., после того как многие военные усилия на Кавказе зашли в тупик, титулярный советник Александр Бегичев, неплохо знавший специфику этого региона, подал начальству «Проект о введении христианской веры на Кавказе между горскими народами». Он считал, что «вера горцев есть коренная причина воинственного отношения горцев к русским. Та же самая причина определяет характер отношений рабов к французам в Африке. Здесь нельзя не заметить разительной аналогии в отношении горцев к русским и арабов к французам: Ших-Мансур, Кази-Мулла и в наше время Шамиль не разыгрывают ли на Кавказе той же самой роли, как и Абдель-Кадер в Африке?» (цит. по: [5, с. 394]).

В конце 1857 г. начальник Кавказского корпуса Д. Милютин привез в Санкт-Петербург императору Александру II записку командующего корпусом князя А. И. Барятинского «о положении христианской веры между горными племенами Кавказа и о пользе учреждения особого братства для восстановления православия между горскими племенами». В документе подчеркивалось: «Для восстановления христианства в племенах, где оно давно уже поколебалось... нужно иметь хороших проповедников и достаточной суммы для того, чтобы устроить местную церковь. При значительных средствах можно завести училище и для образования проповедников... Создать эти средства есть долг православного государства» (цит. по: [2, с. 194]). Как видим, здесь нет принципиальных различий с идеями титулярного советника А. Бегичева, высказанными 11 лет назад, А. И. Барятинский предлагал создать христианское братство «Воздвижение Святого Креста», состоящее из лиц, которые добровольными взносами будут финансировать практическую деятельность.

Лучшие умы военной и гражданской обществённости тогдашней России особо не рассуждали на тему уникальной, самобытной и самодостаточной культуры народов Северного Кавказа. Более того, продолжительное сопротивление горцев вызывало великодержавное раздражение по поводу того, что их «умственное и моральное» состояние не внушает «диким племенам истинные начала образованности и гражданского быта», которые военно-карательными, колониционными мерами несла самодержавная Россия на Северный Кавказ [4, с. 449].

Кавказская война имперским идеологам представлялась как борьба с воинствующим исламизмом. И это все в регионе, где процесс исламизации еще далек был от завершения. «Мусульманство прокатилось по земле огненным потоком и теперь производит страшные пожары в местах, куда оно проникает внове, чему примером служит Кавказ... Для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которую заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря, Черное и Каспийское. Занятие этого края было первой государственной необходимостью. Но “покуда русское племя доросло до подошвы Кавказа”, все изменилось в горах. Выбитый из европейской России исламизм работал неутомимо три века, чтобы укрепить за собой естественную ограду Азии и мусульманского мира – Кавказский хребет, – и достиг цели... Вместо прежних христианских племен мы встретили в

горах самое неистовое воплощение мусульманского фанатизма» [11, с. 12–15].

В свете таких идеологем политика Российской империи принимала характер некой оборонительной системы, вынужденной реакции на действия якобы «разбойничьих вертепов», под которыми подразумевались, соответственно, горцы. Кавказ, таким образом, становился плацдармом, на котором Россия превентивно ограждает себя от экспансии Запада и в то же время устраняет опаснейший очаг воинствующего исламизма, чреватого пожарами внутри империи. А кроме того, что весьма существенно, доказывает превосходство христианского духа над мусульманским фанатизмом [1, с. 37].

Подводя итог, следует отметить, что способности государства органично включить в свой состав народы иной культурно-религиозной и общественно-политической традиции зависит от зрелости и гибкости общественного сознания граждан этого государства, а не только от административных талантов.

Противоречивость политики по отношению к горцам, игнорирование их религиозной самобытности, несогласованность действий кавказского начальства и петербургских верхов, равно как и принципиально различные взгляды на судьбы горских народов – все это приводило к катастрофическим последствиям, главным из которых стала Кавказская война.

Использованная литература:

1. Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в кавказской войне XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000.
2. Гордин Я. А. Зачем России нужен был Кавказ: иллюзии и реальность. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2008.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1895
4. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 5.
5. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. / сост. Я. А. Гордин. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005.
6. Максимов С. В. Край крещеного света. СПб., 1898.
7. Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001.
8. Мусхаджиев С. Х. Исламский узел Кавказской войны: идеологические и политические аспекты освободительного движения на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). Майкоп: Изд-во Майкопского гос. технологического ун-та, 2006.

9. П. У. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1869. Вып. 2. С. 1–24.

10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1978. Т. 6: Художественная проза.

11. Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-походная тип. Главного Штаба, 1860.

IDEOLOGICAL CLASHES OF THE CAUCASIAN WAR

MUSKHADZHIEV Said-Khasan Kh., Cand. Sci. (National History),
Assoc. Prof., Department of History of State and Law,
Maykop State Technological University, Maykop, Russia
E-mail: mussaid72@gmail.com

The article is devoted to the role and place of the religious factor in the Caucasian war. The ideas of “Christian missionary work and moral assimilation” of the North Caucasus were often attended in the ideological projects of representatives of military and civil authorities of the Russian Empire in the North Caucasia. In its turn the Islamic ideology played a considerable role in the liberation movement of the North Caucasia nations.

Keywords: *Caucasian War, Islam, religious messianism, Aleksandr Baryatinsky, Aleksandr Begichev.*

РАЗДЕЛ 3.

МИРНЫЕ КОНТАКТЫ РУССКИХ И НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА

А. Д. Панеш*

ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ЭЛИТ С РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ В XVI–XVII ВВ.

В статье рассмотрены основные предпосылки, условия и характер взаимодействия феодальных элит Северного Кавказа с Русским государством в XVI–XVII вв. Показаны важнейшие события политической истории народов региона, выявлены предпосылки установления военно-политических контактов с Москвой.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Русское государство, феодальная элита, Османская империя, Крымское ханство.

Политический кризис, охвативший Золотую Орду в начале XV в., завершился созданием отдельных ханств, каждое из которых претендовало на главенствующую роль в сложившейся системе отношений. Процесс распада этой некогда могущественной империи – явление весьма сложное и неоднозначное. Вместе с тем, основные итоги этого процесса имели прямое отношение к историческим судьбам многих народов Северного Кавказа, оказавшихся в орбите новой системы международных отношений.

С распадом Золотой Орды сложились более или менее благоприятные политические условия для возвышения Русского государства. Выйдя из состояния вассала Орды, Москва становится на путь самоутверждения [5, с. 634]. Дальнейшее развитие этого процесса было связано с формированием российского многонационального государства, проходившим в сложных исторических условиях. Присоединение народов и территорий к России происходило в разное время и в разных условиях.

* ПАНЕШ Аскербий Дзепшевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, г. Майкоп, Россия. Электронная почта: arigi@mail.ru.

Важнейшим аспектом данной проблемы является выяснение предпосылок вхождения народов в состав российского государства. Тема настоящей статьи находится в рамках этой проблематики, и основное ее содержание касается некоторых аспектов международного положения Черкесии и Дагестана во второй половине XVI – первой половине XVII вв. Именно к этому периоду сформировались более или менее устойчивые политические связи северокавказских народов с Россией, в частности, дагестанских владетелей и адыгской феодальной элиты.

Исследование исторических судеб народов Дагестана и Черкесии в рассматриваемое время должно проводиться в контексте истории международных отношений. Анализ всей сложившейся системы этих отношений позволит с максимальной полнотой выявить корни политических событий, участниками которых являлись Черкесия и Дагестан. Составными частями этой системы на Западном Кавказе были не только ближайшие соседи адыгов – Крымское ханство, Ногайская Орда, другие государства – преемники Золотой Орды, но и страны, политически контактировавшие с ними, т. е. в первую очередь Великое княжество Литовское, Королевство Польское, Молдавия, Османская империя [9, с. 3].

Политическая ситуация на Северо-Восточном Кавказе во многом определялась военно-политическим взаимодействием Ирана и Оттоманской Порты. Значительную роль в этом регионе играла также Россия, являвшаяся важнейшим компонентом системы международных отношений.

Сефевидская держава за очень короткий период сумела объединить под своей властью обширную территорию, простирающуюся от Амударьи и до Ефрата. Османское государство, претендовавшее на господствующее положение в районе Ближнего Востока и Кавказа, вступило в длительную борьбу с Ираном. Главной ареной военных действий враждующих сторон стала территория Закавказья.

Внешнеполитическое положение адыгов в исследуемый период во многом было связано с общей геополитической ситуацией в Восточной Европе. Одним из существенных факторов международного положения Западного Кавказа в XVI в. и в последующее время являлась крымско-османская экспансия.

В широких стратегических расчетах Сефевидов и османов Северный Кавказ занимал важное место, что было связано с особенностями географического положения региона, его специфическим местом в международной жизни. Османская экс-

пансия была направлена не только против адыгов, но и против народов Восточной и Юго-Восточной Европы. Стремление турок утвердиться на Северном Кавказе было продиктовано необходимостью противодействия Ирану. Эти два направления османской внешней политики создавали два комплекса политических взаимоотношений – восточноевропейский и ближневосточный.

Османская империя стремилась использовать территорию Северного Кавказа с тем, чтобы со стороны Дагестана нанести удар по Ирану. Со своей стороны Сефевиды в качестве своей главной задачи ставили разрушение военных планов Порты.

Многочисленные и политически независимые адыги, их активное противодействие османской экспансии затрудняли появление больших турецких армий на территории Западного Кавказа. Этот фактор объясняет наличие в распоряжении Порты определенных политических рычагов, с помощью которых она и пыталась осуществить свои агрессивные планы.

В 1475–1479 гг. происходит постепенное утверждение османского владычества над Крымским ханством. Этот период отмечен также активным поиском Портой оптимальных путей упрочения своего влияния в Восточной Европе. В 1478 г. при активной поддержке турецкого султана ханский престол в Крыму занял Менгли-Гирей, ставший вассалом турецкого султана Мехмеда II. С приходом его к власти завершается первый этап османского проникновения в Северное Причерноморье. Для закрепления успехов в этом районе турки в 1479 г. предприняли поход на адыгские земли.

Вассальная зависимость Крыма от Османской империи, его выгодное географическое положение создавали весьма благоприятные условия для его использования в качестве надежного инструмента турецкой политики на Северном Кавказе [4, с. 302].

По вопросу о характере турецко-крымских отношений в исторической науке существуют две точки зрения. Так, одна группа историков разделяет взгляды известного русского тюрколога В. Д. Смирнова, считавшего, что Крымское ханство находилось под полным контролем Порты [12]. Другие исследователи солидарны с мнением А. А. Новосельского о том, что крымские ханы не только выполняли свои вассальные обязательства перед Портой, но и стремились противопоставить себя Турции. А. А. Новосельский видел в политике Крыма элементы самостоятельности [10].

Важнейшим средством укрепления крымско-османского влияния на Северо-Западном Кавказе являлось распространение ислама среди западных адыгов. В этот период отношение черкесов к исламу было неоднозначным. Достаточно эффективное функционирование соционормативных институтов накладывало своеобразный отпечаток на восприятие адыгами новой религии.

Подчинение Крымского ханства Оттоманской Порте и связанные с ним события способствовали активному включению адыгов в процесс военно-политического взаимодействия сил, преследовавших свои интересы на Северо-Западном Кавказе.

В 30–40-х гг. XVI в. обостряется военно-политическая обстановка на Северном Кавказе, связанная с активизацией военных действий между Ираном и Оттоманской Портой. На этом этапе перевес был на стороне Турции. Восстание в Ширване против Сефевидов, начавшееся в 1547 г., нашло широкую поддержку в Дагестане [7, с. 312]. Но оно было подавлено войсками шаха, а Алкас-Мирза нашел убежище у шамхала Казикумухского. В последующем объединенные силы повстанцев Азербайджана и Дагестана не раз одерживали победу над кызылбашами. Во второй половине XVI в. эта борьба разгорается с новой силой. Амасский мирный договор 1555 г. не устранил глубоких противоречий между Ираном и Портой.

Присоединение Казани (1552) и Астрахани (1556) значительно укрепило стратегические позиции России в юго-восточном направлении. Территория Русского государства вплотную подошла к Северному Кавказу. С этого времени стали налаживаться активные политические связи между Россией и владельцами Северного Кавказа. Интерес русского правительства к этому региону был обусловлен прежде всего тем, что через эту территорию проходил ряд военно-стратегических и торговых путей, имевших важное экономическое и политическое значение [7, с. 316]. В связи с этим одной из главных задач восточной политики России становится установление контроля над северокавказскими торговыми путями. Однако продвижение России в этом направлении вызвало активное противодействие Османской империи, преследовавшей свои цели на Кавказе. Геополитическая ситуация в регионе осложнялась еще и тем, что Иран стремился к завоеванию Закавказья и Дагестана, чтобы выйти на Волжско-Астраханскую магистраль и установить свое господство на Каспийском море.

Таким образом, активизация российской политики в бассейне Волги и на Северном Кавказе была вызвана необходимо-

стью решения неотложных задач, «и прежде всего обеспечения обороны южных и восточных границ от нападения Крымского ханства и Османской Порты, обеспечения себе выхода по Волжскому пути в Каспийское море, укрепления политических связей с феодальными владельцами Кавказа» [7, с. 316].

Вопрос о характере российско-кавказских политических взаимоотношений в XVI–XVII вв. в последние годы становится предметом острых дискуссий. Принципиальным вопросом отечественной историографии является трактовка присоединения народов и территорий к России. В публикациях историков присутствует довольно широкий спектр мнений по этому вопросу – от «добровольного» вхождения народов Северного Кавказа в состав России до военно-политического союза (см.: [6] [7, с. 331–343]). Только взвешенный анализ исторических реалий того времени и существовавшей тогда практики оформления отношений между Россией и владельцами Северного Кавказа позволит воссоздать картину происходивших событий. При этом нужно отходить от апологетического подхода и учитывать различные формы присоединения народов к России. В сложившихся тогда исторических условиях русская сторона и северокавказские владельцы по-разному воспринимали отношения подчинения и подданства. Только с учетом различий во взглядах на присоединение к России и на статус пребывания в ее составе у русских властей и у присоединенных народов можно объяснить сущность русско-кавказских политических взаимоотношений в XVI–XVII вв. [13, с. 155].

Выше было отмечено, что с середины XVI в. начались активные политические связи между Россией и владельцами Северного Кавказа. К важнейшим предпосылкам этого исторического процесса, несомненно, относится военно-политическая обстановка, вызванная противоборством двух сил: Османской империи и Сефевидского Ирана. В этот период активизирует свою политику и третья сила – Россия. Военно-политическое взаимодействие этих государств определяло геополитическую ситуацию в регионе.

Политические связи между Русским государством и владельцами Дагестана устанавливаются во второй половине XVI в. К этому периоду относится также обращение адыгских князей к Ивану IV и последовавшее за ним заключение альянса. Сближение владельцев Дагестана и Черкесии происходило на фоне общего геополитического фактора. Данное обстоятельство, с учетом особенностей внутривосточных отношений, позво-

ляет нам рассматривать эти события в единой пространственно-временной плоскости.

В 1555–1557 гг. в Москву приезжали посольства из Дагестана для установления дружественных связей с Русским государством. Изученные документы не дают четкого представления о форме этих отношений. Однако очевидно, что на данном этапе владетели из Шемахи, Шевкал и Тюмени были ориентированы на Москву [3]. В 1557 г. к Ивану Грозному обратились представители двух кабардинских князей с просьбой «учинить их в холопстве и помощь им учинить на недругов». По принятым тогда дипломатическим порядкам такие «просьбы» обычно оформлялись шертями и сопровождались заверениями в подданстве («холопстве»). Сущность подданства сводилась к личным обязательствам князей перед царем. При этом, как показывает ход исторических событий, русское правительство не оказывало реального воздействия на внутривластную ситуацию в Кабарде.

Обращаясь к русскому царю, кабардинские князья в числе своих «недругов», наряду с крымскими ханами, называют и дагестанского шамхала, с которым владетели Кабарды вели упорную борьбу за расширение территории и своего влияния на Северном Кавказе. Устремления кабардинских князей встречали противодействие со стороны шамхала, не желавшего усиления Кабарды. Противоборство владетелей Кабарды и шамхала следует отнести к явлению, широко распространенному в феодальных владениях Северного Кавказа в эпоху средневековья. Оно не имело межэтнического оттенка, а скорее являлось выражением экспансии феодальных владетелей, обладавших достаточно сильным военным потенциалом. Данное явление можно также рассматривать в контексте вполне сложившейся к этому времени системы военного наездничества.

В начале 60-х гг. XVI в. происходит ухудшение русско-дагестанских отношений, что, очевидно, было связано с прямой поддержкой Москвой кабардинских князей, находящихся в неприязненных отношениях с владетелями Дагестана. Ярким проявлением этой политики стал поход воеводы И. С. Черемисинова против шамхала в 1560 г. Эта акция и последовавшее за ней возведение крепостей были восприняты дагестанской стороной как недружественные действия со стороны Москвы. В 1571 г. в связи с обострением турецко-крымско-русских отношений Терско-Сунженский острог был снесен.

В контексте указанных отношений следует подробнее остановиться на роли Дагестана в дальнейших событиях.

После известного похода Осман-паши в Крым, сыновья Мухаммед-Гирея Саадет-Гирей и Сафа-Гирей бежали в Дагестан к шамхалу, а Мурат-Гирей – в Россию. Прибывшее в Москву посольство из Дагестана в составе посланника шамхала, его брата, сыновей Султан-Махмуда Эндиреевского и Сурхая просило об оказании помощи Мурат-Гирею [8, с. 58–59]. Русское правительство отреагировало на это обращение, отправив Мурат-Гирея с большим войском в Астрахань и возложив на него задачу по подготовке похода против Крымского ханства. По словам документа, в этом походе должны были принять участие как дагестанские, так и ногайские и черкесские силы [11, с. 413–414]. В случае победы Мурат-Гирей должен был занять трон в Крыму и служить «ему, царю и великому князю».

Попытка Москвы организовать антикрымское выступление не увенчалась успехом. В создавшейся ситуации интересы сторон оказались разными. Русское государство в интересах борьбы с Крымом и в целях установления политической гегемонии в регионе пыталось использовать владетелей Северного Кавказа. Дагестанский шамхал усмотрел в действиях Москвы угрозу своей политической самостоятельности. Об этом свидетельствует донесение воеводы Хворостинина в сентябре 1589 г., где было сказано о нежелании шамхала служить «ни турецкому, ни московскому...» [11, с. 414].

Между тем Москва не оставляет попыток привлечь на свою сторону феодальных владетелей Дагестана, и одним из способов этой политики являлось оформление шертных соглашений. Так, в 1589 г. один из правителей «шертовал» за всю Аварскую и Черную земли на верность России [3, с. 80–82]. Подобные шерты соответствовали конкретной политической ситуации и скорее означали персональные соглашения правителей. Действие шерты могло прекратиться под воздействием всевозможных политических обстоятельств. Дальнейший ход русско-дагестанских политических связей наглядно демонстрирует эту особенность взаимоотношений России с владетелями Северного Кавказа.

В противостоянии Оттоманской Порте Россия стремилась расширить сферу своей гегемонии в Дагестане. Строительство Терского городка, Койсинского острога и поход русских войск в Тарки были практическими шагами в этом направлении. Попытки русского правительства наладить отношения с шамхалом не дали положительных результатов.

В первой половине XVII в. ситуация в Дагестане характеризовалась сложным переплетением конкретно-исторических

факторов. Стремление противоборствующих держав установить свою гегемонию в регионе часто вынуждало местных правителей лавировать между Ираном, Турцией и Россией. Открыто поддерживая тех или иных правителей, державы еще больше дестабилизировали внутривосточную обстановку. Так было в 1615 г., когда русское правительство поддержало Тарковского Гирея в его борьбе с Султан-Махмудом Эндиреевским. Как показывают изученные материалы, в сложных перипетиях внутривосточной борьбы и в условиях постоянной внешней угрозы дагестанские владетели искали пути примирения и согласия. В этом направлении значительных успехов добился Султан-Махмуд Эндиреевский, проводивший гибкую и сбалансированную политику. Последовательно отстаивая свою политическую самостоятельность, он стремился к урегулированию отношений и с другими владетелями Дагестана. Такая политика способствовала стабилизации русско-дагестанских связей.

Внешнеполитическая ориентация Черкесии на Русское государство в начале второй половины XVI в. была во многом обусловлена крымской экспансией. В то же время не ослабевает активность ханства в русском направлении. Именно крымский фактор способствовал объективному сближению основных целей внешней политики Руси и Черкесии. Русско-адыгские переговоры 50-х гг. XVI в. завершились установлением альянса между правящими элитами Черкесии и Москвы. В данном случае совпадение интересов адыгских правителей и русского правительства привело к оформлению политического союза, направленного против Крымского ханства и Турции [13, с. 157].

Достигнутые соглашения между адыгскими правителями и Иваном Грозным не означали вхождения адыгов в состав Русского государства. Превращение адыгских земель в составную часть России произошло только в XIX в. в результате Кавказской войны.

Одним из важных аспектов рассматриваемой нами проблемы является вопрос о характере взаимоотношений адыгов с Крымским ханством. Крымский фактор был весьма значительным в истории этого народа не только исследуемого периода, но и в последующие столетия.

Адыго-крымские отношения при всей их неоднозначности нельзя изображать как сплошное военное противостояние. В политическом арсенале крымских ханов и черкесских князей имелись и другие средства, с помощью которых они пытались урегулировать свои отношения. Речь идет о вассально-сюзеренных

связях между феодальными домами Черкесии и Крыма, которые устанавливались и поддерживались через аталычество. Аталыческие связи служили для адыгских князей своеобразным средством защиты от грабительских крымских набегов. Отношения вассалитета-сюзеренитета между адыгской знатью и крымскими ханами функционировали не только в военно-политической сфере. С ними тесно было связано возникновение сословия хануко* у западных адыгов. Появлению знатных крымцев в Западной Черкесии способствовала и неустойчивая внутривассалитетская обстановка в Крыму, возникавшая из-за борьбы между претендентами на ханский престол. Данное обстоятельство, в частности, вынудило покинуть Крым одного из членов семьи Ислам-Гирея, от которого пошло поколение адыгских Гиреев [2].

Отношения вассалитета-сюзеренитета не ограничивали сферу политической самостоятельности адыгских князей, которые были далеки от мысли о подчиненности Крыму. Об этом свидетельствует высказывание французского консула в Крыму, Главани Ксаверию, хорошо осведомленного о положении дел в Черкесии и утверждавшего, что адыги фактически не зависели от крымского хана. Они, «в случае предъявления им каких-либо чрезвычайных требований, отвергают их без стеснения» [1, с. 157].

Итак, анализ изученного фактического материала позволяет сделать следующие выводы.

Важнейшей предпосылкой установления политических связей адыгов с Русским государством явилась крымско-османская агрессия на Западный Кавказ. Сближение дагестанских владетелей с Россией, начавшееся в 50-е годы XVI в., происходило на фоне противоборства Сефевидской державы и Османской Порты.

Борьба между этими государствами за овладение Кавказом создавала потенциальную угрозу независимости дагестанских народов. С этого времени появляется практика оформления шертных соглашений владетелей Дагестана с Россией. Однако такие альянсы не означали перехода в подданство русскому царю, а являлись результатом совпадения интересов местных правителей и русского правительства.

Взаимоотношения адыгов и народов Дагестана с Россией во второй половине XVI – первой половине XVII вв. определялись сложным переплетением конкретно-исторических факторов. Значительное влияние на их сущность оказывала геополитическая ситуация и внутренняя социально-экономическая обста-

* В адыгской среде их обычно именовали султанами.

новка. При этом определяющей тенденцией являлось стремление местных элит к установлению политических контактов с Русским государством.

Использованная литература:

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974.

2. Аутлев М. Г. Адыгские Гирей. Кто и откуда они? // Советская Адыгея. 18 июня. 1997.

3. Белокуров С. А. Сношение России с Кавказом. М.: Университетская тип., 1889. Вып. 1: 1578–1616 гг.

4. Греков И. Б. К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XV–XVI вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв.: сб. ст. М.: Наука, 1979. С. 229–314.

5. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Рольф, 2002.

6. Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х годов). Нальчик: Эль-Фа, 2001.

7. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988.

8. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв: сб. документов. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 1: XVI – XVII вв.

9. Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV– первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990.

10. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

11. Сборник Русского исторического общества / отв. за вып. В. В. Майков, Н. Д. Чечулин. СПб., 1910. Т. 129: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными

12. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб.: Университетская тип., 1887.

13. Трепавлов В. В. Добровольное вхождение в состав России: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 155–163.

THE FORMS OF POLITICAL INTERACTION OF NORTH-CAUCASIAN ELITES WITH THE RUSSIAN STATE IN THE 16-TH–17-TH CENTURIES

**PANESH Askerbiy D., Dr. Sci. (National History), Prof.,
Deputy Director for Research,**

Adyge Republican Institute of Humanitarian Studies, Maykop, Russia.
E-mail: arigi@mail.ru

The article describes the basic prerequisites, conditions and nature of the interaction of feudal elites of the North Caucasus and the Russian State in the 16-th – 17-th centuries. The most important events in the political history of the peoples of the region are shown, prerequisites to establish military and political contacts with Moscow are identified.

Keywords: North Caucasus, Russian state, the feudal elite, the Ottoman Empire, the Crimean Khanate.

П. А. Кузьминов*

ОТ ВОЙНЫ К МИРУ: РЕФОРМЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИИ

Военно-политическое противостояние горцев Северного Кавказа и властей Российской империи в конце XVIII в. вылилось в длительную войну. На пике военных успехов имамата Шамиля наместником Кавказа был назначен М. С. Воронцов, который нашел мирные варианты взаимоотношений с горцами, начав проводить преобразования в крае.

Ключевые слова: Северный Кавказ, горские народы, колонизация, противостояние, свобода, независимость, толерантность, согласие, преобразование.

Конец XVIII – первая половина XIX в. – важнейший этап в истории народов Кавказа. Он связан, с одной стороны, с утверждением России в Предкавказье, а с другой – обострением отношений с горскими народами. Закономерный итог одновременного сближения и отталкивания России и народов Северного Кавказа заключался в том, что в первой половине XIX в. «культурная дистанция между ними существенно увеличилась, а пространственная и политическая – были стерты. В непосредственное взаимодействие вступили общества с различной социальной структурой и хозяйственными традициями, с качественно разнородными системами» [5, с. 15]. Вместе с тем рефлексия на усиливающееся давление России в горских обществах была различной. С одной стороны, феодальные владельцы Кабарды, Кумыкии, Дагестана начинают активную борьбу с Россией за сохранение своих традиционных прав, земельных

* КУЗЬМИНОВ Петр Абрамович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова г. Нальчик, Россия. Электронная почта: petrakis_hist@bk.ru.

владений, административной и судебной власти над подданными. С другой стороны, отдельные группы западных чеченцев, ингушей, осетин, абазинцев, под настойчивым давлением Кавказской администрации, покидают обжитые, но скудные земли отроги Кавказских гор и выселяются на плоскость, принадлежащую кабардинским и кумыкским князьям. То есть одновременно шло два взаимосвязанных, но по сути антагонистических процесса, которые вызваны были не естественным развитием взаимоотношений, а военно-политическим присутствием здесь России.

«Просвещенная» Европа, столкнувшись с народами Азии, Африки, Америки, Океании, не раздумывала над формами и методами колонизации приглянувшихся земель и ценностей. Преимущество «огненного боя» быстро давало экономические и политические преференции завоевателям. Колонизационный процесс в России имел другую основу. В. О. Ключевский выделил в нем главное: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией» [14, с. 50].

Возведение крепостей, форпостов, переселение тысяч казачьих семей в жизненно важные для местных жителей районы вызвало ответные действия. Набеги горцев на станицы и населенные пункты, угон скота, захват пленных, уничтожение небольших отрядов российских войск по всему периметру Кавказской линии стали обыденным явлением. Необъявленная война началась, и, когда не хватало военных сил для отражения перманентно возникающих угроз для российских поселений, звучали страшные во все времена и для любого общества угрозы. «Проконсул» Кавказа А. П. Ермолов утверждал, что Кавказ неизбежно будет частью Российской империи, а поэтому существование в этих краях независимых и полузависимых государств и обществ любого вида и вероисповедания, будь то христианство, мусульманство или язычество, в горах или на равнине, просто несовместимо с честью и достоинством Российского императора, с безопасностью и благополучием его поданных. Поэтому он «сделал себе целью ликвидацию всех нерусских народов края» [24, с. 35].

Лучшим вариантом реализации этих планов, по мнению многих военачальников, были репрессивные походы в горы, в ходе которых уничтожались жилища, аулы, посева, захватывался скот и продовольственные запасы. Политика устрашения и репрессий – единственная действенная сила, позволяющая

держат горцев в повиновении. В ходе военных столкновений с отрядами генералов И. В. Якоби, Ф. И. Фабрициана, Г. И. Глазенапа десятки кабардинских селений были сожжены. В районе Пятигорья было уничтожено 80 кабардинских аулов. В 1810 г. во время военной экспедиции генерала С. А. Булгакова было уничтожено в Большой Кабарде свыше 200 поселений [11, с. 81]. «Бравый» генерал был наказан Александром I, но его августейший брат Николай I «...опустошение жилищ и полей горцев... изволил признать соответствующим целям» [18, с. 172–178].

Карательные войсковые экспедиции, в большинстве случаев безадресные, как средство борьбы с набегами горцев были малоэффективны. «Для острастки» разорался подозрительный и часто непричастный к инциденту аул. Трагичность ситуации подчеркивалась тем, что эти походы и репрессии приходили в вопиющее противоречие с нормами «Полевого уголовного положения для действующей армии» (глава 7), опубликованного 27 января 1812 г. Смертная казнь ждала военнослужащих, виновных в «грабеже лиц, домов, селений и вообще собственности» (§ 61). Сурово каралось «зажигательство домов, истребление лесов и жатв и убийство жителей» (§ 62). Если все вышесказанное совершала целая часть, расстрелу подлежал ее командир (§ 63, 73). То есть, в соответствии с законом, большая часть офицеров и солдат Отдельного Кавказского корпуса должна была быть расстреляна по приговору полевого суда, поэтому данные статьи военного права оказались совершены «забыты» командованием.

Напротив, широкое применение получили статьи 39 и 40 пятой главы того же «Полевого уголовного положения», которые наказывали смертью за «...явное неповиновение или бунт жителей мест и областей, армией занимаемых, истребление ее продовольствия и всякое злонамеренное препятствие ее движению и успехам», а также «...склонение к бунту и неповиновению жителей земель, армией занимаемых, хотя бы и не произвело возмущения» [19, с. 14]. Несоответствие военного законодательства приказам командования воинских частей и подразделений сохранялось на всем протяжении Кавказской войны.

Парадоксальность общей военно-политической ситуации заключалась еще и в том, что «от военачальников требовали не победы над вооруженными силами другого государства, а так называемого “умиротворения” горцев, для чего армия, как машина, созданная для устрашения и разрушения, не годилась в принципе» [19, с. 29]. Некорректность задачи, постав-

ленной перед российскими войсками на Северном Кавказе, predetermined паллиативность мер высшего командования, концептуальную противоречивость проектов и предложений, направленных на «приобщение» горцев к цивилизации.

Большинство старших офицеров и генералов, служивших на Кавказе, были убеждены, что с горцами надо разговаривать, только опираясь на армию. Те же немногие, кто пытался высказывать иной взгляд и считал «невозможным добиться принуждением и грубой силой того, что можно сделать путем любви и доверия к человеку» [7, с. 347], вызывали непонимание. Но именно позиция этой гуманно настроенной части российского общества, по нашему мнению, привела к постепенному изменению характера взаимоотношений военных с горцами.

В воспоминаниях, докладах, записках, письмах военных и чиновников, служивших на Кавказе, можно найти немало полярных оценок жизни и действий горцев. К счастью, в них имеются не только планы тотального уничтожения «хищников», но и проекты, посвященные мирным способам включения горских народов в культурное пространство России на основе признания «особости их понятий, нравов и обычаев» [22, с. 65]. Осмысление «инаковости» жителей Северного Кавказа уже было шагом к толерантности и определяло новые формы и методы сближения народов.

В процессе распространения этих взглядов постепенно выстраивалась система представлений о развитии мирных отношений с горцами: от А. Торماسова, через Н. Мордвинова, А. Грибоедова, А. Пушкина, Н. Покровского, А. Бековича-Черкасского, Хан-Гирея, Казы-Гирея, Ш. Ногмова, Н. Раевского, С. Иванова, А. Шишкова, А. Полежаева, А. Герцена, В. Белинского, Н. Лорера, к М. Воронцову, Л. Толстому, А. Кешеву, К. Атажукину, Ч. Ахриеву, У. Лаудаеву, А. Ардасенову, К. Хетагурову и др., которую Я. А. Гордин определяет как «гуманно прагматичную» [6, с. 566]. Трагичность ситуации и для России, и для насельников Кавказа заключалась в том, что высказанные идеи и предложения, в том числе и на высшем уровне, оставались благими пожеланиями. Гигантские средства вновь и вновь направлялись в войска для проведения карательных экспедиций, «замирения» и «умиротворения» горцев силой оружия.

Поражение Даргинской экспедиции в 1845 г. заставило Николая I принять решение об объединении военной и гражданской власти на Кавказе и предоставить «своему наместнику почти неограниченные полномочия» [8, с. 174]. Это решение

должно было, во-первых, ускорить завершение военных действий в регионе, во-вторых, создать приемлемые условия существования для мирных горских обществ, признавших власть России. Новой формой управления регионом было выбрано наместничество, а на должность первого официального, с точки зрения закона, наместника Кавказа назначен генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф М. С. Воронцов, который сочетал в себе несколько качеств – деятельный генерал, опытный администратор, знаток Кавказа.

Свою политическую деятельность на Кавказе Воронцов начал с обращения к «жителям Дагестана». Ключевыми в нем были два положения – требование прекратить вооруженное сопротивление и гарантия сохранения дагестанцам «веры, законов, обычаев, имущества и земли» [1, с. 361]. Распространение «Воззвания» было тепло встречено частью населения.

Объявляя вне закона Шамиля и его окружение, М. С. Воронцов подчеркивал, что он проводит четкую грань между ними и остальным обществом. Гарантируя неприкосновенность ислама, традиций, прав собственности, наместник обещал подвести под эти основания общественной жизни прочную законодательную базу. Одновременно горцев ставили перед выбором: либо признать «справедливую и благодетельную власть» российского императора, радеющего о благополучии своих подданных, и тем самым разделить их счастливую судьбу, либо навлечь на себя жестокую кару [10, с. 95].

Принцип имперской политики: «в здешнем краю и добро надо делать насилием», постепенно слабел. Свобода действий, предоставленная Николаем I М. С. Воронцову, позволила ему изменить форму освоения региона. Горцам, не имеющим достаточного количества земли в горах, предлагалось переселяться на равнину, где им бесплатно предоставлялись участки земли.

Трудно, болезненно, очень сложно для командного состава, постепенно, с оговорками, но все-таки Кавказская администрация стала переходить к политике «понимания» по отношению к горцам. Не отказываясь от военных планов, которые продолжали доминировать, высшая администрация на Кавказе осознала важность реализации экономических, административно-судебных и просветительских программ в регионе. Воронцов акцентировал внимание командиров с военных проблем на культурные, торговые, сословные, аграрные, экономические [21, с. 83].

Свою деятельность на Кавказе М. С. Воронцов начал достаточно эффективно. Зная об острых противоречиях между народа-

ми Северного Кавказа и местной администрацией, он потребовал от командования Кавказской линии активизировать подачу горскими народами прошений на его имя по наиболее важным проблемам их жизнедеятельности. Шаг к пониманию был сделан. В поданных прошениях представителями тагаурского, куртатинского, алагирского, цимитинского, джераховского, назрановского, кистинского, галгаевского, карабулакского обществ было поставлено несколько проблем [23, л. 1–31], которые в обобщенном виде выглядят так. Во-первых, решить аграрный вопрос, т. е. закрепить участки земли, которыми владела горская знать, в их потомственную собственность; во-вторых, предоставить права российских дворян старшинам и владельцам аулов; в-третьих, посылать их детей на учебу в Россию; в-четвертых, возвратить в родные аулы горцев, сосланных за преступления в Россию; в-пятых, не присылать, без соответствующей просьбы, священников в горские общества для проповеди учения Христа; в-шестых, за потрапу сенокосов и посевов проходящими российскими войсками выплачивать денежную компенсацию; в-седьмых, отменить правило «барамты», когда по подозрению в совершении преступления наказывалось все общество, а не конкретные преступники и др. Помимо коллективных было подано множество прошений индивидуальных, от семей, фамилий, родов. Их общее число только в Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия–Алания, по нашим подсчетам, составляет несколько тысяч [20]. Массовый характер обращений за помощью к Кавказской администрации – яркое свидетельство поиска силы, которая создаст приемлемые условия жизни в горах.

Свыше 70 % всех прошений касались аграрно-сословного вопроса. Сословные, в свою очередь, можно разделить на две группы. Одна включает прошения различных категорий горских крестьян: фарсаглагов, адамихатов, кавдасардов, азатов, пшитлей и унаутов о защите их от притеснений старшинской и уоркской верхушки, присвоения им звания узденей с тем, чтобы они пользовались теми же привилегиями, что и знать. Другая группа – прошения старшин и владельцев, в которых алдары, баделяты, старшины горских обществ ходатайствуют о юридическом закреплении их сословных прав. Это дало бы им возможность сделать карьеру на российской службе, как, например, князья Черкасские, Бекович-Черкасские, генералы С. Азамат-Гирей, Х. Анзоров, Д. Бегидов, А. Туганов, М. Кундухов, полковники Ф. Абдурахманов, А. Атажукин, С. Галаев, Казы-Гирей, Хан-Гирей и др.

Для решения этих злободневных для горцев вопросов во Владикавказе, а затем в Нальчике, Хасавюрте, Грозном открываются комитеты и комиссии [16], которые должны были разработать комплекс мероприятий по реализации поданных просьб и выдвинутых предложений. Сам факт разработки конкретных проектов реформ жизни горцев свидетельствовал о настойчивом поиске новых механизмов взаимоотношений официальной власти с автохтонами края.

По настойчивой просьбе М. С. Воронцова в 1848 г. Николай I подписал указ о создании особого Кавказского учебного округа. Управляющий учебным округом должен был создать систему образования в регионе и содействовать: «1. в распространении повсюду правильного знания русского языка, дело до сих пор совершенно забытое, вследствие чего весьма малое число туземцев могут в настоящее время служить с пользой правительству и собственно для себя; 2. в непрерывном и безусловном обучении всех русских учеников хотя бы одному из туземных языков» [13, с. 141]. Реализация этого проекта, несмотря на сложность и длительность осуществления, действительно сблизила бы местное население с российской администрацией. Ничто так не сближает, как единство языка, понятной речи, которая объясняет намерения, поступки, действия и открывает безграничный простор для поиска взаимоприемлемых решений возникающих проблем.

В 1848 г. в станице Екатериноградской, на территории Большой Кабарды, была открыта школа военных воспитанников «для детей русских офицеров, кабардинских князей и дворян, с допущением нескольких детей отличившихся урядников линейного казачьего войска, т. е. 25 кабардинцев, 25 русских чиновников и урядников и 25 кантонистов» [18, с. 349]. В этом же году была создана Навагинская школа во Владикавказе для детей привилегированных сословий [4, с. 303].

В 1846 г. при непосредственном содействии М. С. Воронцова была открыта первая общекавказская газета в наместничестве – «Кавказ», которая «имела целью знакомить своих соотечественников с любопытнейшим краем, еще находившимся почти в младенческом состоянии и малоизвестном» [12].

Помимо официальных распоряжений правительства и администрации в ней печатались разнообразные исторические материалы о прошлом и настоящем горских народов. Эти публикации давали возможность читателю проникнуть в духовный и материальный мир жителей Кавказа, ближе познакомиться с их общественным и административным устройством.

Понимание приходит в процессе познания. Аксиоматичность этой формулы, видимо, была достаточно ясна для М. С. Воронцова, поэтому по его рекомендации первым редактором газеты «Кавказ» был назначен О. И. Константинов, который известен был не только как хороший журналист, но и как знаток Кавказа. Нельзя не поразиться его отношению к жителям горных ущелий в период острейшего военного противостояния в регионе. Описывая черкесов Северо-Западного Кавказа, он показал такую гамму необычайного в их повседневной жизни, что его очерк скорее похож на поэму. «Сколько удивительного и достойного изучения, – пишет он, – мы найдем в этом народе. Характеры истинно рыцарские, герои, исполненные доблести, чести, ума и высокого красноречия; воспитание и презрение всех слабостей тела и духа. Народ, не имевший письмен, передающий из рода в род в песнях историю, законы, мысли и чувствования. Изощрение дара слова положено было у него в основание воспитания, и красноречие гремело на народных съездах, а песня звучала над прахом каждого замечательного человека. Каждый, умирая, уже слышал хвалебный гимн себе или порицание соотечественников, и мысль, что скажут обо мне, сторожила всякого в его славных и бесславных деяниях» [15, с. 19].

Теплое уважительное отношение редактора ко всем народам Кавказа предопределило тематику и тональность издания, формировало благожелательное общественное мнение к жителям гор. Неслучайно именно здесь было напечатано историко-этнографическое исследование Хан-Гирея «Бесльный Аббат». Активно сотрудничали с редакцией газеты осетинские краеведы П. Хицунов, Н. Берзенов, Д. Бакрадзе и др. Здесь публиковались академик А. М. Шегрен, В. Переваленко, Е. Вердеревский и др.

Появление новой газеты за хребтом Кавказа, доброжелательный подход редакции к судьбе горцев встретили понимание и одобрение со стороны прогрессивной части российского общества. «С прошлого года, – писал В. Г. Белинский, – в Тифлисе издается газета “Кавказ”, значение которой неопределимо важно в двух отношениях: с одной стороны, это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ним образование привычки и дает возможность грубым средствам к рассеянию заменить полезными и благородными. С другой стороны, газета “Кавказ” знакомит Россию с самым интересным и наименее известным краем, входящим в ее состав» [2, с. 58]. Великий просветитель увидел в деятельности газеты главное: она ограничивает возможности

военного командования решать вопросы взаимоотношений с горцами только с помощью оружия.

С этой же целью, по личной просьбе М. С. Воронцова, к нему был откомандирован из Казани один из лучших российских востоковедов – Н. Ханыков. Его статьи «Перевод мусульманских постановлений о войне», «О мюридах и мюридизме», опубликованные в газете «Кавказ», дали читателям, в том числе и военным, бесценный материал об исламе, основах тариката и религиозной подоплеке противостояния горцев России. Кажется, он был одним из первых, кто поставил вопрос о необходимости учитывать эти аспекты при проведении в крае преобразований.

В 1850 г. полковник Н. Ф. Торнау опубликовал в Тифлисе главные начала мусульманского законовещения, отметив в предисловии новизну и важность такого труда для любой европейской страны, вступающей в контакт с мусульманским миром. «Главная моя цель при издании настоящего труда, – подчеркивал Н. Ф. Торнау, – есть практическая пригодность оного к управлению мусульманскими племенами Империи и ознакомление правительственных лиц, администраторов и судей с освященными религией и вполне проникнутыми духом оной гражданскими законами последователей ислама» [21, с. 84]. Подчеркнув прикладной характер своего труда, ученый предложил его администрации как руководство к действию. Несколько раньше М. С. Воронцов предполагал привлечь крымского муфтия Кади Эскер Сеид Халил Эфенди и его четырех помощников «к увещеванию мюридов и горцев расположиться к России» [7, с. 484].

Многогранная деятельность администрации по обеспечению порядка в крае, организованного на основе сочетания российского права, шариата и норм обычного права, ежедневная потребность горцев в обеспечении условий для жизни, вели к формированию медленного, сложного, противоречивого процесса нивелирования особенностей горских народов с одновременным сближением и адаптацией к новым «государственно-административным реалиям Российской империи» [3, с. 170].

Менялись, приспособляясь к конкретным жизненным реалиям, не только местные этнические общности, эволюционировала и сложившаяся здесь военно-административная система, пытающаяся в лице своих наиболее талантливых представителей организовать приемлемые формы сосуществования различных общественных систем.

Таким образом, противостояние социумов завершилось победой Российской империи не только благодаря военным успехам,

но скорее потому, что была изменена стратегия взаимоотношений с народами Кавказа. Аппарат управления занялся организацией социокультурного пространства, жизни и быта горских обществ, что, в конечном счете, и определило выбор народов Кавказа. Порядок, организация, система, как синонимы мира, безопасности и благополучия, становятся для горцев ключевыми, жизненно важными идеями. Все возрастающая потребность в таком способе бытия заставляла Петербург искать пути ее удовлетворения и подсказывала то стратегическое направление, в котором должна была развиваться российская политика на Кавказе [9, с. 29].

Использованная литература:

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1885. Т. 10.

2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10.

3. Битова Е. Г. Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // *Res publica*. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик, 2000. Вып. 1. С. 163–194.

4. Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ: Ир, 2000.

5. Боров А. Х. Северный Кавказ: социокультурные механизмы исторического процесса // *Исторический вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. 2006. Вып. 3. С. 3–55.

6. Гордин Я. А. Россия на Кавказе: поиски решения // *Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность*. Начало XIX – начало XX вв. СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2005.

7. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в.: сб. документов / сост. В. Г. Гаджиев и Х. Х. Рамазанов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959.

8. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001.

9. Дегоев В. В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // *Кавказский сборник*. М.: Русская панорама, 2004. Т. 1(33). С. 28–47.

10. Дегоев В. В. Три силуэта Кавказской войны: А. П. Ермолов, М. С. Воронцов, А. И. Барятинский // *Вестник Института цивилизации*. Владикавказ, 2000. Вып. 3.

11. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

12. Кавказ. 1846. № 1.
13. Клычникова М. В., Клычников Ю. Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск: Филиппов, 2006.
14. Ключевский В. О. Сочинения: в 9-ти т. М.: Мысль, 1987. Т. 1: Курс русской истории: Историческая литература, Ч. 1.
15. Константинов О. И. Очерк северной стороны Кавказа // Сборник газеты «Кавказ». Первое полугодие 1847 г. Тифлис, 1847. С. 10–25.
16. Кузьминов П. А. Работа сословно-поземельных комиссий и комитетов в 40–70-х годах XIX века в Центральном Предкавказье // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2005. № 22. С. 69–79.
17. Кумыков Т. Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002.
18. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1965.
19. Лапин В. В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...». Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С. 11–29.
20. Народы Центрального Кавказа в 40 – начале 60-х гг. XIX в.: сб. документальных материалов: в 2-х т. / сост. П. А. Кузьминов, Б. К. Мальбахов. М.: Поматур, 2005.
21. Олейников Д. И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 69–90.
22. Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003.
23. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания. Ф. 233. Оп. 1. Д. 3.
24. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис: Тип «Гуттенберг», 1907. Т. 1.

**FROM THE WAR TO A PEACE: THE REFORMS
IN THE NORTH CAUCASUS AS AN ALTERNATIVE TO
THE POLITICAL CONFRONTATION BETWEEN THE CENTER
AND THE PERIPHERY**

KUZMINOV Petr A., Dr. Sci. (National History),
Prof., Department of the History of Russia,
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

The military and political confrontation between the North Caucasian mountaineers and Russian authorities, which began in the late 18-th century, grew into open warfare in the early 19-th century. When the activity of the mountaineers led by Shamil peaked, M. S. Vorontsov was appointed the Viceroy of the Caucasus. He began the transformation in the province and established peaceful relations with the mountaineers.

Keywords: *the North Caucasus; the mountaineers; colonization, opposition, freedom, independence, tolerance, acceptance, transformation.*

Н. В. Варивода*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ РУССКОГО И СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII–XIX ВВ.

В статье исследуются некоторые аспекты взаимоотношений русского и северокавказских народов во второй половине XVIII–XIX вв. Автор также рассматривает факторы, способствующие активизации контактов русских с коренными народами региона и их культурному взаимопроникновению.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, взаимоотношения, горцы, казаки, крестьяне, торговые сношения, хозяйственный опыт, заимствование, Кавказская война.*

Во второй половине XVIII века в связи с активизацией политики Российской империи на Северном Кавказе усиливается русская колонизация региона. С 70-х гг. XVIII в. Россия начинает создавать Кавказскую линию, стремясь тем самым прочно закрепиться на этой территории, рассматривая как одну из основных задач – создание здесь многочисленного и сильного кавказского казачества. Так, в документах того времени отмечалось, что «единственно надежным средством для прочного утверждения нашего владычества на Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением» [1].

Стихийная колонизация отдельных территорий Северного Кавказа на ранних этапах не приводила к серьезным столкновениям между горцами и выходцами из России. Но форсирование правительством с XVIII в. колонизации привело к возникновению принципиально новых условий взаимодействия столь

* ВАРИВОДА Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик, Россия. Электронная почта: variks1@yandex.ru.

различных культур, что осложняло их постепенную адаптацию друг к другу. Однако и в этих условиях общение русских переселенцев с горцами не прекращалось. Даже во время Кавказской войны продолжало развиваться хозяйственное и культурное взаимодействие русских с коренными народами. Укреплялось их экономическое сотрудничество, росла торговля.

Торговые сношения казаков с Кабардой всегда были активными. В казачьи городки приезжали кабардинские уздени. В 1745 г. атаман гребенцов сообщал в Астрахань, что в свою очередь «казаки часто ездят в Кабарду и горские жилища». Так, он рассказывает о поездке казаков Каргалинской станицы в Кабарду: «А для меня при них имеются рыбы 500 спинок, икры 30 кулей, соли 8 пудов. В пути к ним присоединились гребенские казаки, и дальнейший путь они совершили вместе до сказанной Кабарды для той означенной мены хлеба, платья, воску» (цит. по: [7, с. 25]). В Кабарде они особенно часто покупали лошадей под верховую езду, так как лошади кабардинской породы очень высоко ценились. В свою очередь и кабардинцы весьма активно торговали с русским населением. Причем Россия придавала этому процессу немаловажное значение. Так, в рапорте кизлярского коменданта Н. А. Потапова говорится о мерах по развитию через Кизляр торговли с кабардинцами [5, с. 246]. В XVIII веке главными пунктами торговли с горцами стали новые русские города на Тереке – Кизляр и Моздок.

Несмотря на строгие запреты, связанные с меновой торговлей, горцы скрыто входили в непосредственные контакты с русскими. Офицер Головин сообщал в 1842 г. «о проложенных малокабардинцами и казаками через Терек по льду дорогах и производимой между ними торговле» [12, л. 23 – 24] [13, л. 2]. В феврале 1848 г. смотритель Прохладненского менового двора писал, что «жители Прохладной станицы продают секретно соль приближенным горцам, кабардинским жителям, тогда как для этих народов существует здесь казенный магазин, из которого в настоящее время расхода соли почти не бывает» [14, л. 26]. С 1853 г. меновые дворы были отданы на откуп купцу первой гильдии Крутицкому [16, с. 72]. Откупная система еще более сковывала развитие такого рода сношений русских с горцами. Поэтому последние предпочитали свободную торговлю строго регламентированной меновой торговле.

В ходе тесных отношений казаков и кабардинцев происходил взаимный обмен хозяйственным опытом, заимствование различных элементов культуры. Гребенские казаки в земледе-

лии использовали кабардинский плуг, осваивали новые сроки посева и уборки, долго выращивали просо как основную зерновую культуру, разводили скот кабардинской породы, приспособленный к местным природно-климатическим условиям. В системе жизнеобеспечения кабардинские элементы просматриваются в употреблении казаками «пасты» (густого пшена), строительстве турлучных жилищ. В то же время русские переселенцы способствовали развитию на Северном Кавказе садоводства и огородничества, строительных навыков и т. д.

В контактной зоне взаимообогащение традиционной русской и северокавказской культур происходило и в военно-бытовой сфере. Все полезное и необходимое в области военного искусства вольные казаки перенимали у своих соседей. Так, казаки ценили кабардинское оружие, конское снаряжение. Лошади у казаков, как правило, были кабардинской породы, считавшейся лучшей на Кавказе. Военное воспитание, игры, скачки, выправку и все приемы наездничества казаки заимствовали также у горцев. Кавказская одежда, первоначально взятая казаками стихийно, впоследствии в силу ее удобства была узаконена и стала форменной для терского и кубанского казачьего войска. Заимствуя у горцев форму одежды, они прекрасно понимали, что таковая возникла не по произволу, а является следствием векового боевого и жизненного опыта, благодаря чему она столь удобна в походных условиях. «Приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, — пишет М. Арнольди, — находясь при одинаковых военных потребностях с своими соседями... не отставало от них в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения. Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло наконец до того, что они в этом отношении перещеголяли черкесов» (цит. по: [3, с. 241]).

В установлении мирных, добрососедских отношений немалую роль играли беглецы из среды кавказских народов. Горские крестьяне находили у казаков приют, хороший прием, волю и свободу, возможность трудиться на себя. Естественно, что в русских крепостях и казачьих городках с их смешанным русско-северокавказским населением взаимное проникновение различных элементов культуры и быта было более интенсивным и стабильным.

«Инородческий» элемент вливается в казачью среду особенно активно в XVIII–XIX вв., когда царское правительство, стремясь восполнить численность, переводит в казаки отдельные

группы кавказских народов. В 1765 г. в Моздоке сформирована казацкая команда из числа беглых осетин и кабардинцев. Семьи этих казаков составили в Моздоке свободное общество под названием «казацкой братии». Один из семейства переселенцев записывался в казаки и тем самым избавлял остальных членов семьи от возврата прежним владельцам [4, с. 253].

Ценные сведения о процентном отношении казаков к «иноверцам» в полках Терского войска даёт С. Писарев. По этим данным, численность коренного населения была наиболее высокой в Кизляро-Гребенском полку [9, с. 43]. Это объясняется тем, что образование кизляро-гребенских станиц произошло в конце XVI – первой половине XVIII в., когда особенно упрочились дружественные отношения между казаками и местными народами.

Весьма заметную роль во взаимоотношениях между казаками и местными народами играла женщина. Горские, гребенские казаки в силу того, что изначально представляли исключительно мужское население, роднились с местными народами, фактически ассимилируя вливающиеся в их среду инородческие элементы, и в результате появился особый генотип – гребенской казак. Гребенская женщина во множестве случаев была местного горского происхождения. Ф. А. Щербина отмечал, что «...русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала жен на Кавказе» (цит. по: [8, с. 63]). Отношения между членами семьи у казаков носили ярко выраженный патриархальный и авторитарный характер, как это было принято в традиционных кавказских семьях. Команды старшего в семье и даже наказание никогда не подвергались сомнению. Разводы у терцев были очень редкими. Это можно объяснить особым престижем брака у казаков, более высоким социальным статусом семейного человека в станицах и, несомненно, влиянием горских народов, где разводы также были крайне редкими.

Если казачки становились женами кавказских горцев, это происходило, в основном, путем похищения, а не традиционно для казаков сватовства. С течением лет они перенимали горские обычаи и язык, рожали детей. «Кубанские войсковые ведомости» сообщают о казачке Аксины, лет сорока, вышедшей из плена «с грудным детем», которая «разговор по-русски мало знает» [15]. Видимо, она была похищена маленькой девочкой и за 30–35 лет, прожитых в горской среде, практически забыла родной язык. Такие пленницы даже при имеющейся возможности не возвращались в родные станицы.

Межэтнические браки, наряду с укреплением экономических и культурных связей между казаками и горцами, способствовали складыванию традиций куначества – этого своеобразного обычая кавказского побратимства. Он связывал кунаков не только взаимным гостеприимством, но и взаимопомощью. Этот институт имел двойное значение: социальное, для укрепления социальной стабильности в обществе, и этническое, для установления и поддержания межэтнических контактов. Оно было так прочно усвоено казаками, что стало составной частью их стереотипа поведения. Проявлением дружественных связей между казаками и кабардинцами можно считать и общую практику такого древнего семейно-общественного института, как аталычество.

В дореформенный период, несмотря на боевые действия, часть казаков сохраняла в горах кунаков и родственников, знала их язык, обычаи. Конфликт, в который они были вовлечены, являлся своеобразной формой межэтнического контакта, в ходе которого «происходило сопоставление–противопоставление по ряду направлений (хозяйственно-культурный тип, языковая, конфессиональная принадлежность, стадийный уровень и пр.), при этом выяснялись многие общие черты материальной и духовной культуры» [2, с. 225]. Ментальность казаков была очень близка к ментальности кавказских народов. Это и присущая им воинственность, независимость характера, главенство мужчины в семье и др. Эта схожесть, с одной стороны, давала почву для конфликтов на бытовой почве, а с другой стороны, помогала их сближению.

В условиях противостояния некоторые из казаков колебались между двумя культурами, демонстрируя признаки маргинальной этнической идентичности, яркими примерами которой были побеги казаков в горы и участие их в боевых действиях на стороне горцев [2, с. 226]. Традиционно считается, что этнокультурная маргинальность возникает при миграциях и у потомков межэтнических, межрасовых браков. Однако материалы по казачеству показывают, что глубокое проникновение в другую культуру могло происходить не только в результате межэтнических браков, но и различных форм искусственного родства и дружественных отношений, развития билингвизма, который позволял воспринимать «чужую» культуру, как «свою».

Новый этап в заселении региона приходится на 60-е годы XIX в., которые ознаменовались важными политическими событиями, судьбоносными для всех народов России, в том числе и Северного Кавказа, куда в эти годы усиливается массовое переселение, достигшее апогея в конце XIX в. Обширность ми-

грации была связана с тем, что плановые правительственные и стихийные переселения слились в единый поток. Этот этап заселения края совпал с «экономическим завоеванием» Кавказа, еще более заметным стало хозяйственное заимствование и взаимообогащение культур.

Под влиянием русских крестьян, поднимающих целину в предкавказских степях, земледельческая культура стала шире распространяться и в предгорной зоне Северного Кавказа. Горские народы стали увеличивать посевы, перенимать от русских более совершенные приемы полеводства, более высокую технику земледелия, стали применять озимые посевы, осваивать новые для них культуры (гречиху, рожь, подсолнухи). «Кабардинцы... стали сеять хлеб вместо одного проса, иные завели даже плуги, сакли и усадьбы их улучшились, и вообще хозяйство многих кабардинцев стало приближаться к русскому» (цит. по: [11, с. 100]. Семена для посева кабардинцы покупали или получали в подарок от русских крестьян. Постепенно обогащалась и сельскохозяйственная техника горцев: у русских соседей заимствовали более совершенные фабричные орудия труда – плуг, борону, «литовку».

Под влиянием общения с русским населением и расширения рыночных связей происходило дальнейшее развитие горских кустарных промыслов, которые в большей степени стали приобретать характер ремесла. Особенно это относится к производству бурок, черкесок, оружия, ювелирных изделий.

У коренных народов происходили перемены в области домашнего обихода, построек. В результате общения с русским населением вместо векового очага, низкого трехножного стола постепенно в доме горца стали появляться русская печь, железная кровать, высокий стол, стулья, самовар, фарфоровая и фаянсовая посуда, зеркала, часы и другие бытовые предметы. У некоторых народов сама комната с печью стала называться «печ». Крышу стали покрывать черепицей или жостью. Строили такие дома обычно русские плотники, печи клали русские печники, которые приходили на заработки в горские аулы. «Кабардинцы, – говорилось в корреспонденции газеты «Кавказ» за 1848 г., – особенно легко принимают у себя в хозяйстве всякое нововведение... Свободные жители губернии, казаки, отставные солдаты, мещане ездят в Кабарду к князьям, богатым узденям на работу, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания» [6].

В свою очередь, в постройках русского населения прослеживается горское влияние. Оно проявлялось в самом характере зданий, их внешнем виде, технике строительства. Например, жилища с плоскими крышами из турлука, самана, глины, камня. Горское влияние ощущалось и в интерьерах русских жилищ. По словам И. Попко, «по стене было развешано оружие и доспехи, в углу горкой возвышались постели и одеяла, сложенные на кавказский манер ровными кипами; на полочках красовалась медная посуда...» [10, с. 122].

Таким образом, с появлением русских переселенцев на Северном Кавказе, между ними и горцами налаживаются устойчивые взаимоотношения, основанные на хозяйственном и культурном взаимодействии. Культура русских, как и местного населения, оказалась достаточно динамичной и пластичной, что позволило ей благополучно адаптироваться в новом природном окружении и социуме.

Использованная литература:

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. Д. А. Кобякова. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. Т. 12.

2. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д., 2001.

3. Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Эльбрус, 1982.

4. Голованова С. А. «Иногородцы» в этнокультурном пространстве казаков Терека // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: материалы всерос. науч. конфер. М.; Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2001. Ч. 2. С. 254–256.

5. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв: сб. документов. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2: XVIII в.

6. Кавказ. 1848. № 22.

7. Коломиец В. Г. Очерки истории и культуры терских казаков. Нальчик: Эльбрус, 1994.

8. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991.

9. Писарев С. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877. Владикавказ, 1881.

10. Попко И. Д. Казаки с стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1: Гребенское войско

11. Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

12. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 163. Л. 23–24

13. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 42. Л. 2.

14. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 4.

15. Цыбулькинова А. А. Роль женщин в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. [Электронный ресурс] // Адыге-Хэку. URL: <http://www.aheku.org/page-id-3521.html> (дата обращения 03.03.14).

16. Чекменев С. А. Переселенцы. Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половины XIX в. Пятигорск, 1994.

THE ETHNO-CULTURAL DIALOGUE OF THE RUSSIANS AND NORTH CAUCASIAN PEOPLES DURING THE SECOND HALF OF 18-TH – 19-TH CENTURIES

VARIVODA Natalia V., Senior Lecturer,
Department of the History of Russia,
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
E-mail: variks1@yandex.ru

In the article are investigated some aspects of the interrelations of Russian and North-Caucasian people in the second half of the 18-th – 19-th centuries. The author also examines the factors which contribute the intensification of contacts of the Russians with the native people of the region and their cultural interpenetration.

Keywords: *North Caucasus, the interrelation, the mountaineers, the cossacks, peasants, commercial relations, economic experience, adoption, Caucasian war.*

РАЗДЕЛ 4.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Ш. А. Гапуров*, В. Х. Магомаев**

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ КАВКАЗСКОЙ ЭПОПЕИ А. П. ЕРМОЛОВА

В работе рассматривается эволюция взглядов кавказского наместника А. П. Ермолова на методы и средства становления российской власти в Чечне. Ключевые слова: Россия, Чечня, А. П. Ермолов, эволюция взглядов.

Тема «Чечня и Ермолов» весьма болезненна, но в то же время интересна и не до конца исследована. Добавим – малопонятна как для русских, так и для чеченцев (да и для всех горцев). Для одних она предстает только в бело-розовых красках, для других – только в черных. Даже в XIX в. «ермоловская» тема считалась жгучей, и потому в тот период специальных исследований о Ермолове лишь единицы. И в XX в. она не стала менее «жгучей». Пожалуй, ни одна историческая личность России не вызывала столь страстной полемики, и связано это было прежде всего с его деятельностью на Кавказе. «Вообще, эпоха Ермолова, обстоятельства, при которых он вступил в управление краем, и которые сопровождали дальнейшее его начальствование, и боле всего – сама личность его, – писал один из крупнейших и авторитетных кавказоведов XIX в. Н. А. Волконский, – до сих пор мало известны и исследованы, почему и взгляд на этого человека и на его эпоху далеко еще не установился даже на Кавказе, где люди стояли и стоят ближе к прошлому, чем вне этого края» [2, с. 16]. Это написано в 80-е гг. XIX в. С тех пор, разумеется, о Ермолове написано много, особенно – в последние 10-20 лет в связи с чеченским кризисом и обострением в

* ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич, доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, Заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия. Электронная почта: gapurov2011@mail.ru.

** МАГОМАЕВ Ваха Хасаханович, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия. Электронная почта: vakha_53@list.ru.

целом политической обстановки на Северном Кавказе. Но большинство из написанного о нем весьма далеко от объективности, несет на себе печать крайней тенденциозности.

В 1995–1996, 1999–2000 гг. в Чечню была двинута огромная, почти 100-тысячная, армия с бронетехникой и авиацией. И всей этой военной громаде противостояли максимум 5-6 тысяч боевиков Дудаева-Масхадова (по данным самой же российской прессы). Ковровые бомбардировки чеченских городов и сел, артиллерийские удары по населенным пунктам были абсолютно неэффективны и бессмысленны с военной точки зрения. И это было абсолютно «не по-ермоловски». Во всех своих действиях на Северном Кавказе Ермолов всегда соблюдал (во всяком случае – требовал этого от своих офицеров) и очень жестко следовал провозглашенному им правилу: «В безоружных не стрелять. Несопrotивляющихся – не трогать». В предписании генералу Мадатову от 11 сентября 1819 г. Ермолов указывал: «... Внушить войскам, чтобы незащищающегося, или паче бросающего оружие, щадить непременно» [3, с. 287]. Бессмысленным уничтожением мирного населения Ермолов не занимался. Постоянными издевательствами – тем более. И главное, генерал А. П. Ермолов, при всей своей суровости, был человеком слова, и, безусловно, человеком чести и благородства. И был абсолютно бескорыстен, хотя и не был богатым человеком.

«Проконсул» Кавказа генерал А. П. Ермолов пытался изменить Кавказ. Удалось ли ему это? Только отчасти. Но Кавказ изменил самого боевого генерала. После восстания в Чечне в 1825–1826 гг. происходит кардинальное изменение его взглядов на политику в отношении чеченцев, на методы российской политики в Чечне. Отдать столько времени и сил для покорения Чечни, совершить столько карательных экспедиций, уничтожить огромное количество селений, пролить столько крови – и после этого происходит восстание чеченцев, поставившее под угрозу само существование российской власти в этом регионе? Восстание в Чечне в 1825 г. потрясло Ермолова. Оно заставило его по-новому, по-другому взглянуть на всю его деятельность на Кавказе, и особенно в Чечне. Он приходит к главному выводу – чеченцев нельзя покорить силой. Для этого нужно использовать политические, культурные и торгово-экономические средства, т. е. то, что он презрительно отвергал все предыдущие 10 лет. Осознание этого факта ввергло сверхдеятельного, сверхэнергичного генерала в глубокую депрессию, что совершенно очевидно из его писем своим друзьям в тот период. В письме к П. А.

Кикину он отмечает: «Все идет медленно и с пламенным моим характером несогласно. Живу здесь давно, ничего не сделал и это меня мучит до крайности. Горестно оглянуться на годы пребывания в здешней стране и ничего не произвести довольно ощутительного, что бы свидетельствовало об успехах» [4, с. 511]. Один из лучших биографов А. П. Ермолова XIX в. – М. П. Погодин так описывает его состояние в 1826 г. после возвращения из Чечни: «Дела и мысли запутывались, хуже и хуже, – Ермолов должен был сойти со столь блистательного поприща, где он принес отечеству столько пользы...» [3, с. 355]. Возможно, именно этим подавленным его состоянием объясняются его нерешительные действия в начальный период русско-иранской войны 1826–1828 гг.

Собственные наблюдения и раздумья к середине 1820-х гг. поколебали его твердую уверенность в универсальности силовых методов в окончательном покорении горцев и наведении «порядка» на Северном Кавказе. Особенно сильно в этом плане подействовало на Ермолова восстание в Чечне в 1825 г. под руководством Бей-Булата. С 1818 г. российские власти, следуя плану и указаниям «проконсула», обрушили на чеченцев жесточайшие репрессии: ежегодно совершали карательные экспедиции, во время которых уничтожались люди и аулы. Чеченцев изгоняли с равнинных земель в горы, держали в плотной экономической блокаде. Однако, все это не только не привело их к покорности, а, напротив, вызвало массовое восстание 1825 г. Под воздействием этих событий Ермолов приходит к выводу, что одних силовых мер недостаточно для подчинения чеченцев, для превращения их в покорных подданных государства российского. Нужны еще, и прежде всего, меры экономические, политические и административные. «...Временного наказания недостаточно для людей, обвыкших к безначалию, к свободе буйной и необузданной и ... необходимы постоянные меры», – доложит наместник в Петербург в мае 1826 г. Тогда же он направит предписание новому начальнику Левого фланга генерал-майору Лаптеву [5], которое должно было стать программой действий российских властей в отношении Чечни. Документ этот уникальный, совершенно не свойственный грозному Ермолову, всему тому, что он проповедовал до этого, его действиям и наглядно показывающий эволюцию его взглядов на методы покорения чеченцев*. «...Нужным нахожу обратить в особенно-

* Документ этот почему-то не был пущен в научный оборот ни в XIX, ни в XX вв.

сти внимание на чеченцев», – указывает главнокомандующий. Он пытается разобраться в причинах последнего восстания, подчеркивая, что к середине 1820-х гг. большинство чеченских селений «признавало» российскую власть, они «порядочно повиновались, а некоторые начинали даже привыкать к послушанию». Однако «всеобщее возмущение все перемешало», когда «несколько мошенников», воспользовавшись «чрезвычайным невежеством народа», сумели «соединить всех» «под видом освобождения мусульман от угнетения неверных». Видимо, Ермолов не захотел прямо признать, что восстание чеченцев было вызвано его политикой, которая по своей сути была сугубо колониальной. Он лишь останавливается на общей констатации, что к горцам допускалась несправедливость. «Между здешними народами не трудно начальнику приобрести доверенность справедливостью...». Горцы «имеют уважение к правосудию начальника». Ермолов часто выдвигал перед чеченцами совершенно невыполнимые для них требования: остановить набеги на кордонную линию, выдать беглых солдат (гостеприимство свято для всех горцев) и т. д. и потом жестоко наказывал за их невыполнение. Видимо, теперь он понял, что эта его тактика была неверна и потому он предписывает Лаптеву: «Никогда не требуйте того, что для них исполнить трудно или чего они вовсе исполнить не могут, ибо за ослушанием должно следовать наказание». У всех горцев глубокое возмущение вызывало презрительное, неуважительное отношение русской администрации к их обычаям и вере. Ермолов даже в официальных документах называл горцев «закоснелыми в невежестве», «дикарями и мошенниками», а мусульманских священнослужителей – «глупыми муллами». Теперь же он указывает Лаптеву: «Наблюдайте, чтобы никто из подчиненных не позволял себе грубого обхождения с ними (с чеченцами. – Авт.); чтобы никто не порочил веры мусульман, паче же не насмеялся над ней». Впервые в своей почти десятилетней практике пребывания на Кавказе А. П. Ермолов приходит к выводу, что для превращения Чечни в составную часть Российского государства необходимо принять специальные меры для «сближения» чеченцев с русскими. «Надобно стараться сблизить чеченцев частым их обращением с русскими», – указывает он. Для этого необходимо прежде всего развитие торгово-экономических связей между ними (и это – вместо военно-экономической блокады). «Начальнику войск на линии предпишу я об учреждении торгов в крепости Грозной и для опыта учредить меновой двор. Распоряжение сие непри-

метно привлечет чеченцев, коих некоторые изделия, нужные нашим линейным казакам, будут вымениваемы и исподволь можно будет дать большее обращение медной нашей монете вместо извлекаемого ими серебра». Последнее было значительным шагом вперед в развитии торгово-экономических связей между горцами и русскими: ведь до сих пор чеченцам запрещалось торговать с использованием российских денег. Разрешался только меновой торг (когда разрешался).

Восстание 1825 г. показало резко возросшую роль духовенства в общественной жизни чеченцев. И Ермолов берет курс на установление союза с лояльными России мусульманскими священнослужителями. «Дам я предписание о построении мечети, где богослужение могут отправлять поочередно в торговые дни муллы из деревень, расположенных по левому берегу Сунжи, более уже имеющих к нам привычки». Постройка мечети в Грозной и богослужение в ней, действительно, наглядно продемонстрировало бы горцам уважительное отношение российских властей к их вере и способствовало бы в целом улучшению российско-чеченских отношений.

Одним из неперемennых требований кавказской администрации ко всем горцам была выдача аманатов в знак верноподданничества и покорности. Горцы всегда делали это с большой неохотой, так как содержали аманатов в тяжелых условиях, фактически – как заключенных и даже детей часто заковывали в кандалы, что отмечал и А. С. Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум». Ермолов и тут решил пойти на уступку и указывал Лаптеву: «Нужно иметь большее попечение об аманатах, что доселе было крайне пренебрежно. Содержание, определяемое для них, достаточно, но они жили в сырой и худой казарме, где занемогали и родственники их жаловались на то. Вы извольте приказать соблюдать в содержании аманатов большую опрятность».

В первые годы своего пребывания на Кавказе Ермолов не делал никакого различия между чеченцами – мирными, равнинными и непокорными. Для него все они были на одно лицо – «разбойники». Притерченных чеченцев, имевших давние и разнообразные связи с русскими, он называл «мошенниками, мирными именующимися». Однако эта часть чеченского населения, несмотря на далеко не лучшее обращение с ней российских властей, не приняла участия в вооруженной борьбе с Россией в 1818–1826 гг., а их владельцы (старшины) активно помогали царским властям в установлении российского господства на

остальной территории Чечни. К середине 1820-х гг. Ермолов понял, что в российских интересах нужно проводить особую, более умеренную политику в отношении притеречных чеченцев. «С чеченцами, на правом берегу Терека живущими, надобно поступать снисходительнейшим образом, – указывает он, – ибо неоднократно прежде и теперь в последнее время служили они нам против своих единоверцев и родственников. Большая часть управляющих ими князей к нам привержены. При них нужно быть расторопному приставу и за ним иметь порядочный присмотр».

Интересна заключительная часть этого документа: «О действиях против чеченцев оружием дано особенное предписание» [5, с. 511]. Таким образом, Ермолов запрещал какие-либо карательные акции против чеченцев без его личного разрешения.

Предшественники Ермолова, особенно Торماسов, в свое время выдвигали планы русско-горского сближения путем развития торгово-экономических и культурных связей, установление союза с мусульманским духовенством, распространения образования в регионе. Ранее «проконсул» буквально высмеивал Гудовича, Ртищева и Тормасова за подобные взгляды и действия. Теперь же он сам приходит к выводу, что одними военно-силовыми методами, без использования комплекса социально-экономических и политических мер, установить российскую власть в Чечне будет невозможно. М. М. Блиев и В. В. Дегоев отмечают, что именно в Чечне Ермолов «впервые почувствует бессмысленность своих усилий» [1, с. 176]. Добавим – силовых усилий. «Усмиритель» и «устроитель» Кавказа за время службы в Тифлисе приобрел немало новых профессиональных и личностных качеств. Пытаясь создать «новый Кавказ», А. П. Ермолов не заметил, как Кавказ создал «нового А. П. Ермолова» [6, л. 52].

В 1827 г., буквально через год после написания данного предписания Лаптеву, Ермолов был отправлен в отставку и его преемники не стали придерживаться его указаний о новом политическом курсе в отношении чеченцев. Если бы они были выполнены и политика российских властей в Чечне изменилась бы в лучшую сторону (в сторону либерализации) – может быть, всеобщего восстания здесь в 1840 г., в котором приняли активное участие уже и притеречные чеченцы, и не произошло бы. Однако, история, как известно, не имеет сослагательного склонения.

Весной 1826 г. А. П. Ермолов обнаружил и другой документ – «Прокламацию к чеченцам» или «Правила народу чеченскому»,

который также свидетельствовал (во всяком случае внешне, на бумаге), что царские власти провозглашают изменение своего жесткого, бескомпромиссного курса на более либеральный, умеренный. В отличие от «Обвещения...» Ермолова от 1818 г., «Прокламация» содержала не только обязанности чеченцев, но и обязанности кавказских властей; более того, давала чеченцам определенные права. В ней не было присущих ранним ермоловским обращениям к горцам надменно-презрительной, жестокой неумолимости, угроз «уничтожу», «вырежу», «повешу» и т.д. Чеченцы обязывались «возобновить прежнюю присягу» на верноподданство, не иметь «сношений с людьми вредными», «иметь караулы на своих землях», чтобы «не пропускать хищников», выдать пленных, угнанный скот и т. п. «Обвещение» 1818 г. за невыполнение подобных требований грозило «вырезать жен и детей», «сжечь селения» – теперь же – «взять аманатов под арест или отправить их в Россию». Повторялись старые повинности населения – поставки сена или бревен в крепости. Большую же часть «Прокламации...» занимали обязанности «российских начальников». Им указывалось на необходимость «содержать лучше прежнего» аманатов, «давая им свободу сколько можно». Весьма важное значение для населения имел пункт о том, чтобы «штрафов денежных ни за что не взыскивать» в виду «бедности народа». Отменялся принцип общей ответственности за проступки или преступления отдельных лиц. «За учиненное воровство не брать под арест людей, не участвовавших в том, только потому, что они того же селения, как и сделавшие кражу». В то же время за убийство российского подданного «схватывать если не самого убийцу, ...то ближайших родственников».

По правилам, введенным А. П. Ермоловым еще в 1818 г., и затем дополненными Грековым, разбором тяжб и уголовных преступлений чеченцев занимались пристав и командиры ближайших воинских частей. Никаких регламентированных правил при этом не существовало и соответственно, допускался полнейший произвол над бесправным населением. Видимо, зная об этом, Ермолов указывал: «В спорах и делах чеченцев с подданными российскими делать беспристрастный разбор..., а дабы чеченцы не подвергались несправедливой обиде, позволять им иметь с собою кадия своего селения».

К 1826 г. «проконсул» понял и другое – политика военно-экономической блокады не только не привела к покорности чеченцев, но, напротив, озлобила их. И он в «Прокламации...» фактически отменяет ее. Для признающих российскую власть

селений вводился режим свободной торговли. Наместник обязывал местную администрацию «для свободной торговли давать билеты без затруднения и защищать их (чеченцев. – Авт.) от всяких обид и притеснений. Выдавать билеты и на проезд в Тифлис» [9]. Система проездных билетов для ведения торговли была и системой контроля за передвижением чеченцев и за их «благонадежностью». Выдавались они приставом и воинскими командами через поручительство сельского старшины или кадия. Получение билетов было делом трудным и долгим. Называть подобную торговлю «свободной» можно было лишь весьма относительно. Тем не менее, по сравнению с политикой военно-экономической блокады, это была значительная уступка царских властей. В то же время «Прокламация...» главнокомандующего не предусматривала каких-либо изменений в системе административного управления. Она сохранялась прежней. Власть над чеченцами оставалась в руках пристава и воинских командиров.

В целом эти два документа А. П. Ермолова, обнародованные им в 1826 г. – «Предписание» к генералу Лаптеву и «Прокламация к чеченскому народу» – означали серьезную тенденцию к изменениям в политике кавказской администрации в Чечне в сторону ее смягчения, отказу от односторонне жестких силовых мер. Это были уступки царских властей.

Использованная литература:

1. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994.
2. Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Округного Штаба Кавказского военного округа, 1886. Т. X.
3. Погодин М. П. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М.: Тип. Катков и Ко, 1863.
4. Похвиснев М. Н. Алексей Петрович Ермолов // Русская старина. 1872. Т. VI. № XI. С. 475–511.
5. Предписание ген. Ермолова ген.-м. Лаптеву от 1 мая 1826 г. // Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 510–511.
6. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 651. Ч. 1.

LITTLE KNOWN PAGES OF A. P. YERMOLOV CAUCASIAN EPIC

**GAPUROV Shakhruddin A., Dr. Sci. (National History), Prof.,
President,**

Academy of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russia
E-mail: gapurov2011@mail.ru
MAGOMAEV Vakha Kh., Dr. Sci. (National History), Prof.,
Head, Department of History of the Ethnics of the North Caucasus,
Institute for Human Studies,
Academy of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russia
E-mail: vakha_53@list.ru

The evolution of views of the Caucasian governor-general A. P. Ermolov on the methods of foundation of the Russian power in Chechnya is considered in the article.
Keywords: Russia, Chechnya, A. P. Ermolov, evolution of the views.

Ф. М. Хаджибиекова*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУХАММЕД-АМИНА И СЕФЕР-БЕЙ ЗАНА ПО КОНСОЛИДАЦИИ ГОРСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается деятельность лидеров Северо-Западного Кавказа по консолидации горского сопротивления на заключительном этапе Кавказской войны.

Ключевые слова: Северо-западный Кавказ, наиб, имам, султан, фирман.

Резко обострившаяся к 1853 г. международная обстановка, вызванная острыми противоречиями между Россией, Оттоманской Портой и западными державами – Англией и Францией вокруг восточного вопроса, переросла в вооруженный конфликт крупнейших европейских держав в котором Северо-Западный Кавказ занимал важное место в планах противостоящих сторон. Союзники стремились использовать горские народы против Российской империи, возлагая при этом определенные надежды не только на имама Шамиля, возглавившего сопротивление горцев Северо-Восточного Кавказа, но и на лидеров горцев Северо-Западного Кавказа – Мухаммед-Амина и натухаевского князя Сефер-бей Зана, по подготовке общего вооруженного наступления против России. Мухаммед-Амин и Сефер-бей Зан, являясь крупными военно-политическими фигурами на Северо-Западном Кавказе в период Кавказской войны, своей деятельностью

* ХАДЖЕБИЕКОВА Фатима Мурсудиновна, кандидат исторических наук, преподаватель Краснодарского гуманитарно-технологического колледжа, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: fatima19782008@rambler.ru.

во многом определяли вектор адыгского сопротивления военному продвижению России в этом регионе. Их личные качества, поведение и политическая ориентация дают возможность оценить их влияние на ход и результаты военно-политических процессов на Северо-Западном Кавказе в рассматриваемое время. Лидеры горского сопротивления – Шамиль, Мухаммед-Амин и Сефер-бей Зан относились с недоверием как к Оттоманской Порте, так и к правительствам западных держав, осознавая, что реальной помощи от союзников не будет. Имам Шамиль старался сохранять полную политическую самостоятельность при принятии важнейших решений. Мухаммед-Амин, в свою очередь, следуя политике имама, фактически дистанцировался от участия в боевых действиях в период Крымской войны (1853–1856). Аналогичная позиция была занята и натухаевским князем Сефер-бей Заном. Даже те незначительные военные мероприятия, осуществленные этими деятелями в преддверии и в период Крымской войны, как правило, не согласовывались ими не только с союзным командованием, а подчас и друг с другом.

Для того чтобы добиться участия адыгского крестьянства в войне, наиб пожертвовал всеми привилегиями адыгской дворянско-княжеской знати. Для укрепления своей власти Мухаммед-Амин «решился довершить демократический переворот...» [38, с. 85]. Наиб возбудил народ против знати, объявив их старинные права противоречившими нормам Корана, и потребовал, чтобы дворяне отказались от своих привилегий. Уравнивая сословия в правах, наиб тем самым желал «подчинить всех себе» [8, л. 9]. В Абадзехии наибу удалось осуществить переворот без каких-либо затруднений. Дворяне в Бжедугии оказали противодействие, и Мухаммед-Амину пришлось применить силу, «причем многия князья и дворяне были ограблены, а некоторые другие убиты и ранены» [38, с. 85]. Шапсугов и натухаевцев данные преобразования наиба не коснулись [38, с. 85].

В свою очередь, Сефер-бей ревниво стремился сохранить свою власть над шапсугами и натухаевцами. Порта не запрещала ему делать это, и «...вместо того, чтобы выбором одного устранить другого и тем, по крайней мере, дать возможность одному лицу беспрепятственно и самостоятельно вести дела, Порта поддерживала и награждала обоих» [6, с. 172]. Таким образом, Турция «поддерживала междоусобицу и сама наносила смертельный удар черкесскому народу...» [37, с.158].

Дело дошло до того, что когда наиб призвал шапсугов и натухаевцев поддержать подготовленное им нападение на кордон-

ную линию в районе станицы Старокорсунской, то Сефер-бей этому решительно воспрепятствовал [26, с. 266]. «...Шапсуги и натухайцы не пошли, отговариваясь тем, что абадзехи и бжедуги также не содействовали им в осеннем предприятии против Таманского полуострова» [38, с. 86].

В конце января 1856 г. наиб направил командующему турецкой армией Омер-паше оправдательное письмо, в котором сообщалось, что он мог бы свободно явиться к нему с 10 тысячами всадников, но для этого нужно повесить около 150 влиятельных горцев, воспротивившихся его распоряжениям относительно сбора ополчения [5, с. 558] [38, с. 86] [41, с. 549]. Посыльный, не застав Омер-пашу, возвратился назад. По пути, распечатав письмо наиба, он обнаружил в нем перечень из 150 имен, «которых следовало повесить за сопротивление сбору ополчения» [41, с. 549]. Найдя в списке приговоренных свое имя посланец решил по-своему отомстить наибу. Явившись в мяхкеме и собрав старшин, он передал им распечатанное письмо, сказав, «...что будто бы Омер-паша приказал ему передать это письмо им, так как он отказался содействовать кровавым замыслам наиба» [41, с. 549–550]. Таким образом, содержимое письма стало известно тем князьям и дворянам, которым наиб угрожал смертью, что привело к всплеску их негодования и повлекло за собой восстание. Мухаммед-Амину стала угрожать серьезная опасность, и ему пришлось скрыться в доме преданного ему горца на р. Пчас. Восставшие разграбили дом наиба и «разобрали по рукам его семейство» [41, с. 550].

Сефер-бей, узнав о произошедших событиях, решил воспользоваться ситуацией для утверждения своей власти у бжедугов и абадзехов. Он обнадеживал бжедугских князей и дворян именем султана, что их права, уничтоженные Мухаммед-Амином, будут полностью восстановлены [25, с. 266–267]. Данные обещания стали известны бжедугским и абадзехским тфокотлям и вызвали среди них волнение, заставив их снова поддерживать Мухаммед-Амина. В результате наиб был освобожден из заключения, народ принял присягу, гарантируя повиновение «...с тем только, чтобы он вел их против Сефер-Бея и обуздал дворян» [38, с. 87].

В начале мая 1856 г. возле р. Суп на границе Шапсугии и Абадзехии состоялся бой между отрядами обоих черкесских лидеров. В результате продолжавшегося восьмичасового боя ни одной из сторон не удалось одержать победу [3, с. 70] [5, с. 558] [38, с. 87–88] [39, с. 312]. Вскоре «...враждующие партии разо-

шлись в противоположные стороны. Магомет-Амин на р. Пшиш в мягкеме, а Сефер-Бей на р. Иль в земли шапсугов» [38, с. 88].

В момент заключения Парижского мира Сефер-бей находился в Анапе с семьей и небольшим количеством черкесов. Князь продолжал именовать себя «главнокомандующим всеми горскими народами и начальником турецких сил в Анапе» [41, с. 550] и вел себя как «турецкий «чиновник», считавший Черкесию в подданстве Оттоманской империи» [4, с. 739]. Образ жизни и манеры князя были турецкими. Вместо горской одежды он носил турецкую униформу низама. Его свита также состояла в основном из турок и татар [18, с. 289]. Еще до подписания воюющими державами мира в Париже Сефер-бей Зан обратился к русскому командованию с посланием, в котором упрекал ее «в намерении действовать вооруженной рукою» вопреки заключенному Россией и Турцией перемирию [28, л. 116]. В своем послании князь требовал не предпринимать каких-либо военных действий, гарантируя, в свою очередь, не чинить русским притеснений [28, л. 116] [30, л. 4–7].

Еще раннее Сефер-бей отправил в Константинополь посольство из 250 делегатов во главе с сыном Карабатыром с целью его представления турецкому правительству. Первая аудиенция горских депутатов результата не дала – султан отклонил просьбу адыгов о принятии их в подданство Оттоманской Порты, сославшись на условия Парижского договора. Только после повторного обращения Карабатыра к главе турецкого двора черкесам было наконец обещано покровительство Турции, но на условии [2, с. 71] [15, с. 109] [30, л. 4], «...если они примут присягу на подданство ему и станут повиноваться установленному над ними начальнику...» [38, с. 88–89]. Делегаты и специально посланный для этого в Черкесию турецкий уполномоченный Али-паша уже в середине мая 1856 г. на всеобщем собрании, состоявшемся на р. Афипс, довели до сведения адыгов итоги переговоров [3, с. 71].

Тем временем царское командование сосредоточило для занятия Анапы, где пребывали черкесы во главе с Сефер-беим Заном, крупные военные силы. В середине июля 1856 г. генерал Г. И. Филипсон двинул войска к Анапе. Сефер-бей направил ему в ответ письмо-протест, в котором упрекал Россию в ее действиях против горцев и заявлял о желании адыгов «остаться отдельным народом». Генерал Г. И. Филипсон направил князю ответное письмо, в котором советовал подумать о том, что могло бы принести адыгам «действительную пользу», и прекра-

тить «волновать легкомысленных черкесов». В ответ на письмо Сефер-бей с отрядом оставил крепость, подвергнув ее предварительному разрушению. Перебравшись на р. Шебш, Сефер-бей стал активно приводить черкесов к присяге подданства турецкому султану [3, с. 74, 76, 77] [4, с. 740–741] [8, л. 52] [15, с. 109] [33, с. 263–264]. Вскоре он перебрался в Новороссийск, где приступил к формированию новой черкесской делегации в Константинополь [2, с. 75]. Прибыв к абадзехам, князь, наряду с призывами к войне, одновременно вступил в политическое противостояние с Мухамед-Амином. Объявив последнего обманщиком, «не имевшим никакого поручения от султана», он склонял население к убийству наиба [2, с. 75].

В конце 1856 г. русское командование на Северо-Западном Кавказе начало военные действия против Сефер-бея, находившегося в этот период в Новороссийске. 3 ноября 1856 г. отряд русских войск в составе двух батальонов пехоты, сотни казаков, полуэскадрона горцев и четырех полевых орудий под командой подполковника М. А. Цакни вышел к Новороссийску. Сефер-бей не принял боя и бежал в Неберджайское ущелье [23, с. 224] [25, с. 272–273] [33, с. 265–267].

Обосновавшись в Неберджайском ущелье и воспользовавшись отходом русских войск из Новороссийска, Сефер-бей продолжал волновать горцев. Он уверял их, что в самом непродолжительном времени на Кавказ будут присланы крупные силы союзников и что будет создано особое горское государство [25, с. 273].

Незадолго перед этим из Турции на английском корабле «Кэнгору» возвратился Мухаммед-Амин. Наиб привез из Константинополя бумагу, в которой указывалось, что султан отказывается от кавказских горцев, но советует им признать власть Англии, которая всегда может оказать им помощь против русских [2, с. 705–706, 714] [4, с. 744] [10, с. 176] [40, с. 461–462]. Сефер-бей был возмущен предпочтением, которое было оказано Мухаммед-Амину. Он посылает в Константинополь протест и требует объяснений. Обострение враждебных отношений между Сефер-беем и Мухаммед-Амином привело к очередному столкновению, состоявшемуся в январе 1857 г. близ ущелья Туапсе. Во главе сторонников Сефер-бея стоял его сын Карабатыр Зан. В этом сражении ему удалось нанести поражение войскам Мухаммед-Амина [2, с. 719] [23, с. 225] [29, л. 38] [38, с. 100] [40, с. 468].

Между тем Англия и Турция продолжали скрытым образом вмешиваться в кавказские дела. После сражения Сефер-бей на собрании, состоявшемся на Озерейском мяжкеме, объявил наро-

ду, что получил от турецкого султана две бумаги. В одной из них султан предлагал, будто бы, ему принять все меры к истреблению Мухаммед-Амина и к объединению всех разрозненных горских племен. В другой же бумаге заключалось извещение, что в феврале 1857 г. прибудет в Суджукскую бухту (Новороссийск) на пароходах отряд в 4 тысячи человек под командой Измаил-паши. Однако цель прибытия этого отряда Сефер-бей держал в тайне [4, с. 746] [23, с. 225] [29, л. 39] [40, с. 468] [38, с. 100].

Данное заявление Сефер-бея было далеко не беспочвенным. В конце 1856 г. русскому послу в Константинополе А. П. Бутеневу стало известно о готовившейся экспедиции на Кавказ англо-польского легиона. Организаторами этого похода являлись начальник турецких почт – Измаил-паша, поляк В. Замойский, Фергад-паша, британский посол в Турции С. Канинг, английский посланник в Константинополе лорд Раклиф, великий визирь Турции Решид-паша и австрийский интернунций Прекош-Остен. Непосредственное командование им предполагали возложить на польского полковника Т. Лапинского. В распоряжении легионеров предоставлялись два корабля, один – английский «Кэнгору», другой – турецкий «Аслан». Обеспокоенный этими фактами А. П. Бутенев решил незамедлительно объясниться с великим визирем Решид-пашой. Последний осудил «столь дерзкое деяние», пообещав безотлагательно провести самое строгое расследование и не замедлить сообщить послу о результатах. Однако неудовлетворенный сбивчивыми оправданиями великого визиря Решид-паши по вопросу о Черкесии и потерявший доверие к нему А. П. Бутенев заявляет протест султану, который в ответ выразил неудовольствие случившимся, отдав приказание отыскать и наказать виновных и впредь не допускать подобных инцидентов [1, с. 122] [4, с. 745] [10, с. 171–178] [23, с. 225] [20, с. 25–26].

Султан Абдул-Меджид согласился выполнить просьбу А. П. Бутенева обнародовать специальный фирман, осуждавший враждебные вылазки против России и «отозвать в Константинополь Сефер-бея, Эммина-Пашу и их соучастников, под опасением быть разжалованными и лишиться содержания...» [29, л. 27–28]. Однако предпринятые меры не смогли помешать «Аслану» и «Кэнгуру» достичь Черноморского побережья. В феврале 1857 г. в устье р. Туапсе высадился иностранный отряд с оружием и боеприпасами под руководством Т. Лапинского, который имел при себе несколько экземпляров воззваний, предназначенных для распространения в русской армии и под-

стрекавших ее солдат, особенно поляков, к массовому переходу на сторону черкесов [4, с. 745, 746] [5, с. 561] [7, с. 574] [10, с. 178] [14, с. 138] [18, с. 19, 281] [23, с. 225] [29, л. 70, 117].

Вскоре к отряду легионеров присоединился бывший полковник венгерской армии Янош Бандья (Мехмет-бей) [2, с. 726] [10, с. 179] [40, с. 472]. Прибыв в Туапсе, он сразу же отправил «о своем прибытии извещение к Сефер-бею и Магомет-Амину» [38, с. 103], в котором писал, что «послан е. в. султаном начальствовать над Черкесиею» [7, с. 616]. Сефер-бей немедленно явился в Туапсе с большой свитой, а Мухаммед-Амин, первоначально не желавший сближения с иностранцами, ограничился лишь тем, что прислал депутатов с приветствием [7, с. 616].

Прибыв на Кавказ, Т. Лапинский и его отряд оказались в сложном политическом положении, столкнувшись с наличием в Черкесии двух противостоящих друг другу политических партий и проблемой мобилизации местного населения на войну с Россией. Сефер-бей, явно рассчитывавший расправиться со своим политическим противником с помощью прибывших флибустьеров, предложил Т. Лапинскому «заключить с ним союз и отправиться на север Черкесии» против наиба [18, с. 290]. Но тот отказался примкнуть к какой-либо партии до приезда Измаил-паши с боеприпасами [18, с. 290–291].

В марте 1857 г. отряд перешел в Азербиевское ущелье близ Геленджика. В апреле того же года иностранные инструкторы приступают к обучению европейской военной тактике и стрельбе из орудий отрядов Сефер-бея, сосредоточенных в ущелье р. Псиф. Со временем легионерам Я. Бандьи и Т. Лапинского удалось занять непосредственно и сам Геленджик. Как позже выяснилось, Я. Бандья вел двойную игру. Еще будучи в Константинополе, он предложил свои услуги органам русской разведки. В присутствии капитана В. А. Франкини, военного секретаря русского посланника, Штейн, Тюррер и Бандья составили план экспедиции в Черкесию, целью которой было «переманить ее на сторону русских мирным, медленным, но верным путем» [14, с. 135]. По прибытии на Кавказ Я. Бандья вступает в переписку с генералом Г. И. Филипсоном. В посланиях от 3 июня и 7 августа 1857 г. он убеждал адресата в нецелесообразности приобретать Западный Кавказ оружием, ибо, во-первых, на это уйдет много времени, во-вторых, придется целиком истребить местных жителей. Между тем России для осуществления ее внешнеполитических задач на Ближнем Востоке нужен не «могильный холм», или «клочок земли, лишенный населения», а страна воинов,

способных составить ударную силу русской армии. Я. Бандья рекомендовал другой путь: вначале «внутренне организовать» Черкесию и поставить над ней «одного вождя», затем превратить его в должника России, чтобы за остальное можно было не беспокоиться. Право выбирать «туземного» лидера Я. Бандья оставил за собой, предполагая, очевидно, отвести ему роль политической декорации, а реальную власть сосредоточить в своих руках (цит. по: [10, с. 208]).

Я. Бандья с согласия князя выдвигает план по созданию Черкесского государства во главе с местным князем под протекторатом России [38, с. 108]. Кандидатом на престол «владельческого князя Черкесии» Я. Бандья намечает Сефер-бей Зана. Прибыв в сопровождении своей свиты в Геленджик, Сефер-бей принял верховное командование над европейским легионом и произвел его осмотр. Именно по этой причине Мухаммед-Амин отказался приехать в Геленджик для согласования планов своих действий с командованием европейского легиона. Оставив в Геленджике Т. Лапинского и Сефер-бей Зана, Я. Бандья отправился в земли натухаевцев, шапсугов и бжедугов с целью привлечь горцев к поголовному участию в военных действиях. Ему удалось добраться до аула Энем, расположенного на левом берегу р. Кубань. После этого Я. Бандья двинулся к р. Псекупс для переговоров с находившимся здесь Мухаммед-Амином. Однако переговоры с наибом окончились неудачно [23, с. 227] [24, с. 291] [25, с. 279–280].

Весной 1857 г. Мухаммед-Амин во главе абадзехской делегации отправился в Турцию с целью ходатайства о помощи для адыгов, где по требованию царского правительства в июне 1857 г. был арестован и направлен в ссылку в Дамаск. Лишь в декабре 1857 г., при тайном содействии британских дипломатов, наibu удалось бежать из Дамаска и вернуться в Черкесию [8, л. 35] [10, с. 178, 205] [13, с. 61] [18, с. 336] [20, с. 29] [26, с. 144] [40, с. 471].

В апреле 1857 г. отряд русских войск под командованием генерала Г. И. Филипсона переправился через Кубань и на р. Адагум заложил Нижнеадагумское укрепление, которое должно было серьезно затруднить действия войск Сефер-бея и «европейского легиона». Закончив постройку, генерал решил произвести морской поиск в сторону Геленджика и Новороссийска. С этой целью во второй половине мая 1857 г. он двинулся из Анапы. Войдя в Новороссийскую бухту, Г. И. Филипсон высадил на берег десант, который сломил сопротивление находившего-

ся здесь гарнизона и сжег склады с товарами. Обстреляв затем орудийным огнем постройки в Геленджике, отряд возвратился в Анапу. Руководители европейской армии, понимая, что экспедиция Г. И. Филипсона подорвала их престиж, спешно взялись за укрепление Геленджикской бухты. На берегу ее были вырыты траншеи и поставлены пушки. Закончив работы по укреплению Геленджика, противники открыли военные действия против Адагумского укрепления [23, с. 227–228] [24, с. 291–293] [36, с. 265–266].

Между тем турки, уверовав в неприступность построенных Т. Лапинским в Геленджике укреплений, возобновили здесь торговлю [23, с. 228] [24, с. 293]. Генерал-майор Г. И. Филипсон непрерывно получал известия о «приходе турецких судов и английских пароходов на восточный берег Черного моря, а особенно в Суджукскую и Геленджикскую бухты, и устье Пшады (где находилось укрепление Новотроицкое) и Туапсе, а также к Вардане (в земли убыхов)» [29, л. 41].

В июле 1857 г. генерал-майор Г. И. Филипсон получает сообщение о скоплении в Геленджике большого количества турецких судов, в связи с чем он решает повторить поиск. В ночь на 20 июля 1857 г. небольшой отряд под его командой на пароходе и баркасах подошел по воде к Геленджикской бухте. Десант бросился к построенной Т. Лапинским береговой батарее и овладел ею. Эта дерзкая вылазка явилась полной неожиданностью для командования «европейского легиона». Сам Т. Лапинский, бросив подчиненных, позорно бежал в Адербиевское ущелье [23, с. 228] [24, с. 292]. Вскоре к месту событий прибыли Сефер-бей Зан и Я. Бандья. Они обвинили Т. Лапинского в трусости, однако, не имея санкции Константинополя, отстранить его от командования не решились, и он остался в Адербиевском ущелье [23, с. 229]. С этого момента между ними началась открытая вражда.

В 1857 г. Сефер-бей предпринял попытку создания адыгского государства под своей властью. Опираясь на адыгскую аристократию, он, также как и наиб, попытался ввести новый общественный порядок. Территория, подчиняемая князю, была разделена на округа, управлявшиеся мяхкеме во главе с кадиями, избираемыми народом. Они ведали судопроизводством и сбором налогов. Вводилась таможенная пошлина на Черноморском побережье. Был создан специальный орган, контролировавший доходы и расходы [5, с. 509]. Однако эта государственная система обладала внутренней неустойчивостью.

Летом 1857 г. шапсуги отказали сыну Сефер-бея Карабатыру в выплате повинностей для военных нужд. В результате произошедшей стычки несколько спутников Карабатыра погибли, а сам он едва уцелел. В отместку Сефер-бей с сыном разгромили ряд шапсугских аулов, что толкнуло их жителей на сближение с абадзехами [5, с. 565–566] [38, с. 119].

В сентябре 1857 г. русское командование организовало новую экспедицию к устью р. Туапсе. Высаженный десант после сражения с отрядом войск Сефер-бея, оставленным здесь для прикрытия этого важного для сообщений с Турцией пункта, уничтожил свыше 40 лавок с товарами и амбары с солью и зерном, построенные шапсугскими старшинами [23, с. 229] [25, с. 285].

Осенью 1857 г. Сефер-бей Зан направляет генералу Г. И. Филипсону меморандум на имя российского императора Александра II с требованием признания политической независимости Черкесии [23, с. 229] [27, с. 5] [30, л. 4–5] [38, с. 139–140]. Однако требования князя были отклонены российским правительством, стремившимся установить полное политическое господство на Северо-Западном Кавказе.

В сложившейся ситуации царское военное командование опасалось возможного примирения Мухаммед-Амина и Сефер-бея Зана. Однако примирения не произошло. Сефер-бей, готовый ради материальной выгоды пожертвовать чем угодно и кем угодно, под предлогом снабжения легиона продовольствием и транспортом, систематически учинял поборы с населения, присваивая собранные для солдат легиона зерно, лошадей и скот. Кроме того, опасаясь быть потесненным на задний план политической сцены, князь неоднократно препятствовал контактам поляков с местными жителями. Т. Лапинский, утратив доверие к князю после двух покушений на себя, порвал с Сефер-беем связи, предприняв неудачную попытку арестовать его [5, с. 561–562] [18, с. 389–395].

Вскоре Т. Лапинскому удается разоблачить в сношениях с русским правительством Я. Бандью, который был арестован и обвинен в измене. В начале января 1858 г. он был осужден, а после выслан под охраной обратно в Турцию. После суда Т. Лапинский был объявлен главнокомандующим европейскими войсками на Кавказе. С этого момента он стал действовать совместно с Карабатыром Заном. Объединенные войска, поддерживаемые артиллерией Т. Лапинского, несколько раз предпринимали попытки форсировать Кубань и пройти к Екатеринодару. Однако все эти попытки закончились неудачей. Это привело к разло-

жению «европейского легиона» и массовому дезертирству, которое невозможно было пресечь даже угрозой расстрела [23, с. 229–230] [24, с. 294–295]. Сефер-бей в этот период почти ни во что не вмешивался, «предавшись беспробудному пьянству» [23, с. 230].

В конце 1858 г. тридцать натухайских аулов, убедившись в бесполезности сопротивления России, обратились к русскому военному начальству с изъявлением покорности. Узнав об этом, Карабатыр, собрав отряд в 800 человек, в январе 1859 г. совершил карательную экспедицию в земли натухаевцев. Данный факт еще больше восстановил натухайцев против власти Сефер-бея [5, с. 566] [38, с. 146–147].

После разрыва с Сефер-беем Т. Лапинский стремится найти себе нового союзника в лице Мухаммед-Амина. Он предлагает наibu обсудить вопрос о совместных действиях. Их встреча состоялась в Абадзехии в начале февраля 1859 г. [5, с. 262–263]. Наиб горько сетовал на турецкое правительство, «ведущее Абазию к гибели благодаря интригам, которые как в Константинополе, так и в стране пущены в ход против него» [18, с. 399].

Чувствуя близость неизбежной катастрофы, Сефер-бей и Мухаммед-Амин предпринимают шаги к объединению. Их встреча состоялась в апреле 1858 г. во владениях абадзехов. Переговоры велись в течение 8 дней, но не дали никаких положительных результатов. После этого, обосновавшись в одном из натухаевских аулов близ Анапы, Сефер-бей продолжал призывать адыгов к борьбе с Россией [23, с. 230] [24, с. 295]. В начале декабря 1859 г. он умер [3, с. 833] [8, л. 76] [16, с. 134] [38, с. 151]. Т. Лапинский датой смерти указывает 1 января 1860 г. [18, с. 396]. Князь Сефер-бей Зан – представитель адыгской аристократии, «гордившийся своею кровью и храбростью, но не особенно умелый политический деятель, тем не менее долго служил противовесом стремлениям другого, еще более крупного вождя Магомет-Амина – этого представителя демократического мусульманского принципа» [38, с. 157]. Г. И. Филипсон отмечал, что к моменту своей смерти князь уже не имел «никакого значения в народе» [3, с. 833].

Осенью 1858 г. турецким правительством на Кавказ был послан турецкий офицер Омер-бей, адъютант сераскира (военного министра) Риза-паши, который находился здесь до весны 1859 г. Прибыв к убыхам и абадзехам, он начал действовать, не скрывая своего служебного положения. Омер-бей привез к ним послание Риза-паши, призывавшего не заключать мира с Рос-

сией и обещавшего продолжать присылать черкесам все необходимое для войны. Омер-бей распространял слух, будто Парижским договором признаны независимость Черкесии и право свободной торговли ее с другими странами. Он провел переговоры с черкесскими старшинами и самим Мухаммед-Амином. Ими была составлена петиция, которая предназначалась турецкому сераскиру Риза-паше и была направлена ему через Омер-бея [3, с. 806, 809] [5, с. 576] [10, с. 205] [17, с. 172] [23, с. 230] [40, с. 482–483]. В ней выражалась благодарность за «полезные советы и секретные известия» [40, с. 482].

В начале 1859 г. военная обстановка в Черкесии обостряется. Зимой 1859 г. русские отряды предприняли действия против абадзехов, бжедугов, бесленеевцев, натухаевцев [2, с. 828, 1285] [8, л. 60–65] [26, с. 144–145]. Весной 1859 г. натухаевцы были отрезаны от шапсугов, в связи с чем народное собрание, проходившее в конце апреля – начале мая 1859 г., постановило «сдать» Натухай по причине невозможности далее его защищать. Жителям было предложено переселиться в Шапсугию [18, с. 402, 403] [26, с. 146]. В январе 1860 г., вскоре после смерти Сефер-бея Зана, часть натухайцев принесла присягу на подданство России. Той же зимой 1859 г. Майкопский отряд царских войск под командованием генерал-майора Преображенского прошел из Майкопа вверх по р. Белой до урочища Хамкеты для строительства там военного укрепления [3, с. 1284] [11, с. 398]. В 1859 г. принесли присягу бжедуги, темиргоевцы, махошевцы, егерухаевцы, бесленеевцы, закубанские кабардинцы и шахгиреевцы [3, с. 824, 828] [8, л. 60–65]. Тогда же, в июле 1859 г., Мухаммед-Амин получил известие из Дагестана от Шамиля, в котором имам сообщал ему о том, «что всякий порядок в Дагестане нарушился, что введенное им устройство совершенно поколеблено и ему больше никто не хочет повиноваться» [18, с. 404].

Война на Северо-Восточном Кавказе шла к своему завершению. В августе 1859 г. пал последний оплот Шамиля – аул Гуниб. Покорение Северо-Восточного Кавказа дало возможность царскому командованию сосредоточить большие силы на Северо-Западном Кавказе [21, с. 477] [22, с. 134]. Падение Шамиля сильно отразилось на ходе военно-политических событий в Черкесии. Мухаммед-Амин, осознавший бесполезность дальнейшего сопротивления и получивший от Шамиля письмо, в котором имам предлагал наibu самому сделать выбор – последовать его примеру или продолжать сопротивление, принимает решение о

подчинении России. 20 ноября 1859 г. на встрече с генералом Г. И. Филипсоном Мухаммед-Амин вместе с представителями от абадзехов, числом от 1500 до 2000 человек, принес присягу на верность российскому императору [3, с. 827, 828] [9, л. 101, 103]. По просьбе абадзехских старшин Мухаммед-Амину было разрешено остаться в Абадзехии, «но без всякой власти, на равных правах со старшинами» [3, с. 828]. В начале 1860 г. была сформирована делегация, состоявшая из семи почетных старшин главных абадзехских родов, во главе которой Мухаммед-Амин выехал в Санкт-Петербург, где повторно была принесена присяга на верность императору [9, л. 104, 107].

В марте 1860 г. главнокомандующий А. И. Барятинский в своем письме Александру II писал: «Моя цель в настоящее время – усыпить абадзехов, чтобы только удержать их на текущий год от враждебных против нас действий и воспользоваться этим временем для энергичного продолжения наших действий против шапсугов. Для этого и сосредотачиваю против сих последних много самых лучших войск, и если силою оружия достигну власти над шапсугами, то и абадзехи лишатся возможности воевать. Вот, что меня побуждает отправить к Вам Магомет-Эмина с абадзехскими депутатами; по возвращении своем на родину они поразят своих соплеменников чудесными рассказами о величии, блеске и благосклонности Вашей августейшей особы» [35, с. 31]. При этом А. И. Барятинский справедливо подметил, что наиб в будущем «не будет иметь на горцев такого влияния, как некоторые другие из участвовавших в депутации старшин абадзехских» [35, с. 31]. И действительно, посещение Санкт-Петербурга положило конец той роли, которую наиб играл в Закубанье.

Для поездки из казны членам депутации была выделена довольно крупная по тем временам денежная сумма. В частности, Мухаммед-Амину было предоставлено 3000 руб., старшинам по 2000 руб., по 500 руб. пятерым членам свиты наиба, по 100 руб. лицам, сопровождавшим депутацию, а также 1000 руб. на обратный путь [9, л. 107] [31, л. 22]. После личного приема наиба Александром II в Петербурге ему была пожалована пожизненная пенсия в размере 3000 руб., и наиб был отпущен на жительство в Турцию [30, л. 3–4].

После принятия присяги на верность российскому государю Мухаммед-Амин окончательно перешел на сторону царского правительства, предложив свои услуги «в деле усмирения горцев и в приведении их в покорность» [32, л. 89]. В частности, он

периодически предоставлял российскому командованию сведения о положении дел в Закубанье [8, л. 4]. Опасаясь за свою семью и имущество, наиб в скором времени вынужден был тайно выехать в русские пределы [3, с. 1254]. Боясь долго оставаться в Ставрополе и Екатеринодаре, он сообщал Н. И. Евдокимову, что утратил «свое влияние у абадзехов, будучи агентом русских, и просит разрешение и русского вида на отъезд в Мекку на три года, но с тем, чтобы его права как русского подданного были бы за ним сохранены» [8, л. 4]. Позже, выехав на проживание в Турцию, Мухаммед-Амин продолжал информировать царское правительство «об интригах своих соотечественников» [35, с. 57]. В частности, им была предоставлена информация о намерениях адыгов, проживающих в Константинополе, подготовить «горские племена к восстанию» [32, л. 89]. Однако, несмотря на оказанную услугу, русское правительство продолжало относиться к наibu с недоверием. С. Духовский сообщал, что в 1863 г. абадзехские старшины, вернувшись из Константинополя, привезли с собой письмо от Мухаммед-Амина и Карабатыра-Зана с требованием «не изъявлять покорности русскому правительству, не переселяться в Турцию, убеждая, что в самом непродолжительном времени объявится европейская война, в начале которой будут отправлены турецкия войска на восточный берег Черного моря» [12, с. 146]. С тем же недоверием относилось к Мухаммед-Амину и турецкое правительство.

Мухаммед-Амин умер в Турции, по одним данным – в 1863 г. [34, с. 831–832], по другим – в 1899 г. (1317 г. хиджры), и похоронен в аварском селении Армут-кей, недалеко от г. Бурса [13, с. 63; 20, с. 37; 19, с. 249].

Таким образом, заключительный этап Кавказской войны характеризовался напряженной военно-политической обстановкой в Черкесии. Агенты Турции, Англии и Франции продолжали проводить среди горцев Северо-Западного Кавказа широкую антироссийскую деятельность, организовывая военные провокации и политические диверсии. В Черкесии царские войска наращивали масштабы наступления на адыгов, что в свою очередь вынудило адыгов оказывать повсеместное сопротивление. По-прежнему не было военно-политического согласия между Мухаммед-Амином и Сефер-бей Заном. Очередная попытка объединения своих сил, предпринятая ими в апреле 1858 г., не увенчалась успехом. Постепенно происходит утрата лидерами национально-освободительного движения адыгов Мухаммед-Амином и Сефер-бей Заном своих политических по-

зиций. В 1859 г. Сефер-бей Зан умирает, а Мухаммед-Амин, осознав бесполезность дальнейшего сопротивления и последовав совету имама Шамиля, в том же году принимает решение подчиниться России и принять присягу. Все эти события, а также социальная борьба в Черкесии привели к ослаблению позиций адыгов в противостоянии с царизмом. Лишь шапсуги, часть натухаевцев и убыхи продолжали борьбу с российскими войсками.

Использованная литература:

1. Адамов Е. Из истории происков иностранной агентуры во время Кавказских войн: Документы // Вопросы истории. 1950. № 11. С. 101–125.
2. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. Д. А. Кобякова. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1888. Т. 11.
3. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. Д. А. Кобякова. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. Т. 12.
4. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004.
5. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994.
6. Воспоминание 1855 года. События в Грузии и на Кавказе. Майора Осман-бея // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного штаба Кавказского военного округа, 1877. Т. 2. С. 143–214.
7. Высадка в 1857 году на черкесский берег англо-польского десанта // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного штаба Кавказского военного округа, 1887. Т. 11. С. 573–621.
8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 670. Оп. 1. Д. 24.
9. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 670. Оп. 1. Д. 29.
10. Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60 гг. XIX в. Владикавказ, 1992.
11. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на западном Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного штаба Кавказского военного округа, 1877. Т. 2. С. 387–457.
12. Духовский С. М. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году // Военный сборник. 1864. № 11. С. 145–196.
13. Жамбек Х. Магомет-Эмин // Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40–60 г. XIX века: сб. документов и материалов / сост. А. М. Магомеддаев. Махачкала: Юпитер, 1998. С. 56–63.

14. Касумов А. Х. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик: Логос, 1992.

15. Керашев А. Т. Политическая деятельность князя Сефербея Заноко в годы Кавказской войны // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в. – XIX в.) / сост. З. Ю. Хуако и др. Майкоп: Меоты, 1995. С. 102–114.

16. Крым-Гирей С. Сефир-Паша, князь Шапсугский // Кубанские войсковые ведомости. 1865. 20 ноября. № 46. С. 134.

17. Лавров Л. И. Убыхи. Историко-этнографическая монография. СПб.: Наука, 2009.

18. Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-Фа, 1995. Т. 1–2.

19. Магомеддадаев А. М. Зиярат (могила) Мухаммад-Амина // Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40–60 г. XIX века: сб. документов и материалов / сост. А. М. Магомеддадаев. Махачкала: Юпитер, 1998. С. 249.

20. Магомеддадаев А. М. Магомед-Амин – наиб Шамиля в Черкесии // Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40–60 г. XIX века: сб. документов и материалов / сост. А. М. Магомеддадаев. Махачкала: Юпитер, 1998. С. 5–38.

21. Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 г. СПб.: Звезда, 2003.

22. Панеш А. Д. Магомет-Амин на Северо-Западном Кавказе (1848–1859 гг.) // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в. – XIX в.) / сост. З. Ю. Хуако и др. Майкоп: Меоты, 1995. С. 115–137.

23. Покровский М. В. Диверсионная деятельность иностранных агентов на Западном Кавказе после окончания Крымской войны // Кубань. 1953. № 13. С. 223–243.

24. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – в первой половине XIX века. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1989.

25. Покровский М. В. Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII – первой половине XIX вв.: в 3-х т.: дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 1955. Т. 3.

26. Половинкина Т. В. Черкесия – боль моя. Исторический очерк (древнейшее время – начало XX в.). Майкоп: Адыгея, 2001.

27. Послание Сефербея наказному атаману казачьего войска Г. И. Филипсону // Джэртпэджэжъ (эхо). 1991. № 3. С. 5.

28. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 313.

29. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 329.

30. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 349.

31. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 376.
32. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 396.
33. Рукевич М. Адагумский отряд // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного штаба Кавказского военного округа, 1896. Т. 17. С. 256–322.
34. Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1966. Т. 9: Мальта – Нахимов.
35. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века: сб. документов и материалов / сост. Р. Х. Гугов, Х. А. Касумов, Д. Д. Шабаев. Нальчик: Эль-Фа, 2000.
36. Угринович К. Краткий обзор военных действий на Кавказе в минувшем 1857 году // Русский вестник. 1858. № 2.
37. Утверждение русского владычества на Кавказе: в 4-х т. / под ред. В. А. Потто. Тифлис: тип. Я. И. Либермана, 1908. Т. 4. Ч. 2.
38. Фелицын Е. Д. Князь Сефер-бей Зан // Кубанский сборник / ред. С. В. Руденко. Екатеринодар: Кубанский областной статистический комитет, 1904. Т. 10. С. 1–171.
39. Чирг А. Ю. Общественно-политический строй адыгов Северо-Западного Кавказа: дисс. ... д-ра ист. наук. Майкоп, 2003.
40. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: сборник документов и материалов / сост. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР, 1953.
41. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: в 2-х т. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1913. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горцами.

THE ACTIVITY OF MOHAMMED AMIN AND SEFER-BEY ZAN ON MOUNTAINEER RESISTANCE CONSOLIDATION AT THE FINAL STAGE OF THE CAUCASIAN WAR

HADZHEBIEKOVA Fatima M., Cand. Sci. (National History),
Lector, Krasnodar Humanitarian and Technological College, Krasnodar,
Russia

E-mail: fatima19782008@rambler.ru

In the article is devoted to the activity of mountain-dweller leaders of the North-West Caucasus on mountaineer resistance consolidation at the final stage of the Caucasian War.

Keywords: *the North-west Caucasus, imam, naib, sultan, firman.*

ГОРСКАЯ ЭЛИТА В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОДПОЛКОВНИКА АТАЖУКО АБУКОВА

Статья посвящена исследованию роли элиты народов Северного Кавказа в кавказской войне на примере деятельности подполковника Атажуко Абукова.

Ключевые слова: Кавказская война, элита, Абуков.

Сегодня, в канун 150-летия со дня окончания Кавказской войны, научное сообщество вновь обращается к проблемам, связанным с ее освещением и трактовкой. Актуальным в данном контексте является, на наш взгляд, вопрос об участии представителей горской элиты в войне на стороне России. В данной статье мы рассмотрим личность и деятельность одного из них, яркого представителя абазинского рода Абуковых, проживавшего в то время в Кабарде.

Свою деятельность Атажуко Абуков начал под командованием генерала Ермолова в 1822 г. в качестве проводника. Карьера военного началась для него с походов за Кубань и в Кабарду. В 1821 г. западные черкесы и кабардинцы при поддержке турок начали активно тревожить границу и вторгаться в земли Черноморского войска. А. П. Ермолов приказал провести ряд военных экспедиций в Закубанье.

Параллельно началось строительство новой цепи укреплений через всю Кабарду (Нальчикское, Чегемское и др.), что вызвало недовольство местных князей и дворян. В 1823 г., в ответ на выселение аулов между рекой Малкой и Кубанью, кабардинские князья и дворяне совершили набег и разорили русское селение Круглолеское. А. П. Ермолов ввел войска в Кабарду и подавил восстание. В этих событиях в качестве «вожака» участвовал и Атажуко Абуков, за что и был награжден корпусным командиром «сукном и парчою».

Большое значение А. П. Ермолов придавал Военно-грузинской дороге как связующему пути между Россией и Грузией. Открытая в 1799 г. эта дорога была небезопасна, и очень часто

* ДЫШЕКОВ Мурат Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик, Россия. Электронная почта: dugurl@mail.ru.

путники подвергалась нападению. С «замирением» Кабарды она была перенесена на левый берег Терека. Атажуко Абуков участвовал в разведывании мест, через которые должна была проходить новая дорога. Таким образом, Военно-Грузинская дорога оказывалась прикрытой с правого фланга рядом укреплений, а с левого фланга естественным образом – рекой Терек.

В 1825 г. кабардинский народ, возмущенный проводимой А. П. Ермоловым политикой, начал покидать насиженные места и уходить в горы и леса. Для урегулирования конфликта и успокоения народных масс генерал Вельяминов использовал Атажуко Абукова. Оказанное ему генералом доверие Атажуко «оправдал похвально и с надлежащим успехом, за что удостоен подарка золотыми часами».

В 1826–1827 гг. Атажуко Абуков показал себя в качестве разведчика. Так, по приказу полковника Шевцова, он отправился из Ахалацилского укрепления в Анапу для сбора сведений о количестве турецкого войска в этом районе. По поручению генерала Г. А. Емануэля и полковника Ушакова он много раз отправлялся за Кубань для сбора информации о намерениях закубанских народов. С этой же целью в 1827 г. Абуков был послан полковником Коцыревым к чеченцам, карачаевцам и закубанским народам. За успешную работу он неоднократно поощрялся, а 19 сентября 1827 г. был представлен к чину прапорщика.

Результаты разведки и переговоров, проведенные Атажуко Абуковым, были использованы генералом Емануэлем при присоединении к России многих народов.

Генерал-лейтенант Георгий Арсеньевич Емануэль был назначен командующим войсками на Кавказе и начальником Кавказской линии в 1826 г. Он активно проводил в жизнь принципы мирного покорения народов. Благодаря его увещеванием, многие горные племена в 1827 г. признали подданство России. Среди них были тагаурцы, карабулаки, дигорцы, балкарцы, урусбиевцы, чегемцы, хуламцы, безенгиевцы, часть чеченцев и гумбетовцев (всего 127 аулов, 7457 семейств, 30007 человек обоего пола).

В следующем 1828 г. одной из целей, стоящей пред ним, стало присоединение Карачая. Говоря о причинах военной экспансии этой территории, И. Ф. Паскевич указывал в своем рапорте: «Генерал Емануэль доносит, что для обеспечения спокойствия на Линии он счел нужным предпринять экспедицию против карачаевцев – народа, живущего на снежных высотах Кавказа, в вершинах Кубани, который в надежде на неприступность зе-

мель своих безбоязненно давал убежище и помощь кубанским хищникам, через его земли проходившим, для произведения набегов в пространстве между Кубанью и Тереком» (цит. по: [3, с. 116]). В условиях начавшейся русско-турецкой войны 1828–1829 гг. установление контроля над Карачаем было важным и своевременным решением для России.

По данным Р. М. Бегеулова еще в 1826 г. из Карачая бежал Тенгизбий Дудов, который из-за личных разногласий с олимом Бекизовым согласился сотрудничать с русскими, дал важные сведения о подходах к Карачаю с северо-восточной стороны из района Пятигорья и выступил проводником. Содействовал русским также кабардинец Атажук Атажукин, что в совокупности позволило лучше подготовиться к военному походу и разработать более эффективный план наступления [2].

Однако З. Б. Кипкеева правильно идентифицирует его как Атажуко Абукова. «Скорее всего, – пишет она, – это был агент и проводник российских властей еще с ермоловских походов Атажука Абуков, имя которого встречается в списках награжденных за эту экспедицию, а не Атажука Атажукин, бывший в 1828 г. в тринадцатилетнем возрасте» [5, с. 256].

18 октября началась военная экспедиция в Карачай. Г. А. Емануэль приказал разбить свое войско на две части. Одна часть под предводительством Антропова была отправлена на захват Каменного моста на Кубани, что, по сути, было отвлекающим маневром. Тогда как он сам с основными силами, при поддержке артиллерии, выступил со стороны Кисловодской линии. Решающее сражение произошло 20 октября. В результате карачаевцы потерпели поражение.

Важную роль в предотвращении дальнейшего противостояния сыграл Атажуко Абуков. «Старшины карачаевцев, сознавая бесполезность борьбы, намеревались уйти в горы, но явившийся от генерала для переговоров кабардинец Атажуко Атажукин убедил их изъявить покорность», – писал Сысоев, путая при этом Атажуко Абукова с Атажуко Атажукиным [7, с. 149].

В формулярном списке Атажуко Абукова об этих событиях оставлена краткая запись: «В 1828 году при движении Российских войск под начальством генерала Эммануеля октября 18, 19 и 20 при взятии штурмом Карачая в действительном сражении находился» [10].

Российская военная экспедиция достигла желаемого результата. Между русскими и карачаевцами было достигнуто соглашение, по которому последние обязывались выполнять ряд

условий. В случае необходимости им вменялось в обязанность поставка определенного числа вооруженных всадников и подвод за установленную плату. Также они давали обещание «не пропускать через свои земли неприятельских партий, о сборах их в соседственных обществах извещать Русское начальство» [1, с. 881], им запрещалось принимать у себя беглых и абреков. От исполнения каких-либо других повинностей карачаевцы освобождались. В качестве наблюдателя временно остался Атажуко Абуков [5, с. 258].

Выход к Эльбрусу привел Г. А. Емануэля к мысли о покорении горной вершины. В результате, в следующем 1829 г. генерал предпринял военно-научную экспедицию. Целями ее были: демонстрация силы русского оружия (что немаловажно было в условиях русско-турецкой войны 1828–1829 гг.), составление топографии неизвестной местности, разведка полезных ископаемых и, уже в последнюю очередь, покорение Эльбруса. Для реализации поставленных целей императорская академия наук направила в экспедицию ряд ученых. 26 июня 1829 г. экспедиция в составе указанной группы в сопровождении 650 человек пехоты, 350 казаков и двух орудий, на лошадях и верблюдах, тронулась в путь.

Конечно же, без проводников данное предприятие обойтись никак не могло. Г. А. Емануэль прибег к услугам своих «вожачков», в том числе и Атажуко Абукова. О том, что экспедицию сопровождало несколько проводников-черкесов видно из воспоминаний А. Я. Купфера. «Наш караван обычно разделялся на несколько отрядов; сотня линейных казаков формировала авангард; но свита генерала, он сам и его сын шли впереди. Процессия представляла собой то запутанный клубок, то тонкую ниточку, в зависимости от ширины тропинки, и состояла из нескольких офицеров и других приближенных генерала, черкесских князей и нас». На каменном мосту Малки экспедиция остановилась на несколько дней, чтобы разведать окрестности. Именно туда прибыли представители знати кабардинцев, карачаевцев и балкарцев, обеспокоенные движением войск Г. А. Емануэля. Самым видным из них, по словам А. Я. Купфера, был Кучук Жанхот – «один из самых богатых князей Кабарды».

21–22 июля 1829 г. прошло восхождение на Эльбрус. Из всех участников экспедиции только кабардинец Хилар Хаширов смог дойти до цели и совершил первое известное покорение Эльбруса.

23 июля генерал Емануэль дал торжественный обед «старшинам Кабарды, Карачая, Оруспия и Черкесии» [...]. После обе-

да был вызван Килар Хаширов, которому была вручена его награда. Кроме того Емануэль одарил и присутствовавших. При этом, как указывает Ш. де Бесс, «Кучук Жанхот – предводитель Большой Кабарды – получил золотые часы, а уздени – по куску сукна для черкесок». Однако есть сведения, что Атажуко Абуков также получил в награду золотые часы. В его формулярном списке прямо указывается, что он «в 1829 году был вожакom генералу Эмануелю при следовании его к горе Эльбрус для осмотра тамошних мест, за что удостоился подарка золотыми часами и сукном» [10].

3 февраля 1830 г. Атажуко Абуков был произведен в прапорщики и 30 ноября того же года был награжден золотой медалью «За храбрость» на георгиевской ленте. К сожалению, нам неизвестно, за какие именно заслуги он получил данную награду.

Атажуко Абуков оказывал помощь российскому командованию не только на ратном поле, но и продолжал выступать в качестве проводника. Так, в 1834 г. в одном из своих рапортов штабс-капитан князь Шаховский упоминает о той помощи, которую оказал ему Атажуко Абуков, и об отношении к нему местного начальства.

Выполняя приказание барона Розена – «стараться проникнуть в Карачай или земли Урусбиевцев», князь Шаховский осенью 1834 г. из Сванетии через перевал попал в Баксанское ущелье. Здесь он был встречен князем Мисостом Атажукиным со старшинами из прилегающих ущелий. Погостив некоторое время у балкарцев, Шаховский вместе с Мисостом Атажукиным и его сопровождением отправляется далее. «Прибыв в Чегем, в аул кн. Мисоста Атажукина, – пишет князь Шаховский, – я поспешил отправиться к командующему Кабардинскою линиею полк. Пирятинскому, дабы узнать его мнение о тех людях, с кем я уже свел знакомство. Отзывы в отношении кн. Мисоста Атажукина и узденя Атажука Абукова, пользующихся, как он говорил, общим уважением, решили меня стараться снискать доверенность сих кабардинцев, для чего я остался жить в доме кн. Атажукина, старался с ним и Абуковым сблизиться и чрез их посредство был у наших мирных Закубанцев, Карачаевцев, Чегемцев, Хуламцев, Базингиевцев и Малкарцев, где имел случай рассмотреть быт сих народов и отношения к русскому правительству» [6].

Видимо, князь Шаховский заручился поддержкой Атажуко Абукова. В этом же году, по повелению полковника Пирятинского, он был отправлен в Карачай для поддержания спокой-

ствия. При его участии были учреждены три передовых поста для защиты от набегов закубанских народов и взяты аманаты у карачаевцев. Оттуда, вместе с князем Шаховским, Атажуко перешел в Сванетию, где также были взяты аманаты и доставлены в Тифлис. За эту компанию Атажуко получил в награду от правительства 600 рублей ассигнациями. В следующем 1835 г. Атажуко Абуков за «отличие, ревность и усердие» был произведен в подпоручики.

В 1837 г. он был избран народом депутатом от Кабарды для приветствия Его Императорского Величества государя императора при его посещении Кавказа. В декабре 1838 г. за отличие, усердие и преданность он удостоился ордена Св. Станислава 4 степени.

В 1839 г. за проявленное мужество, оказанное при преследовании «горских хищников», Атажуко Абуков был произведен в поручики. **Очевидно, что служба в иррегулярных войсках была для него достаточно успешной.**

10 марта 1844 г. он был произведен в штабс-ротмистры. Очередной случай доказать свою преданность российскому правительству пришелся во время нашествия Шамиля на Кабарду. Начальник центра кавказской линии генерал-майор князь Голицын, высоко оценивая Атажуко Абукова, писал: «Произведенный в первый офицерский чин в 1829 году, за прежние услуги российскому правительству штабс-ротмистр Атажуко Абуков с того времени по настоящее число вполне оправдывал доверие к нему начальства, безукоризненным поведением и непоколебимую преданностью к престолу, не было ни одного случая, где употребление его на службу Государя Императора не оказано видимой только по влиянию его на кабардинский народ, по деятельности необыкновенной примерной честности, бескорыстия и рвению во исполнение возлагаемых на него поручений. Во время вторжения текущего года Шамиля в Кабарду штабс-ротмистр Атажуко Абуков содействовал более прочих к удержанию в подданности жителей аулов по р.р. Баксану, Куркужину и Малке, подавая собою пример совершенного самоотвержения и явного презрения к внушениям возмутителя чрез присылаемых им приверженцев своих» [9, л. 24].

Деятельность Атажуко Абукова в данный период по достоинству была оценена командованием. В том же 1846 г. он получает внеочередное звание. Как отмечалось в его послужном списке, «в воздаяние отличного мужества и преданности правительства при вторжении Шамиля в Кабарду произведен в ротмистры, потом в майоры».

Завершая повествование о наградах и чинах Атажуко Абукова, следует упомянуть, что в марте 1850 г. он был одновременно поощрен 200 рублями серебра. Во время путешествия на Кавказ наследника престола в 1850 г. он был награжден бриллиантовым перстнем в 185 руб. серебром. Службу в русской армии Атажуко Абуков закончил в чине подполковника, получив его в 1857 г.

Атажуко Абуков был хорошо образован для своего времени. В документах указывалось, что он «российской грамоты читать и писать умеет, турецкой грамоты знает».

А. Фиркович, посетивший Кавказ в 1848 г. с целью изучения археологических ценностей, упоминает о некоем есауле Абукове. «...А в Кисловодской станице срисовал каменный крест, находившийся на дворе есаула Абукова. Крест этот, перевезенный ныне в Пятигорск, имеет 3 аршина длины, $\frac{1}{4}$ аршина толщины и столько же ширины и представляет имена “рабов Божиих Георгия и Иакова”. Он отрыт поименованным есаулом в 1846 году на так называемой Рим-горе, в станице Боргустанской» [8, с. 387].

Однозначно, здесь речь идет о Атажуко Абукове, т. к. именно он в 1846 г. переселяется в район Боргустана и именно ему вменено построить дом в станице Кисловодской. То, что в А. Фиркович ошибочно именует Атажуко Абукова есаулом, в принципе, ни о чем не говорит. Гораздо важнее то, что он сообщил автору о сделанных до него находках: «Так, он упомянул о какой-то глиняной вазе, отосланной в С.-Петербург, и о плите с надписью, находящейся на хуторе генерала Эмануэля близ Ставрополя» [8, с. 392]. То есть речь идет не просто о человеке, который, встретив на своих землях интересный памятник архитектуры – крест, перевозит к себе во двор, а о человеке, который живо интересуется археологическими находками с научной точки зрения.

О том, что Атажуко Абуков был ценителем археологических и исторических древностей писал и глава Императорского Эрмитажа Флориан Антонович Жиль.

Он упоминает о красивых ружьях, принадлежащих Атажуко Абукову, «со стволами из дамасской стали, круглыми и нарезными, изготовленными в Крыму; одно – оружием Хаджи Мустафой, чье имя пользуется доброй славой на Кавказе; другое, с вытравленными золотыми узорами, имело у затвора арабскую надпись: “Девлет Ери (Герей) Хан” – и на конце: “сын Хасана Ери Хана”» [4, с. 82]. Следом за ружьями принесли не-

сколько старинных шашек с оправой из черненого и золоченого серебра, в которых Ф. А. Жиль признал «очень древние итальянские клинки» [4, с. 83].

Он был впечатлен общением с Атажуко Абуковым. Это подтверждается и словами характеристики «князя Хаджи-Атажуко-Абуково, человека достаточно примечательного, дабы привлечь к нему внимание и благодеяния покойного князя Воронцова» [3, с. 79].

О том, что Атажуко Абуков верой и правдой служил России, о его высоких личностных достоинствах свидетельствовали многие современники. Так, к примеру, начальник центра Кавказской линии генерал-майор князь Голицын лестно отзывался о Атажуко Абукове, утверждая, что «усердием себе и всем окружающим его, быта просвещенных народов, этот достойный чиновник день от дня более и более свидетельствует на всем обширном протяжении Кабарды, куда простирается влияние его, к водворению хлебопашества, садоводства и прочих отраслей, хорошо устроенного хозяйства, от чего видимо украшаются нравы жителей и рождается в них охота к домоседству и улучшению домашнего быта с уменьшением природной склонности к кочевой жизни и воровству, с ней сопряженному» [9, л. 24].

В одном из последних документальных свидетельств, касательно Атажуко Абукова, указывается, что он вместе со своими подвластными, которых насчитывалось около 200 человек, переселился в Турцию. Что же заставило полковника российской армии, верой и правдой служившего России на протяжении всей своей сознательной жизни, решиться на столь непростой шаг? На тот момент ему было 66 лет, возраст, который, мягко сказать, не располагает к переездам.

Цель, преследуемая им в течение последних 40 лет жизни, а именно вхождение народов Северного Кавказа в состав России, что должно было содействовать стабилизации политической и экономической обстановки в крае, сопровождалась «побочным эффектом». Процесс «замирения» края сопровождался изменением многих традиционных институтов народов Северного Кавказа. Это касалось и нивелирования социально-политического статуса традиционной элиты. Как не прискорбно, но для российской администрации такие, как Атажуко Абуков, рано или поздно становились не нужны. И он это, в конечном итоге, прекрасно осознавал.

К середине XIX в. влияние в социально-политической жизни представителей княжеско-дворянского сословия у народов

Северного Кавказа, участвовавших в Кавказской войне, заметно снизилось, что подтверждают также изменившимся отношением непривилегированных сословий к привилегированным.

Использованная литература:

1. Акты, собранные Кавказкой Археографической комиссией / под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. Т. 7.

2. Бегеулов Р. М. Карачай в Кавказской войне XIX в. Черкесск, 2002.

3. Бейтуганов С. Н. Кабарда и Ермолов. Нальчик: Эльбрус, 1993.

4. Жиль Ф. А. Письма о Кавказе и Крыме / сост. и пер. с фр. К. А. Мальбахова. Нальчик: Республиканский полиграфический комбинат, 2009.

5. Кипкеева З. Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территория. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008.

6. Рапорт штабс-капитана, князя Шаховского барону Розену от 24 ноября 1834 года [Электронный ресурс] // Информационный портал «Карачаевцы». URL: <http://karachays.com/publ/69-1-0-161> (дата обращения: 12.10.14).

7. Сысоев В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе, 1913. Вып. 43. Отд. 1. С. 1–156.

8. Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского археологического общества. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1857. Т. 9. Вып. 2. С. 371–405.

9. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 20.

10. Центральный государственный архив Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1.

**MOUNTAINEER ELITE IN THE CAUCASIAN WAR:
A HISTORICAL PORTRAIT OF LIEUTENANT COLONEL
ATAZHUKO ABUKOV**

DYSHEKOV Murat V., Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Head, Department of Theory and History of State and Law,
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
E-mail: dugurl@mail.ru

The article investigates the role of the elite of the peoples of the North Caucasus in the Caucasian war on the example of Lieutenant Colonel Atazuko Abukov.

Keywords: Caucasian war, elite, Abukov.

А. В. Захаревич*

ПОХОДНЫЙ АТАМАН ДОНСКИХ КАЗАКОВ НА КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ В 1804–1809 ГГ., ПОЛКОВНИК ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ БЫХАЛОВ 1-Й – ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ КАВКАЗА

Статья освещает деятельность походного атамана донских казаков, полковника В. А. Быхалова 1-го, осуществлявшего на Кавказской линии в 1804–1809 гг. руководство девятью донскими полками. За отличие в боях с горцами был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени (Осетия, 1804) и Св. Анны 2-го класса (Чечня, 1807). Ставится вопрос о возвращении его имени в списки героев Кавказа.

Ключевые слова: Кавказская линия, горцы, набеги, походный атаман, донские казачьи полки, осетины, царевич Парнаоз, Константиногорская крепость, чеченцы, экспедиция, эпидемия чумы, «термин» службы.

В 2012 г. Россия отметила 200-летие со дня начала Отечественной войны 1812 г., а уже 30 марта нынешнего года будет отмечать 200-летие взятия Парижа. Великий юбилей способствовал возрождению интереса к именам героев этой эпопеи. Нами была проделана определенная работа в этом плане, направленная на восстановление биографии одного из забытых героев Дона, уроженца станицы Средней г. Черкаска (ныне станица Старочеркасская), полковника Василия Андреевича Быхалова 1-го. Ее результатом стало несколько исследований, три из которых наиболее полно воссоздают биографию полковника [7, с. 315–430] [8, с. 50–89] [10, с. 43–59]. Имея в единомышленниках такого знатока донской генеалогии, как С. В. Карягин [11, с. 87], удалось доказать, что нашего героя звали не Андрей Иванович, как повелось с 1911 г. благодаря труду Н. А. Полякова и М. С. Жирова [13, с. 63], а Василием Андреевичем, что к нынешнему времени воспринято большинством авторов, пишущих о 1812 г.

* ЗАХАРЕВИЧ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, научный консультант Президиума Совета Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), г. Ростов-на-Дону, Россия. Электронная почта: alekseizc@yandex.ru.

К тому же близится юбилей 150-летия окончания Кавказской войны, который ставит те же задачи по отношению к деятельности Василия Андреевича, так как при работе над его биографией выяснилось, что он является забытым героем и этой долгой войны. В. А. Быхалов занимал на Кавказской линии в 1804–1809 гг. крупный пост походного атамана донских казаков и вполне успешно справлялся с поставленными перед ним задачами, что было редкостью в то время. Из пяти известных нам походных атаманов на Кавказе в оборонительный для России период войны (1801–1816 гг.) только он один действительно отличился в это время в боевых действиях, лично участвуя в экспедициях на Кавказской линии, пренебрегая опасностями и пытаясь везде быть полезным. Скажем больше: именно изучение деятельности В. А. Быхалова 1-го на Кавказе, где он геройски себя проявил, навело нас на мысль, что Андрей Иванович Быхалов эпохи 1812 г. и Василий Андреевич Быхалов Кавказской войны это не два разных лица, а одно, просто слишком «заполосканное» нашей историографией. И в итоге все оказалось верно.

Трудность этого дела состояла в том, что не сохранилось в архивах его послужных списков более позднего времени: в Российском государственном военно-историческом архиве самый поздний из них – за 1799 г., а в Государственном архиве Ростовской области – за 1807 г. Все остальное пришлось выяснять из послужных списков офицеров полка Быхалова 1-го и служебной переписки. Связующим звеном между Кавказом и событиями 1812 г. являлось указание из «Списка состоящим в Войске Донском служилым генералитет и штаб-офицерам на 1811 год», где под заголовком «Полковники» значится следующее: «Василий Андреевич Быхалов 1-й, кавалер орденов Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени и Св. Анны 2-го класса», а в графе «Где находится» написано: «был в Черкасском начальстве судьей» [4, л. 170]. Слово «был» означает, что в 1811 г. уже не был, а просто состоял при Войске Донском, дожидаясь своего назначения, которое и последовало в 1812 г.

Но нас интересует в данном случае не участие его в эпопее 1812–1814 гг., а как он воевал на Кавказской линии в 1804–1809 гг. Поэтому переходим к непосредственному освещению данного вопроса, причем остановимся на тех моментах, которым не уделили должного внимания в названных выше очерках о В. А. Быхалове, чтобы не повторяться. В дореволюционной историографии Кавказской войны его имя встречается только раз в труде В. А. Потто, да и то косвенно и без должной трактовки.

Сообщая о подавлении восстания в Осетии в сентябре 1804 г., он пишет: «Несветаев, бывший тогда во Владикавказе, понял, что вся сила осетин только в вызванной ими панике да в отсутствии со стороны русских единства действий и распорядительности; и с теми незначительными силами, которые не находились даже собственно под его командой, но которыми он мог воспользоваться, решил по собственному почину дать пример, как ни трудно было справиться с мятежниками и восстановить сообщение с Грузией. С шестью ротами Казанского пехотного полка он быстро двинулся в горы и, прежде чем неприятель опомнился, овладел Балтой, Ларсом, Дарьялом и, наконец, Казбеком. И только здесь авангард его, состоявший из одной роты Казанского полка и трех сотен спешенных донских казаков, под командой подполковника Быхалова, был атакован самим Парнаозом (грузинский царевич, поднявший осетин на восстание – А. З.), спешно прибывшим от Ананура, но с честью отразил нападение. И пока Быхалов преследовал разбитого царевича по ущелью Терека, Несветаев захватил в свои руки Гудаурский перевал и, спустившись в Грузию, стремительно пошел на Ананур» [14, с. 409–410]. Бедность информации о В. А. Быхалове связана с тем, что В. А. Потто писал не его биографический очерк, а биографию генерала П. Д. Несветаева. «Нестор Кавказской войны» писал только о самых видных военных деятелях на Кавказе, не задерживая своего внимания на личностях второго плана.

Отсюда у него такие ошибки, как «подполковник Быхалов», хотя тот еще с 1799 г. являлся полковником, что отмечено в его послужных списках. Вообще не сообщается, что в 1804 г. он прибыл на Кавказскую линию в качестве походного атамана донских полков, которых под его началом было сначала шесть, а затем стало девять [3, л. 47 об–48]. Необходимо отметить, что фактами в интерпретации В. А. Потто нужно пользоваться осмотрительно, на это в свое время указал еще Н. И. Покровский, написавший: «Между тем последний (В. А. Потто. – А. З.) так путает события, так легко относится к фактам, что пользоваться его работами просто нельзя» [12, с. 97]. Очень справедливые слова, причем каждый из исследователей, наверное, испытал правоту этой мысли на себе, но все равно, очарованные силой пера В. А. Потто, мы продолжаем «наступать на эти грабли», затем потираем заработанные шишки – наука впрямую не идет!

Так как В. А. Потто является единственным исследователем, упомянувшим о В. А. Быхалове, следовательно, продолжим его критику. Дело в том, что названные им населенные

пункты по пути движения отряда П. Д. Несветаева к Анануру были заняты не самим Несветаевым, как мы видим из текста В. А. Потто, а как раз авангардом под командованием В. А. Быхалова 1-го, так как пехота шла за ним, а он, волею судеб, оказался впереди русского отряда и выбивал из селений воинственных осетин. Подробности этих боев изложены в нашей монографии [6, с. 151–159]. Именно за эти действия и был награжден 15 декабря 1804 г. полковник В. А. Быхалов 1-й орденом Св. Владимира 4-й степени и годовым жалованьем не в зачет. Причем П. Д. Несветаев, представляя нашего героя к награждению, это справедливо отметил, а вот в изложении В. А. Потто все представлено так, как будто все заслуги принадлежат генералу. Военно-Грузинская дорога не дает такого простора для действий всех частей отряда, поэтому именно авангард В. А. Быхалова 1-го, не отделяясь от основных сил П. Д. Несветаева, прокладывал для войска дорогу до Ананура.

После возвращения из Осетии для Василия Андреевича начались будни походного атамана в штаб-квартире при крепости Константиногорской (нынешний Пятигорск), где он находился вплоть до мая 1809 г. [2, л. 4–4 об]. В этот период он осуществляет как запланированные инспекторские поездки по Кавказской линии по местам дислокации донских полков, так и внеплановые, вызванные набегами горцев, для оказания помощи пострадавшим. Известен случай, когда в числе таковых оказался командир донского казачьего полка, войсковой старшина Ф. М. Персиянов 1-й после отражения набега на станицу Воровсколесскую 23 мая 1807 г. Во время боя была захвачена в плен его семья (жена, приемная дочь и двое внуков). Горцы за них потребовали выкуп в 1000 рублей. Таких денег у Ф. М. Персиянова не было. Они были взяты в долг из войсковых сумм Войска Донского, а поручителем стал за него В. А. Быхалов. Семья Персиянова была выкуплена, но через год, когда подошел срок уплаты долга, войсковой старшина сделать этого не смог. Поэтому как поручитель полковник В. А. Быхалов 1-й внес в казну свои деньги [1, л. 13 об–14].

Еще одной стороной деятельности В. А. Быхалова как походного атамана был надзор за отбыванием наказаний казаков и офицеров, сосланных с Дона на Кавказ за различные провинности. И наказание было не просто отслужить «термин» (положенный срок службы – А. З.), а два или три «термина», в зависимости от того, как присудит Военная Экспедиция Войсковой Канцелярии. У Василия Андреевича все провинившиеся были

на учете, и он делал в Новочеркасск ежемесячные рапорты по каждому из них. Это добавляло рутины в его деятельность, но таковы были служебные обязанности.

Необходимо было также посещать военные советы офицеров гарнизона Константиногорской крепости, так как его полк входил в его состав. Командовал гарнизоном в этот период будущий герой Отечественной войны 1812 г. генерал-майор П. Г. Лихачев, шеф 16-го егерского полка, положительные моменты общения с которым сыграли свою роль в формировании Василия Андреевича как командира. Вышло так, что они даже покинули Кавказ в одно время – в 1809 г. Но перед этим им обоим пришлось участвовать в экспедиции генерала С. А. Булгакова в Чечню зимой 1807 г., прервавшей однообразие будничной деятельности на Кавказской линии.

Находясь в главном отряде, бригада донцов под командованием В. А. Быхалова 1-го с 16 февраля участвовала в разгроме карабулаков у аула Баки-Юрт, 18-го – в бою у деревни Рушной, 21-го – в бою с чеченцами у аулов Чанлыш, Натюгание и Липен-Юрт, а 24-го – в большом Гехинском лесу, у реки Валерик, разгромила укрепившийся в завалах отряд в 3000 чеченцев, сбив их с позиции. В этом бою В. А. Быхалов 1-й был ранен пулей в большой палец левой ноги. 26 февраля у деревни Малая Рушна он еще раз разбил чеченцев, сам был ранен, но не потерял ни одного казака. За отличие в этой экспедиции он был награжден орденом Св. Анны 2-го класса [9, с. 110–116].

После возвращения отрядов из Чечни на Кавказской линии снова вспыхнула эпидемия чумы, которая не прекращалась с 1804 г., то затихая, то наступая. Одной из ее причин было то, что донцы в период экспедиции захватили у горцев много бурок, которые оказались заражены, так как чума бушевала в Чечне еще раньше. С новой вспышкой боролись в течение двух лет. Полки Быхалова 1-го и Аханова 1-го, которые пришли с Дона вместе в 1804 г., должны были и вернуться вместе, прослужив на Линии не три положенных года, а целых пять лет. Но борьба с чумой, несмотря на то, что эти полки вывели в карантин, продлилась до конца 1809 г. Полк Быхалова 1-го отбыл на Дон только в ноябре, а полк Аханова – вообще только в начале 1810 г. [5, с. 40].

Пережитая полком Быхалова 1-го эпидемия чумы, в ходе которой он понес потери, несколько омрачает портрет доблестного Василия Андреевича, благоприятное впечатление от предыдущей беспорочной службы 1804–1807 гг. Но грабеж и добыча в то время в казачьих войсках не вызывали особых наре-

каний, мало того, применялись и регулярными войсками, что не делает эти явления чем-то особенным в повседневной боевой практике Кавказа той поры, тем более что горцы не оставались в долгу.

Все вышеизложенное показывает нам образ еще одного героя Кавказской войны, который, если отбросить некоторые условности сегодняшнего понимания событий, внес свой вклад в успехи русского оружия на Северном Кавказе в начале XIX в. Тем более что именно там он достиг самой высокой в его личной карьере должности походного атамана. В 1812–1814 гг. он не поднимался выше командира бригады. Кавказ раскрыл все его дарования в полную силу.

На основе приведенных данных необходимо вернуть имя Василия Андреевича Быхалова 1-го, незаслуженно забытого отечественным кавказоведением, в список русских героев Кавказа.

Использованная литература:

1. Государственный архив Ростовской области. Ф. 341. Оп. 1. Д. 233.
2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 341. Оп. 1. Д. 466.
3. Государственный архив Ростовской области. Ф. 344. Оп. 1. Д. 133.
4. Государственный архив Ростовской области. Ф. 344. Оп. 1. Д. 138.
5. Захаревич А. В. Гаврила Васильевич Греков 8-й – пятый и последний походный атаман донских казаков на Кавказской линии в оборонительный период войны с горцами в 1801–1816 гг. // Рубикон: сб. науч. раб молодых ученых. Ростов н/Д: Южный федеральный ун-т, 2010. Вып. 56. С. 39–42.
6. Захаревич А. В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801–1804 гг.). Ростов н/Д.: Ростовский гос. педагогический ун-т, 2005.
7. Захаревич А. В. Забытый герой: полковник Войска Донского Василий Андреевич Быхалов 1-й [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. 2. С. 315–340. URL: <http://www.milhist.info/2012/10/01/zaharevich/> (дата обращения: 03.03.14).
8. Захаревич А. В. Полковник Войска Донского Быхалов 1-й Василий Андреевич: героическая биография, незаслуженно «посеченная» и исковерканная в отечественной историографии // Эпо-

ха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М.: Гос. исторический музей, 2013. Вып. XI. С. 50–89.

9. Захаревич А. В. Участие донского казачества в экспедиции генерала С. А. Булгакова в Чечню в 1807 году // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа: материалы региональной научной конференции. Пятигорск, 20–22 ноября 2009 г. Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2009. С. 110–116.

10. Захаревич А. В. Четвертый походный атаман донцов на Кавказской линии в оборонительный период войны с горцами (1801–1816 гг.), полковник В. А. Быхалов 1-й: вехи славы – 1804, 1807 и 1812 гг. // Рубикон: сб. науч. раб молодых ученых. Ростов н/Д: Южный федеральный ун-т, 2011. Вып. 59. С. 43–59.

11. Корягин С. В. Генеалогия и семейная история Донского казачества. М.: Русаки, 2003. Вып. 33: Борисовы и др.

12. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: Рос. политическая энциклопедия, 2000.

13. Поляков Н. А., Жиров М. С. Донцы – кавалеры ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия. М.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1911.

14. Потто В. А. Кавказская война. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 1: С древнейших времен до Ермолова.

THE CAMPAIGN ATAMAN OF DON'S COSSACKS AT CAUCASIAN LINE IN 1804–1809, COLONEL VASILIIY ANDREYEVICH BIKHALOV THE 1ST – THE FORGOTTEN HERO OF THE CAUCASUS

ZAKHAREVICH Alexey V., Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural
Monuments,
Rostov Regional Office, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: alekseizc@yandex.ru

The article is devoted to elucidation of activity of campaign ataman of Don's Cossacks at Caucasian line in 1804-1809, colonel V. A. Bikhhalov the 1st who was in charge of nine of Don's regiments at that period. He was decorated with orders of St. Vladimir of the 4th degree (Ossetia, 1804) and St. Anna of the 2nd class (Chechnya, 1807) for his distinction in battles with mountaineers. The problem of returning his name in the list of the Caucasus heroes is settled.

Keywords: *Caucasian line, mountaineers, raids, campaign ataman, Don's Cossack regiments, Ossetians, tsarevich Parnaoz, Constantinogorsk fortress, Chechens, expedition, plague epidemic, the «term» of service.*

КАРАЧАЕВСКИЙ ПРИСТАВ С. С. АТАРЩИКОВ: ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

В статье кратко рассматривается жизнь и деятельность С. С. Атарщикова – уроженца казачьей станицы на Тереке, пристава карачаевского народа, совершившего побег к непокорным горцам и участвовавшего впоследствии в военных столкновениях с российскими военными подразделениями.

Ключевые слова: С. Атарщикова, пристав, Карачай, казак, перебежчик.

Имена многих приставов, служивших у горских народов Карачаево-Черкесии в XIX в., неоднократно можно встретить в исторических трудах. Эти довольно известные личности (например, хрестоматийный Н. Петрусеви́ч) с завидной регулярностью упоминаются в дни празднования каких-либо знаменательных юбилеев и дат. Но есть и незаслуженно, на наш взгляд, забытые персонажи, малоизвестные широкой публике. В этом ряду можно выделить пристава карачаевского народа Семёна Семеновича Атарщикова, исполнявшего свои обязанности в 1836–1841 гг. Эта была во многих отношениях незаурядная личность, которую можно рассматривать с позиций феномена «настоящего кавказца». К тому же весьма интересен историко-психологический подход к деятельности С. Атарщикова, экспликация движущих его мотивов.

С. С. Атарщикова родился в 1807 г. в казачьей станице Наурской на Тереке. Ещё ребенком отец отдал его по обычаям тех лет на воспитание в кумыкский аул, где Семен выучился не только горским обычаям и правилам этикета, но и освоил кумыкский, чеченский и арабский языки. В 1823 г., то есть в 16 лет, С. Атарщикова начал военную службу в Моздокском казачьем полку. Около 1830 г. он был прикомандирован в качестве переводчика к дислоцировавшемуся в Петербурге Кавказско-горскому полугэскадрону и в 1830–1831 гг. участвовал вместе со своей частью в военных действиях в Польше. Через два года его снова перевели на Кавказ. Правда, на этот раз его служба продолжалась на правом фланге Кавказской линии в Лабинском полку. В 1836 г. военное командование, учитывая, в том числе, знание

* БЕГЕУЛОВ Рустам Маратович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия. Электронная почта: r_begeul@mail.ru.

С. Атарщиковым кумыкского языка, назначило его приставом Карачая.

Однако занять эту должность оказалось делом не простым. Прежний пристав Атажуко Атажукин не желал оставлять свой пост. Он, а также его дядя, известный кабардинский князь Мисост Атажукин, стали распускать среди карачаевцев слухи, что на самом деле никакого назначения не было, а человек, который именуется себя новым приставом, просто самозванец. Карачаевцы, не так давно вошедшие в состав России и повторно присягнувшие ей в 1834 г., имели опыт приставского управления всего в два года и успели уже разочароваться в этой системе. В силу этих причин они сами не горели желанием видеть у себя нового пристава и поэтому охотно верили распространяемым слухам.

В итоге потребовался целый год различных переговоров, переписка с вышестоящим начальством и угрозы известного своими «крутыми мерами» на всем Северном Кавказе генерала Засса, чтобы С. Атарщиков 18 марта (по старому стилю) 1837 г. смог в действительности приступить к своим обязанностям. При этом помощником пристава был назначен Мазай Башаев, по-видимому, его старый знакомый, чеченский уздень [1, с. 249].

Как писал сам С. Атарщиков: «Народ (карачаевский. – Р. Б.) принял меня довольно ласково, и я без всякого препятствия со стороны народа вступил в управление» [4, л. 34]. Правда, сначала в Карачае новому приставу пришлось столкнуться с неповиновением части карачаевцев во главе с князем Сосраном Крымшамхаловым и узденями Боташевыми, но через пару месяцев конфликт был улажен, и он смог приступить к нормальной работе.

С. Атарщиков, к удивлению многих карачаевцев, не привыкших ждать от тогдашнего начальства чего-либо хорошего, оказался неплохим приставом, серьезно и добросовестно относившимся к своим обязанностям. Вместо того, чтобы всячески обирать население, штрафовать его по самым различным поводам, а то и просто без поводов, и брать взятки (что было свойственно многим приставам у всех горских народов), С. Атарщиков старался помочь карачаевскому населению. Он лично разбирался во всех «недоразумениях» горцев с войсками на Кавказской линии, заботился о безопасности пастухов и скота, находившихся вблизи российских укреплений и нередко подвергавшихся нападениям солдат и казаков, хлопотал о предоставлении новых пастбищ и т. д. Старался следить за тем, чтобы решения местного суда были справедливыми. Именно с его подачи карачаевцам российскими властями было впервые

официально выдано 20 разрешений на совершение хаджа, причем среди получивших, как тогда говорили, «билеты» в Мекку было и пять женщин [4, л. 28]. С. Атарщиков также содействовал тому, что прежние аманаты (заложники), выданные в залог верности российской присяге, смогли возвратиться на родину, а на их место – отправлены другие, срок пребывания которых в России теперь ограничивался, и они постоянно должны были сменяться.

Именно при С. Атарщикове Карачай, по большому счету, впервые попал под прямое российское управление, в государственную систему с собственно российским чиновником во главе, подчиняющимся начальнику Правого фланга Кавказской линии (с 1840 г. – начальнику Центра Кавказской линии).

Однако Семен Атарщиков недолго пробыл приставом в Карачае. Его деятельность нравилась далеко не всем представителям тогдашнего военного и гражданского начальства, и в 1841 г. он был смнен на своем посту другим приставом – Мистуловым.

В период пребывания в должности С. Атарщиков неоднократно бывал в военных экспедициях за Кубанью. Летом 1838 г. в составе небольшой группы участвовал в рекогносцировочной экспедиции, прошедшей из Балкарии через Главный Кавказский хребет в Сванетию [1, с. 255, 248]. Поэтому неожиданно для многих, в том числе и для начальства, в октябре 1841 г. Атарщиков ушел за Кубань вместе с казаками Бекешевской станицы Василием Феневым, Ефимом Петренко, абазинским князем Саралипом Лоовым и узденями Идрисом Лафишевым и Якубом Шереметевым, где они примкнули к непокорным горцам [3, л. 1, 3]. Случаи побега солдат и казаков из стана русской армии к неприятелю периодически случались, но в данной ситуации факт дезертирства русского офицера, бывшего пристава, начальника Лабинского казачьего полка был явлением далеко неординарным. К тому же, буквально менее чем через месяц, в ноябре 1841 г. С. Атарщиков вместе с беглым бесленеевским князем, бывшим подпоручиком русской армии Айтеком Каноковым начал разбойничать в окрестностях Боргустана [3, л. 5–6].

Через несколько месяцев С. Атарщиков, правда, вернулся обратно. Его объяснения, в которых он рассказывал, что «разум его помутился» после того, как умерли двое его детей [1, с. 255], были приняты во внимание военным начальством. С. Атарщиков был прощен и получил направление для последующей службы в далекую Финляндию. Как предполагает М. О. Косвен, именно последнее обстоятельство вкупе с особым чувством

«вольности», присущей «природному кавказцу», подтолкнуло С. Атарщикова к повторному нарушению присяги и новому побегу в горы в ноябре 1842 г. [1, с. 254–255].

На этот раз уход бывшего карачаевского пристава к непокорным горцам оказался окончательным. Поселившись в районе реки Белой, где жила адыгская этнографическая группа абадзехов, С. Атарщиков принял мусульманство, взяв себе имя Магомед, женился на дочери ногайского узденя и стал одним из организаторов дерзких и хорошо спланированных нападений на российские поселения и крепости.

Довольно интересен текст его письма-обращения, написанного в апреле 1843 г. к солдатам российской армии, который мы позволим себе привести полностью.

«Я сотник Атарщиков, ныне признан абадзехами за перво-степенного их узденя и следую моему совету. Приглашаю, братцы служивые, кому угодно ко мне идите. Я для всех выстарал право вольности; за Лабу как перейдет, кто и назовется моим гостем, никто не смеет удержать. Меня вот как искать: скажи я гость Хаджирет Магомета русского офицера и сам как Хаджирет дескать иду к нему на Куржунс-речку, никто не смеет задержать, ибо кто задержит моего гостя, подвергнется штрафу в 15 коров. Приглашаю плотников, кузнецов, солдат с ружьями и порохом, барабанщиков, кто с барабаном, музыкантов, господин будет признан, как и я; кто деньги принесет – это его собственность, никто не смеет отнять. Кто хочет, может ехать в Турцию, а оттоль – куда угодно за границу, словом всех приму: поляк ли, немец ли, русский ли, с своими, казенными, барскими деньгами не опасайся, деньги спрячь прежде, перейдя Лабу. Это потому я говорю, чтобы на дороге кто воровски не ограбил. Жены здесь хорошенькие. Прошу передавать это известие друг другу, прощайте!

Хаджирет Магомет. Ожидаю вас.

Не мешает на новоселье как что принести.

Это я на походе пишу, извините» [2, л. 2, 2об].

В августе 1845 г. во время очередного набега в окрестностях Ставрополя бывший карачаевский пристав был тяжело ранен своим сподвижником, беглым казаком Головиным, который таким образом хотел загладить свою вину и вернуться обратно к русским. Интересно, что даже в таком положении Семен Атарщиков при приближении российских военных пытался зубами взвести курок пистолета, чтобы совершить выстрел в бывших

сослуживцев. После уговоров с их стороны он сдался, был схвачен казаками, но через несколько часов скончался.

Использованная литература:

1. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.
2. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 93.
3. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 436.
4. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 168.

KARACHAY BAILIFF S. S. ATARSHCHIKOV: HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL PORTRAIT ON THE BACKGROUND OF THE EPOCH

BEGEULOV Roustam M., Dr. Sci. (National History),
Prof., Department of the History of Russia,
Karachay-Circassian State University, Karachaevsk, Russia
E-mail: r_begeul@mail.ru

This article is about life and activity of S. S. Atarshikov. He was born in a Cossack village on Terek. He was the bailiff of Karachay people. He ran to the insubordinate highlanders and took part in military clashes against Russian military units.

Keywords: Atarshchikov, bailiff, Karachay, Cossack, deserter.

Д. М. Маламагомедов*

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕБЫВАНИИ ШАМИЛЯ В КИЕВЕ В 1869 Г.**

Статья основана на материале архивного письма, в котором рассказывается о прибытии семьи плененного имама в г. Киев и о приеме, который ему оказал генерал Барятинский и его жена.

Ключевые слова: Кавказская война, имам Шамиль, Газимухаммад, Мухаммадшапи, Барятинский, Киев.

* МАЛАМАГОМЕДОВ Джамалудин Муртазалиевич, младший научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала, Россия. Электронная почта: djamal-malamagomedov@rambler.ru.

** Работа проведена при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований в рамках проекта № А-03 «Корпус аварских ареографических текстов конца XIX – начала XX в.».

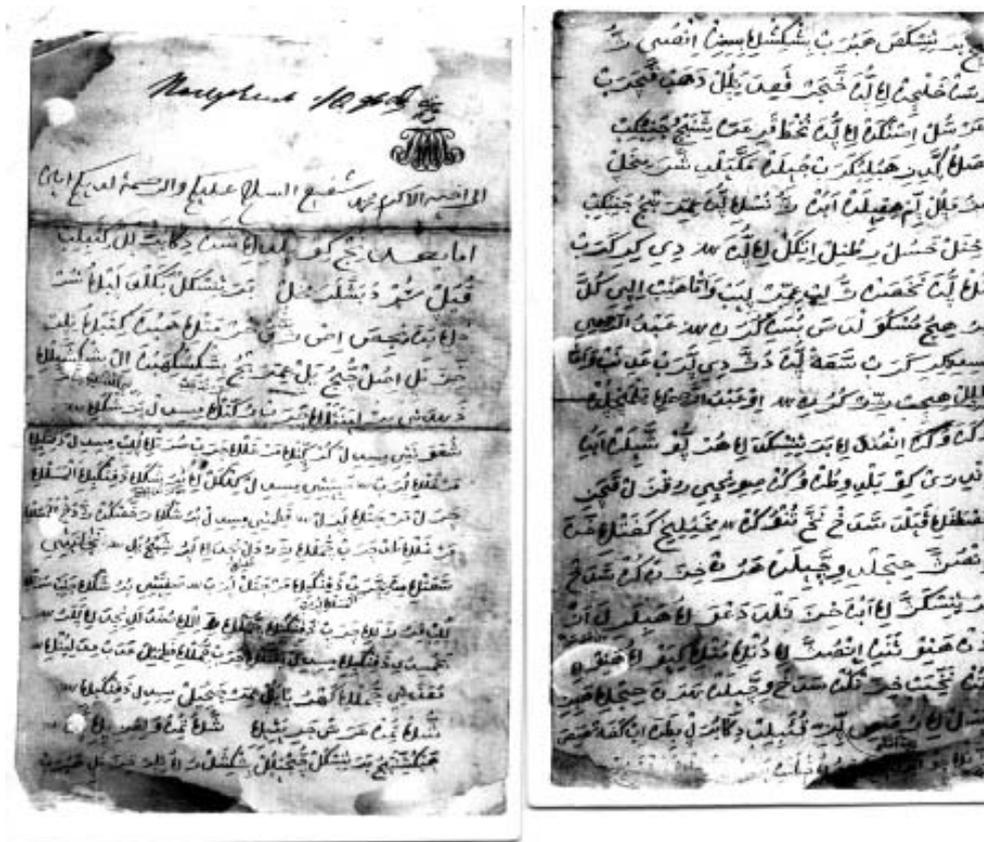
В октябре 1869 г. имам Шамиль благодаря стараниям и заботе своего верного друга генерала Барятинского переезжает в город Киев. Причиной переезда был климат Калуги, который отрицательно влиял на здоровье имама и членов его семьи. В Киеве, «русском Иерусалиме», семья в течение нескольких месяцев поправила свое здоровье, и сам имам Шамиль почувствовал себя гораздо лучше.

По предписанию министра путей сообщения, для переезда Шамиля из Калуги в Киев был приготовлен салонный вагон, а для его имущества и прислуги – отдельные пассажирские вагоны. Перед отъездом Шамиль 23 и 24 ноября делал прощальные визиты начальствующим и знакомым лицам. 25 ноября он выехал в Киев, взяв с собой 16 человек мужской и женской прислуги: экономку, буфетчика, двух поваров, двух дворников, двух кучеров, двух лакеев, четырех горничных, прачку и кухарку. В Киев благополучно прибыл 27 ноября вместе с сотником Онуфриевым и зятем Абдурагимом, корнетом лейб-гусарского Павлоградского полка. На расходы по переезду ему было выдано, по Высочайшему повелению, подъемных 3000 рублей и вместе с тем разрешено продать в свою пользу всю обстановку, приобретенную для него в Калуге за счет казны.

Кроме этих сведений, другой информации о жизни Шамиля нам не удалось обнаружить. Однако период пребывания Шамиля в Киеве зафиксирован в арабографическом письме. Фотокопию письма в наше распоряжение любезно представил известный востоковед и переводчик Х. Омаров. Особенностью письма является наличие в правом верхнем углу почтового штемпеля, поверх которого имеется подпись Газимухаммада и дата получения. Корреспонденция написана, что удивительно, не на арабском языке, а на аварском, т. е. с использованием арабских букв для передачи специфических звуков аварского языка [2]. Такой вид письма в дальнейшем получил название «аджам» [1]. В нем использовано большое количество специфических наименований драгоценных камней на аварском языке, которые в переводе обозначены в скобках.

Автором письма является сын имама Шамиля Газимухаммад, а адресатом – также сын Шамиля Мухаммадшапи. В письме к своему младшему брату Газимухаммад пишет о приеме, который устроили Барятинский и его жена семье Шамиля.

Факсимиле и текст перевода письма приводится ниже.

«Моему дорогому брату Мухаммад-Шафи.
 Мир и вечная милость Вам Аллаха. Аминь!
 А затем.

Мы приехали в Киев 2 декабря в полночь. Три ночи подряд провели в доме Барятинского, и он со своей стороны встретил нашу семью очень тепло, а жена его щедро вознаградила нас всякими дорогими подарками (*по тексту – бикшиш*).

Вот эти подарки:

Загидат* подарили кольцо с бриллиантами и золотую брошь.

Шуайнат** – золотой браслет (курхьен) с жемчугом (маргъал), с местом для фотографии, и еще золотые запонки с жемчугами.

Хабибат*** – золотые серьги, брошку на грудь и запонки с алмазами и жемчугами.

* Загидат – третья жена Шамиля, родилась в Казикумухе в 1823 г., умерла в Медине в 1870 г. Она была дочерью знаменитого шейха Джамалудина Казикумухского, учителя Шамиля. От этого брака родились две дочери и один сын: Нажабат, Баху-Меседо, Магомед-Камиль.

** Шуайнат – четвертая жена Шамиля. Родилась в Моздоке в 1825 г., умерла в Константинополе в 1876 г. Пленная христианка, принявшая ислам. В браке с Шамилем родила дочь Сапийат.

*** Хабибат (Кистаман) – вторая жена Газимухаммада, родилась в с. Чох в 1844 г., умерла в Медине в 1903 г. Она дочь Даудилау, знаменитого оружейного мастера на Кавказе. Вышла замуж в 1863 г.

Фатимат* – золотую брошку на цепочке с алмазами и жемчугами и четки, как будто сделанные из прозрачного стекла, но точно неизвестно из чего.

Наджабат** – эмалированные часы (мина) с алмазами и запонки с жемчугами.

Сафинат*** – инкрустированная бирюзой брошь с местом для фото, запонки и четки из неизвестного материала.

Баху-Меседо**** – золотые запонки, четки рубиновые (якгут) и медальон, как у Фатимат.

Маазат***** – очень большие янтарные четки и золотые запонки.

Пятьдесятрублей (туман) серебром дали Джарият***** и столько же серебром – Валигиз*****.

И все эти перечисленные подарки только наша семья получила от жены Барятинского.

А теперь я расскажу о подарках самого Барятинского.

Отцу (Шамилю. – Дж. М.) подарил Хорасанскую саблю (Хорасан хвалчен), которая была изготовлена на персидский манер, серебряный кубок и все необходимое путнику в дороге, чем пользовался сам Барятинский во время походов. Барятинский пожелал, чтобы Шамиль выпил из этого кубка воду у священного родника «Зумзум» в Мекке. И напоследок Барятинский подарил отцу дорожный нож и теплые зимние сапоги (итиги).

А мне (Газимухаммаду. – Дж. М.) Барятинский подарил очень хорошее двуствольное ружье, которое заряжается сзади. Однако здесь нет для него ни пуль, ни пороха (гула-хер), все это можно купить только в Москве.

Абдурахиму***** – золотые двухстворчатые часы, такие же, как ты мне дарил, но вместо верхней крышки у них стекло.

Абдурахим был переводчиком (тилмач) между Барятинскими отцом, потому что Андрей (Индирай)***** был отпращивен

* Фатимат – вторая дочь Шамиля (от Патимат), родилась в Дарго-Ведено в 1843 г., умерла в Медине в 1871 г. Замужем за Абдурагимом, сыном Джамалудина Казикумухского.

** Наджабат – третья дочь Шамиля (от Саидат), родилась в Дарго-Ведено в 1846 г., умерла в Константинополе в 1874 г. Она вышла замуж за Давуда, сына Магомед-Амина.

*** Сафинат – четвертая дочь Шамиля (от Шуанат), родилась в Дарго-Ведено в 1855 г., умерла в Медине в 1870 г.

**** Баху-Меседо – пятая дочь Шамиля (от Саидат), родилась в Дарго-Ведено в 1856 г., умерла в Константинополе в 1875 г.

***** Маазат – вероятно, одна из служанок семьи Шамиля

***** Джарият – вероятно, одна из служанок семьи Шамиля

***** Валигиз – лакей

***** Абдурахим – средний сын шейха Джамалуддина Казикумухского, тестя Шамиля, родился в 1841 г.

***** Андрей (Индирай) – один из переводчиков Шамиля.

Киев заранее, для подготовки нашего жилья. А Мустафа* вместе с багажом остался позади.

В это время отец написал письмо Михаилу с просьбой отпустить его вместе с семьей на хадж. На это письмо Михаил ответил, что русские не возражают против поездки семьи на хадж, но в этом случае отец должен остаться. Потом отец еще раз попросил у Михаила позволения поехать, но оставить меня (Газимухаммада. – Дж. М.) и тебя (Мухаммадшафи. – Дж. М.), а его вместе с остальными членами семьи отпустить на хадж. Отец это объяснил тем, что он хочет выдать дочерей замуж там за своих близких людей, и дал слово, что если останется живым, то вернется в Россию».

Письмо это было отправлено 20 декабря 1869 г. Было получено 10 февраля 1870 г.

Использованная литература:

1. Маламагомедов Д. М. Распространение арабоязычной литературы в Дагестане и жанровый состав памятников Дагестанской арабоязычной литературы XVIII–XIX вв. // Россия и Арабский мир: к 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810–1861): материалы конфер., 2–3 нояб. 2010 г. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2010. С. 119–126.

2. Маламагомедов Д. М. О формировании арабографической письменной культуры народов Дагестана: авторы XVIII – начала XX вв. и их сочинения // Модернизация и традиции. XXVI Международная конференция: Источниковедение и историография стран Азии и Африки. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2011. С. 95–97.

SOME OF THE INFORMATION ABOUT THE PRESENCE OF SHAMIL IN KIEV IN 1869

MALAMAGOMEDOV Dzhamaludin M., Junior Researcher,
Department of Oriental Studies,
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center,
Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia.
E-mail: djamal-malamagomedov@rambler.ru

Article is based on archival letter, which dealt with the arrival of the captive family of Imam Shamil in Kiev. General Bariatinsky and his wife accepted Imam's family.

Keywords: *Caucasian War, Imam Shamil, Gazimuhammad, Muhammadshapi, Bariatinsky, Kiev.*

* Мустафа – другой переводчик Шамиля.

РАЗДЕЛ 5.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ОБРАЗЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Р. А. Ханаху*, О. И. Цветков**

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: РЕКОНСТРУКЦИИ И ОЦЕНКИ В ЭТНИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

На основе данных социологических замеров рассматриваются актуальные проблемы, связанные с образом Кавказской войны в массовом сознании жителей Краснодарского края и Республики Адыгея.

Ключевые слова: этническое сознание, Кавказская война, социологический опрос, постконфликтный синдром.

Кавказская война XIX в. занимает важное место в социально-политическом дискурсе Северо-Западного и Центрального Кавказа, т. е. Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Это объясняется тем, что адыги («адыги» – самоназвание современных адыгейцев, кабардинцев и черкесов) понесли в той войне большой урон. Значительная их часть была истреблена физически, и еще большая часть была вынуждена покинуть пределы мест исторического проживания. Современный «черкесский вопрос» и базируется в основном на результатах Кавказской войны. Адыгские этнические активисты интерпретируют ее как геноцид адыгов и требуют от российского государства его признания. Они требуют также создания условий для переселения зарубежных адыгов – потомков тех, кто покинул места исторического проживания в результате Кавказской войны.

* ХАНАХУ Руслан Асхадович, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, г. Майкоп, Россия. Электронная почта: hanahu1@rambler.ru.

** ЦВЕТКОВ Олег Михайлович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела политологии и конфликтологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, Россия. Электронная почта: sovetikus@yandex.ru.

Такие интерпретации этого исторического события этническими активистами и многими адыгскими историками противоречат тем интерпретациям, которые дают Кавказской войны другие российские историки и гражданские активисты, находящиеся за рамками адыгского этнического активизма. Конфликт интерпретаций Кавказской войны и ее последствий, а также приемлемость или неприемлемость тех или иных политических требований, вытекающих из ее различных оценок, проецируются на все общество и приносят в него напряженность. Данное обстоятельство делает актуальным наблюдение за состоянием регионального массового сознания, в котором осуществляется перманентное конструирование и реконструирование как самой Кавказской войны, так и ее роли в послевоенном устройстве Северо-Западного и Центрального Кавказа. Его актуальность тем более велика, что, как показывает практика, для адыгского этнического активизма интерпретации и оценки Кавказской войны являются явно доминирующими и подавляют другие, как исторические, так и современные, социально-политические проблемы.

Социологические замеры отношения массового сознания к Кавказской войне производились в Адыгее силами сотрудников отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований [1]. Всего было произведено три таких замера: в 1994, 2004 и 2009 гг. Они проводились по единой модели в различных населенных пунктах Адыгеи и отдельных городах Краснодарского края. В числе респондентов были адыги, русские и люди других национальностей. Был организован также Интернет-опрос, в котором приняло участие 273 российских гражданина и 1297 зарубежных граждан адыгского этнического происхождения.

Проведенные социологические исследования показали, что между русскими и адыгами существуют значительные отличия в интерпретации Кавказской войны, ее причин, роли и последствий. Эти отличия сохранялись на протяжении всего периода с 1994 по 2009 г.

Так, мнения разошлись уже по вопросу о том, каким образом номинировать Кавказскую войну. Социологии предложили респондентам три варианта для ее номинации: 1) «Кавказская война»; 2) «Русско-Кавказская война»; 3) «Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа». Допускалась также возможность иных номинаций, которые респондент мог сформулировать самостоятельно. В 1994 г. на первое место ре-

спонденты из числа адыгов поставили понятие «Русско-Кавказская война», на второе – «Национально-освободительное движение», на третье – «Кавказская война». Иных номинаций предложено не было. В 2004 г. 47 % от общего числа опрошенных отметили, что они предпочли бы назвать интересующее нас событие как «Русско-Кавказская война», 46 % – «Кавказская война», а 7 % затруднились с ответом. Почти 60 % опрошенных адыгов предпочли ответ «Русско-Кавказская война», и 40 % адыгов – «Кавказская война». У русских ответы на данный вопрос находятся почти в обратной пропорции: около 40 % – «Русско-Кавказская война», 52 % – «Кавказская война» (8 % русских затруднились с ответом).

В исследовании 2009 г. мнения несколько изменились. Опрошенные на первое место поставили номинацию «Кавказская война» (66 %), на второе – «Русско-Кавказская война» (33 %), на третье – «затрудняюсь ответить» (6 %). Среди респондентов русские составили 60 % от общего числа опрошенных (833 человека), адыги – 28 % (234 человека). Российские участники Интернет-опроса, среди которых было 37 % русских и 46 % адыгов, отдали предпочтение понятию «Русско-Кавказская война» (58 %) и «Кавказская война» (34 %). Затруднились с ответом 6 %. Ответы зарубежных участников Интернет-опроса, среди которых в основном оказались представители адыгской диаспоры (88 %), были такими: 84 % на первое место поставили номинацию «Русско-Кавказская война» и 34 % предпочли номинацию «Кавказская война». Интересно отметить тот факт, что ряд респондентов предложил не водить в научный и общественно-политический оборот понятие «Русско-Кавказская война» и даже запретить его употреблять. Свою точку зрения они аргументировали тем, что «это может разрушить хрупкий мир на Северном Кавказе». Такие мнения присутствовали в обеих этнических группах

Таким образом, социологические замеры показали, что существенная часть респондентов склонна делать акцент на этничности при конструировании своих подходов к Кавказской войне и при ее оценках. Очевидно, что сторонники номинации «Русско-Кавказская война» адресуют волнующие их исторические проблемы современным русским и современной российской власти. Другая и сопоставимая по численности часть респондентов, отдающая предпочтение утвердившейся в российской историографии номинации «Кавказская война», старается не акцентировать внимание на этнических аспектах. Эта

сложившаяся в массовом сознании оппозиция характеризует особенности регионального сознания, наличия в нем противоположных тенденций – к политизации исторического и современного этнического сознания, с одной стороны, и к деполитизации этничности – с другой.

Наличие этих тенденций нашло подтверждение в ответах респондентов на другие предложенные им вопросы. Так, респонденты из числа русских говорили, что «историю трогать не надо», дабы не разжечь межэтнические страсти. А респонденты из числа адыгов обращали внимание на то, что, с их точки зрения, необходимо «знать всю правду» о Кавказской войне с тем, чтобы «извлечь уроки».

Указанные тенденции нашли косвенное подтверждение в ответах на вопрос «Есть ли у Вас личный интерес к Кавказской войне?». Около 40 % адыгов ответили определенно – «да», и еще 37 % – «скорее да, чем нет». Таким образом, тема войны по-прежнему актуальна для абсолютного большинства (77 %) адыгов. Еще больший интерес проявляют к ней представители адыгской диаспоры (85 %). У русских ответы на этот вопрос распределились иначе. Только 24 % русских респондентов ответили определенно – «да». Примерно столько же (29 %) ответили «скорее да, чем нет». Таким образом, количество русских, имеющих относительно устойчивый интерес к войне, составляет меньшее количество.

Расхождения в оценках Кавказской войны в зависимости от этнической принадлежности респондентов зафиксированы и в ответах на вопрос: «Согласны ли Вы, что Кавказская война была для Российской империи объективной необходимостью, вытекающей из ее стремления получить выход к Черному морю и защитить закавказские земли?». С подобным суждением согласен 31 % адыгов. Еще 18 % «скорее согласны, чем нет». Таким образом, объективную причину войны усматривает примерно половина адыгов. В ответах на этот вопрос русских респондентов картина иная. 43 % из них считают, что война была вызвана указанной объективной необходимостью. Еще 33 % также скорее согласны, нежели не согласны с такой трактовкой причин начала войны. Таким образом, порядка 77 % русских считают, что война была вызвана объективной необходимостью.

Явные различия трактовок причин войны в этнических группах свидетельствуют о сохраняющейся фрагментации историко-идеологического пространства Республики Адыгея и Кубани, которая может быть оценена как скрытый конфликт-

ный потенциал. Разумеется, его наличие совсем не обязательно способно привести к насилию. Однако эта конфликтность постоянно прорывается на страницы газет, журналов и монографий в форме эмоционально насыщенных и этнически окрашенных противоположных истолкований Кавказской войны. Известно также, что по всему Северному Кавказу продолжают горячие споры вокруг наименований памятников, улиц и площадей, населенных пунктов.

Особенно явно различия интерпретаций Кавказской войны были выявлены при анализе ответов респондентов на вопрос «Согласны ли Вы, что Кавказская война была агрессивной со стороны России?». Отвечая на этот вопрос, 40 % адыгов ответили «да». Еще 20 % – «скорее да, чем нет». Таким образом, порядка 60 % адыгов склонны «обвинять» историческую Россию в агрессии. (Затруднились с ответом 25 %). «Обвиняют» Россию в агрессии против исторической Черкесии 85 % адыгской диаспоры. У русских респондентов картина иная. 10 % согласны с этим утверждением. Еще 14 % скорее согласны, чем нет. Таким образом, менее четверти русских считают войну агрессивной. Примерно половина опрошенных дали отрицательный или скорее отрицательный, чем положительный, ответ на данный вопрос.

Примерно такое же соотношение мнений русских и адыгов отмечено при ответе на вопрос: «Согласны ли Вы, что Кавказская война была во всех отношениях несправедливой и привела к геноциду адыгов – черкесов?». Расхождения в оценках проявились также при ответе на вопрос: «Согласны ли Вы, что следствием Кавказской войны стало то, что она позволила народам Северного Кавказа приблизиться к цивилизации?». Более 60 % русских считают, что «да» или «скорее да, чем нет». И только 27 % адыгов и 8 % диаспоры согласны с таким суждением.

В обеих этнических группах анкетированные признают наличие разнообразных последствий и «следов» Кавказской войны. Большинство русских (51 %) склонно усматривать их в состоянии межэтнических отношений, полагая, что историческая травма осложняет их. Большинство адыгов считает, что больше всего «следы» Кавказской войны видны в названиях памятников и населенных пунктов. При этом 44 % адыгов полагают, что «негативные следы» имеются и в межнациональных отношениях.

Отличия в оценках Кавказской войны между адыгами и русскими проявились также при ответе на вопрос: «Что нужно сделать, чтобы устранить негативные последствия Кавказской войны?». 34 % адыгов и 77 % представителей зарубежной диа-

споры считают, что для этого необходимо «признать на уровне ООН, государственных органов России геноцид адыгов-черкесов». И только 6 % русских отмечают, что это надо сделать. В обеих этнических группах высок также процент респондентов, считающих, что последствия Кавказской войны надо снимать путем издания книг и учебников, освещающих правду о войне. В обеих этнических группах есть также мнения, что Кавказскую войну надо «забыть»: русские – 11 %, адыги – 6 %.

При всех расхождениях в оценках войны у адыгов и русских они сходятся в том, что федеральный центр не учитывает (или скорее не учитывает, чем учитывает) «уроки войны».

Тема Кавказской войны была несколько актуализирована и нашла специфическое преломление в массовом сознании после того, как Международный Олимпийский комитет принял решение о проведении в Сочи Зимних Олимпийских игр. Часть российских и особенно зарубежных адыгских организаций выступила с заявлениями о том, что проведение Олимпиады в Сочи нежелательно и призвала к бойкоту. Эта позиция аргументировалась тем, что в окрестностях Сочи проходили последние бои Кавказской войны и проведение Игр оскорбляет память погибших в войне адыгов. При этом Сочи интерпретировалось как «место геноцида».

В 2012 г. отдел философии и социологии провел социологическое исследование по теме: «Отношение адыгского населения к Олимпиаде 2014 года в Сочи», которое позволило уточнить позицию массового этнического сознания к предстоящим Играм. По репрезентативной выборке было опрошено 600 человек из числа адыгов. Как показало исследование, 62 % респондентов отнеслось к идее провести Олимпиаду в Сочи «хорошо»; 25 % – «нейтрально» и только 11 % – «плохо». Однако на вопрос «Существует мнение, что планируемая Олимпиада оскорбляет память погибших в Кавказской войне, согласны ли Вы с этой точкой зрения?» ответы распределились несколько иначе. Четверть опрошенных сказала, что «да, оскорбляет». 22 % затруднились ответить. Более половины сказали, что «нет». В ходе исследования многие респонденты отмечали, что на них произвело сильное впечатление церемония Олимпийских игр в канадском Ванкувере, в ходе которой широкую презентацию получило коренное население Канады – индейцы. Респонденты высказывали пожелания, чтобы и в ходе Олимпиады в Сочи было представлено коренное население Черноморского побережья – адыги.

Длительное наблюдение над региональной социально-политической риторикой, результаты социологических замеров пока-

зывают, что исторические и псевдоисторические аргументы по-прежнему используются в этногрупповой конкуренции, в политических и иных интересах. Оно показывает также, что в массовом сознании адыгов существует устойчивый запрос на внимание со стороны федерального центра, на понимание им их драматической и порой трагической исторической судьбы. Массовое сознание хотело бы быть уверено в том, что руководству страны понятны его чаяния и устремления и желало бы периодически убеждаться в этом.

Однако тема Кавказской войны слишком узка для того, чтобы вместить в себя другие актуальные общественные и государственные интересы. Вероятно, этим объясняется падение на нее ажиотажного «спроса», который наблюдался в 90-е годы XX в. В настоящее время она активно используется в основном этническими организациями и историками. Однако тема может вновь обрести актуальность в случае роста социальной напряженности или появления существенных препятствий для реализации прав народов на культурное своеобразие и развитие.

Использованная литература:

1. Отдел философии и социологии [Электронный ресурс] // Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований. URL: <http://arigi.adygnet.ru/socio/socio.htm> (дата обращения: 25.02.14).

CAUCASIAN WAR: RECONSTRUCTION AND EVALUATION OF ETHNIC CONSCIOUSNESS

KHANAHU Ruslan A., Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Head, Department of Philosophy and Sociology
Adyghe Republic Institute of Humanitarian Studies,
Maykop, Russia
E-mail: hanahu1@rambler.ru

TSVETKOV Oleg M., Cand. Sci. (Political Culture and Ideology),
Senior Researcher, Department of Politology and Conflictology,
Institute for Socio-Economic and Humanities Research,
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia
E-mail: sovetikus@yandex.ru

On the basis of sociological monitoring the actual problems associated with the image of the Caucasian War in the mass consciousness of the representatives of the population of the Krasnodar Region and the Republic of Adygea are considered.

Keywords: *ethnic consciousness, the Caucasian war, public opinion poll, post-conflict syndrome.*

ТАБАСАРАНСКИЕ ПРЕДАНИЯ ОБ ИМАМЕ ШАМИЛЕ**

В статье приводятся некоторые предания табасаранцев об имаме Шамиле.

Ключевые слова: Кавказская война, предания, имам Шамиль, народы Дагестана, табасаранцы.

Полная драматизма Кавказская война поразила мировое сообщество массовым героизмом и свободолюбием горцев. Она породила предания, в которых воспеваются подвиги, мужество, храбрость, свободолюбие и воинский талант народных предводителей. К этому циклу преданий относятся сказания об имамах Северо-Восточного Кавказа и их сподвижниках [1]. Такие предания о Шамиле сохранились и у одного из народов Дагестана – табасаранцев, принимавших самое активное участие (особенно в 30–40-х гг. XIX в.) в Кавказской войне [2, с. 131–194]. Эти предания были записаны нами в ходе полевых экспедиционных исследований в 1990 г. в селениях Лидже и Джули Табасаранского района Дагестана. Частично они были опубликованы М. Р. Халидовой в 1997 г. [3, с. 37–38]. Считаем необходимым привести эти предания в полном объеме.

Шамиль-муталим. Говорят, что в годы юности Шамиль учился в медресе табасаранского селения Джули. Помимо учебы муталимы (учащиеся) занимались и хозяйственными делами: заготавливали продукты и дрова, носили воду из источника, готовили пищу.

Однажды учитель поручил муталимам заготовить дрова в лесу. Все ученики возвратились из леса, неся с собой вязанки дров, за исключением Шамиля. Учитель спросил его: «Почему ты вернулся без дров?» Шамиль ответил: «Сегодня пятница, и всё живое молится Аллаху, и поэтому у меня рука не поднялась рубить деревья. Завтра я принесу две вязанки дров».

Благочестие Шамиля. Благодаря своей воспитанности, набожности, прилежанию, обширным знаниям и эрудиции Шамиль

* СЕФЕРБЕКОВ Руслан Ибрагимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала, Россия. Электронная почта: ruslan.seferbekov@yandex.ru.

** Работа проведена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта №13-01-00079 «Демонология народов Дагестана: типология, характеристика образов».

в медресе пользовался большим уважением как среди преподавателей, так и среди учащихся. Один из учителей решил проверить, так ли благочестив Шамиль, как о нем говорят. Он положил под ковер у дверного порога маленький Коран. Все муталимы, войдя в комнату, перешагнули через порог, и лишь Шамиль остановился в нерешительности. На вопрос учителя, почему он не входит в помещение, Шамиль ответил: «Пусть уберут то, что находится под ковром у порога, а что там находится, знают Вы, Аллах и я».

Возмужание Шамиля. Когда Шамиль завершил свое обучение в медресе с Джули, его наставник остался доволен полученными им знаниями, его физической и нравственной подготовкой. Прощаясь с Шамилем, его наставник сказал: «Из одного человека из аварцев я выковал стальной кинжал и бросил его под ноги врагам, а что дальше будет, не знаю» (В смысле: «Я воспитал и обучил воина и отправил его на борьбу с врагом, а за его дальнейшую судьбу я не отвечаю»).

Подводя итог, необходимо отметить, что имам Шамиль никогда не учился в медресе табасаранского селения Джули, но приведенные предания отражают восхищение табасаранцев предводителем горцев Северо-Восточного Кавказа, его человеческими и нравственными качествами.

Использованная литература:

1. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках / ред., вступит. ст. и прим. Х.-М. Доного. Махачкала: Эпоха, 2008.
2. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.) / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988.
3. Сказания народов Дагестана о Кавказской войне: Устные рассказы, предания, легенды / сост., авт. предисл. и прим. М. Р. Халидова. Махачкала: Изд-во Дагестанского научного центра РАН, 1997.

THE LEGENDS OF TABASARANS ABOUT IMAM SHAMIL

SEFERBEKOV Ruslan I., Dr. Sci.

(Ethnography, Ethnology and Anthropology),
Leading Researcher, Department of Ethnography,
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center,
Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
E-mail: ruslan.seferbekov@yandex.ru

This article summarizes some of the legends of the Tabasarans about Imam Shamil.

Keywords: *Caucasian war, traditions, Imam Shamil, the peoples of Dagestan, Tabasarans.*

ЧЕРНОМОРСКАЯ БЕРЕГОВАЯ ЛИНИЯ В РОССИЙСКО-ГОРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПЕРИОДА «КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ»: ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ

В статье рассматриваются изобразительные произведения российских художников, тематически связанные с политическими событиями кубанской истории второй четверти XIX в., в ходе которых происходило присоединение черноморского побережья Кавказа и закрепление России на этой территории. Эти произведения внесли свой вклад в прославление подвигов русских солдат и моряков, которые имели перед собой достойных противников.

Ключевые слова: Адрианопольский мир, Черноморская береговая линия, Н. Н. Раевский, И. К. Айвазовский, контрабандная торговля, подвиг рядового Архипа Осипова.

Художественное наследие, далеко не в должной степени изученное и востребованное, отражает многие вехи сложного процесса вхождения кубанского Причерноморья в политическое поле Российского государства. Батальные сюжеты из истории Черноморского побережья Кубани могут выступать ценным историческим источником, обогащая нашу историческую память яркими, художественными образами.

В работе Н. И. Веселовского «Военно-исторический очерк города Анапы» [Пг. (СПб), 1914(1995)] помещены батальные сюжеты, связанные со взятием российскими войсками Анапы в 1828 г. в ходе османо-российской войны 1828–1829 гг. На эту тему Н. И. Веселовский приводит три иллюстрации, разные по стилю и характеру исполнения: лубочные гравюры «Осада крепости Анапа под командой генерал-адъютанта С. А. Меншикова», «Победа Донского Казака близ крепости Анапы» и картину маслом «Эскадра адмирала А. С. Грейга перед Анапой».

На гравюре «Осада крепости Анапа...» изображена эскадра военных кораблей, с которых был высажен десант, обозначено участие в осаде крепости артиллерии, залпами которой фактически разгромлено было большинство строений в северной, обращенной к морю части крепости. Очень схематично изображены фигуры русских солдат, казаков, турок, и черкесов – они практически неразличимы между собой.

* ХЛУДОВА Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир, Россия. Электронная почта: lusi-nik@list.ru.

Облик изображенного на лубочной картинке «донского» казака в целом, соответствует внешнему виду черноморцев: высокий барашковый кивер, тесная куцая куртка с откидными рукавами, узкие немецкие штаны. В 1833 г. И. Бларамберг писал: «Черноморские казаки приспособились приподнимать кончиком копья край кольчуги и протыкать черкесов пикой на полном скаку» [1, с. 25]. Именно такой прием изображен на лубке: казак на полном скаку поражает противника-турка, национальную принадлежность можно определить по кривой турецкой сабле и головному убору, напоминающему чалму. За собой на аркане казак тащит горца, который от турка отличается лишь головным убором, похожим на горскую папаху.

Лубочные гравюры в целом, по замечанию Н. И. Веселовского, достаточно верно изображают военную обстановку осады. Работы имеют повествовательный характер, информируют население о победе русского оружия. Этой же цели служат пояснительные надписи.

С окончательным взятием Анапы к России навсегда переходило господство над Восточным побережьем Черного моря, и значение этого события, на наш взгляд, в должной мере подчеркивается неоднократным его отображением силами изобразительного искусства.

После Адрианопольского мира одним из главных направлений в деятельности российского командования на Северо-Западном Кавказе было обеспечение безопасности своих морских рубежей. Одной из основных проблем, которые предстояло решить в этой связи, была борьба с контрабандой и всякого рода нежелательными связями черкесских племен с Турцией и другими иностранными державами, чьи агенты проводили среди горцев антирусскую агитацию и оказывали им военную помощь. Известный маринист И. К. Айвазовский принадлежал к числу тех, кто был не только современником, но и участником событий вооруженной борьбы горцев на Черноморском побережье Кубани, а также «художественным летописцем» той эпохи.

В основу картин И. К. Айвазовского «Взятие русскими матросами турецкой лодки и освобождение пленных кавказских женщин» (1880) и «Ночь. Контрабандисты» (1836) положены северокавказские реалии 30х гг. XIX в., связанные с контрабандной торговлей черкесов.

В апреле 1830 г. решено было проводить крейсерское патрулирование побережья Кавказа с целью пресечения запрещенной торговли, для чего создана специальная эскадра, так

называемая Абхазская экспедиция. Специальный отряд военных судов должен был осматривать все направлявшиеся к восточному берегу Черного моря суда и пропускать их лишь в те места побережья, где имелись карантинные и таможенные учреждения [5, с. 30]. На картине «Взятие русскими матросами...» мы видим, как к турецкой лодке (кайку) с двух сторон приближаются шлюпки с российскими матросами. Турки оказывают сопротивление: отстреливаются, используют сабли в ближнем бою. Трудности и выгоды турецкой контрабандистской деятельности описывает А. Фонвиль: «Единственное, что нас спасло (от корветов. – Л. Х.), – это мелкость нашего судна: наш кайк, едва поднимавшийся над уровнем моря, совершенно терялся в пространстве, и чтобы его заметить, в особенности, когда парус спущен, нужно было очень близко подойти к нему» [7, с. 7]. Действительно, турецкое судно на картине невысоко, парус на нем спущен. Помимо турок, на картине И. К. Айвазовского изображены сбившиеся в кучу, испуганные черкешенки, традиционно пользовавшиеся наибольшим спросом на рынках Ближнего Востока. Освобождая черкешенок и конфисковывая разные товары, русские моряки «никогда не находили в них (лодках. – Л. Х.) русских пленных», которых турки топили в море, «чтобы скрыть следы преступной торговли» [8, с. 322].

На картине «Ночь. Контрабандисты» (1836) на фоне темного ночного неба едва различимы силуэты турецких судов у черкесского берега. Турки использовали темные, по возможности, безлунные ночи, чтобы незаметно пройти мимо патрульных крейсеров и пристать к берегу. «Ночью, при благоприятном ветре, контрабандные суда совершали путь вдоль берега по огням, которые зажигали и поддерживали в горах черкесы» [8, с. 322]. Пристав к берегу, контрабандисты давали о себе знать выстрелами, на которые съезжались окрестные горцы. Когда корабли разгружали, их обычно вытаскивали на берег и маскировали ветвями, либо, сделав несколько пробоин, затапливали в устье рек до следующего рейса. Изображенная на картине сцена говорит, на наш взгляд, о хорошем знакомстве художника с особенностями этого разбойного промысла.

Для молодого И. К. Айвазовского участие в боевых действиях Черноморского флота стало толчком для развития морской батальной живописи. «По приглашению Н. Н. Раевского художник принимает участие в высадке десанта под Туапсе 12 мая 1838 г. В этот день эскадра кораблей развернулась перед берегом широкой дугой. На суше еще накануне видели собравших-

ся горцев и пламя их костров. Ранним утром началась высадка десанта после того, как 250 орудий четверть часа палили по берегу. «По новому сигналу матросы всего флота взбежали на ванты с криком “ура!”, а гребные суда дружно двинулись к берегу, стреляя из коронад, находившихся на носу большей части гребных судов; фланговые фрегаты и пароходы продолжали артиллерийский огонь, пока не были совсем заслонены десантом» [6, с. 131]. Под впечатлением от увиденного И. К. Айвазовский написал картину «Десант генерал-майора Н. Н. Раевского у Туапсе 12 мая 1838 г.». На картине эскадра линейных кораблей и фрегатов протянулась от линии горизонта, она словно надвигается на зрителя, олицетворяя мощь военного присутствия России на Черноморском побережье. Десятки полных гребцами шлюпок, отделившись от кораблей, устремились к берегу. Чтобы ускорить высадку, М. П. Лазарев приказал разместить десант на вдвое большем числе гребных судов, чем предполагалось. Первым на берег выскочил сам Н. Н. Раевский, затем были развернуты войска с четырьмя пушками. Ошеломленные обстрелом и натиском горцы почти не сопротивлялись. Впоследствии на занятом месте построили форт Вельяминовский [4, с. 38].

На картине «Высадка десанта у р. Шахе» (другое ее название «Высадка отряда Н. Н. Раевского в Субаши») запечатлена гораздо более ожесточенная схватка с горцами, нежели на вышеописанном полотне. Десант у р. Шахе начал высадку 3 мая 1838 г. и сразу же столкнулся с сильным сопротивлением горцев. Все пространство между устьями рек Субаши и Шахе горцы укрепили рвами и двойными плетнями, между которыми была насыпана и утрамбована земля. И хотя артиллерия в течение четверти часа обстреливала берег, горцы встречали высаживающихся уже в сотне метров от него. Бой был чрезвычайно трудным, горцы яростно бросались на неприятеля и потеснили передовой отряд. Лишь благодаря упорству тенгинцев и навагинцев они были отброшены назад [5, с. 476–477].

И. К. Айвазовский прибыл в Субаши с Н. Н. Раевским на пароходе «Колхида», а затем пересел к М. П. Лазареву на линейный корабль «Силистрия», командиром которого был П. С. Нахимов. На берег художник высадился с отрядом атакующих, а когда его приятель, барон Н. П. Фридрикс, был ранен, проводил его на корабль, а потом вернулся на берег. О своем участии в сражении художник писал позднее: «Все мое вооружение состояло из пистолета и портфеля с бумагою и рисовальными принадлежностями» [2, с. 30]. В этом десанте участвовали также

декабристы М. Нарышкин, Н. Лорер, А. Одоевский (его портрет И. К. Айвазовский написал после боя).

На картине «Высадка десанта в Субаши» художнику удалось передать всю ожесточенность боя, более сложный, нежели при высадке у Туапсе, характер военной операции. На переднем плане картины силуэты горцев и российских солдат трудноразличимы, схватка происходит на фоне российских кораблей на заднем плане полотна.

Таким образом, работы И. К. Айвазовского позволяют судить о характере и некоторых деталях военных столкновений периода Кавказской войны, строительстве российских укреплений на побережье и их обороне, борьбе с контрабандной торговлей. При некотором стремлении живописца к романтическим эффектам освещения, эмоциональной приподнятости и героике творчество художника внесло свою лепту в прославление подвигов русских солдат и моряков, имевших перед собой достойных противников.

В том же ряду героико-патриотических произведений, по замыслу призванных воспеть мужество и патриотизм русских солдат в служении Отечеству, стоит картина художника А. А. Козлова «Подвиг рядового Архипа Осипова 23 марта 1840 г.». Описывая этот подвиг, Г. И. Филипсон в своих «Воспоминаниях» приводит показания трех солдат, участников обороны укрепления: «Когда они (горцы. – Л. Х.) уже ворвались в редюит, Лико был ранен, но сказал Осипову твердым голосом: “Делай свое дело”, – а тот отвечал: “Будет исполнено”, и что бывший тут иеромонах Маркел, в эпитрахии и с крестом, благословил Осипова и дал приложиться к кресту». Далее, как показал под присягой очевидец, Осипов «взял гранату, сорвал пластырь и, взяв в другую руку зажженный фитиль, вошел в пороховой погреб» [6, с. 157], Очевидно, именно эта версия события получила наибольшее распространение, и на ее основе художник А. А. Козлов выстроил сюжет и композицию своей картины.

Приведенные работы по большей части носят информативно-описательный характер. Рассчитанные на массовое тиражирование гравюры несут большую смысловую и идеологическую нагрузку, они формируют героический образ русского воина, казака, верой и правдой служащего царю и Отечеству, а также негативный образ врага. Эти произведения, по законам жанра, не отличаются историческим реализмом, но всегда отражают официальную позицию российских светских (и духовных) властей в отношении запечатленных событий, сочетающую

юся с народными представлениями и стереотипами в отношении защитников Родины и их противников.

Использованная литература:

1. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1992.
2. Иван Айвазовский. Альбом. М.: Белый город, 2000.
3. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2002.
4. Скрицкий Н. Штурм с моря. Как создавались русские укрепления на Кавказском побережье // Родина. 1994. № 3-4. С. 36–39.
5. Сохт А. Черноморская береговая линия: сущность и функции // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в. – XIX в.). Майкоп: Меоты, 1995. С. 476–477.
6. Филипсон Г. И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / сост. Я. А. Гордин. СПб: Звезда, 2000. С. 76–197.
7. Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 г. Из записок участника-иностранца. Перемышляны: Возрождение, 1990.
8. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: в 2-х т. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1913. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горцами.

THE BLACK SEA COASTLINE IN THE RUSSIAN-MOUNTAINEERS RELATIONSHIP DURING THE PERIOD OF THE «CAUCASIAN WAR»: ART PLOTS

KHLUDOVA Lyudmila N., Cand. Sci. (National History),
Assoc. Prof., Department of the Universal and National History,
Armavir State Pedagogical Academy, Armavir, Russia
E-mail: lusi-nik@list.ru

The article presents the pictorial works of Russian artists, thematically related to the political events of the history of the Kuban Region in the second quarter of the 19-th century when Russia annexed the Black Sea coast and explore the area. These works have contributed to the glorification of the feats of Russian soldiers and sailors who fought with the worthy opponents.

Keywords: *The Treaty of Adrianople, the Black Sea coastline, N. N. Raevsky, I. K Aivazovsky, contraband trade, feat of Arkhip Osipov.*

«БЕСПОЩАДНО ВРАГОВ БИТЬ, СВОЕЙ ЖИЗНИ НЕ ЩАДИТЬ»: КОНЦЕПТ «ВРАГ» В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ ПЕРИОДА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена лингвистической реконструкции концепта «Враг» в казачьем песенном фольклоре, сюжеты которого воспроизводят события Кавказской войны. Представлена оригинальная тематическая модель описания концепта «Враг», которая сопровождается детальным обоснованием и опирается на историко-этнографические исследования.

Ключевые слова: концепт «враг», фольклор казаков, Кавказская война.

Традиционное казачье мировоззрение во многом основано на исторической памяти о военных событиях минувшего времени. По выражению С. Н. Лукаша, казаки являлись яркими представителями исторически сложившегося сообщества людей, «для которых тревоги войны, битвы, кровь, опасности делались потребностью, страстью» [17, с. 8]. Такое эталонное отношение воина к своему предназначению в пространстве войны, восприятие ценности жизни и воинского долга выражает казачья пословица «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах».

Казаки были активными участниками социальных и военных событий, потому в их фольклорном наследии воспроизведены яркие сюжеты, зафиксированные в памяти воевавших поколений и творчески преобразованные. Песенный фольклор – достаточно большая часть устной народной традиции – является хранителем значимых для казаков представлений и характерных оценок, касающихся этнического взаимодействия и конфликтов с различными группами населения Кавказа – «локутного – в этнополитическом смысле – региона» [27, с.17].

Кризис взаимоотношений российской власти с национальными горскими обществами Северного Кавказа, воспринявшими экспансивное движение империи по защите южных границ как вызов, затянулся на десятилетия (1817–1864 гг.). Исследователи отмечают, что данная конфронтация, условно именуемая «Кавказской войной», не имела единой линии фронта, задействовала не все народы Кавказа, а очаги сопротивления местного населения были неоднородны [19]. Агрессивная, пона-

* КОНОНОВА Юлия Николаевна, аспирант филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, Славянск-на-Кубани, Россия. Электронная почта: vinogradov.b@mail.ru .

чалу неорганизованная набеговая практика горцев со временем обрела консолидированность и получила идеологическую поддержку в виде мюридизма и газавата. В ответ российская администрация предпринимала силовые меры противодействия, ставшие «главным и единственно возможным аргументом» в конфликте с частью горцев, идущих по пути борьбы с «неверными» [11, с. 310–345]. «Получался как бы заколдованный круг, – писал об этом Ф. А. Щербина. – Горцы шли за добычей, подрывая экономическую жизнь казака, а казак мстил за это, разоряя горца. <...> Война то тлела чуть заметно, то разгоралась в крупное зарево» [29, с. 185]. Против казаков, призванных охранять приграничные области Российской империи, выступили прирожденные воины – черкесы, чеченцы, дагестанцы. Кроме того, особенности ландшафта – узкие горные тропинки, ущелья, густые леса, плавни, переправы через реки – не позволяли вести масштабные военные действия, создавая естественные укрытия для внезапного нападения горцев. Итак, эта война в целом «не походила ни на одну из войн», поскольку «враг был повсюду» [10, с. 85].

В данной работе нами рассмотрен фольклорный концепт «Враг» как результат обобщения и категоризации представлений о противнике, отраженных в песенном фольклоре периода освоения Северо-Восточного Кавказа и военных действий по защите южных рубежей Российской империи. Материалом для исследования послужили фольклорные эпические, лиро-эпические и лирические песни с историческим сюжетом, включенные в сборники песен линейных казаков Кубани (см.: [5] [6] [12]) донских [16], терских и гребенских казаков [25], а также воспроизведенные в отдельных исторических изданиях (см.: [1] [20] [22]). В ходе анализа мы не разделяем фольклорные тексты согласно группам казачества, так как данные песни созданы на русском языке, а территориальная вариативность их содержания не имеет концептуальных различий.

Ментальные особенности мировосприятия, характерные для человека и общества, в котором он живет, имеют хотя и мозаичную, однако достаточно стабильную структуру, собранную из базовых фрагментов – концептов. Концепты являются значимыми элементами речемыслительного процесса – «многомерными смысловыми образованиями», имеющими понятийную, образную и ценностную стороны» [9, с. 109]; из них «складываются комплексные концептуальные картины» [21, с. 37]. Н. А. Красавский указывает на особенный статус концеп-

та в ментальной сфере человека, отмечая, что как некая идея, элемент общей лингвокультуры он «живет» в сознании как целых народов, отдельных этносов, так и отдельных социальных групп» [13, с. 56], отражая коллективные ценностные установки и обобщенный взгляд на общественно значимые бытийные ситуации.

Восприятие врага – одно из ключевых понятий и важнейшая составляющая традиционных психологических, этнокультурных стереотипов военного времени. Как отмечает Е. С. Сенинская, «механизм конструирования образа врага, как правило, универсален: он направлен на обоснование своей правоты в войне (подчеркивание агрессивности противника, его жестокости, коварства и т. п.), а также собственного превосходства, которое должно стать основанием для победы над неприятелем» [23, с. 155–166]. Таким образом, специфичность образа врага раскрывается лишь в тех условиях, когда бытование его характеризуется высокой знаковостью и пронизывает весь корпус материальной, а следом и духовной культуры.

Концепт «Враг» в фольклоре казаков является многослойным образованием, включающим:

1) ядерную часть – общерусские архаичные черты/образы/символы, перенесенные из былинного эпоса и исторических песен раннего периода и частично трансформировавшиеся;

2) широкое интерпретационное поле, актуализирующее региональные «кавказские» черты (этнокультурный, религиозный, символический компоненты), а также экстралингвистическую информацию – семиотический и экспрессивный компоненты (семиотические оппозиции, параллелизм, устойчивые обороты и эпитеты, развернутые метафоры, ирония).

Рассмотрим обозначенные области концепта «Враг» более подробно. Как справедливо отмечает Ю. А. Эмер, «фольклорный концепт чаще всего аксиологически ориентирован на антинорму, через отрицание которой выстраивается идеальная модель мироустройства. Он аксиологически однолинеен, отражая оппозиционное моделирование мира: «добро/зло», «хорошо/плохо», «свой/чужой» [30, с. 94]. Иначе говоря, концептуальное пространство фольклора наполнено множеством номинативных и оценочных единиц, которые тяготеют к противоположным «полюсам». Итак, взаимная жестокость казаков и горцев, проявившаяся в событиях военного времени, способствовала складыванию особого стереотипного образа врага, который мы можем реконструировать, основываясь на материалах текстовой выборки.

«Героика событий покорения Кавказа» как достояние народной памяти [18, с. 9] выстраивает образ врага в соответствии с традиционным архетипом захватчика, которому при встрече нет пощады и нет спасенья, которого нужно бить, не щадить, разить, порешить тут же; с которым казак должен рубиться, на смерть биться. В фольклоре также широко представлены особенности поведения врага во время битвы, тактические уловки: Чечня дрогнула, бежала, / Мы помчались за ней. / <...> Но не знали, что в овраге / Нас другая беда ждет. [24, с. 70]. Ярко описаны ситуации отступления горцев: Ой да как пошли вперед, ой и затрещали / Басурманские бока. / Ой да все дидойцы, ой да тягу дали / От солдатского штыка [5, с. 76]; Враз покончили с врагом, / Только пыль пошла столбом, / Как враги от нас бежали / И в дыму «Алла» кричали [22, с. 130].

О возмездии как о справедливом и должном свидетельствуют выражения: проучить врагов за Отечество, отплатить врагам, рассчитаться со врагами как и встарь: Храбрый Засс отмстит злодеям, / Не простит им никогда, / Как немирным бесленеям / За набеги мстил всегда [20, с. 179]. Единственным возможным путем для воина-казака становится победная цель – закрутить врагу усы.

Тематическое сопровождение концепта «Враг» в исследуемом фольклорном материале формируют следующие лексемы и словосочетания:

1) синонимы и синонимичные выражения: вражеская рать, неприятель, супостат;

2) отвлеченные понятия: беда, сила и эмоционально-оценочные единицы: злодей, кровопиец, наглецы, орава, сумасброд;

3) именованья иноземцев и их объединений, историзмы: басурманин, басурманская орда, степная орда (ордюка), татарское племя, татарин, варварский народ, варвары, бургарцы;

4) «кавказская» лексика: абрек, шайка джигитов, наиб, белореченские князья-уздени, закубанские князья-узденья; кавказские этнонимы: бесленей, горцы, дидойцы, ингуши, тавлины (тавлинцы), татарин, убыхи, черкес, чеченец (чечня); антропонимы: Шамиль (а также варианты – Шамиль-супостат, изверг Шамиль, Шельмин, братец наш Шамиль), Кази-Мулла, Карбек, Хаджи-Мурат и др.

5) религиозные именованья: нехристь, мулла, поклонники Аллаха;

6) именованья-метафоры: гости (гости-лентяи), гостинцы врагам, оборванцы, знакомцы, хищник.

В связи с тем, что многие черты образа врага были унаследованы из более ранних фольклорных источников и «адаптированы» к новому военному коллективному опыту, следует сказать о расширении отдельных областей исторической памяти. Так, например, А. В. Чудинов отмечает факт фольклорной «абсорбции» образа врага, когда образ «татар» оказывается шире исторического образа одноименного народа, поскольку включает в себя также образы других народов, в разное время выступавших военными противниками русских» [28, с. 339–341]. В анализируемом фольклорном материале данный архаичный слой имеет высокую смысловую плотность, что позволяет говорить о стабильности и даже универсальности той героико-патриотические идеи, которая пронизывает произведения фольклора, посвященные борьбе с татарским игом.

Представления об изначальной враждебности иноземцев ярко запечатлено в лексеме «басурмане» («бусурмане»), произошедшей от названия мусульманских купцов-откупщиков «бесерменов», которые собирали на Руси дань для Золотой Орды вплоть до 1262 г. В разговорной речи и в фольклоре определение «басурмане» оказалось весьма живучим и стало обозначать любых недругов вне зависимости от национальной принадлежности и исторической эпохи; в материале обследования так названы горцы: Кровь лилася басурманов, / Нет пощады им, врагам! / Вот вам, варвары, отместка / За поруганных славян! [1, с. 453]; Только сумраком затянет, / И покроет все туман, / А уж хищник подползает, / Злой ехидный бусурман [22, с. 136].

Другой традиционной чертой поведения иноземных захватчиков в русском фольклоре является жестокость к мирным жителям, склонность к грабежу и мародерству: Незнакомые шли гости в укрепление Псебай. <...> Вдруг проклятая орда захватила гурт скота [20, с. 179]. Враг представляется варварской разрушительной силой – ордой, при этом вновь проводятся исторические параллели с событиями прошедших веков. Вторжение монголо-татар встало в один ряд с иноземными нашествиями последующих времен, потому лексема орда также обрела новую жизнь в фольклорном наследии славян: Но нас грабят очень часто, / И нет сил орду унять [22, с. 135].

В то же время дегуманизация врага осуществляется путем сопоставления его с каким-либо животным (зверской храбростью хвалился) или мифическим существом, вызывающим страх и неприязнь: А как Волков командир / Врагу крылья обрубил. Полно, враг, тебе порхать, / Ступай тело подбирать [5,

с. 49]. Образ облака саранчи указывает на особенности ведения боя с мчащимися полчищами горцев: Под горой они летели, / Наподобье саранчи, / Их из пушек одолели / Канониры-хопачи. [22, с. 126–127]. Сходство со змеями иллюстрирует лексика вражия норы, лезть из-под кочек, из-под пней. Черты опасных хищников фиксируют следующие отрывки: От коршунов хищных поля очищали... [22, с. 109]; ...аул, как львица, / В своем логовище спит [22, с. 105].

Е. М. Белецкая указывает, что в исторических песнях периода XIX–XX вв. сочетаются две особенности – «с одной стороны, стремление к детализации событий, а с другой – усиление эмоционально-оценочного аспекта» [3, с. 19]. О тяжелой службе на Кавказе казаки вспоминают как о времени торжества и наслаждения: Как мы жили и служили, / Пировали каждый час... [5, с. 17]. Для народного эпоса типично уподобление сражения с врагом «приготовлению пива и пиршеству, на котором сражающиеся ратники допьяна упиваются вражею кровию» [2, с. 187]. Символ битвы как «кровавого пира», «кровавой тризны», актуальный для восприятия древнерусского сказителя, в фольклоре казаков претерпевает трансформацию. Здесь боестолкновение представлено обыденно – в качестве праздника, являющегося закономерной частью военной повседневности как жизненного цикла. Особенности торжества одновременно и традиционны (торжество, гулянье, гости, угощение, пир), и имеют собственно кавказский колорит, как, например, в песне «О Слепцове»: Джигитов шайка удалая / К торжеству тогда спешит / И, отважно щеголяя, / Стрелет, скачет и гичит. / И мальчишки со значками / Свою пушку привезли / И нестройными толпами / Уж «лезгинку» завели [5, с. 18]. Здесь боевое столкновение подобно празднику, на который приглашены джигиты, и для них пушки «исполняют» лезгинку. Интересно, что вариант этой песни соотносит данный сюжет с детской военной игрой, бытовавшей у казаков. В такой игре принимали участие две группы, условно делившиеся на «своих» и «чужих» и попеременно нападавшие друг на друга: Джигитов шайка удалая / Вдоль по улице летит, / Будто к бою вызывая, / Она скачет и гичит. / И мальчишки со значками / Свою пушку привезли / И нестройными толпами / Уж чеченку завели [22, с.105]. Упомянутая в песне игра «чеченка» служит обозначением региона военных действий (Чечня) и реального противника (чеченец).

Образ врага-гостя объединяет семы «встреча», «неожиданность», «внезапность»: Ай да, как наехали / Гостечки они не-

зва... ну, незваные [16, с. 296]. Песни о гостях-чеченцах содержат описание особенностей хищнических набегов и нравах этого народа: Каждый дома из хозяев, / Легши спать, уж не зевай: / Ожидай гостей-лентяев, / Но дверей не отворяй. <...> В гости хищных ожидаем, / Ночью рубим их и бьем [22, с. 137–138].

Традиционным для фольклора также является актуализация образа врага – «гостеприимного» хозяина, и в этом сюжетном факте, представляющем собой развернутую метафору, иронически осмысливается намерение вероломно обмануть приглашаемого «гостя». В качестве угощения на торжестве всегда выступает оружие: Съезжались к нему, генералу Зассу, / Белореченские князья-узденя. / Как просили его князья горские / На веселый пир, на пир погулять: / – Ты пожалуй к нам, русский генералушка, / Приготовим для тебя выпить, закусить. / Приготовили князья для Засса-генерала / Выпить из винтовочки пулю меткую. / На закусочку Зассу-генералу приготовили / Шашку острую, басурманскую [5, с. 87].

Согласно А. Т. Хроленко, фольклорное слово не только обозначает понятие или реалию, но и реализует «семиотичность», проявляющуюся одновременно в предельной обобщенности символики, а также в ее сопоставлении и противопоставлении [26, с. 96–97]. Семиотическую природу врага как неотъемлемой части оппозиции «свой/чужой» достаточно четко раскрывает религиозная составляющая. Так, например, нападение горцев в фольклорной памяти может совместиться с одним из православных двенадцатых праздников: Шамиль двинулся со своей ордой / В светлый день крещенский [6, с. 66]; На Троицу выходили, / С нами общий был парад. / Три дня, три ночи палили, / Пули сыпались, как град [5, с. 37]. Такое совпадение одновременно подчеркивает религиозность казаков, основой всей жизни которых была защита веры предков и православной церкви, и дегуманизирует врагов-иноверцев. Поэтому война с горцами, живущими в иной вере с чуждой системой ценностей, представляется средством возмездия за отсутствие у них смирения, за их непокорность: И врагам своим мы мстили / За их старые грехи. / И сторицей отплатили, / Когда брали мы Гехи! [12, с. 345].

Семантика лексем «неверный», «некрещеный», «нехристь» в песнях казаков расширяется до значения «враг», что можно объяснить влиянием разговорной речи: Я вас сам поведу / В некрещену орду, / У степных дикарей жечь аулы! [12, с. 364]. В повседневном сознании понятие веры было тесно связано не только с убежденностью в существовании истинного бога, но

более того – с идеологическими противоречиями двух конфессий, христианской и мусульманской, имевшими в историческом прошлом, еще до вхождения Северного Кавказа в состав России, непримиримый характер. Поэтому православие как истинная религия для казаков, вероисповедание вообще в региональном контексте служило естественной охранной средой, способствовавшей духовному сплочению людей, которым было суждено нести трудную боевую службу на Линии: Дружно графцы, апшеронцы, Встретим нехристя штыком [5, с. 72].

Основная лексема враг, репрезентирующая в языке исследуемый концепт, определяется в словаре В. И. Даля, кроме прочего, в значении «общего противника рода человеческого, дьявола, сатаны или в значении военном, неприятельской земли, войска)» [8, с. 258]. Эпитет лукавый в русском языковом сознании традиционно соотносится с эвфемистическим обозначением дьявола; по-видимому, данные речевые средства используются в песенном фольклоре с целью «демонизации» противника: Басурманин, враг лукавый, / Вздумал с нами пошутить. / Окруживши все заставы, / Ну нас голодом морить... [5, с. 71]. Также одним из наиболее ярких образов, положенных в основу устойчивых сравнений, являются сакральные компоненты-демонологемы дьявол, бес, включаемые в метафорические формулы описания природы Северного Кавказа: Ой да справа дьявольские кручи, / Слева скалы до небес. / Ой и перед носом, ой и ходят тучи, / За ноги хватает бес [5, с. 76]. С позиций религиозного понимания мира описывается воинственная враждебность народов, населяющих горы Кавказа. Так, повседневные отношения чеченских племен, разрозненных в поземельных спорах, уподобляются аду – вотчине зла: Там, где царствует раздор, / Где раздор таится адом – / Враги в гнездах вековых [22, с. 99].

С другой стороны, казаки чувствуют военную мощь русской армии, величие своего Отечества, потому организованные набеги горских объединений воспринимают с долей иронии: «Двадцать первого июля / В нас была потеха, / Довели нас оборванцы / До большого смеха. <...> Собирались убыхи / Идти на Россию, / Но собралось их немного, / Только двадцать тысяч» [5, с. 29–30]. Ироничное восприятие военного быта в целом характерно для фольклорного сознания, поэтому моменты взаимодействия с врагом иносказательно именуется «праздничек», «угощение», «шутка», «игра», «потеха».

Употребление антропонима «Шамиль» имеет достаточно большую частотность, что указывает на другое необходимое

условие изображения врага – его персонализацию. «Главный виновник и вождь... мюридизма» [7, с. 432–433]. Шамиль представлен как предводитель орды, захватчик-эксплуататор, который удерживает в плену донских казаков, вынужденных прислуживать ему: ...чеченский Шамиль, / Ой да, за собою-то водил, / Водил трех невольничков [16, с. 424].

С другой стороны, военные промахи имама подвергаются злой иронии: На чеченцев страх нашел, / Дрогнули сердцами. / Задрожал Шамиль, уныл / И рванулся к бою; / Видит – плохо, но палит / С буйной головою. / Все бежать, Шамиль бежит / От большого страху. / Говорят, плакал Шамиль, / Рвал свою папаху [22, с. 116–117]; Сколько раз Шамиль пытался / К нам ворваться, но везде / С длинным носом оставался, / Как остался в Кабарде. [22, с. 214].

Покорение врагов через пленение их лидера является «стержневой, концептуальной темой в системе исторических знаний кубанских казаков о Кавказской войне» [18, с. 16]. Именно поэтому в фольклорной памяти данный сюжет имеет вариативную основу, что указывает на особые творческие взаимоотношения импровизации и традиции. Типические композиционные приемы в разных песнях были сохранены, но изменялись имена героев и пространственно-временная привязка событий. Так, в некоторых песнях о покорении Шамиля победителем над предводителем горцев выступает Ф. А. Круковский: Ой да Круковской, / Ой да, братцы, с верной берданы, / Ой да Шельмину, / Братцы, грудь пробил [5, с. 93]. Имя Шамиль здесь приводится, по-видимому, в умышленно искаженной форме «Шельмин», созвучной русскому ругательству «шельма». Это слово происходит от немецкого глагола *schelmen* – «шельмовать, обьявлять подлецом» и обозначает хитрого, плутоватого человека.

Э. М. Хачатурян считает «главным качеством» русского «кавказского» фольклора XIX в. «отсутствие национальной и религиозной ненависти и, напротив, дух молодечества и уважительного отношения к горцам независимо от того, кто оказывался победителем» [25]. Однако, проанализировав достаточно большой текстовый массив казачьего песенного фольклора, преимущественно созданного и воспроизводимого в ситуациях кавказской военной повседневности, мы пришли к иным выводам. Конечно, нельзя отрицать мастерство и воинственный дух горца, проявляющиеся в ситуации, когда столкновение происходит в родной ему среде; тогда он в полной мере «соединяет отвагу в битве с опытностью в нападении и отступлении;

глубокое познание местности и неутомимость в походах» [4, с. 92–93]. Тем не менее множество деталей указывает на то, что народному восприятию не свойственно героизировать и идеализировать противника, а национальная и религиозная рознь была вызвана реальными прецедентами на приграничной территории. Например, чеченец в казачьем фольклоре представлен как «человек полудикой», внимательный, корыстолюбивый и коварный: Песню воешь, а сам тайно / На глаза добычу ждешь? / Не являйся покоряться / Русским временно с враждой, / Не являйся извиняться! / За грабеж ты лжешь душой. / Казака ты не обманешь / Своей лестию дикой: / Ты всегда пред ним лукавишь, / А он знает замысел твой. <...> Хоть покорный, непокорный, / Русский враг, чеченец злой, / Нечестивый житель горный, / Кро<во>пиец закланной. / Алкоран тебе покажет, / Как закон твой почитать, / Строго Магомет накажет, / Если будешь воровать. [22, с. 133–134]. Состояние военной напряженности на Линии также иллюстрируют казачьи пословицы «Дружиться дружись, а за саблю держись», «Лежи на боку, да смотри за реку».

Фольклорное сознание подсказывало выход из сложившейся ситуации: Коли хотите, миритесь, / Мы вам землю отведем [5, с. 11]. Однако, как отмечал историк Ф. А. Щербина, «черкес не складывал оружия, не переставал производить грабежи и набеги, не стремился заменить прелести войны довольством мирных отношений» [29, с. 185]. Одно из таких нападений, произошедшее 18 июля 1845 г. на Урупско-Лабинской линии, описывает песня «Вознесенская станица»: Зависть взяла басурман, / Пришел к нам у гости. / Хотел девок полонить / И скотинки нас лишить [5, с. 48]. Аналогичные призывы к мирной жизни мы встречаем в песнях, обращенных к чеченцам: Скройся в пропасти природы, / Скройся с глаз! Трудом живи; / Где текут холодны воды, / Там диких зверей лови. <...> Живи правдой и трудами, / Ты увидишь мира свет, / Тогда с нами, казаками, / Будешь ближний друг-сосед [22, с. 133–134].

Таким образом, фольклорные модели авто- и гетеростереотипов, основанные на оппозиции «свой/чужой», явились следствием определенных исторических обстоятельств своего времени и постепенно оформились как традиционные коллективные установки социума. В современных общественных науках это указание на «историчность» и «традиционность» вражды представителей различных этносов Кавказа и русского населения активно используется в манипулятивных целях.

Состояние «Кавказской войны» представляется перманентно конфликтным, непримиримость возводится в культ, образ врага-кавказца демонизируется [15, с. 276–301], что позволяет развязывать все новые и новые «войны памяти». Анализ материала, вытесненного в «неформальные (фольклорные) зоны памяти» [14, с. 38], дает возможность объяснить природу современного этнического отчуждения. Обратившись к одному из «ментальных первоисточников» – песенному фольклору, мы обнаружили не только традиционный концептуальный диапазон «отрицательной» репрезентации образа врага, актуальный для русского фольклора, но также и указание на иное отношение к противнику – гуманное, дипломатичное, ироничное, непосредственно проявившееся в результате осмысления военного взаимодействия на Кавказе.

Использованная литература:

1. Агафонов О. В. Казачьи войска Российской империи. М.: Русская книга; Калининград: Янтарный сказ, 1995.

2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3-х т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1.

3. Белецкая Е. М. Исторические представления в песнях гребенских казаков // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы седьмой междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конфер. Армавир: Шурыгин В. Е., 2010. С. 18–20.

4. Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань: Университетская тип., 1850.

5. Бигдай А. Д. Песни кубанских казаков: в 2-х т. / под ред. В. Г. Захарченко. Краснодар: Советская Кубань, 1995. Т. 2.: Песни линейных казаков.

6. Варавва И. Ф. Песни казаков Кубани. Краснодар: Кн. изд-во, 1966.

7. Волконский Н. А. Окончательное покорение Кавказа (1859-й год) // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа. 1879. Т. 4. С. 432–433.

8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. 1: А-З.

9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

10. Картины былого Тихого Дона: краткий очерк истории войска Донского: в 2-х т. М.: Граница. 1992. Т. 2.

11. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2002.

12. Концевич Г. М. Народные песни казаков: из репертуара Кубанского Войскового певчего хора. Краснодар: Эдви, 2001.

13. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой, русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001.

14. Кринко Е. Ф. Кавказская война в исторической памяти юга России: мемориальная версия // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретация и противодействие фальсификации истории: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013.

14. Левинсон А. «Кавказ» подо мною: краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» // Образ врага / сост. Л. Гудков. М.: ОГИ, 2005. С. 276–301.

16. Листопадов А. М. Песни донских казаков: в 5-ти т. М.: Музгиз, 1949. Т. 1. Ч. 2.

17. Лукаш С. Н. Общее в исторической судьбе линейцев и черкесов в жерновах имперской истории // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Второй международной Кубанско-Терской науч.-просветит. конфер. Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2000. С. 8–11.

18. Матвеев О. В. «Распрощайся ты, Шамиль...» (пленение имама в устной истории кубанских казаков) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 год. Дикаревские чтения (6) / сост., науч. ред. М. В. Семенов. Краснодар: Кубанькино, 2000. С. 9–18.

19. Материалы семинара (№ 9) кафедры РСИД АГПУ на тему «О состоятельности термина и понятия «Кавказская война» // Вопросы Южнороссийской истории: науч. сб. / под ред. В. Б. Виноградова и С. Н. Ктиторова. М.; Армавир, 2006. Вып. 11. С. 90–113.

20. Песни хоперских казаков // Толстов В. Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. Приложения к I и II части. Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1901. С. 174–184.

21. Попова Э. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.

22. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1893. Вып. 15.

23. Сенявская Е. С. История войн России XX века в человеческом измерении: проблемы военно-исторической антропологии и психологии: курс лекций. М.: Росский гос. гуманитарный ун-т, 2012.

24. Терек вспышный. Песни гребенских казаков / сост. Е. М. Белецкая, худож. С. В. Наймушина. Грозный; Екатеринбург, 1991–2007.

25. Хачатурян Э. М. Русский «кавказский» фольклор: исторический аспект [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Пятигорского гос. лингвистического ун-та. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/VII/uch_2008_VII_00055.pdf (дата обращения 20.02.14).

26. Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1992.

27. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006.

28. Чудинов А. В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник – 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года / под ред. А. В. Чудинова. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 336–355.

29. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: в 2-х т. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1913. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горцами.

30. Эмер Ю. А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 1(9). С. 91–99.

**«RUTHLESS ENEMY TO BEAT, THE LIFE DID NOT SPARE»:
THE CONCEPT OF «ENEMY» IN THE HISTORICAL SONGS
OF THE KUBAN COSSACKS IN PERIOD OF THE CAUCASIAN WAR**

KONONOVA Julia N., Post-Graduate student,
Slavyansk-on-Kuban Branch, Kuban State University,
Slavyansk-on-Kuban, Russia.
E-mail: kononova_julia@mail.ru

Article is devoted to the concept of linguistic reconstruction of the concept of the «Enemy» in the Cossack folk songs, stories which reproduce the events of the Caucasian War. An original model for describing the thematic concept of «Enemy», which is accompanied by a detailed justification and is based on historical and ethnographic research.

Keywords: *concept of «Enemy», folklore Cossacks, Caucasian War.*

РАЗДЕЛ 6.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ НАРОДОВ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И. Ю. Васильев*

ВОЗДЕЙСТВИЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК КАЗАЧЕСТВА

В приграничных условиях, в том числе и на Северном Кавказе в период Кавказской войны, основные «фронтирные идентичности» и культурная общность рубежной зоны прежде всего основываются на воинских мужских сообществах (более или менее трансформированных мужских союзах) воюющих друг с другом сторон. Воины-противники есть основные акторы культурного взаимодействия, в отличие от мирных жителей и пр.

Ключевые слова: фронтир, Северный Кавказ, Кавказская война, мужской союз, культурное взаимодействие, воюющие стороны, хозяйственная жизнь этносов.

Эпоха Кавказской войны была временем адаптации системы ценностей казаков, переселившихся на берега Кубани, к новым условиям, и ее окончательного оформления. Большую роль в этом процессе сыграли как условия военного времени, так и непосредственные контакты с коренным населением Северного Кавказа – горцами. Последние в особенности повлияли на складывание такого знакового элемента казачьей культуры, как форменная одежда.

Необходимо иметь в виду, что этносы достаточно редко заимствуют друг у друга совершенно чуждые им элементы культуры. Гораздо чаще под внешним влиянием начинает приобретать особую важность уже содержащийся в культуре этого этноса элемент. В противном случае он может быть отвергнут или усвоен только после очень длительного периода адаптации и коренной перестройки жизни всего народа.

Как один из важнейших символов самоидентификации казачья форма выражала культурно-психологический облик казака, его представление о своем идеальном образе. Невозмож-

* ВАСИЛЬЕВ Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: ivasee@mail.ru.

ность носить традиционную форму расценивалась казаками как признак потери ими своего статуса, выпадение из человеческого общества. Ф. Елисеев описал реакцию пленных белоказачков на то, что их переодели в обычную солдатскую форму: «Этот костюм полностью переменял наш казачий облик, вызывая у нас и смех, и тоску, и думушку горькую» [5, с. 109].

Форменная одежда кубанцев – это несколько измененный комплекс горской мужской одежды. Каковы же причины его превращения в мундир? Вероятно, на это повлияла реализация традиционных ценностно-эстетических установок в новых условиях. Действительно, набеговая война в плавнях, лесах и предгорьях оказалась совершенно новым явлением казачьей жизни. Приспособление к нему потребовало значительных изменений. Прежде всего, речь идет о снаряжении воина. Казаки практически целиком заимствовали боевую амуницию черкесов, состоящую из одежды и вооружения. Этот комплекс был максимально приспособлен к условиям войны на Кавказе. Линейцы освоили его быстро, уже в начале XIX в. Аналогичный процесс у черноморцев затянулся до середины века (см. подробнее: [11, с. 35] [15, с. 78]).

В то же время имело место и социопсихологическое приспособление к новым условиям. «Чтобы успешно бороться с адыгами, черноморцам требовалось поменять буквально все: походную одежду, оружие, коней, седловку, тактические приемы, порожденные опытом степной войны, а для большинства – психологию мужика-пахаря, заброшенного волею судьбы на опасную и беспокойную границу» [17, с. 69]. Таким образом, боевые действия на кубанской границе, кроме всего прочего, способствовали сплочению казачества на основе воинской системы ценностей, сложившейся задолго до переселения. Именно она облегчила казакам адаптацию к новым условиям и подсказала критерии, в соответствии с которыми производились заимствования и перестраивалась культура. Основным ценностным критерием было соответствие воинскому духу. Оно предполагало соединение боевой эффективности, эстетической привлекательности и широко известной воинской доблести тех, у кого делается заимствование. В самом деле, хорошо подогнанное черкесское снаряжение не стесняло движений, соответствовало природно-климатическим условиям Северного Кавказа, специфике маневренной партизанской войны (например, обувь была удобна для бесшумной ходьбы, бурка могла защитить от внезапно начавшейся в горах непогоды и служить одеялом на случай ночлега).

Образ горского воина рассматривался современниками в комплексе, поэтому популярность боевой черкесской одежды способствовала также популярности оружия. К примеру, казаками ценились шашки горского типа, превосходившие традиционные сабли как по боевой эффективности, так и по легкости ношения [16, с. 38].

Все горское пользовалось в казачьей среде большим уважением. Помимо всего прочего, этому способствовал высокий уровень развития у черкесов мужской воинской субкультуры. Само их храброе и решительное поведение в бою производило на казаков большое впечатление. И. Д. Попка сравнивал черкесов с бургундскими и лотарингскими рыцарями [15, с. 4]. Даже спустя десятилетия после окончания войны, казаки высоко оценивали черкесских воинов того времени [13, с. 8]. Все это не могло не облегчить усвоения воинских элементов горской культуры.

Эффективность черкесского снаряжения, воинская слава носящих его в немалой степени способствовали тому, что оно стало восприниматься как «красивое». Такое эстетически окрашенное отношение, в свою очередь, облегчало усвоение боевого адыгского комплекса. Ведь «красивый», «яркий» и «знаменитый» – такие определения издавна присваивались славянами всему, что связано с ратным делом (см. об этом: [1, с. 188] [8, с. 105] [14, с. 28]). Потому и после того, как складывание комплекса форменной одежды в основном завершилось, его эстетичности придавали особое значение. «Форма обмундирования, преследуя удобства для ношения ея, вместе с тем должна быть возможно красивее и изящнее, а также быть и в преемственной связи с нашим историческим прошлым, когда наши отцы и деды в борьбе с врагами добывали славу...» – размышляли казачьи офицеры в начале XX в. [10, с. 63]. Таким образом, красота форменной одежды, в свою очередь, подчеркивала воинскую доблесть казаков. Она была призвана выгодно отделять их от других групп населения.

Как уже говорилось, казаки гордились своим внешним отличием от «мужиков». Мундир был признаком их привилегированного сословного статуса [10, с. 63]. Восприятие казачьей одежды как кавказской подчеркивало сходство носящих ее со свободными и храбрыми воинами-горцами, разделяло их с невоинственным податным крестьянством. В то же время форма, овеянная боевой славой, символизировала победу над теми же горцами [12, с. 282].

Условия набеговой войны консервировали некоторые архаичные исконно казачьи элементы быта и мировосприятия.

Например, они способствовали сохранению представлений о захвате военной добычи не как о грабеже, а как о необходимом элементе повседневной жизни, важном подспорье в хозяйстве. Из своей военной добычи казаки выделяли долю для вдов и сирот, восстанавливали поголовье скота в случае его захвата горцами. Особенно это было характерно для линейных казаков. В данном случае речь идет не о прямом заимствовании горских обычаев, а о сохранении исконных казачьих традиций под влиянием архаизирующих условий набеговой войны в приграничье. Имел значение и непосредственный пример горцев. С ним казаки знакомились посредством кавказского обычая куначества – дружеским связям между воинами разных народов, которым не могли помешать даже непрерывные военные действия между ними. Все это опять-таки было характерно прежде всего для казаков-линейцев (см.: [6] [7]).

Эти же самые обстоятельства сложного времени и общение с воинственным народом также актуализировали традиционные казачьи установки на воинственность и сопутствующие ей качества, такие как храбрость, сила, ловкость, смекалка [3, с. 12].

Архаизация быта имела и свои негативные стороны. Например, в Кубанской области даже после окончания Кавказской войны было развито скотокрадство и конокрадство, в особенности. Существует мнение, что оно препятствовало развитию коневодства в области. Кражами скота занимались представители разных социальных и национальных групп. При этом станичные старожилы очень часто обвиняли в этом именно горцев [2, с. 50]. Но подобная традиция в определенной степени продолжала сохраняться и среди казаков. По воспоминаниям Ф. И. Елисеева, скотокрады из числа казаков и горцев Баталпашинского отдела порой сотрудничали. Казаки сбывали угнанный скот горцам, а те в свою очередь – казакам. Такие отношения зачастую носили долговременный характер и строились на основе куначества. Однако это постепенно становилось анахронизмом [4, с. 258].

В целом влияние горцев Северного Кавказа на систему ценностей кубанских казаков выразилось в привнесении в казачью среду такого важного и ценностно-значимого элемента материальной культуры, как казачий мужской костюм (форма). Влияние архаизирующих условий Кавказской войны (сравнительно медленное развитие хозяйства и изменение образа жизни, необходимость участия в набеговой войне) было опосредованным вкладом горцев в формирование системы ценностей Кубанского казачества. Условия военного противостояния с горцами способствова-

ли развитию и консервации особых казачьих устоев, взглядов на воинскую удачу, захват добычи, военизацию всего быта. Свою, но все же меньшую роль сыграл непосредственный пример горского образа жизни. В большей степени он был значим для линейцев.

При этом, по наблюдениям очевидцев, кубанские казаки, давно перенявшие черкеску, не столь быстро осваивали адыгские методы хозяйствования, такие как скотоводство в горных районах (см. об этом: [9, с. 70, 88, 91, 95–98, 100, прил. 3]).

В историко-культурной ситуации фронта активизируются архаичные элементы соприкасающихся культур, взаимно развивающие друг друга. Особенно это касается воинской субкультуры. Именно она – основа складывания общества фронта, его единства, в базисе которого лежат архаичные и крайне широко распространенные практики мужских воинских союзов, характерные для самых разных народов. Ведь при всей своей агрессивности мужские союзы нередко в большей степени открыты для представителей других этносов и тех или иных культурных заимствований, чем «мирные» внутриэтнические структуры тех же самых народов.

Использованная литература:

1. Апостолов А. Запорожье: страна и народ // Запорожская сечь. М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. С. 157–218.
2. Бондарь Н. И. Воины и хлеборобы // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп: Качество, 2002. Вып. 1. С. 45–71.
3. Григоренко Я. Пластунские походы // Кубанский казачий вестник. 1916. № 18. С. 11–13.
4. Елисеев Ф. И. Первые шаги молодого хорунжего. М.: Рейтар, 2005.
5. Елисеев Ф. И. Последние дни // Родная Кубань. 2001. № 2.
6. Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция – 1995, Аудиокассета 798, Краснодарский край, Северский р-н, ст. Новодмитриевская, информатор – Архипенкова М. Т., 1908 г. р., исследователь – Кирий О. А., Пьянкова Н. А.
7. Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция – 2003. Аудиокассета – 2950. Краснодарский край, Апшеронский район, станица Нижегородская, информатор – Перепелица М. Ф., исследователь – Рыбко С. Н.
8. Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2002.
9. Македонов Л. В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908.

10. Матвеев О. В. «Справа» в исторической картине мира кубанского казачества // Научная мысль Кавказа. 2002. № 2. С. 61–66.
11. Матвеев О. В., Б. Е. Фролов Очерки истории форменной одежды кубанского казачества (кон. XVIII – 1917 г.). Краснодар: Крайбибколлектор, 2004.
12. Орлов П. П. По вопросу «хоронит ли казачью славу и честь черкеска» // Сборник рассказов и статей. Екатеринодар, 1911.
13. Свидин Н. Тайна казачьего офицера. Краснодар: Кубанькино, 2002.
14. Три поездки Ильи Муромца // Русские былины / сост. Е. Ю. Нецименко. М.: РИПОЛ-классик, 2002.
15. Фролов Б. Е. Об адыгском влиянии на оружие черноморских казаков // Фольклорно-этнографические исследования этнических культур Краснодарского края. Краснодар, 1995.
16. Фролов Б. Е. Оружие кубанских казаков. Краснодар, 2002.
17. Фролов Б. Е. Четыре героя из «сотни лучших» – штрихи к портрету // Алексеевские чтения. Краснодар: Кубанькино, 2004.

THE INFLUENCE OF THE CAUCASIAN WAR ON THE FORMATION OF COSSACKS' VALUE SYSTEM

VASILYEV Igor Yu., Cand. Sci. (National History),
Senior Researcher, Research Center for Traditional Culture,
Kuban Cossack Chorus, Krasnodar, Russia
E-mail: ivasee@mail.ru

In the conditions of frontier including North Caucasus during the Caucasian War, the main «frontier identities» and the cultural commonness of frontier zone are firstly based on the military male communities (more or less transformed male alliances) belligerent with each other. The warrior-rivals are central actors of cultural cooperation as opposed to civilians and others.

Keywords: *frontier, North Caucasus, Caucasian War, male alliance, cultural cooperation, warring sides, economic life of ethnos.*

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ АДЫГСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена исследованию истории адыгов XIX в., переломным событием которой явилась Кавказская война, обусловившая процессы трансформации адыгского общества. Исследованы причины адыгской эмиграции как широкого социально-политического, экономического и демографического явления.

Ключевые слова: Россия, Северо-Западный Кавказ, адыги, Кавказская война, эмиграция.

В истории адыгов XIX в. стал переломным. Одной из центральных проблем, вобравшей в себя политическую, социальную и экономическую историю народа, явилась эмиграция большей его части в пределы Османской империи. Это произошло в ходе Кавказской войны. В настоящее время по неофициальным данным адыгский (черкесский) этнос включает в себя более чем трехмиллионную диаспору, а проживающих на своей исторической родине – около семисот тысяч (адыгейцы, черкесы, кабардинцы, шапсуги Причерноморья). Анализ этнического и количественного состава переселенцев (с учетом имеющейся статистики) подтверждает, что 57 человек из каждых 100 переселившихся горцев были адыгами.

Если оценивать степень трагизма судьбы какого-либо народа по соотношению количества его представителей, проживающих на исторической родине, и численности диаспоры, то едва ли найдется в мире народ, чья судьба сложилась бы столь трагически. Заметим, что такое соотношение у армян два к одному, у евреев – один к четырем, а у адыгов – один к шести [11, с. 88].

Несомненно, при изучении истории адыгского народа, который в настоящее время проживает более чем в 40 странах мира, расположенных на разных континентах, возникает множество вопросов: всегда ли адыги были так разобщены, где их историческая родина, с какого момента можно говорить об адыгах как о самостоятельном этносе и что он (этнос) представлял собой в его стационарном состоянии, т. е. до начала активных военных действий? В числе первых продолжает стоять вопрос о

* КУДАЕВА Светлана Григорьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории государства и права Майкопского государственного технологического университета, г. Майкоп, Россия. Электронная почта: istpravo@yandex.ru.

причинах столь массового переселения и его последствиях. Это естественно, так как процесс исторического познания проявляется в движении мысли от событий истории к пониманию причин, характера развития и последствий исторических явлений. Не вызывает сомнения, что такое масштабное историческое явление, как адыгское переселение, требует последовательного изучения всего комплекса причин, то есть внутри- и внешнеполитических. Именно такой подход способен обогатить складывающиеся исследовательские подходы, тем более что в историографии трудно найти проблему, которая столь бы зависела от политической конъюнктуры, как история Кавказской войны и адыгского переселения.

Среди прочих, учеными высказывалась мысль о том, что адыги не являются автохтонами Северо-Западного Кавказа, и именно этим объяснялось их легкое, т. е. без весомых на то причин, переселение в пределы другого государства. Почвой для таких высказываний послужила господствовавшая долгое время в дореволюционной и западной историографии так называемая миграционная теория происхождения адыгов. Тем самым отрицался факт формирования адыгской общности на территории Северо-Западного Кавказа [4, с. 3–4]. Это, естественно, требует обращения к вопросам этногенеза адыгов.

Изучение раннего этногенеза адыгов подтверждает, что формирование адыгской общности происходило в сложных исторических условиях. Тем не менее учеными достоверно установлено, что к X в. н. э. адыги, как народ с единым языком и культурой, в общих чертах сложился. Уже с первой половины X в. письменные источники считали адыгов единым народом, населявшим значительные территории от Таманского полуострова на Западе и до Абхазии на Юго-Востоке, на Севере до Приазовья и р. Кубань [4, с. 31–32].

Но для окончательного (полноценного) формирования этнической общности, ощущения себя единым народом непременно необходимо проявление этнического самосознания как важнейшей особенности и психологической структуры этноса и его членов. Ключевым моментом этнического самосознания является идентификация индивидов с определенной этнической общностью, которая проявляется в самоназвании – этнониме [13, с. 17–19].

Учеными весьма аргументировано доказано, что эндоэтноним «адыги» и экзоэтноним «черкесы» появились в ходе многовекового и сложного исторического процесса формирования адыгской этнической общности.

Сегодня «адыги» – самоназвание современных кабардинцев Кабардино-Балкарии, черкесов Карачаево-Черкесии, адыгейцев Республики Адыгея, шапсугов Причерноморья и адыгов, проживающих за рубежом. Следует отметить, что все они вполне четко осознают свое этническое единство.

Изучение стационарного состояния адыгского этноса в первой половине XIX в. обусловило обращение к категориальным определениям этноса. Большинство ученых сходятся во мнении, что изучение этноса представляется более содержательным как направленность культуры, через анализ различных ее слоев, т. е. зависимость этнического самосознания от особенностей культуры неоспорима [12, с. 80]. Географическое единство территории, языковая близость этнических единиц приводит к определенному культурному единству: именно культурный комплекс является средством реализации этноса в действительности и формирует специфическое самосознание [5, с. 126].

Наиболее целесообразным представляется деление культуры этноса на составляющие ее подсистемы, или сферы культуры: производственную, жизнеобеспечивающую, соционормативную и познавательную [2, с. 42–46].

Изучение адыгского общества в контексте выделенных критериев, характеризующих состояние этноса, убедительно показывает, что, являясь автохтонными жителями Северо-Западного Кавказа, к началу XIX в. адыги имели достаточно развитую систему жизнеобеспечения, основу которой составляла развитая хозяйственная организация и структура, сложившаяся в результате упорного труда многих поколений, хорошо приспособленная к местным условиям [11, с. 89].

Традиционное политическое устройство адыгского общества переживало заметные изменения, связанные с усилением влияния князей, дворян, старшин, что неизбежно приводило к обострению социальных противоречий и упорному сопротивлению свободных крестьян. Однако эти процессы по своему характеру не могли спровоцировать такое явление, как переселение подавляющей части населения вне зависимости от социально-классовой принадлежности [11, с. 193].

Нельзя брать за основу и религиозный фактор. Более того, у адыгов религия никогда не играла такой важной роли в жизни, как это имело и имеет место у многих других народов Кавказа. В большей степени, чем религия, социальные функции в жизни общества решал адыгский этикет. Требования религии «растворились» в адыгэ хабзэ, ибо он шире, чем религия, охватывает

проблемы общества. Именно адыгский этикет придает специфический оттенок образу мышления и поведения черкесов, определяет характер языка, религии, науки, искусства, обычаев, привычек. В то же время нельзя не учитывать значение религиозного фактора при выборе страны переселения (см.: [3, с. 3] [22, с. 135]).

С полным основанием можно утверждать, что адыгское общество в рассматриваемый период представляло целостную систему жизнеобеспечения и функционирования, в которой не было объективных причин для «вымывания» значительных групп населения.

Далее интерес представляет изучение внешнеполитического положения адыгов в рассматриваемый период. К 30-м гг. XIX в. уровень социально-экономического и общественно-политического развития, достигнутый адыгами, а также наличие экономических связей с Россией, Турцией и другими державами свидетельствует о том, что Северо-Западный Кавказ все активнее втягивался в ход мировой истории. Проблему переселения адыгов в пределы Османской империи необходимо рассматривать на широком фоне международной политики ряда держав, особенно России, Англии и Турции. Именно в период с 1829 по 1864 гг. происходит накопление и обострение межгосударственных противоречий, в центре которых оказался Северо-Западный Кавказ. Постепенное нарастание антагонизмов, изменение интересов разных держав в этом регионе прослеживается по основным историческим вехам. Это Адрианопольский (1829) и Ункяр-Искелесийский (1833) договоры, Лондонские конвенции (1840–1841), Крымская война (1853–1856) и, наконец, последний этап Кавказской войны.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. завершилась подписанием 14 сентября 1829 г. Адрианопольского договора. В четвертой статье, касающейся кавказской проблемы, говорилось, что весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая включительно, «пребудут в вечном владении Российской империи» [15, № 3128, с. 625]. Османская империя лишилась всех опорных пунктов на черноморском побережье Кавказа, а Россия приобрела важную в стратегическом отношении военно-морскую базу – Анапу. Условия Адрианопольского мира не только пресекали экспансию Турции в этом направлении, но и подрывали ее экономическое и политическое влияние среди адыгов Северо-Западного Кавказа.

Следует отметить, что Турция никогда не владела территориями, указанными в четвертой статье. Россия же использо-

вала четвертую статью Адрианопольского трактата для присоединения земель, не принадлежавших ей ни политически, ни экономически.

Признание Портой восточного берега Черного моря владениями России не имело реальной силы. Утверждение власти России было возможно только в жесткой борьбе с адыгами, хозяевами этой земли. В политическом, экономическом и культурном отношении зависимость адыгов от Османской империи была больше номинальной, чем фактической. Но они не желали и власти России. И царизм начинает осуществлять свои планы военно-феодальными, колониальными методами, приступает к утверждению колониальной администрации силой оружия. План покорения предполагалось осуществить в 1830 г. Но в результате упорного сопротивления прибрежных адыгов эту военную операцию удалось осуществить только в 1864 г.

Определяющее значение при решении вопроса о завоевании Северо-Западного Кавказа и переселении адыгов имели именно события заключительного этапа Кавказской войны (1856–1864). С 1856 г. главнокомандующим Кавказской армией был назначен князь А. И. Барятинский. Полковник генерального штаба Д. И. Романовский в своих воспоминаниях о Кавказской войне писал: «Все, мною виденное и читанное, не составляет во мне ни малейшего сомнения, что быстрым покорением Кавказа Россия обязана покойному генерал-фельдмаршалу князю А. И. Барятинскому. Для меня ясно также, что покорение Кавказа не было только случайным стечением благоприятных обстоятельств, не было и последствием удачного вдохновения минуты, а составляет прямой логический результат зрело и верно обдуманного плана действий» [18, с. 7].

После своего назначения командующим войсками на Кавказе фельдмаршал А. И. Барятинский лично прибыл во Владикавказ «для подробного обсуждения положения дел в Закубанском крае, окончательного установления плана действий...» [9, с. 351]. План был предложен генерал-адъютантом графом Н. И. Евдокимовым, который с 1860 г. был назначен командующим войсками Кубанской области. С его назначением способы ведения войны на Северо-Западном Кавказе были кардинально изменены.

Граф Н. И. Евдокимов требовал решительных наступательных действий. А. Л. Зиссерман писал, что с осени 1860 г. в Закубанском крае начались наступательные действия с той усиленной энергией и настойчивостью, которые были свойственны

графу Н. И. Евдокимову и уже достаточно проявились на Восточном Кавказе [9, с. 352].

Было произведено новое административное разделение края. В связи с этим шесть бригад Кавказского линейного казачьего войска были объединены в одно Кубанское казачье войско. В предложенном Н. И. Евдокимовым плане окончательного покорения Западного Кавказа главным средством должно было послужить заселение казачьими станицами всего пространства между реками Белой и Лабой и восточным берегом Черного моря и предложение горцам выселиться на равнины или же удалиться в Турцию [24, с. 76].

Для осуществления плана, предложенного графом Н. И. Евдокимовым, были сформированы Адагумский, Шапсугский и Абадзехский отряды. В распоряжении командующего войсками Кубанской области в 1861 г. находилось 47 батальонов, 22 эскадрона, 114 сотен, 28 батарейных и облегченных орудий, 30 легких, 28 конных, 36 ракетных станков. Большая часть этих войск была сосредоточена на пространстве между Лабой и Белой и разделена на 4 отряда – Абадзехский, Верхне-Абадзехский, Мало-Лабинский и Верхне-Лабинский. Во всех отрядах около 20-ти батальонов, 6 эскадр, 30 сотен, 14 батарей, 18 легких и 12 конных орудий, 20 ракетных станков и 250 транспортных повозок. Шапсугский отряд находился на р. Суть. Отдельный отряд находился на верхней Кубани для построения станиц [6, л. 1–7]. На пространстве около 500 верст, от верховьев р. Лабы и р. Белой до берегов моря у Анапы в состав действующих отрядов было выставлено 24 полка конницы (20 тыс. всадников) и 10 пеших пластунских батальонов (в 10 тыс. штыков), которые составляли в тех же отрядах авангарды, рекогносцировочные колонны и разведочные партии, которые шли впереди регулярных войск.

М. И. Венюков пишет, что если к этому добавить, что позади тянулись бесчисленные колонны переселенческих транспортов тех же кубанских казаков для водворения на показанных местах казачьих станиц, закреплявших за ними очищенную от неприятеля (адыгов. – С. К.) страну... подавляющее действие этих мер можно не комментировать. Вряд ли в такой ситуации у кого-то могла появиться надежда, что на новых местах они могут обрести спокойную жизнь (цит. по: [6, с. 197–198]).

Описывая события 1861–1863 гг., М. И. Венюков также отмечал, что «война шла с неумолимой беспощадной суровостью. Мы продвигались вперед шаг за шагом, но бесповоротно, очи-

щая от горцев, до последнего человека, всякую землю, на которую раз становилась нога солдата. Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями... Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уводимо под военным конвоем в ближайшие станицы и оттуда отправлялось к берегу Черного моря.

..Таков был характер войны. Целые племена, как бесленевцы, были выселены облавою в течение одного, двух дней. Аулы баракаевцев, абадзехов на Фюнфте и Фарсе горели дня три, наполняя воздух гарью верст на тридцать, когда в феврале 1862 г. начались движения наши для изгнания этих горцев. Понятно, что «война, так веденная, быстро приводила к решительным результатам» [20, с. 249–250].

Генерал-адъютант граф Н. И. Евдокимов лично возглавил Даховский и Джубгинский отряды, которые двинулись от верховьев Пшиша и Псекупса через Главный Кавказский хребет в долину Туапсе. По приказу главнокомандующего Кавказской армией «для очищения от остатков населения верхних котловин южного склона Кавказа» между р. Туапсе и Гагринским хребтом был сформирован особый отряд войск из 12 рот и одной сотни. Еще два отряда были сосредоточены в верховьях р. Пшиша и в долине р. Пшехи, чтобы «остатки горского населения не могли укрыться на Северной покатости» [17, л. 1–2]. Все очищенное пространство как северного, так и южного склона хребта с наступлением весны будет занята казачьими станицами, места для которых уже большей частью избраны.

В отношении генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича Военному министру от 4 марта 1864 г. говорится, что задача, возложенная на Кавказскую армию высочайше утвержденным положением о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта, исполнена. Все пространство северного склона к западу от реки Белой и южный склон от устьев Кубани до бывшего укрепления Вельяминовского «очищены от неприязненного нам «населения» [23, л. 3–4].

Не напрасно план покорения Северо-Западного Кавказа, предложенный графом Н. И. Евдокимовым в 1860 г., был так высокоценен царским правительством. Известно, что император Александр II за этот план наградил его орденом Святого Георгия 2-ой степени.

В результате решительного наступления царизма на Кавказе в конце 50–60 гг. XIX столетия развернулось массовое переселение адыгов Западного Кавказа в пределы Оттоманской

Турции. Можно выделить основные события этой самой крупной волны переселения адыгов:

– с 1858 г. вопрос о переселенческом движении адыгов Западного Кавказа становится предметом «весьма деятельной» дипломатической переписки царского правительства с оттоманским;

– в августе 1859 г. Шамиль был вынужден сложить оружие. Это событие сильно отразилось на Северо-Западном Кавказе. Усилилось наступление русских войск;

– лето 1859 г. – бжедуги первыми заявили о своей «покорности» или согласии переселиться в Турцию;

– ноябрь 1859 г. – капитулировал Мухаммед Эмин;

– с 1860 г. – главным средством покорения Кавказа была «признана» военная колонизация, с чем было и связано принудительное выселение горцев;

– в 1862 г. начато официальное выселение адыгейских (черкесских) племен, когда 10 мая состоялось «высочайшее утверждение» постановления Кавказского комитета о переселении горцев, которое в действительности, как мы видели, последовало за усилившимися военными действиями на Северном Кавказе после Крымской войны. Прежде всего был поставлен вопрос о переселении абадзехов и шапсугов, чтобы широко развернуть колонизацию в данном районе;

– октябрь 1863 г. – с абадзехами и шапсугами было покончено;

– февраль 1864 г. – по требованию Евдокимова абадзехи оставили свои жилища: одни – для поселения на прикубанской равнине, другие – для переселения в Турцию;

– к 19 апреля 1864 г. войска не встречали уже в горах убыхов – они тронулись в Турцию;

– июль 1864 г. Псуховцы и другие племена вынуждены были спуститься к морскому берегу для отправления в Турцию.

По выражению одного из участников военных операций на Кавказе Р. А. Фадеева, «действия порохом и железом кончились» [8, с. 3–4, 192]. Так закончилась одна из драматических эпох в истории Кавказа.

Анализ и сравнение существующих статистических данных позволил ориентировочно назвать число адыгов, переселившихся из Северо-Западном Кавказа в пределы Османской империи за период с 1857 по 1877 гг.: 1 млн. 400 тыс. – 1 млн. 500 тыс. чел. [11, с. 193].

После эмиграции значительной части адыгов в пределы Османской империи количество оставшихся в Закубанском крае составляло около 100 тыс. [19, л. 175–176].

К концу 80-х гг. XIX в. в Кубанской области уже насчитывалось 176 станиц [10, с. 73–74]. К 1883 г. на Кавказе проживало всего 56 423 черкеса, из них 16 000 абадзехов, 12 000 бжедугов и только 2 500 шапсугов [1, с. 115]. И это в то время, как иногородних переселенцев в Кубанской области к 1880 г. уже числилось 287 510 чел., а казаков 524 986 чел., а через 20 лет, в 1900 г., казаков было 875 218 чел. и иногородних переселенцев 1 085 583 чел. [14, с. 423]. По данным 1901 г. в общем составе народонаселения Кубанской области кавказские горцы составляли 5,5 % всего населения [7, л. 21]. А в документах за 1905 г. в группу иногородних отнесены и горские племена, находившиеся в Кубанской области... [14, с. 423].

Таким образом, именно размах военных действий на Северо-Западном Кавказе, колонизаторская политика царизма, планомерное истребление населения, делавшие невозможным дальнейшее проживание на этой территории коренных этносов, способствовали проявлению такого многозначного явления как эмиграция.

Колониальный характер войны со стороны России и национально-освободительный со стороны народов Северного Кавказа обусловил втягивание в непосредственное противостояние подавляющей части населения. Адыги вынуждены были покинуть традиционные места поселений, была разрушена сложившаяся веками система хозяйствования, истощены людские ресурсы.

Все эти обстоятельства обусловили складывание идеи массового переселения. Окончательное оформление эта идея получила в результате крайне радикальной политики царской России на последнем этапе Кавказской войны, нацеленной на освобождение этой территории от народа, не пожелавшего покориться. В этом смысле переселение следует рассматривать как вынужденную реакцию на политику и практику колонизации Северо-Западного Кавказа, т. е. как следствие главной, доминирующей причины из всего комплекса причин: захватнической, колониальной политики царизма, политики русификации окраин.

Можно утверждать, что описываемые события привели к потере этносом своих специфических свойств, подрыву традиционных форм жизнеобеспечения и жизнедеятельности, резкому ухудшению демографического воспроизводства и, как следствие, к глубокому кризису духовной и психологической жизни этноса, т. е. к этноэкологическому кризису. В результате был нарушен гомеостаз этноса (совокупность сложных приспособительных реакций человека на устранение действия различных внешних факторов). Не вызывает сомнения, что это было край-

не негативное воздействие на внутреннюю социальную архитектуру этноса, кардинально трансформирующее социальную структуру и образ жизни этноса.

Использованная литература:

1. Авакян А. Г. Черкесский фактор в Османской империи и Турции (вторая половина XIX – первая четверть XX в.). Ереван: Гитутюн, 2001.

2. Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 42–46.

3. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999.

4. Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик: Нарт, 1991.

5. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

6. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 347. Оп. 2. Д. 45.

7. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299.

8. Дзидзария А. Г. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум: Алашара, 1975.

9. Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский. М.: Университетская тип., 1890. Т. 2.

10. Кубанский сборник / ред. С. В. Руденко. Екатеринодар: тип. Кубанского областного правления, 1883. Т. 1.

11. Кудалева С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик: Эль-Фа, 2007.

12. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Сов. этнография. 1981. № 2. С. 78–96.

13. Налчаджян А. А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004.

14. Очерки истории Адыгеи / под ред. С. К. Бушуева. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1957. Т. 1.

15. Полное Собрание Законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV: 1829. № 3128.

16. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70 гг. XIX в.): сб. архивных докум. / сост. Т. Х. Кумыков. Нальчик: Эльбрус, 2001.

17. Рапорт главнокомандующего Кавказской армией от 14 июня 1865 г. военному министру // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 880, 1865. Д. 21.

18. Романовский Д. И. Генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская война. 1815–1879 // Русская старина. 1881. Т. 30. № 2.

19. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 263/916а. Д. 1.

20. Русская старина. 1878. Т. 23. № 5. С. 249–250.

21. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX в.): сб. докум. и материалов / сост. Р. Х. Гугов, Х. А. Касумов, Д. В. Шабаев. Нальчик: Эль-Фа, 2000.

22. Унежев К. Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик: Эль-Фа, 1997.

23. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1114.

24. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп: Меоты, 1993.

THE CAUCASIAN WAR AS A FACTOR OF THE TRANSFORMATION OF THE ADYGHE SOCIETY

KUDAIEVA Svetlana G., Dr. Sci. (National History), Prof.,
Head, Department of History of State and Law,
Maykop State Technological University, Maykop, Russia
E-mail: istpravo@yandex.ru

The article is devoted to the research of the Adyghe history of the 19-th century the crucial event of which was the Caucasian war that caused the processes of transformation of the Adyg society. The causes of the Adyg emigration as a wide social, political, economic and demographic phenomenon are researched.

Keywords: Russia, North-West Caucasus, adygs, Caucasian war, emigration.

Б. М.-Г. Харсиев*

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В 1859 г. завершилась полным поражением освободительная борьба народов Кавказа за свою независимость. В 1864 г. русской армией уничтожены последние очаги сопротивления горцев, Кавказская война закончилась. С этого времени Кавказ втягивается в орбиту влияния Российской империи

* ХАРСИЕВ Борис Магомет-Гиреевич, кандидат философских наук, заведующий отделом этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных исследований имени Ч. Ахриева, г. Малгобек, Россия. Электронная почта: harsievfial@mail.ru.

Ключевые слова: Кавказская политика, административное переустройство, кавказское наместничество, военное правление, актуальные проблемы.

Для изучения современных процессов, происходящих в России и, в частности, на Северном Кавказе, необходимо переосмыслить классическую парадигму идеологического антагонизма и вернуться к исторической реальности. Актуализируя научную мысль на проблематике, ориентированной на изучение истории и социологии народов, населяющих Северный Кавказ, и повседневного мира кавказцев, мы обнаружим, что не только экономика или деятельность политиков определяют события, происходящие сегодня в этом регионе. Большое влияние на них оказывает и повседневная жизнь этносов, их представления и ценности, обретенные в процессе исторического развития.

Игнорирование роли этничности в социальной истории, абсолютизация классового подхода привели к ущербности теоретических построений и, как следствие, к серьезным перекосам в сфере практической национальной политики.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. окончательно изменила расстановку политических сил на Кавказе в пользу Российской империи. Заключение в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора отменяло ограничения, введенные Белградским договором. Большая и Малая Кабарда юридически закреплялись за Россией. Это означало, что империя могла также признать в российском подданстве большинство мусульман Северного Кавказа.

Основным направлением в кавказской политике Петербурга с этого времени стало укрепление южных рубежей страны на Северном Кавказе. В последней четверти столетия правительство Российской империи приступило к возведению единой системы военных укреплений от Черного моря до Каспия. Уже в 1777 г. началось строительство Азово-Моздокской укрепленной линии – укрепление и расширение старых и постройка новых крепостей: Александровской, Екатериноградской, Георгиевской, Павловской, Ставропольской и др. Устройство вдоль всей линии казачьих станиц Волжского и Хоперского полков положило начало российской колонизации на Северном Кавказе.

Военно-административные центры Российской империи становились ключевыми пунктами так называемой Кавказской укрепленной линии. В них размещались штаб-квартиры воинских частей, судебный и административный аппарат, военные

склады, продовольственные запасы. Поощряемая правительством русская колонизация Кавказа вела к появлению здесь, вслед за казаками, населения, переселявшегося из Центральной России. Гребенское, терское, а затем черноморское казачество «как сословия служилые» составляли «передовой форпост» на южных российских рубежах. Постепенно от заигрывания с представителями местной военной знати, склонявшейся к политическому союзу с Россией, власти империи перешли к политике жесткого военного контроля над территориями и населением региона.

Успехи российского оружия позволили включить в сферу влияния Западное Закавказье. В июле 1783 г. в крепости Георгиевск был заключен «Дружественный договор», оформивший протекторат Российской империи над Картли-Кахетинским царством Ираклия II. В преамбуле документа содержалось заявление Екатерины II о роли России в защите единой Грузии от внешних врагов.

С подчинением Грузии Российской империи остро встал вопрос о необходимости коммуникаций, надежного прохода в Закавказье. В том же году приступили к реконструкции дороги через Главный Кавказский хребет, связывавшей Россию с Грузией. У входа в Дарьяльское ущелье, где начинался перевал через Большой Кавказ, в 1784 г., на землях ингушей, добровольно присоединившихся к России 1770 г., была заложена крепость Владикавказская. В ее названии отразились не только стратегические замыслы империи, но и та политическая доктрина, которая легла отныне в основу действий Российской империи.

При Екатерине II в 1785 г. на Северный Кавказ было распространено общее положение о губерниях. При этом в административном отношении регион остался, как и прежде, тесно связан со Средним и Нижним Поволжьем. В 1786 г. Кавказская область вместе с Астраханской вошла в Кавказское наместничество. Власть наместника здесь во многом совпадала с властью губернаторов, с той лишь разницей, что он управлял не одной, а тремя губерниями. Кроме Кавказской и Астраханской кавказскому генерал-губернатору подчинялась и Саратовская губерния. В пределах этих пограничных областей наместник кавказский обладал высшей судебной, исполнительной и военной властью.

В 1796 г. Павел I ликвидировал Кавказское наместничество, соединив его с Астраханской губернией. Однако в 1802 г. указом Александра I Астраханская губерния вновь была разде-

лена на две – Астраханскую и Кавказскую. Столица вернулась в Георгиевск. Военная и гражданская власть над обеими губерниями была передана инспектору Кавказской линии князю П. Д. Цицианову (1802–1806). Грузия, присоединенная к России в 1801 г., была также передана под его управление. В 1822 г. Кавказская губерния была преобразована в область, а ее центр отодвинули на северо-запад в г. Ставрополь, подальше от набегов горцев и ближе к дорогам в Центральную Россию.

В 1805 г. губернатор Астраханский и Кавказский князь П. Д. Цицианов подготовил проект «Об устройстве системы органов управления на Северном Кавказе», в основу которого была положена идея Екатерины II о признании «покровительства российскими властями мусульманской вере». В силу целого ряда причин органы духовной власти для мусульман Северного Кавказа так и не были созданы. Осуществись цициановский проект, вряд ли бы стала возможной кавказская война (1817–1864).

Правительство империи, спешившее поскорее навести порядок на Северном Кавказе и посчитавшее излишним глубоко вникать в местные тонкости, решило попросту разрубить мечом гордые узлы горской политики. Но вместо решения проблемы оно получило затяжную, кровопролитную войну.

В 1859 г. освободительная борьба народов Кавказа за свою независимость завершилась полным поражением. В 1864 г. русской армией уничтожены последние очаги сопротивления горцев, Кавказская война закончилась. С этого времени Кавказ втягивается в орбиту влияния Российской империи.

Война нанесла огромный ущерб народонаселению и экономике края. Были уничтожены сотни цветущих аулов и хуторов, вырублены сады и леса, разрушены мосты и дороги, в запустение пришла оросительная система.

Тысячи горцев были уничтожены, а живые согнаны с родных мест в горы. Лучшие равнинные земли, освобожденные от горского населения, отчуждались властью под казачьи станицы, раздавались верноподданной царскому двору знати и офицерству. В крайне напряженной обстановке началось административное переустройство Северного Кавказа. До 1860 г. горское население считалось находящимся в подчинении у военных властей русской Кавказской линии, гражданская администрация действовала только на Ставрополье.

В первой половине XIX в. начался процесс государственного регулирования жизни горцев. Недостаточное знание наро-

дов, населяющих Кавказскую губернию, создавало трудности в управлении южными границами империи. Правительству предстояло найти такую форму имперского присутствия в Северокавказском регионе, которая, прежде всего, обеспечила бы его социально-политическую стабильность.

После того как права и обязанности горской знати перешли к Российскому государству, она была поставлена перед выбором: либо бежать за Кавказскую линию, либо встать на службу империи.

Выходцы из военной горской знати служили России в армии, а также в гражданской и судебной администрации для горцев, возглавляли конные и пешие отряды горской милиции. С офицерскими чинами горцы получали права и чины российского дворянства. Тем самым они включались в общероссийскую сословную иерархию.

Для усиления контроля в регионе кавказскому наместнику М. С. Воронцову были предоставлены довольно широкие права и полномочия, в том числе в судебной сфере. В его подчинении находились губернский и областной прокуроры.

В рамках кавказского наместничества успешно стала функционировать система военно-народного управления, которая охватила все горское население Северного Кавказа. Ее сущность, по оценке последнего наместника Кавказа генерал-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова, заключалась в следующем: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армии, и на предоставлении населению во внутренних делах вестись по своим адатам». При этом допускалось привлечение в низшую администрацию и суд «местного, отчасти выборного элемента» [2, с. 6].

Главные черты военно-народного управления составляли:

- 1) единоначалие;
- 2) возможность быстрого перемещения и призыва войск;
- 3) народный суд.

Такую политику в 1856 г. продолжил А. И. Барятинский, который в 1857 г. реорганизовал аппарат наместничества. Приставские управления были упразднены, и указом императора все «покорное население Левого Крыла» Кавказской линии разделено на четыре округа: Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский, Кумыкский.

Позднее, в 1859 г., после завершения активных военных действий в горной Чечне, было образовано еще два округа – Аргунский и Ичкеринский. Эти изменения привели к учреждению на Левом крыле «Особой канцелярии по управлению покорными туземцами».

Административно-территориальные преобразования, продиктованные условиями военного времени, проводились без учета исторически сложившихся границ проживания горских народов, их хозяйственных нужд и культурных факторов. В итоге округа группировались из разных племен, стоящих на различных уровнях социально-экономического, правового и культурного развития, что предполагало временный характер данных образований. Ярким примером тому служил Военно-Осетинский округ, в состав которого вошли осетины, кабардинцы Малой Кабарды, назрановцы (ингуши равнинных и предгорных районов) и ингуши, проживавшие в горных районах.

В 1860 г. были образованы Ставропольская губерния, Терская и Кубанская области. Терская область включала 8 округов: Осетинский, Кабардинский, Ингушский, Кумыкский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский, Нагорный. Административным центром Терской области стал преобразованный из крепости в город в том же 1860 г. Владикавказ (Буру).

В 1861 г. в России отменили крепостное право. Соответствующий указ царя Александра II распространялся на всю территорию Российской империй, в том числе на земли Войска Донского, Ставрополья, Кавказа. В том же 1861 г. было принято положение об устройстве земельного быта горских племен Кавказа.

Подготовленное Положение об отмене крепостного права было объявлено 1 октября 1866 г., предписанием Главнокомандующего Кавказской армией, начальнику Терской области и провозглашено 18 ноября 1866 г.

В 1869 г. Сословно-Поземельная комиссия по Терской области была упразднена. Население никаких актов на приобретение земли не получило. Между тем население росло, малоземелье увеличивалось.

Основные цели и задачи административного управления горскими народами сводились к следующему:

1) судебные и полицейские функции возлагались на представителей царской администрации, в первую очередь на офицеров; гражданские лица из местных от управления отстранялись;

2) было сохранено использование норм обычного права, но по достаточно ограниченным категориям дел; вводились горские словесные суды; на шариатский суд возлагалось решение только тех дел, которые были связаны с религиозными нормами [1, с. 1288–1290].

Еще 1 апреля 1858 г. было издано «Положение об управлении Кавказской армией», которое предусматривало включение в состав Главного штаба особого отделения по управлению горскими народами.

В 1869–1870 гг. на Северном Кавказе была проведена новая судебная реформа. 30 декабря 1869 г. был обнародован указ императора о введении в Терской и Кубанской областях «Временных правил горских словесных судов». В округах учреждался словесный суд под председательством начальника округа или его помощника.

В результате подобных реформ система традиционного самоуправления горских обществ продолжала подвергаться разрушению.

Судебная и административная системы были неотъемлемой частью управления краем. Это создавало предпосылки для внедрения в быт и общественную жизнь местного населения определенных общероссийских правил.

Большое значение в борьбе с преступностью царская власть придавала круговой поруке. Так называемый «израильский вариант» уже в XIX в. применялся против горцев Кавказа. Целые селения наказывались в случаях, когда преступники оказывались выходцами из них, или когда по их территории перемещались преступники, принадлежавшие другим обществам и совершившие преступления в других местах, или когда следы преступной группы обнаруживали на подступах к населенному пункту. Приверженцами таких мер были и некоторые ученые. К их числу относился декан юридического факультета Петербургского университета профессор Н. Д. Сергеевский, бывший горячим сторонником так называемого «института ответственности невинных». Он доказывал, что государство не только может, но в некоторых случаях и должно наказывать за преступления целые группы людей, в преступлении не виновных. Этот «вековой институт, – отмечал профессор, – всегда существовал в действующем праве и, по всей вероятности, всегда будет существовать» [4, с. 75].

Подобная практика вызывала только ненависть и недоверие у населения к власти.

Признавая за собой исключительное «право сильнейшего», в воле которого судить и провозглашать, миловать или наказывать, военная администрация кавказской линии считала горскую культуру ущербной для империи, а традиции, требующие уважение к любой личности, – туземной дикостью.

Восхищаясь европейским буржуазным либерализмом, российская прогрессивная мысль в лице передового офицерства XIX в. не признавала и всеми доступными средствами боролась с институтами горской демократии.

Кроме того, в русской армии находились иностранцы, в подавляющем большинстве индифферентные к религии, но падкие на грабеж.

«...Российская государственность до такой степени внедрялась в новую почву, до какой та позволяла это сделать. И если для этого надо было оставить и сочетать нормы российского законодательства и горского обычного права, это допускалось, и вовсе не из стремления сохранить самобытность горских народов, их вековые устои и т. п., что как раз выжигалось и попиралось в ходе всей войны. Это сочетание давало тот малый «плацдарм», укрепившись на котором, постепенно следовало «выдавить» все нероссийское из как можно более широкого спектра способов социального действия и мотиваций горца» [3, с. 86].

Окончание Кавказской войны, практически совпавшее с началом пореформенного периода, представляет собой начало совершенно самостоятельного этапа интеграции Северного Кавказа в историко-культурное пространство России. В это время изменяется не только политический статус региона, окончательно входящего в государственное пространство России, но и его этническая и экономическая карта.

Победа Октябрьской революции 1917 г. в России, и установление на Северном Кавказе в двадцатые годы прошлого века Советской власти положили начало процессу радикального переустройства культурного уклада.

20 января 1921 г. декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) была организована Горская Автономная Советская Социалистическая Республика (ГАСС), со столицей в г. Владикавказе, в составе областей: Чечня, Ингушетия, Осетия, Кабарда, Балкария и Карачай. Дагестан был объявлен отдельной независимой советской республикой. 16–22 апреля 1921 г. был избран ВЦИК ГАССР.

Благодаря близким хозяйственным отношениям, культурным и религиозным связям северокавказские народы постепен-

но, в границах одной республики, могли консолидироваться. А это представляло существенную опасность для коммунистической идеологии.

7 июля 1924 г. вышло Постановление ВЦИК «Об упразднении Автономной Горской Советской Социалистической Республики».

Кавказ 1990-х – зона дезинтеграции, нестабильности, конфликтогенности. Причины этому называются разные, все зависит от уровня восприятия событий и процессов на Кавказе. Это и развал СССР, и территориальные споры, и конфессиональные различия.

Процессы дезинтеграции на Кавказе провоцировались внутригосударственными политическими настроениями. Естественно, они прикрывались различными лозунгами, в том числе и лозунгами борьбы двух цивилизаций. Фактическим форпостом защиты российских интересов на Кавказе оказывался сам народ, который больше всего и страдал от кавказского политиканства.

Фактически Россия как федерация на деле представляет собой унитарное государство с этническими автономиями.

Совершенно очевидно, что национальная консолидация в рамках российской модели опирается на идею народа, а не на понятие гражданства, провозглашаемого Конституцией.

Переход к цивилизационной парадигме изучения кавказского региона позволяет поднять целый ряд вопросов, связанных с проблемами государственного управления Кавказом, ментальностью, культурными особенностями этнических групп, проживающих на этой территории, и ролью этих факторов в социальном взаимодействии. Естественно, что в этой связи особую актуальность приобретает наш форум, посвященный 150-летию окончания Кавказской войны проблеме воспитания нравственной и ответственной личности как основы сильного государства.

Пришло время отойти от идей С. Хантингтона, утверждавшего, что Кавказ – это регион «тектонического» столкновения различных цивилизационных плит, породившего кровоточащую рану, протянувшуюся от Балкан через Кавказ до Тибета. В том числе от споров и интерпретации кавказской истории.

Еще и сегодня остается актуальной проблема дезинтеграции и интеграции на Кавказе. То, что в мире в глобальном плане идет процесс интеграции, и то, что интеграция в региональном плане – условие стабильного развития региона, в настоя-

щее время – это факты, с которыми вряд ли кто будет спорить.

Основа дискуссий и разных мнений, перманентно возникающих по поводу Кавказа, как нам представляется, состоит прежде всего в неприятии лидерами некоторых партий и регионов единого правового пространства, одинакового действия законов. На наш взгляд, пора прекратить вольную интерпретацию конституционных прав и обязанностей граждан России, в том числе жителей Северного Кавказа.

Наш общий долг – найти пути преодоления деструктивных процессов на Кавказе и перехода к интеграции и стабильному развитию.

Использованная литература:

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. Д. А. Кобякова. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. Т. 12.

2. Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края // Журнал Министерства Юстиции. 1912. № 2. С. 1–71.

3. Шнайдер В. Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М.: Союз, 2005.

4. Яблонский А. А. Родные картинки. М.: Тип. товарищества И. Д. Сытина, 1912. Т. 1.

THE CAUCASIAN WAR AND ETHNIC HISTORY OF NORTHERN CAUCASUS

KHARSIEV Boris M.-G., Cand. Sci. (Religious Studies,
Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture),
Head, Department of Ethnology,
Ingush Research Institute for the Humanities, Malgobek, Russia
E-mail: dom-hors@mail.ru

The year 1859 ended with the complete defeat of the liberation struggle of the peoples of the Caucasus for their independence. In 1864 the last pockets of resistance to the highlanders was destroyed by the Russian army, and the Caucasian war has ended. Since that time, the Caucasus is drawn into the sphere of influence of the Russian Empire.

Keywords: *Caucasian policy, administrative reorganization, caucasian viceroyalty, military rule, actual problems.*

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ЭПОХАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПОСЛЕ ЕЕ ОКОНЧАНИЯ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

В статье анализируется опыт российской рецепции обычного права, использование его по ходу противостояния в Кавказской войне в качестве идеологического фактора, а также в интеграционных преобразованиях после ее окончания.

Ключевые слова: традиционализм, обычное право, ислам, мусульманство, Кавказская война, интеграция.

Накопление сведений о существовавших особенностях управления у «туземных» сообществ Северного Кавказа, основывавшегося на различных народных обычаях (адатах), началось еще в XVIII столетии, когда под влиянием тех или иных исторических обстоятельств наметилось постепенное вхождение края в состав Российской империи. Но это были лишь первые попытки, создававшие основы для дальнейшей работы. Предпринимались они, как и на других направлениях, чиновниками, среди которых преобладали военные специалисты. На необходимость «всесторонне изучить быт различных кавказских племен» обращалось внимание в докладной записке министра финансов графа Е. Ф. Канкрин, поданой Николаю I в начале его государственной деятельности в 1825 г. [21, с. 41–42].

Впоследствии сбор и обобщение материала для создания эффективной системы управления, опиравшейся на ненарушимость «народных обыкновений» [21, с. 45], продолжились. Отдельные аспекты административного опыта, обретенного в эпоху присоединения Кавказа, получили отражение в трудах Н. Ф. Дубровина, П. И. Ковалевского, В. А. Потто, Р. А. Фадеева и других авторов второй половины XIX в. В них так или иначе затрагивались особенности этого опыта и в северных ареалах края (см: [12] [19]). Появились тогда же обобщения и по специфическим направлениям проводившейся политики. Внимание ученых привлекли тогда, в частности, обычаи (адаты) и их при-

* МАТВЕЕВ Владимир Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия. Электронная почта: vladimir-matveev2009@yandex.ru.

менение в качестве привычных правовых норм для туземного населения при организации системы управления на Северном Кавказе.

Сбор соответствующих сведений и их первую научную обработку предпринял Ф. И. Леонтович (см: [22] [23]). Изучение обычного права производилось и у отдельных народов. Так, М. М. Ковалевский изучал его в среде осетин [19], а Б. В. Миллер — у карачаевцев [24]. Это не что иное, как явление рецепции [28, с. 26], усвоения обычного права, примененное при включении иноэтнических ареалов Северного Кавказа в систему управления империей. Если рецепция римского права, наблюдавшаяся при культурном подъеме в Западной Европе на рубеже XI–XII вв., была связана с восприятием стандартов более совершенного юридического опыта [28, с. 26], то российский аналог этого явления на восточных окраинах имел направленность на освоение существовавшего для недопущения резких перемен в сфере сложившихся традиций.

В начале XX в. появились обобщавшие российскую практику обустройства иноэтнической периферии издания, среди которых выделялась упоминавшаяся в историографическом обзоре систематизация начальника военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа полковника С. Эсадзе и др. (см.: [14] [50] [51] [52]). Продолжался вместе с тем сбор материалов об особенностях функционирования «горских народных судов» [1]. Данные усилия свидетельствуют о том, что при включении пространств иноэтнической периферии в пределы России, наряду с разграничением пространства, возникали также не менее сложные проблемы, связанные и с организацией управления. Именно этот аспект, как заметил В. В. Дегоев, являлся одним из важнейших в проводимой политике [9, с. 29], от него напрямую зависело поддержание стабильности и преодоление сепаратистской обособленности в тех случаях, когда она продолжала устойчиво сохраняться.

Поиски адекватных решений иногда охватывали длительные периоды и сопровождались, безусловно, не только достижениями, но и неизбежными просчетами, порождавшими новые трудности. Это объяснялось противоречивостью самой действительности. Тем не менее общая стратегия российской политики на окраинах позволяла достигать намеченных целей в сфере управления. Она также способствовала формированию государственного единства, так как в нее изначально были заложены подходы, способствовавшие интеграции и связанных

с ней процессов универалистской трансформации. Линия эта последовательно выдерживалась в российской политике и на Кавказе. В предписаниях, формировавших ее специфику в регионе, неоднократно подчеркивалось: «Управление кавказскими горцами всегда составляло предмет особых забот русского правительства, требуя от лиц, поставленных к этому делу, много внимания, труда и энергии» [5, л. 16].

Определялась и общая направленность проводимой в отношении иноэтнических сообществ политики «к сближению туземцев с русским населением и русской жизнью», условия для которого создавал во второй половине XIX – начале XX в., как отмечалось в официальных документах, «целый ряд мероприятий правительственной власти» [5, л. 16]. Такие подходы отражены и в служебной переписке на уровне отдельных субъектов края. В инструктивном послании начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска атаманам отделов в 1901 г., например, содержалось разъяснение, что управление краем из-за «особых нравов и привычек, сложившихся у горцев под влиянием исключительных исторических условий, всегда требовало от администрации много забот» [5, л. 21].

Достигалось вместе с тем постепенное государственное совмещение иноэтнической периферии с районами расселения восточных славян, не подразделявшихся в тот период на отдельные группы. Во всех сферах сложившихся туземных общественных укладов, включая местное самоуправление, получившее наименование «военно-народного», русская власть признавала полезным для повышения привлекательности установившейся юрисдикции и доверия к своим административным нововведениям не нарушать вместе с тем то, что досталось от прошлого и являлось своего рода элементом защиты этнической самобытности. Ставка делалась на сохранение традиций и особенностей прежних привычных для туземного населения условий [48, л. 1]. В некоторых исследованиях разработка их основ относится лишь к наместничеству М. С. Воронцова [39, с. 150]. Вклад его в совершенствование системы управления краем прослеживается, безусловно, и на этом направлении. Но оптимизация ее важнейшего низшего звена намечалась еще при предшественниках М. С. Воронцова.

Система военно-народного управления складывалась как в процессе мирного вхождения в состав России, так и при силовом подчинении в ходе Кавказской войны [48, л. 1]. Наиболее последовательно к замене прежних приставских управлений

военно-народными округами ответственные за административные изменения в крае представители русской власти приступили с начала 50-х гг. XIX в. и завершили преобразования только во второй половине столетия. Такая осторожность диктовалась прежде всего стремлением не вызвать поспешными мерами, «чуждыми понятиям и нравам горцев», их недовольства (см.: [50, т. 2, с. 73] [18, с. 120]). Законодательные основы и принципы функционирования вводимой системы получили закрепление в высочайше утвержденных положениях «О кавказском горском управлении» (1865) и «О кавказском военно-народном управлении» (1880) [47, л. 21].

Данная разновидность организации функционирования власти в иноэтнической среде окраины предназначалась для интеграции в государственную систему Российской империи [27, с. 51]. На это были нацелены все предпринимавшиеся мероприятия в проводимой политике [27, с. 51], способствовавшие углублению процессов универсалистской трансформации и преодолению сохранявшихся в ряде случаев состояний сепаратистской обособленности. Официально военно-народное управление устанавливалось «впредь до того времени, пока край будет находиться на военном положении», но, несмотря на переходный характер, в действительности просуществовало до 1917 г., претерпев лишь некоторые изменения [17, с. 13].

Например, после появления в Терской области в 1891 г. нового установления «Об общественном управлении станиц казачьих войск» местные власти возбудили ходатайство перед вышестоящими инстанциями и о пересмотре действовавшего установления «Об общественном управлении туземных сельских обществ». При этом делалась ссылка на то, что «современное положение туземцев таково, что они... не представляются покоренным народом» [26, л. 1]. Однако разработанная законодательная регламентация функционирования аульных обществ в российской государственной системе, как и прежде, опиралась на традиционные воззрения и коренные начала обычного права, приспособленного тем не менее «по мере возможности к требованиям времени» [26, л. 1].

Отличительной особенностью военно-народной системы было деление управления на гражданское (или управление населением) и военное (или управление войсками). Изначально она предназначалась «для прочности правительственной власти... единения горских народов с Россией и... укрепления у них веры в бесповоротность слияния с другими подданными импе-

рии» [34, л. 667]. Военное управление сохранялось и на территориях, которые входили в зоны действия отрядов Шамиля [49, с. 19]. Утверждаемая двойственная правительственная власть соответствовала главным образом переходным условиям в управлении иноэтническими территориями и выполняла вместе с тем охранительные (полицейские) и фискальные функции [45, л. 3–3 об]. Такие же ограничения устанавливались на органы самоуправления и в остальных субъектных образованиях Российской империи [3, с. 617–618].

Военно-народное управление основывалось на сохранении неприкосновенности туземного общественного строя с предоставлением населению возможности во всех своих внутренних делах управляться по народным обычаям (адатам) (см.: [26, л. 1] [44, л. 50]), отображавшим правила поведения (этикет), установившиеся и строго соблюдавшиеся в той или иной местности [15, с. 9]. В неизменном виде сохранилось также судопроизводство и привычные способы разрешения правовых проблем, в том числе по канонам исповедуемой мусульманской религии (шариата), являвшейся на первых порах «наиболее чуждой по духу» для русского правления [48, л. 6–6 об]. И это не было каким-то вынужденным исключением. Для иноэтнических обществ Северного Кавказа допускались в соответствии с «местными особенностями края», как отмечалось в разъяснениях, отступления от установившейся судебной организации [25, с. 111].

Деятельность аульных подразделений, являвшихся основополагающим звеном привычной для туземных обществ практики, ставилась лишь под внешний надзор, возлагавшийся на начальников округов [13, с. 25]. Регламентации принимавшихся решений, как правило, не происходило. Прежние юридические традиции, основанные на адатах и мусульманском праве, при введении российских судебных уставов сохранялись. Соединение обычного, исламского и имперского права привело к установлению некой «конвергенции», которая, по признанию специалистов, являлась «фактом положительным» (см. подробнее: [7, с. 188] [16, с. 26]). На восточнославянские поселения северокавказской окраины распространялось только российское право [7, с. 190]. Для исполнения управленческих функций в низших звеньях административного аппарата каждый народ избирал из своей среды чиновников (старшин и судей), которые лишь после этого утверждались в должностях вышестоящими начальниками (см.: [6, л. 6–7 об] [33, л. 7–10]).

При помощи этих уступок правительство умело воспользовалось привязанностью вошедших в состав России народов к своим традиционным управленческим учреждениям и посредством признания их существенно ослабило враждебное противодействие мусульманских законов (шариата) процессам утверждения российских государственных структур (см.: [46, л. 41] [48, л. 1]). Проведение такой политики вызывалось и тем, что в свое время имам Шамиль и его мюриды также умело воспользовались шариатом и при помощи его, ослабляя роль народных обычаев (адатов), в значительной мере усилили свое влияние на горцев [4, с. 129]. Пропаганда ислама под предлогом «борьбы с русскими» давала тогда необходимые результаты, и приверженность этой религии у не признававших подданство России племен усиливалась [37, с. 152].

Данная историческая реальность замечалась при осмыслении событий Кавказской войны и раньше. Так, Е. Эшба еще в 1927 г. обратил внимание на то, что успехи в противостоянии включению в состав России непримиримых горцев, «казавшиеся непонятными, следует приписывать главнейшим образом настойчивости, с которой Шамиль старался распространять шариат» [53, с. 12–13]. Однако она нередко встречала сопротивление, принимавшее предельно ожесточенные формы. Некоторые аулы брались мюридами по нескольку раз и прекращали борьбу лишь после значительного опустошения. Сохранившиеся свидетельства указывают на то, что насаждение шариата дорого обошлось народам Восточного Кавказа [41, с. 83–84]. Уже после пленения, находясь в г. Калуге, Шамиль советовал представителям русской власти, опираясь на свой собственный опыт, уничтожение даже самых нелепых обычаев «решительно предоставить... времени и ходу обстоятельств» [10, с. 1465].

Принятие ислама горскими обществами сопровождалось сменой кодов цивилизационного развития, а такие изменения неизбежно, как известно из истории, сопряжены с переориентацией складывавшихся веками этнокультурных приоритетов. Подтверждением могут служить принятие христианства на Руси или аналогичные по значимости события в судьбах других народов. Цивилизационная же кодификация – явление длительное и не всегда совпадающее с государственной. Поскольку процесс смены кодов цивилизационного развития на Северном Кавказе не завершился и во второй половине XIX в., представители администрации считали, что Россия должна оказывать свое влияние на его исход. Тем более что сельские общества ко-

лебались, заявляя то о приверженности имаму Шамилю и готовности принять шариат, то выражали желание присягнуть на верность царю [38, с. 224].

С учетом этого адаты выдвигались представителями русской власти в основу системы военно-народного управления, что должно было сократить, как предполагалось, применение норм шариата и тем самым ослабить влияние мусульманских проповедников на горские массы [38, с. 224]. С 30-х гг. XIX в. Шамиль и его сподвижники предприняли значительные усилия по вытеснению адатов и расширили употребление исламского права. У дагестанских горцев имам и расставленные им в управленческих структурах шейхи попытались народные обычаи вообще заменить шариатом. За неподчинение применялась даже смертная казнь. Борьба велась, таким образом, за полную замену адатов шариатом. Но намеченная цель так и не была достигнута [21, с. 49]. Существовавшие своды обычаев население прятало, а как только прекращалась власть Шамиля, горцы вновь открыто применяли в управлении адаты и отказывались от мусульманского права, которое, как видно, в эпоху Кавказской войны популярностью не пользовалось [21, с. 49–50].

Объясняется это и встречавшимися на практике противоречиями норм шариата народным обычаям [21, с. 49–50]. Поэтому принцип «адат против шариата» получил с конца 50-х гг. XIX в. официальную поддержку [32, л. 172]. До этого в проводимой политике администрация опиралась преимущественно на шариат, а на адаты ставки не делала, признавая их пережиточность. В указанный же период такой подход признается ошибкой, «стоившей многих жертв», и рассматривается в качестве одной из причин затяжки войны с Шамилем [26, л. 1], хотя и не сразу обнаружилась взаимосвязь между укреплением шариата и ослаблением традиционного для горцев обычного права [26, л. 1]. Поддержка адатов, по сложившимся тогда представлениям, должна была укрепить гражданские начала в управлении краем в противовес началу духовному и усилить светские элементы, в том числе и в судопроизводстве [26, л. 1].

В 40-е гг. XIX в. русской администрацией на Северном Кавказе предпринимается еще более масштабная, чем на предшествующих этапах, кампания по сбору сведений об обычном праве различных этнических общностей. Ее проведение было инициировано местным управлением, мирными горцами. В 1841–1842 гг. составляются даже специальные обоснования «необходимости подробно изучать обычное право горцев», изло-

женные в докладах заведующего канцелярией этого ведомства подполковника А. Бибикова. Они были направлены главнокомандующему на Кавказе Н. Головину для принятия соответствующих решений. При его содействии вырабатывается для всего края программа, по которой и должно было производиться в дальнейшем «собрание адатов» [21, с. 45].

К составлению записей привлекались штабные офицеры и представители местных судов. В их обязанности вменялось проведение опросов стариков, имевших осведомленность об адатах своих народов [21, с. 45]. Нередко сбор преданий наталкивался на недоверие, а в ряде случаев и на языковые барьеры, создававшие препятствия для качественного отображения получаемой информации. Однако, несмотря на встречавшуюся неподготовленность участников опросов, сбор сведений о народных обычаях у туземного населения Северного Кавказа рассматривался тогда как важное мероприятие, «требующее весьма большой заботливости, продолжительных и постоянных занятий» [21, с. 46–47]. При таком подходе в результате с разной степенью полноты адаты еще по ходу Кавказской войны были изучены у большинства иноэтнических сообществ края [21, с. 46–47]. Подтверждением этому служат составленные описания обычаев (адатов) российскими чиновниками [21, с. 47–48].

Издание их продолжилось при организации системы управления и после окончания вооруженного противостояния в крае. Так, в 1864 г. выпущены «Краткое описание обычаев, существовавших между туземцами Ингушского округа» и «Сборник адатов жителей Нагорного округа», а в 1865 г. – сборники адатов у осетин и кумыков [21, с. 48]. Таким образом, рецепция (усвоение) [28, с. 26] обычного права туземных обществ северокавказской окраины проводилась российской администрацией систематически и имела нацеленность на конечный результат, находивший воплощение не только в практических решениях, но и в публикациях. Это как раз и позволяло осуществлять управление с опорой на знание местной специфики. Необходимостью ее выявления как раз и объясняется осторожность, с которой представители русской власти подходили к определению сословных привилегий [50, с. 74].

Высшие слои туземных обществ на Северном Кавказе между тем пользовались до прояснения ситуации «некоторыми льготами, присвоенными русскому дворянству» [40, с. 63]. Непризнание в правах этого сословия местных социальных элит выступало в качестве временной меры. В начале XX в. рос-

сийская рецепция обычного права (адатов) иноэтнических сообществ края вступила в стадию завершения. Вследствие этого появилась возможность определить статус «высших туземных сословий». Существовавшая неясность наконец-то оказалась преодоленной. Нерешенность вопроса «уравнения в правах» объясняется, на наш взгляд, нестыковками с имперской практикой, а не намерениями дискриминации по этнической принадлежности. По мусульманским законам (шариату) статус «привилегированных лиц» в социальной иерархии был установлен сравнительно легко, и они оставались, как правило, «владельцами вверенных их управлению земель» [35, л. 83 об].

При приведении же в соответствие прав привилегированных сословий с законодательством Российской империи настоящей оказалась необходимость разобраться в обычном праве «туземных обществ», так как представители русской власти сталкивались с тем, что заявляемые притязания чаще всего оказывались завышенными и не соответствовали действительности [35, л. 83 об]. Исключение поспешности вызывалось и незавершившейся рецепцией обычного права. Из-за встречавшихся сложностей этот процесс, несмотря на появлявшиеся систематизации, не привносил определенности для принятия практических решений. Поэтому «потомственное дворянское достоинство высшим классам населения Кавказского края» было предоставлено в виде «монаршей милости» лишь в 1913 г. Этому акту, провозглашенному «в честь трехсотлетия царствования династии Романовых», придавалось важное политическое значение. Как считали в правительственных кругах, он мог также способствовать дальнейшему сближению окраины с Россией [36, л. 3–13].

При освоении его в проводимой политике большое значение придавалось также тому, что адаты не имели религиозного подтекста, и, следовательно, не существовало препятствий для их изменений и кодификационного совершенствования, тогда как какие-либо изменения в шариате невозможны, исходя из его канонического содержания [38, с. 224]. Эта разновидность права относилась уже к прерогативам «совести и верования мусульман», вмешательство в которые считалось недопустимым [38, с. 224]. Шариат основывался на разнообразных наставлениях морального и юридического свойства, соблюдение которых, как полагают представители исламской теологии, указывает правоверным (приверженцам религии) «правильный путь» в жизни, «угодный Аллаху». Исследователи установили их наличие в 300 стихах (аятах) Корана и 500 систематизированных

устных преданиях (хадисах) Сунны, содержащих рассказы о деяниях пророка Мухаммеда [11, с. 61].

Инициатива, направленная на укрепление обычного права и связанной с ним традиционной идеологии, отраженной в адатах, не преследовала цели вытеснить шариат, сужая лишь сферу применения его положений. Она предполагала ограничение воздействия на население северокавказского края фанатично настроенного мусульманского духовенства. Сокращение пределов применения норм шариата с 1859 г. неизбежно затрудняло его деятельность в сфере политического влияния [38, с. 224]. Кстати сказать, такие же ограничения в России распространялись и на православных священников. Ведению мусульманского духовенства были оставлены вопросы исключительно духовного свойства [4, с. 129]. В компетенцию шариатских судов входили, например, разборы дел брачных, семейных, наследования и другие тяжбы, возникавшие в туземных обществах [38, с. 224]. Иными словами, именно все те правовые прерогативы, от которых зависело их самобытное существование.

В действительности народные обычаи (адаты) оказались не меньшим препятствием при утверждении российских государственных порядков на Северном Кавказе, так как находились в таком же резком противоречии с существовавшим законодательством и правовыми нормами империи (см.: [30, л. 7]; [31, л. 31]). Недостатками их являлись, как установлено специальными исследованиями А. М. Ладыженского, дробность, неопределенность и консервативность, создававшая препятствия «введению новых начал» [21, с. 29–30]. Вследствие этого уже на рубеже XX в. возникла настоятельная потребность упразднить «мнимую юстицию» в виде горских народных судов и укрепить роль в управлении «иностранческим населением» русской администрации через поддержку правовых норм шариата и шариатских судов (см.: [30, л. 7] [31, л. 31]).

Имея канонические свойства, эти нормы, казалось бы, исключали какое-либо сочетание с адатами в применении на практике. Несовместимость проявлялась и в сфере семейных отношений, полностью предоставленной компетенции местных органов власти [2, с. 16], использовавших, как правило, традиционные способы разрешения возникавших проблем. С 1905 г. «архаическое народное право» постепенно вытесняется из системы управления, а официальную поддержку получает принцип «шариат против адата» (см.: [30, л. 7] [31, л. 31]). Мусульманство признается вновь более предпочтительным и быстро укрепляет свои позиции. Однако, несмотря на это, практика совмещенного применения в

управлении обычаев (адатов) и норм религиозного характера (шариата) продолжала сохраняться [8]. Она получила даже свое отличительное наименование – «соглашение» (маслагат) [21, с. 37], что является показателем широкой распространенности.

Такие же дифференцированные подходы, учитывавшие специфику местных условий, применялись при организации управления и на других окраинах. Двойственная правительственная власть являлась и элементом защиты этнической самобытности. Традиционные приверженности, обычаи и устои «туземных» укладов сохранялись. Окончательная стабилизация достигалась при помощи не подавления, а долговременного компромисса. По его условиям то, что досталось от прошлого, не нарушалось.

Использованная литература:

1. Агишев Н. М., Бушен В. А. Материалы по обозрению горских народных судов Кавказского края. СПб.: Сенатская тип., 1912.
2. Арутюнов С. А. «Закрытое общество» – альтернатива мегаполисному потребительству? // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. М.; Тбилиси: Международный научно-исследовательский ин-т народов Кавказа, 2003.
3. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. А. Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М., 2009.
4. Гальцев В. С. Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860–1870 гг. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. из-во, 1956. Т. 18. С. 127–150.
5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299.
6. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2.
7. Гусейханов Г. А. Достоинства и недостатки реформированной системы судоустройства и судопроизводства в Дагестанской области (конец XIX – начало XX в.) // Историк и история. Нелегкий путь к истине: сб. науч. ст. М.: Собрание, 2010.
8. Дагестанские ведомости. 1913. 7 янв.
9. Дегоев В. В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Кавказский сборник. М.: Русская панорама, 2004. Т. 1(33). С. 28–47.
10. Дневник полковника Руновского, составленного приставом при Шамиле во время пребывания его в городе Калуге с 1859 по 1862 год // Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1873. Т. 5. С. 1465.

11. Добаев И. П. Исламский радикализм: социально-философский анализ. Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2002. (Южнороссийское обозрение. Вып. 7)
12. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. Т. 1: Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. 1: Кавказ
13. Евангулов Г. Г. Местная реформа на Кавказе. СПб.: Тип. товарищества А. С. Суворина, 1914.
14. Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем, от присоединения Грузии до Наместничества Великого князя Михаила Николаевича. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901.
15. Исламский толковый словарь / сост. Г. М. Гогиберидзе. Ростов н/Д: Феникс, 2009.
16. Исмаилов М. А. Проблемы обычного права народов Дагестана // Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений. Самара: Кредо, 2001.
17. Казанбиев М. А. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1970.
18. Калмыков Ж. А. Административно-судебные преобразования в Кабарде и горских (балкарских) обществах в годы русско-кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность: материалы науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 5–16.
19. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении: в 2-х т. М.: Тип. В. Гатцук, 1886. Т. 2.
20. Ковалевский П. И. Кавказ: в 2-х т. СПб.: Тип. М. А. Акинфиева, 1914–1915.
21. Ладыженский А. М. Адаты горцев Северного Кавказа / подгот. текста и коммент. И. Л. Бабич. Ростов н/Д., 2003. (Южнороссийское обозрение. Вып. 18).
22. Леонтович Ф. И. Адаты Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1882. Вып. 1.
23. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Вып. 1–2.
24. Миллер Б. В. Из области обычного права карачаевцев // Этнографическое обозрение. 1902. № 1. С. 1–40.
25. Мисроков З. Х. Адат и шариат в российской правовой системе: исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002.

26. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14.
27. Нефляшева Н. А. Кавказский наместник А. И. Барятинский об исламе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 2. С. 51–54.
28. Омельченко О. А. Римское право: учеб. М.: Эксмо, 2007.
29. Потто В. А. Кавказская война: в 5-ти т. Ставрополь: Кавказский край, 1994.
30. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4171.
31. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1744.
32. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147.
33. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 518.
34. Российский государственный исторический архив. Ф. 381. Оп. 47. Д. 42.
35. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1.
36. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 776.
37. Россия: энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб. 1898. Репр. изд. Л., 1991.
38. Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М.: АН СССР, 1963.
39. Сотников А. А. Введение системы военно-народного управления на Северном Кавказе в XIX в. // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 150–152.
40. Туманов Г. М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. СПб., 1901.
41. Умаханов М.-С. К., Алиев Б. Г. Некоторые вопросы освещения борьбы горцев под руководством Шамиля: подходы и итоги изучения, перспективы // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы: тез. докл. межд. науч. конф. Махачкала, 1998. С. 83–85.
42. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003.
43. Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-Походная тип. Главного Штаба Кавказской Армии, 1860.
44. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2. Оп. 2. Д. 59 «Р».
45. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 134.
46. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия. Ф. 229. Оп. 1. Д. 4.

47. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия. Ф. 416. Оп. 1. Д. 70.

48. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2960.

49. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006.

50. Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом: в 2-х т. Тифлис: Тип «Гуттенберг», 1907.

51. Эсадзе С. С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. СПб.: Тип. Канцелярии наместника Его Императорского Величества на Кавказе, 1913.

52. Эсадзе С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп: Меоты, 1993.

53. Эшба Е. А. Асланбек Шерипов. Грозный, 1927.

TRADITIONALISM IN THE EPOCH-MAKING CONTEXT OF CAUCASIAN WAR AND PROCEEDING INTEGRATION-ORIENTED TRANSFORMATIONS: RUSSIAN EXPERIENCE OF COMMON LAW RECEPTION

MATVEEV Vladimir A., Dr. Sci. (National History),
Assoc. Prof., Department of National History,
Southern Federal University Rostov-on-Don, Russia
E-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

The article examines Russian experience of common law reception, its ideological function during the Caucasian war and integrational changes after its end.

Keywords: *traditionalism, common law, Islam, Muslim religion, Caucasian war, integration.*

Д. М. Тайсаев**

ИСТОРИОГРАФИЯ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ. ОШИБКИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ И ПЕРЕГИБЫ КОНСТРУКТИВИЗМА

В статье рассматривается проблема субъективного подхода при понимании различных исторических событий, когда понимание приходит через призму этничности на примере Кавказской войны.

Ключевые слова: *интенциональность, Кавказская война, мухаджирство, конструктивизм, геноцид.*

* ТАЙСАЕВ Джабраил Мубарикович, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Северо-Кавказского государственного института искусств, г. Нальчик, Россия Электронная почта: taisauti@yandex.ru.

Кавказская война безусловно оставила глубокую незаживающую рану в сознании многих народов Кавказа. И тут есть два прямо противоположных подхода. Одни предлагают не ворошить прошлое и не увеличивать проблем в межэтнических отношениях, вспоминая горькие вехи былого противостояния. Другие напротив, считают, что прошлое это наша, пусть и горькая память и нужно сделать всё, что бы это не повторилось. В действительности правы и те и другие и между этими, казалось бы, непримиримыми подходами можно найти консенсус и память сохранить и не превращать горькие уроки истории в инструмент для раздувания розни внутри единой семьи российских народов.

Сторонники и того и другого подходов подчас, сами того не осознавая, несколько проецируют понимание проблемы через призму собственной этничности, душевной боли, эмоциональности и практических интересов – *quod volumus, facile credimus* – «что совпадает с нашими желаниями, тому легко верить» (Ф. Бэкон). Поэтому важно именно в таких, весьма болезненных темах, подходить к пониманию непредвзято. Именно по этой причине предметом рассмотрения данной статьи являются мифы о Кавказской войне, которые являются часто не столько результатом банальных ошибок, сколько следствием конструктивистского мифотворчества. Может быть такой конструктивизм и был полезен в прошлые исторические эпохи, но ныне, когда, важнейшей задачей является укрепление российской идентичности, все подобные мифы только скорее могут способствовать дезинтеграции. Итак, рассмотрим подобные мифы.

1. Русско-Кавказская война, почему нельзя её так называть. Не воевали в Кавказской войне русские с народами Кавказа и потому такая трактовка этой войны крайне некорректная. На стороне Российской империи были не только русские, кроме многих прочих народов, были и коренные народы Кавказа, причём число воевавших на стороне России, либо сохраняющих нейтралитет было не меньше. На стороне России воевали и многие черкесы в том числе.

2. Можно ли называть трагедию адыгов и других участников Кавказской войны со стороны народов Кавказа геноцидом? Согласно «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», геноцидом являются «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, половую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую» [1].

В Кавказской войне имели место зачистки и даже принудительное выселение части народов Кавказа (мухаджирство), но ничего подпадающего под вышеуказанные пункты не было. Да и принудительным выселение было лишь относительно, поскольку выбор всё же был, но об этом ниже. Отдельные локальные трагические моменты, когда уничтожались целые аулы, нельзя считать геноцидом, но в разряд военных преступлений, по современным правовым нормам это могло бы попасть. Впрочем, подобные военные преступления совершались и адыгами в правобережной Кубани, то есть за пределами собственных территорий.

В той же Кабарде от чумы, за период Кавказской войны, погибло гораздо больше людей. Чума, малярия и смерть от голода, холода и лишений, так или иначе связанных с войной, стубила гораздо больше жизней, чем непосредственно в военных столкновениях. Возможно, их тоже можно считать жертвами войны, но это точно не подпадает под определение геноцида, поскольку ключевым словом в понятии «геноцид» является именно «целенаправленное» истребление, причем именно когда истребление народа является самоцелью и не связано с военными действиями. С другой стороны, нельзя отрицать тот факт, что численность адыгов снизилась с 1 миллиона до 80 000 человек и хоть и не прямо, но косвенно, большая часть потерь населения произошла именно из за Кавказской войны. И замалчивать это, скромно опустив взгляд, дескать «сами виноваты» тоже не правильно.

3. Памятники таким неоднозначным «героям» Кавказской войны, как Г. Х. Засс, А. П. Ермолов, Архип Осипов и др. на территории Северного Кавказа способствуют укреплению патриотических чувств. Указанные герои весьма неоднозначны и то, что для одних героизм, для других трагедия. И вряд ли будет плодотворна установка таких памятников в национальных ре-

спубликах Северного Кавказа. Ну разве что в порядке культурного обмена, если например в Армавире или Краснодаре начнут заодно устанавливать памятники Иمامу Шамилю или Казбеку Дугужуко.

4. Так ли уж насильственна была насильственная депортация? Правда о мухаджирстве. Мухаджирство привело к гибели огромного числа невинных людей и эту трагедию нельзя забывать и замалчивать. Но это выселение не было единственно возможным выбором. Выселяемым народам был дан и другой выбор, а именно переселиться на равнины и далеко не все предлагаемые территории были малярийными, как любят писать некоторые адыгские историки. Одной из причин, по которой адыгская знать часто принуждала своих поданных мигрировать в Турцию, было желание сохранить собственных невольников.

5. Война и мораль. О жестокостях войны. *À la guerre comme à la guerre* (На войне как на войне – франц.). Трудно ожидать от войны благородства и гуманности. Любая война жестока и мораль мирного времени сильно смещается в сторону более жесткой критериальной оценки жестокости, а мы невольно переносим нормы морали мирного времени на ужасы войны. Естественно есть незыблемые этические нормы, есть нормы международного права, которые никто не вправе нарушать, даже в условиях военного времени. Но экстраполяция норм морали настоящего, на события прошлого, это другая ошибка и весьма распространённая. А нормы морали, в процессе прогрессивного развития общества, становятся всё жестче, особенно с середины XX века, с началом развития информационного общества. Именно по этой причине нам кажутся чудовищными отдельные факты о войнах прошлого, но тогда они таковыми не казались, точнее градус возмущения жестокостям был несколько иной. А. П. Назаретян подобное явление называет «эффектом ретроспективной аберрации» [3].

6. Начало Кавказской войны было вызвано необходимостью борьбы с набеговой системой. Справедливых войн на чужой территории не бывает, бывают лишь войны, которые можно считать необходимым, вынужденным злом. Но любая культура, как правило, всегда находит «благородные» причины для начала войны, в этом состоит суть конструктивизма. Основная причина была вполне прозрачная, а именно расширение территории Российской империи, сфер её влияния и заполнение промежутка между закавказскими анклавами и тогдашней терри-

торией России. А набеговая система черкесов была не причиной войны, а лишь поводом, поскольку набеговая система являлась лишь следствием фактического начала войны, а именно захвата Пятигорья и постройкой Моздокской крепости. Впрочем, набеги черкесы практиковали и раньше, но происходило это скорее эпизодически и свои же князья за это строго наказывали, поскольку не хотели портить отношения с Россией. Доблестью это стало считаться именно в связи с появлением образа врага в лице России. Вот как описывает эту трансформацию в начале и в конце своей поэмы Исмаил-Бей Михаил Юрьевич Лермонтов:

И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро – добро, и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь [2, с. 193].

* * *

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчится,
Где за Машуком день встает,
А за крутым Бешту садится
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной;
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный;
Черкес счастлив и волен был.
Красою чудной за горами
Известны были девы их,
И старцы с белыми власами
Судили распри молодых,
Весельем песни их дышали!
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали! [2, с. 194].

7. Кавказская война представляла собой столкновение православия с исламом. Это в корне неверно. Представители, как ислама, так и православия воевали на обеих сторонах. Да и значительная часть кавказских мусульман, мусульманами были лишь номинально и воевали, конечно же, не за веру, а за свою землю и свои интересы. К тому же, многие методы ведения войны, как например отрубание голов, совсем не вязались не с православием, ни с исламом.

8. Полностью снимать вину с Российской империи за последствия Кавказской войны так же не правильно, как навешивать на нее ярлык империи зла. Но есть и другая крайность, которая часто звучит из уст этноцентристского меньшинства в России, в том числе и среди представителей терско-кубанского казачества. Якобы эта война была вынужденной мерой и Россия лишь сделала то, что должна была сделать. Справедливых войн на чужой территории не бывает, но бывают такие войны, которые явились результатом закономерных геополитических процессов и тут нет смысла ни полностью оправдывать завоевательные войны, ни окрашивать в морально-этические тона детерминистские исторические процессы, которые идут не по законам человечности, а по законам естественной экспансии пассионарных народов.

9. А стоит ли ворошить прошлое? Казалось бы, в наше время, когда мы живём в едином государстве, зачем вспоминать все эти горькие моменты истории, зачем теревить прошлое, зачем сталкивать единое многоцветье народов России, вспоминая горькие уроки былых столкновений? Помнить надо, уже хотя бы для того, что бы такое не могло повториться вновь, тем более, что и в наше время хватает кавказофобии, русофобии и межконфессиональных противоречий. Но не стоит раздувать и преувеличивать горькие моменты истории, не стоит экстраполировать мораль на глобальные исторические процессы, на народы, государства и культуры. Мораль всегда конкретна и может соотноситься лишь к отдельным людям, отдельным поступкам и отдельным событиям. Но не стоит забывать и тот непреложный факт, выраженный в яркой фразе Джорджа Сантаяны: «Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь». В знаменитом романе Баграта Шинкубы выражена замечательная мысль: «Немало с тех пор воды утекло. Время притупляет боль, высушивает слезы, повязывает память чалмой забвения. Оно — великий утешитель. Не будь у него этого назначения, может, половина человечества сошла бы с ума. А зачем тогда

вспоминать прошлое, ворошить давнее, воскрешать тени предков, спросишь ты? Да в назидание, сынок, ради добра, чтобы предостеречь одного или многих от жестокой ошибки и горького раскаяния в будущем» [4, с. 320].

Истина всегда где то посередине. Встаёт тогда закономерный вопрос, а кому верить? Мы знаем множество случаев, когда вырываются из контекста отдельные отрывки первоисточников и тогда может рисоваться одна картина, либо прямо противоположная, в зависимости от целей автора или чаще, от его интенциональной направленности в ту, либо иную этничность. Сколько бы мы не хотели отключить полностью интенциональность (*qualia*), это полностью осуществить невозможно, в лучшем случае для представителей нейтральных в данном вопросе народов. Тому есть и другая причина, которая выше была упомянута, а именно конструктивизм и основное оружие конструктивизма – мифотворчество. У войны не детское лицо, тем более в то непростое время и всегда можно найти факты ужасов войны на любой стороне конфликта. Не ищи правды о войне в баррикадах, она может быть только вне баррикад. Наверное, в чем то и правильно, что мы имеем разные точки зрения, разные подходы, но только при условии, если разные стороны готовы слушать друг друга, а не голословно обвинять во всех смертных грехах.

Остаётся только заключить, что прошедшее надо помнить, но жить настоящим и думать о будущем.

Использованная литература:

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения 27.02.14).

2. Лермонтов М. Ю. Измаил-Бей // Полное собрание сочинений: в 5-ти т. М.; Л.: Academia, 1935–1937. Т. 3: Поэмы и повести в стихах. С. 191–257.

3. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование. М.: Мир, 2004.

4. Шинкуба Б. В. Последний из ушедших. М.: Советский писатель. 1978.

HISTORIOGRAPHY OF THE CAUCASIAN WAR. INTENTIONALITY ERRORS AND CONSTRUCTIVISM INFLECTIONS

TAISAEV Djabrail M., Cand. Sci. (Ontology and Epistemology),
Assoc. Prof., Department of Cultural Studies,
North Caucasus State Institute of Arts, Nalchik, Russia
E-mail: taisauti@yandex.ru

This paper considers the problem of the subjective approach to understanding the various historical events, when the understanding comes through the prism of ethnicity on the example of the Caucasian War.

Keywords: intentionality, the Caucasian war, Muhajirun, constructivism, genocide.

С. В. Богатырева*

СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА VS СТЕРЕОТИПОВ

В статье исследуется влияние стереотипов на межкультурную коммуникацию. Обосновывается свобода творчества как противодействие стереотипизации национального сознания.

Ключевые слова: стереотипы, свобода творчества, личность, литература, культура.

Стереотипы в эпоху информационного общества оправданы с точки зрения психологического восприятия. Они эффективны при формировании языковой картины мира и управлении сознанием. Однако стандартизация и механизация мышления лишают личность критического анализа, упрощают процесс понимания до безоговорочного принятия общественного мнения и однозначной автоматизации. Бессознательная коллективная обработка и массовое идеологическое воздействие в период информационных войн ведут к массовым ошибкам, которые, закрепляясь в истории, мешают объективности восприятия исторических фактов. Более того, повторение семантических заблуждений имеет разрушительный, а не созидательный характер для общества. Априорное принятие чужого мнения свидетельствует о психологической детерминированности или о стереотипности мышления. У. Липпман, характеризуя стереотип, писал: «...нам говорят о мире до того, как познаем его на опыте» [2].

Исторические стереотипы в руках агрессивных пропаган-

* БОГАТЫРЕВА Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и издательского дела Кубанского социально-экономического института, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: svbogatiireva@gmail.com.

дистов опасны тем, что они, передаваясь из поколения в поколение, мешают прогрессу кросс-культурной интеграции. Именно стереотипы как фиксированный образ способствуют восприятию целого народа. Требуется воля и интеллект историков, политиков, философов, чтобы рассеять однозначность восприятия укоренившихся заблуждений.

Свобода мысли и выбора основана на духовности. Она вне материальных интересов. Н. Бердяев отмечал: «...настоящая проблема свободы есть проблема творчества... Свобода есть внутренняя творческая энергия человека». Эта свобода живет вне стереотипов. «Сложность проблемы свободы в ее социальных последствиях, в том, что средний человек масс не очень дорожит свободой... для того, чтобы человек боролся за свободу, нужно, чтобы свобода в нем уже была, чтобы внутренне он не был рабом» [1, с. 261]. Философ признавал, что свобода скорее аристократична, чем демократична, поэтому духовная культура призвана противостоять однозначности исторических стереотипов. При этом следует учитывать, что «свобода литературного творчества развивается с падением прямолинейной условности литературы, с увеличением творческих потенций писательской личности по мере возрастания личностного начала в литературе» [3, с. 64].

Когда сходные характеристики приписываются всем членам социальной общности без учета различий и в условиях слабой идентичности, вырастает значение информации. Достаточно в СМИ одной новости с отрицательным героем, чтобы его образ начал ассоциироваться со всем народом. В то же время, если новость о положительном герое, то он рассматривается как индивидуальность, а не типичный представитель своего народа. В литературе значение слова имело обратную силу: описание одного национального героя возвышало весь этнос.

Свободные от массовой коммуникации классики русской литературы XIX века видели в герое Кавказской войны неоднозначную личность, которая оправдывалась обстоятельствами и понималась через общечеловеческие ценности. Психологическое проникновение в суть другого национального характера способствовало пониманию другой культуры. Стереотипы же упаковывают примитивные оценки в оппозиции свой/чужой, хороший/плохой. Однозначность – это признак ограниченности восприятия. Он помогает управлять массовым сознанием по принципу: «тот, кто контролирует язык человека, контролирует его сознание...» [4].

Стереотипное мышление свидетельствует о несвободе индивида или общества. В условиях бурного развития массовых коммуникаций противостоять стереотипам как межкультурному барьеру возможно, опираясь на свободу творчества и многоканальную культурную интеракцию.

Использованная литература:

1. Бердяев Н. А. Судьба России. Самосознание. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.
2. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
3. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов, 2006.
4. Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, 2012.

FREEDOM OF CREATIVITY VS STEREOTYPES

BOGATYREVA Svetlana V., Cand. Sci. (Literature Peoples of the Russian Federation; Journalism),
Assoc. Prof., Department of Journalism and Publishing,
Kuban Social and Economic Institute, Krasnodar, Russia
E-mail: svbogatireva@gmail.com

The paper investigates the influence of stereotypes on the intercultural communication. The freedom of creativity is justified as opposition to stereotyping of national consciousness.

Keywords: *Stereotypes, creative freedom, personality, literature, culture.*

ЭКОИНВЕСТ

Отпечатано в типографии издательства «Экоинвест»:
350080, г. Краснодар, ул. Тюляева, 8.
Тел./факс (861) 298-01-07.

E-mail: ecoinvest@publishprint.ru
<http://publishprint.ru>

Подписано в печать 27.02.2015 г.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура SchoolBook.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 19,07 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1800.